МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

А. З. Цисык

ЛАТИНСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ, АНТИЧНОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник избранных научных трудов, опубликованных доцентом кафедры латинского языка БГМУ А. З. Цисыком за 50 лет научной и педагогической деятельности

В двух частях

Часть 2

Минск БГМУ 2025

УДК 811.124(082)
ББК 81.2Лат
Ц73

Рекомендовано Научно-методическим советом университета в качестве сборника научных трудов 17.09.2025 г., протокол № 1

Р е ц е н з е н т ы: канд. филол. наук, доц. каф. фонетики и практики английской речи Белорусского государственного университета иностранных языков Е. М. Дубровченко; канд. филол. наук, зав. каф. классической филологии Белорусского государственного университета А. В. Кириченко

Цисык, А. З.

Ц73 Латинская медицинская терминология, античность и современность : сборник избранных научных трудов, опубликованных доцентом кафедры латинского языка БГМУ А. З. Цисыком за 50 лет научной и педагогической деятельности : в 2 ч. / А. З. Цисык. – Минск : БГМУ, 2025. – Ч. 2. – 256 с.

ISBN 978-985-21-2100-2.

Представлены избранные работы по фонетике, акцентологии и орфографии латинских терминов; вопросам истории, этимологии, семантики и функционирования латинских медицинских терминов; вопросам дидактики и методики преподавания дисциплин «Латинский язык», вышедшие в период с 1975 по 2024 год.

Предназначен для студентов и преподавателей.

УДК 811.124(082)
ББК 81.2Лат

ISBN 978-985-21-2100-2 (Ч. 2)
ISBN 978-985-21-2099-9

© Цисык А. З., 2025
© УО «Белорусский государственный медицинский университет», 2025

РАЗДЕЛ III
ВОПРОСЫ ДИДАКТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИН «ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК» И «ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ ЛАТЫНЬ». ВЕКОВЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНОВАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ОСНОВ МЕДИЦИНСКОЙ ЛАТЫНИ

Преподавание основ медицинской терминологии в Российском государстве в течение XVII–XIX столетий не выделялось из общих курсов университетской латыни: в соответствии с многовековой европейской традицией и социальной потребностью врач обязан был знать не только медицинскую, но и общелитературную латынь. Еще в 30-е годы прошлого века В. В. Вересаев и Л. И. Блуменау, наряду с врачебной работой, успешно занимались переводом античной поэзии. Однако исторически обусловленный процесс сужения сферы употребления латыни в отечественной науке XX в., в том числе и медицинской, привел к переоценке роли латыни в медико-биологических науках и клинической медицине: уступив функцию устного научного общения современным языкам, латынь осталась международным языком научных номенклатур.

Сужение роли медицинской латыни до номинации терминов в медико-биологических и клинических науках привело к выделению ее в отдельную научную дисциплину со своей особой конкретной целью: дать будущим врачам основы грамотного владения латинской терминологией в трех ее основных подсистемах: анатомо-гистологической, фармацевтической и клинической. Так традиционная латынь приобрела в системе отечественного высшего медицинского образования качественно новый облик и новое содержание. Однако процесс поиска оптимальной логико-дидактической схемы преподавания этой качественно новой дисциплины растянулся на несколько десятилетий. Только к концу 80-х годов в преподавании основ медицинской латыни оформился системно-терминологический принцип обучения. Суть его в том, что учебный материал этой дисциплины делится на три самостоятельных раздела, которые соответствуют трем основным подсистемам медицинской терминологии. Впервые концептуальные основы этого принципа были сформулированы на I Всесоюзной учебно-методической конференции преподавателей латинского языка медицинских и фармацевтических институтов, проходившей 14–16 декабря 1983 г. в Ереване [1].

Латинисты Белорусского государственного медицинского университета одними из первых среди вузов СССР начали целенаправленную работу по реализации решений Ереванской конференции. В соответствии с новой логико-дидактической структурой курса менялись рабочие программы и календарно-тематические планы, готовились методические указания и учебные пособия. Эта работа нашла отражение и в первой отечественной

общебелорусской Типовой программе дисциплины «Латинский язык и основы медицинской терминологии» для медицинских вузов Республики Беларусь, принятой в 1997 г.

Однако перестройка логико-дидактической структуры курса латинского языка могла считаться завершенной только в том случае, если весь новый учебно-методический комплекс, разработанный на кафедре для преподавания материала, был бы подкреплен соответствующей учебной литературой. Для этого на основе апробированных в учебном процессе в течение нескольких лет методических указаний для преподавателей и студентов уже используется в учебном процессе учебник для стоматологов [2], сдано в издательство пособие для иностранных учащихся, завершена работа над пособием для студентов лечебного, военно-медицинского, педиатрического и медико-профилактического факультетов.

Переход на системно-терминологический принцип обучения радикальным образом изменил и дидактические приоритеты в преподавании медицинской латыни. Если раньше основным фактором, объединявшем материал курса, была грамматическая последовательность тем, сложившаяся в течение многовековой традиции, то в новой логико-дидактической схеме дисциплины в центре всего процесса обучения находится термин, а система грамматических сведений играет подчиненную, вспомогательную роль.

Выделение терминологической доминанты в целях, задачах и содержании курса латинского языка явилось существенным стимулом к его интеграции с медико-биологическими и клиническими дисциплинами. В результате совместной работы издан целый ряд словарей профильной медицинской терминологии на русском, белорусском, латинском и английском языках. Такая работа — это своеобразная пролонгация курса латинского языка, направленного на формирование знаний и умений в области профильной латинской терминологии. С другой стороны, активная интеграционная и научно-исследовательская работа в области терминологии позволила преподавателям кафедры латинского языка сделать новые теоретические обобщения и выводы, которые были учтены при коррекции УМК дисциплины. К инновациям такого рода, не имеющим пока аналогов в УМК других вузов Республики Беларусь и стран СНГ, следует отнести введение в содержание дисциплины материала об акцентологических исключениях во всех разделах терминологии, о синонимии существительных и прилагательных в Международной анатомической номенклатуре, а также практикум по оформлению диагнозов. В настоящее время готовится апробация клинического раздела курса, построенного по качественно новому, системно-тематическому принципу. Если во всей предыдущей учебной литературе терминоэлементы, составляющие названия клинических понятий, вводились по грамматическому принципу, в основе которого лежит деление по склонениям, то, согласно нашей новой дидактико-методической схеме, в клиническом разделе программы терминоэлементы делятся по семантико-

тематическим группам: 1) названия медико-биологических и клинических наук и специалистов, названия методов обследования и лечения; 2) названия функциональных расстройств, патологических процессов и состояний; 3) названия качественных и количественных отклонений от нормы; 4) названия воспалительных заболеваний и патологических скоплений жидкостей; 5) названия эндогенных деформаций и деструктивных образований; 6) названия экзогенных отклонений от нормальной формы и места расположения анатомических структур; названия хирургических действий и операций. Нам представляется, что такая инновационная технология подачи материала не только повысит мотивацию учебы студентов, но и объективно окажется для них важным пропедевтическим курсом в отношении клинических дисциплин, поскольку в новом клиническом разделе впервые вводятся важнейшие клинические дефиниции и развернутые определения. Частично семантико-тематический принцип размещения и презентации учебного материала в клиническом разделе уже апробирован на стоматологическом факультете.

Инновационные технологии в преподавании курса медицинской латыни, поиск которых велся в течение последних десятилетий, затронули не только содержание курса и способ подачи учебного материала, но и формы контроля и критерии оценки знаний. Разработана оригинальная система письменных тестов, позволяющих, с учетом специфики дисциплины, получить максимально объективную картину знаний и умений учащихся на всех этапах контроля (поурочный, рубежный, итоговый, зачетный, экзаменационный). Параллельно определены во всех подробностях критерии оценки ошибок и общей оценки письменных тестов и контрольных работ. Следует отметить, что подобной системы оценок знаний пока нет ни в одном вузе страны, где существует курс медицинской или гуманитарной латыни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Проблемы* обучения медицинской терминологии : тез докл. и сообщений I Всесоюз. учеб.-метод. конф. преподавателей латин. яз. мед. и фармац. ин-тов, Ереван, 14–16 декабря 1983 г. – Ереван, 1983. – 142 с.

2. *Цисык, А. З.* Латинский язык и основы медицинской терминологии : учеб. / А. З. Цисык, Л. И. Васильева ; под ред. А. З. Цисыка. – Минск : МГМИ, 2000. – 189 с.

Впервые опубликовано: Инновационные технологии обучения и воспитания студентов в медицинском вузе : тез. докл. науч.-метод. конф. / под ред. С. Д. Денисова, Н. Н. Щетинина. – Минск : БГМУ, 2002. – С. 104–106.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД СОЗДАНИЕМ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ЛАТЫНИ ДЛЯ АНГЛОГОВОРЯЩИХ УЧАЩИХСЯ

В связи с организацией обучения англоязычных иностранных учащихся специальности «Фармация» перед кафедрой латинского языка Белорусского государственного медицинского университета была поставлена задача создания учебного пособия для преподавания дисциплины «Фармацевтическая латынь» на английском языке. Поскольку такое пособие в Республике Беларусь создавалось впервые, нам представляется целесообразным поделиться некоторыми замечаниями по итогам этой работы.

Прежде всего, отметим, что у нас не было какого-либо прототипа или аналога предполагаемого пособия, кроме его первого русскоязычного варианта, изданного в 2012 г. [2]. В Интернете также нет сведений о наличии такого пособия в странах ближнего зарубежья, тем более, что и типовые программы по дисциплине «Фармацевтическая латынь», и название самой этой дисциплины в разных странах бывшего СССР могут в значительной мере отличаться. Поэтому приходилось полагаться только на свой личный опыт работы над двумя первыми учебными пособиями на английском языке для иностранных студентов, обучающихся по специальностям «Лечебное дело» и «Стоматология» [3; 4], и на доступную нам учебную и справочную литературу в интересующей нас области. При работе были использованы лексика и многие типичные языковые обороты, которые встречаются и в двух отмеченных выше пособиях, особенно в разделах по фармацевтической терминологии. Однако непосредственно фармацевтический раздел дисциплины «Фармацевтическая латынь» составляет три четверти объема всего курса, состоящего из 95 аудиторных часов, в то время как у остальных факультетов этот раздел занимает около трети всего курса, не превышающего 72 часа, поэтому бóльшую часть лексико-терминологического и, особенно, грамматического материала пришлось разрабатывать или адаптировать впервые.

Как известно, содержание учебной программы для англоязычных учащихся фармацевтического факультета, как и для других факультетов, не должно отличаться от такой же программы для отечественных студентов. Поэтому в соответствии с учебной программой дисциплины «Фармацевтическая латынь» в материал пособия после фонетической части вводятся сначала все грамматические темы, а после них — необходимые материалы по химической и биохимической терминологии, фармацевтической ботанике и фармацевтике с элементами рецептуры. Завершается пособие разделом «Клиническая терминология». При его составлении был использован соответствующий англоязычный материал созданных раньше пособий для лечебного и стоматологического факультетов. При этом удалось сохранить и сходную структуру занятий, и основную часть их лексического и терминологического материала.

При адаптации текста русскоязычного пособия к формату англоязычного приходилось определять по каждому занятию оптимальное количество грамматического и лексико-терминологического материала, убирать сложные для восприятия языковые выражения, уменьшать количество упражнений. Учитывая практически равные программные требования к общему количеству усваиваемой лексики в группах русскоязычных и англоговорящих студентов, мы сохранили и для англоязычных групп стандартные требования к усвоению поурочного лексического минимума в объеме 35–40 единиц. Впрочем, усвоение латинской лексики для англоязычных учащихся облегчается тем, что латинская и английская фармацевтическая лексика нередко или полностью совпадают по графике, или отличаются незначительно [5, с. 141–142].

Особого внимания при переводе терминов на английский язык требовали те случаи, когда лексика, имеющая для преподавателя-латиниста привычное сходное звучание в русском и латинском языках, в английском эквиваленте оказывалась непривычной в орфографическом и орфоэпическом отношении, ср.:

Русский	Латинский	Английский
какао	Cacao	cocoa
кофеин	Coffeinum	caffeine
хинин	Chininum	quinine

Определенные трудности для составителя пособия, а также и для учащихся, как уже показала практика работы с пособием в академических группах, представляют названия лекарственных растений, у которых английские эквиваленты выступают в нескольких вариантах, ср.:

Русский	Латинский	Английский
алтей	Althaea	sweat weed, marsh-mallow
горицвет весенний	Adonis vernalis	spring Adonis, spring pheasant’s eye
фиалка трехцветная	Viola tricolor	field pansy, wild pansy, garden violet

Нередко подобного рода латинское название требует развернутого комментария. Например, латинский эквивалент названия «малина» — Rubus idaeus, что буквально обозначает «ежевика идейская». Английский эквивалент, согласно словарю лекарственных растений А. Ю. Болотиной — red (European) raspberry, букв.: «красная (европейская) малина» [1, с. 218]. Поскольку по дидактическим правилам перед фиксацией термина учащийся должен представить в письменном виде словарную форму каждой лексической единицы латинского термина, он пишет, сверяясь с латинско-русским словарем пособия: Rubus, i m — blackberry (ежевика); idaeus, a, um — belonging to mountain Ida in west-north of the Turkey (идейский, относящийся к горному массиву Ида на северо-западе Турции). В идеале иностранному учащемуся, зачастую не имеющему понятия о таких реалиях, следовало бы показать изображение и малины, и ежевики, и карту с координатами горы

Ида в Малой Азии. Однако в пособии по техническим причинам нет возможности приводить столь подробные разъяснения, и приходится ограничиться только изложением довольно лаконичного текста комментария или устным разъяснением.

Очень существенное отличие пособия по фармацевтической латыни от пособий по латыни для других специальностей медицинских учреждений высшего образования состоит в том, что программный материал для будущих фармацевтов включает перевод предложений, содержащих глаголы, которые встречаются в фармацевтической практике. Такой вид работы предполагает достаточный уровень знаний преподавателя-латиниста в области английского языка, в том числе умение переводить, комментировать и корректировать перевод, а также надлежащее понимание и языковую компетентность самого учащегося. В этом комплексе проблем немало различных методических и лингвистических аспектов, которые требуют отдельного детального изложения. Например, для надлежащего методического обеспечения перевода лексики на английский и на латынь очень важно указывать вид управления латинского и эквивалентного английского глагола (прямое или с помощью предлога), которое в этих языках часто не совпадает. Такие сведения должны быть обязательно представлены в латинско-английском и английско-латинском словарях пособия, ср.:

impōno, imposui, imposĭtum, ĕre 3 (+ Dat.) — to impose (on);

pertineo, pertinui, -, ēre 2 (ad + Acc.) — to belong (to);

prascrībo, praescripsi, praescriptum, ĕre 3 (+ Acc.) — to prescribe.

В силу ряда объективных и субъективных факторов далеко не все наши студенты из стран Азии и Африки способны показывать хорошие результаты в переводе фармацевтических терминов, а тем более целых предложений, с латыни на английский или наоборот. Учитывая уровень их языковой и общей подготовки, целесообразно каждое занятие пособия снабжать, кроме словарей, дополнением-комментарием с разъяснениями лексического, семантического или переводческого плана, которые будут оказывать значительную помощь учащимся в их работе по усвоению фармацевтической латыни на английском языке. И, несомненно, качество учебного пособия, в котором фигурируют два иностранных языка, очень выигрывает, если его текст набран шрифтом, максимально доступным для восприятия иностранного пользователя, в том числе и разноцветным, как это делается при издании учебной литературы по русскому или иностранному языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Словарь* лекарственных растений (латинский, английский, немецкий, русский): ок. 12 000 терминов / авт.-сост. А. Ю. Болотина. – М. : РУССО, 1999. – 384 с.

2. *Цисык, А. З.* Латинский язык для студентов фармацевтического факультета : учеб.-метод. пособие : в 2 ч. / А. З. Цисык, Н. А. Круглик, С. К. Ромашкевичус. – Минск : БГМУ, 2012. – Ч. 1. – 240 с.; Ч. 2. – 110 с.

3. *Цисык, А. З.* Латинский язык = The Latin Language : учеб. пособие / А. З. Цисык ; пер. на англ. яз. А. З. Цисык. – Минск : БГМУ, 2010. – 212 с.

4. *Цисык, А. З.* Латинский язык = The Latin Language : учеб.-метод. пособие / А. З. Цисык ; пер. на англ. яз. А. З. Цисык. – Минск : БГМУ, 2013. – 168 с.

5. *Цисык, А. З.* Преподавании курса латинского языка на английском в медицинском университете (некоторые итоги и перспективы) / А. З. Цисык // Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–14 мая 2016 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол. : Е. М. Дубровченко (гл. ред.), Н. А. Круглик. – Минск : МИТСО, 2016. – С. 139–142.

Впервые опубликовано: Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам : материалы X междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–20 мая 2017 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: Н. С. Кухаренко (гл. ред.), Н. А. Круглик. – Минск : МИТСО, 2017. – С. 189–193.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПО ИНТЕГРАЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА КАФЕДРАХ НОРМАЛЬНОЙ АНАТОМИИ И ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Анатомия человека является одной из важнейших базисных медико-биологических наук, которую будущие врачи осваивают в первый период своего обучения в медицинских вузах. Ключевая роль в ее изучении принадлежит терминологии, посредством которой студенты осваивают понятия данной науки и их терминологические эквиваленты. Исторически сложилось так, что анатомическая терминология первоначально создавалась на латинском языке, и даже когда впоследствии в Европе образование и наука перешли на национальные языки, понятия и термины в анатомии продолжали возникать и функционировать в форме анатомической латыни. Постепенно анатомы пришли к идее создания Международной анатомической номенклатуры — официального списка анатомических терминов, отражающих строение всех систем человеческого тела. Такая унифицированная система терминов объединяет анатомов всего мира и облегчает профессиональное общение. В Международной анатомической номенклатуре главенствующее место принадлежит латинскому варианту терминов, и именно на его основе разрабатываются номенклатуры на национальных языках. В настоящее время анатомы Республики Беларусь руководствуются в своей научной и преподавательской работе последним изданием Международной анатомической терминологии, текст которой на латинском, русском и английском языках вышел в 2003 г. [6]. В соответствии с многовековой традицией и требованиями к изучению дисциплины «Нормальная анатомия», студенты обязаны заучивать названия всех частей тела человека на латинском и русском языках (в англоязычных группах — на латинском и на английском).

Не секрет, что усвоение терминов на латинском языке создает определенные сложности студентам первого курса. Для снятия объективных причин таких сложностей очень важно то, что в течение первого семестра, когда на кафедре латинского языка студенты осваивают грамматические основы анатомической терминологии, курсы дисциплин «Нормальная анатомия» и «Латинский язык» проводятся синхронно. В этом плане у студентов всегда есть возможность спросить у своего преподавателя-латиниста или преподавателя-анатома совета по поводу структуры или содержания анатомических терминов. Однако очень важно, чтобы преподаватели этих двух кафедр демонстрировали единый подход к вопросам произношения и грамматического оформления латинских анатомических терминов. И в этом плане между латинистами и анатомами должна существовать тесная интеграция в преподавании терминологии; о некоторых её формах мы хотели бы поговорить в данной статье.

Начнем с акцентологических вопросов. Несмотря на то, что в течение уже многих лет кафедра латинского языка преподает студентам давно устоявшиеся нормы ударения в латинских анатомических терминах, в процессе общения — как неформального, так и во время занятий — выяснилось, что целый ряд терминов преподаватели кафедры нормальной анатомии произносят не по данным нормам. В результате обсуждения этой проблемы с заведующим кафедрой нормальной анатомии профессором С. Д. Денисовым нами был подготовлен список из тридцати таких проблемных терминов, в который вошли, в частности, термины ampulla, antitragus, cardiacus, hypothalamus, osteocyti, prostata и некоторые другие. По данным спискам среди преподавателей кафедры нормальной анатомии был проведен письменный тест на постановку ударения, и по его результатам было принято совместное решение двух кафедр об издании латинско-русского алфавитного списка всех номенклатурных терминов с указанием нормативного ударения в каждом слове. В итоге было издано в виде алфавитного латинско-русского словаря учебно-методическое пособие «Ударение в современной Международной анатомической номенклатуре» (Accentus in nominibus anatomicis temporis nostri) с указанием нормативного ударения в каждом латинском слове и со вступительной статьей о правилах постановки ударения в латинских словах, входящих в анатомическую номенклатуру [3]. В связи с выходом последнего издания Международной анатомической терминологии [7] содержание данного пособия было пересмотрено, дополнено и переиздано в 2011 г. [12]. Очень важным с точки зрения нормативной акцентологии латинского языка является закрепление в этих пособиях правильной передачи новолатинских терминов-прилагательных, образованных с помощью основ греческих существительных и суффикса -ае, соединенного с родовыми окончаниями us, a, um. Этот конечный аффикс, восходяший к греческому суффиксу -αῖ(ος), в латинских терминах упрощается с дифтонга -ае до монофтонга -е, но по правилам латинской акцентуации ударение должно па-

дать на указанный монофтонг, поскольку он сохраняет долготу дифтонга. Это прилагательные anconéus, carpéus, glutéus и другие; в последнем издании Международной анатомической терминологии — 36 таких прилагательных, которые встречаются во многих терминах). По тем же правилам акцентуации должно проставляться ударение на монофтонге -е в тех латинских существительных греческого происхождения, в которых этот монофтонг также образовался из дифтонга: perinéum, peritonéum, trachéa. Подробное обоснование этих акцентологических норм недавно было дано соавтором данной статьи в одной из публикаций [14]. Но мы вынуждены напоминать здесь об этом в связи с недавним выходом работы «Международная анатомическая терминология с элементами грамматики» [8], автор которой, к сожалению, не придерживается отмеченных нами нормативных правил латинской акцентуации и в отмеченных выше словах руководствуется обычным правилом «гласный перед гласным краток», не принимая в расчет особый порядок определения ударения в латинизированных грецизмах. Однако противоречивость такой позиции автора данной работы видна уже в том, что он предлагает ставить ударение на третий слог от конца в словах períneum и peritóneum вместо правильного perinéum, peritonéum, но оставляет правильное ударение на втором слоге от конца слова в термине trachéa, в котором предпоследний гласный «е» образовался из греческого дифтонга ει (греч. τραχει⌊α > лат. tracheia > trachēa. Встречаются в этой работе термины с неправильно поставленным ударением не только в словах греческого происхождения (antitrágus, prostáta вместо antítragus, próstata), но и в чисто латинских (cérvicis, rádices вместо cervícis, radíces). Очень хорошо то, что в данной работе рядом с номенклатурными терминами приводятся словарные формы существительных и прилагательных и указывается тип их склонения, но в этих словарных формах нужно было проставить естественную долготу и краткость гласного во втором слоге от конца слова в формах именительного и родительного падежей, что сразу подсказывало бы пользователю книги надлежащее место ударения в латинском термине. Хочется надеяться, что автор книги увидит наши замечания и во втором издании подправит ее акцентологическую составляющую.

Специалистам известно, что и в Международной анатомической терминологии, и в ее русских эквивалентах немало синонимов, как среди существительных, так и прилагательных, и это нередко затрудняет возможность правильного выбора необходимого лексического варианта. Например, понятие «отверстие» можно передать пятью латинскими эквивалентами: apertūra, forāmen, hiātus, ostium, porus; понятие «локтевой» — прилагательными anconēus, cubitālis, ulnāris. Для специалиста-анатома выбор необходимого лексического варианта определяется, прежде всего, локализацией данной анатомической структуры. Например, apertūra как эквивалент понятия «отверстие» употребляется только в двух структурах: apertūra nasālis posterior (заднее носовое отверстие) и apertūra interna canalícŭli vestíbŭli (внут-

реннее отверстие канальца преддверия). К тому же существует еще и термин «отверстие улитки», передающийся латинизированным грецизмом helicotrēma. Понятие «локтевой» передается на латинском как anconēus в составе только одной структуры: Muscŭlus anconēus (локтевая мышца). В то же время латинским эквивалентом термина «локтевой отросток» является существительное olecrănon, а латинским эквивалентом термина «локтевая кость» — существительное ulna.

Приведенных примеров, на наш взгляд, достаточно, чтобы убедиться в том, насколько не проста проблема дифференциации латинских существительных и прилагательных при подборе латинских эквивалентов для перевода синонимичных понятий на русском языке даже для преподавателей, не говоря уже о студентах. В учебниках латинского языка — при всей вынужденной ограниченности материала анатомического раздела программы — их авторы в словарях стараются показать сочетаемость синонимичной лексики в определенных структурах. Например, приводя в русско-латинском словаре термин «перекрест» и два его латинских эквивалента, возле каждого из них указываем сферу их употребления: 1) chiasma, ătis n (optĭcum, tendĭnum); 2) decussatio, ōnis f (lemnisci, pedunculōrum, pyramĭdum, tegmenti). Подобным образом дифференцируется сфера употребления и прилагательных: для слова «круглый» приводятся два латинских эквивалента: 1) rotundus, a, um (c foramen) и 2) teres, ĕtis (ligamentum, musculus) [13, с. 157–159]. Однако таких справок недостаточно как для студентов, проходящих полный курс дисциплины «Нормальная анатомия», так и для преподавателей-анатомов, особенно в первые годы работы со студентами. Поэтому уже около двадцати лет назад наши две кафедры пришли к идее необходимости составления словарей, которые помогали бы дифференцировать употребление синонимичных русскоязычных существительных и прилагательных при поиске их латинских эквивалентов. С этой целью были разработаны и изданы словари-пособия «Существительные одного смыслового ряда в анатомической номенклатуре» [1] и «Русско-латинский словарь прилагательных одного смыслового ряда в современной анатомической терминологии», первое [9] и второе издания [10].

В первом словаре приведено 36 существительных по следующей схеме: приводится понятие на русском языке и его близкие по лексической форме или по значению варианты (если таковые существуют), затем (при необходимости) его (или их), затем латинские эквиваленты, их сокращенное толкование и контексты их употребления в анатомических структурах. Например, для понятия «отросток» приводятся два латинских эквивалента — processus, us m; appendix, ĭcis f; затем приводится толкование анатомического термина processus (вырост, выступающая часть анатомического образования) и appendix (дополнительное образование, связанное с основной анатомической структурой, чаще всего передается словом «привесок»), после чего приводятся термины, в составе которых выступают упомянутые суще-

ствительные. Поскольку словарь был составлен на основе предыдущего варианта Международной анатомической номенклатуры, в настоящее время заканчивается подготовка по его переизданию с дополнениями на основе последнего издания данной номенклатуры.

Во втором словаре (рассматриваем уже второе его издание, расширенное и дополненное на основе лексики последнего варианта Международной анатомической терминологии) в алфавитном порядке представлены 147 прилагательных. В статьях словаря в первой колонке приводятся в словарной форме латинские эквиваленты данного прилагательного, во второй — их употребление в составе термина, например:

Двубрюшный	
1. biventer, tra, trum	Muscŭlus biventer (nomĭna generalia) — двубрюшная мышца (общие термины) Lobŭlus biventer (lobi cerebelli posteriōris) — двубрюшная долька (задней части мозжечка)
2. biventrālis, e	Pars laterālis / medialis lobuli biventralis — латеральная / медиальная часть двубрюшной дольки
3. digastricus, a, um	Fossa digastrĭca — двубрюшная ямка Muscŭlus digastrĭcus (muscŭli suprahyoidei) — двубрюшная мышца (надподъязычные мышцы) Ramus digastrĭcus (nervi faciālis) — двубрюшная ветвь (лицевого нерва)

Отметим, что в «Латинско-русском и русско-латинском словаре наиболее употребительных анатомических терминов» Л. А. Бахрушиной, подготовленном на материале последнего варианта Международной анатомической терминологии [2], рядом со словом обозначается только общее количество употреблений и название системы, в которой оно встречается, например:

отдел	divisio, onis f — 3; syst. mus. — 2; pars aut. — 1
реберный	1) costalis, e — 12; syst. skel. — 8; syst. mus. — 1; syst. resp. — 1; cav. thor. — 1; syst. car. — 1; 2) costiformis, e — 1: syst. skel.

Данный словарь систематизирует современную латинскую и русскую анатомическую лексику, однако он носит больше академический характер и рассчитан, прежде всего, на научно-исследовательскую работу. Разработанные же нашими кафедрами словари носят более конкретный, наглядный и практический характер, приводя непосредственно термины, в которых встречается данное слово. Конечно, если слово, например прилагательное «большой» в варианте major, majus встречается более чем в 40 терминах, то в таких случаях в качестве примера достаточно привести до трех терминов, а затем указать «и еще в 39 терминах» с указанием систем, где встречаются термины с данным прилагательным. Кроме того, в словаре

Л. А. Бахрушиной не указана долгота или краткость предпоследнего гласного в латинских словах, что не дает четкой ориентации пользователю словаря на правильную постановку ударения.

Если говорить о систематизации номенклатурной анатомической лексики, то нельзя не упомянуть первого в бывшем СССР алфавитного латинско-русского и русско-латинского словаря латинской анатомической терминологии, созданного в 1976 г. кандидатом филологических наук доцентом Т. Г. Казаченок при всяческой поддержке заведующего кафедрой нормальной анатомии в те годы профессора П. И. Лобко [4]. Этот словарь получил высокую оценку анатомов и неоднократно переиздавался, последнее издание вышло в Москве в 2010 г. [5].

Как для анатомов, так и для латинистов понимание структуры латинского анатомического термина основывается на понимании значения его составных частей. И здесь важную роль играет понимание преподавателем многочисленных корневых и аффиксальных элементов греческого языка в составе существительных и прилагательных, входящих в состав термина, — по нашим подсчетам, в составе современной Международной анатомической терминологии около 40 % слов содержат те или иные греческие морфемы. Не случайно в учебниках по нормальной анатомии в последнее время приводятся греческие этимоны в толкованиях терминов [9]. В связи с этим следует вспомнить прекрасный «Словарь анатомических терминов» П. И. Карузина [6], изданный еще в 1928 г., в котором дается толкование греческих этимонов латинских анатомических терминов, и который был настольной книгой многих поколений отечественных анатомов. Однако этот словарь уже давно стал библиографической редкостью, и большинство современных преподавателей-анатомов (впрочем, и латинистов тоже) никогда не держали его в руках. Поэтому, учитывая актуальность справочного издания подобного рода, кафедры нормальной анатомии и латинского языка подготовили к изданию терминологический словарь «Элементы греческой лексики в составе современной Международной анатомической терминологии [15]. В нем каждая словарная статья содержит: 1) греческий лексический или аффиксальный элемент с указанием его этимологии; 2) значение данного элемента в анатомических терминах; 3) латинские термины с обозначением места нормативного ударения+, включающие данный элемент; 4) русские эквиваленты латинских терминов, например:

Греческий аффиксальный или лексический элемент	**Значение элемента в анатомической терминологии**	**Латинские термины, включающие данный элемент**	**Русские эквиваленты терминов**
apo — прист. со знач. отделение, удаление	удаление, отделение	apóphysis, is f	апофиз, костный отросток, выступающая часть кости

Греческий аффиксальный или лексический элемент	Значение элемента в анатомической терминологии	Латинские термины, включающие данный элемент	Русские эквиваленты терминов
		aponeurósis, is f aponeuróticus, a, um	апоневроз, сухожильное растяжение сухожильный (шлем)
arachné (паук, паутина)	паутинная оболочка мозга	arachnoídeus, a, um subarachnoídeus, a, um	паутинный (оболочка, трабекулы) подпаутинный (пространство, цистерны)

Более подробно о содержании и структуре этого словаря (пока что первого и единственного издания с подобной тематикой после указанного выше словаря П. И. Карузина) можно прочитать в статье авторов данного словаря «Из опыта работы над словарем греческих лексических элементов в современной Международной анатомической терминологии» [16].

Мы отметили наиболее важные, на наш взгляд, направления интеграционной работы наших двух кафедр в преподавании латинской профессиональной терминологии и в создании теоретической базы для такой работы. Имеются, несомненно, и другие ее направления, которые могут быть реализованы в будущем. В частности, большое поле для такой работы предполагает преподавание материалов курсов нормальной анатомии и латинского языка на английском: здесь можно, например, проводить совместную работу над созданием толковых, этимологических и другого рода словарей, облегчающих понимание и усвоение структуры и содержания латинских терминов англоязычными студентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Существительные* одного смыслового ряда в анатомической номенклатуре : толковый слов. / авт.-сост.: А. Г. Авксентьева, О. Л. Жарикова. – Минск : МГМИ. – 33 с.

2. *Латинско*-русский и русско-латинский словарь наиболее употребительных анатомических терминов : учеб. пособие / авт.-сост. Л. А. Бахрушина ; под. ред. В. Ф. Новодрановой. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2007. – 279 с.

3. *Денисов, С. Д.* Ударение в современной Международной анатомической номенклатуре : учеб-метод. пособие / С. Д. Денисов, А. З. Цисык, С. К. Ромашкевичус. – Минск : БГМУ, 2003. – 150 с.

4. *Казаченок, Т. Г.* Анатомический словарь: латинско-русский, русско-латинский: ок. 8000 сл. и словосочетаний / Т. Г. Казаченок. – Минск : Вышэйшая школа, 1976. – 400 с.

5. *Казачёнок, Т. Г.* Анатомический словарь: латинско-русский, русско-латинский / Т. Г. Казачёнок ; под ред. С. В. Савельева. – М. : ВЕДИ, 2010. – 728 с.

6. *Карузин, П. И.* Словарь анатомических терминов / П. И. Карузин. – М.; Л. : Гос. изд-во, 1928. – 293 с.

7. *Международная* анатомическая терминология (с официальным списком русских эквивалентов) = Terminologia Anatomica / под ред. Л. Л. Колесникова. – М. : Медицина, 2003. – 424 с.

8. *Международная* анатомическая терминология с грамматикой латинских терминов / под ред. Г. В. Петровой. – М. : Абрис, 2019. – 336 с.

9. *Привес, М. Г.* Анатомия человека / М. Г. Привес, Н. К. Лысенков, В. И. Бушкович. – 12-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Издат. дом СПбМАПО, 2006. – 720 с.

10. *Руденок, В. В.* Русско-латинский словарь прилагательных одного смыслового ряда в современной анатомической терминологии : учеб. пособие / В. В. Руденок, А. З. Цисык. – Минск : МГМИ, 1996. – 20 с.

11. *Руденок, В. В.* Русско-латинский словарь прилагательных одного смыслового ряда в современной анатомической терминологии : учеб.-метод. пособие / В. В. Руденок, А. З. Цисык. – 2-е изд., доп. – Минск : БГМУ, 2011. – 48 с.

12. *Ударение* в современной Международной анатомической номенклатуре : учеб.-метод. пособие / С. Д. Денисов, А. З. Цисык, Н. А. Круглик, С. К. Ромашкевичус. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : БГМУ, 2011. – 244 с.

13. *Цисык, А. З.* Латинский язык = Lingua Latina : учеб. / А. З. Цисык. – Минск : Новое знание, 2017. – 456 с.

14. *Цисык, А. З.* К вопросу об ударении в латинских медицинских терминах, созданных на основе греческой лексики и её словообразовательных элементов / А. З. Цисык // Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи : зб. ст. III Міжнар. наук.-практ. конф., 31 трав. – 01 черв. 2018 р., м. Полтава. – Полтава : Астрая, 2018. – С. 368–374.

15. *Цисык, А. З.* Элементы греческой лексики в составе современной Международной анатомической терминологии : термин. слов. / А. З. Цисык, Г. Е. Конопелько. – Минск : БГМУ, 2018. – 80 с.

16. *Цисык, А. З.* Из опыта работы над словарем греческих лексических элементов в современной Международной анатомической терминологии / А. З. Цисык, Г. Е. Конопелько // Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи : зб. ст. III Міжнар. наук.-практ. конф., 31 трав. – 01 черв. 2018 р., м. Полтава. – Полтава : Астрая, 2018. – С. 380–387.

Впервые опубликовано: Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи : зб. ст. IV Міжнар. наук.-практ. конф., 7–8 листоп. 2019 р., м. Полтава. – Полтава : Астрая, 2019. – С. 338–345.

КАФЕДРА ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА БГМУ КАК НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НОРМАТИВНОЙ ЛАТИНСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ И ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Кафедра латинского языка БГМУ была создана в 1990 г. на базе курса латинского языка при кафедре иностранных языков. К этому времени в методике отечественной высшей школы уже окончательно сформировалось убеждение в том, что цели и задачи преподавания дисциплины «Латинский язык» в медицинских и фармацевтических вузах существенно отличаются от целей и задач преподавания дисциплины «Иностранный язык» в вузах данного профиля. Теоретические обоснования этих воззрений были закреплены в материалах Центральной методической комиссии по латинскому языку и медицинской терминологии, которая являлась научно-методическим

центром организации преподавания дисциплины «Латинский язык и медицинская терминология» в республиках бывшего Советского Союза. Поэтому для латинистов каждого медицинского вуза 90-х годов вполне логичным представлялся путь создания автономной административной структуры, в рамках которой можно было бы решать все необходимые вопросы организации преподавания своей дисциплины, то есть кафедры латинского языка. Однако далеко не в каждом вузе существовали объективные предпосылки для организации такой кафедры, и прежде всего, в отношении количественного и качественного состава преподавателей-латинистов.

По счастливому стечению обстоятельств такие предпосылки к началу 90-х годов прошлого века сложились на курсе латинского языка при кафедре иностранных языком БГМУ (тогда ещё МГМИ). К этому времени преподаватели курса уже издали целый ряд учебно-методических пособий по латинской анатомической, химической, фармацевтической и клинической терминологии, разработали научно-методическую концепцию профилизации преподавания курса латинского языка для стоматологов и на её основе опубликовали учебное пособие, активно участвовали в работе союзной Центральной методической комиссии по латинскому языку и медицинской терминологии. В частности, латинисты МГМИ активно внедряли в учебный процесс разработанную данной комиссией новаторскую логико-дидактическую структуру всего курса латинского языка, согласно которой приоритет в преподавании получала не грамматика, для объяснения и усвоения которой только привлекалась медицинская лексика, а медицинская терминология в трех своих важнейших подсистемах — анатомической, фармацевтической и клинической. Именно по всем этим объективно-деловым показателям два латиниста курса (Л. И. Васильева и Л. М. Окатова) были включены председателем этой комиссии профессором М. Н. Чернявским в авторский состав общесоюзного учебника по латинскому языку и основам медицинской терминологии, который был издан в Минске в 1989 г.

Высокий научно-методический уровень латинистов курса, в том числе наличие кандидатов филологических наук, поддержка Центральной методической комиссии по латинскому языку и медицинской терминологии — все это послужило объективной основой для выделения в 1990 г. курса латинского языка МГМИ в самостоятельную кафедру латинского языка и медицинской терминологии. Образование кафедры исторически совпало с важнейшим историческим событием того времени — прекращением существования СССР и образованием стран СНГ, в том числе и суверенной Республики Беларусь, в которой представителям всех дисциплин, преподаваемых в вузах, предстояло организовывать национальную автономную систему методического обеспечения учебного процесса, включая разработку типовых программ дисциплины, учебной и справочной литературы. Коллектив кафедры латинского языка нашего вуза к этому времени обладал не только всеми необходимыми условиями для развертывания такой работы — высо-

коквалифицированными кадрами, большим опытом преподавательской работы, многочисленными публикациями по теории и методике преподавания медицинской латыни, словарями и практикумами по профильной медицинской терминологии, созданными совместно с медико-биологическими и клиническими кафедрами на русском, белорусском и английском языках. Но не менее важной предпосылкой для формирования новой кафедры было наличие теоретически обоснованной и апробированной на практике дидактико-методической концепцией преподавания дисциплины «Латинский язык», созданной на основе упомянутого выше системно-терминологического метода. В соответствии с этой концепцией, при ведущем участии уже созданной нашей кафедры в 1997 г., была создана первая отечественная типовая Программа по латинскому языку и основам медицинской терминологии для всех специальностей высших медицинских учреждений Республики Беларусь, которая стала основой для последующих национальных типовых программ и для издания отечественной учебной литературы. В дальнейшем кафедра возглавила процесс творческой переработки и создания обновленных вариантов типовых программ для ведущих медицинских специальностей высших учреждений образования Республики Беларусь — «Лечебное дело» и его специализации «Военно-медицинское дело», «Педиатрия», «Медико-профилактическое дело», «Стоматология». На кафедре также были разработаны типовые программы дисциплины «Латинский язык и медицинская терминология» для всех специальностей учреждений, реализующих образовательную программу среднего медицинского специального образования. Преподаватели нашей кафедры стали авторами первых отечественных учебников с грифом Министерства образования Республики Беларусь для высших медицинских учреждений: «Латинский язык для стоматологов» (А. З. Цисык и Л. И. Васильева, 2000), «Латинский язык» для студентов лечебного и педиатрического факультетов (А. З. Цисык, 2005), «Латинский язык» для иностранных студентов медицинских высших учебных заведений (Л. С. Капитула, 2010), и для медицинских учреждений среднего специального образования (А. З. Цисык, Е. С. Швайко. Латинский язык с основами медицинской терминологии, 2003).

К открытию в БГМУ фармацевтического факультета в 2011 г. кафедрой было разработано учебно-методическое пособие по фармацевтической латыни, в котором была использована оригинальная концепция ввода и презентации грамматического и терминологического материала (А. З. Цисык, Н. А. Круглик, С. К. Ромашкевичус). После положительной апробации в учебном процессе эта концепция была использована при составлении Типовых программ по дисциплине «Фармацевтическая латынь» для медицинских вузов и колледжей Республики Беларусь.

Особо следует подчеркнуть, что при подготовке к печати учебной и учебно-справочной литературы ее авторы всегда учитывают последние варианты анатомической и гистологической номенклатур. Не включают

в материал занятий названия фармацевтических препаратов, снятых с производства, и в то же время вводят новые фармацевтические и клинические термины, которые часто встречаются в современной медицинской учебной и справочной литературе.

В связи с организацией обучения иностранных учащихся на английском языке в 2010–2016 гг. А. З. Цисыком были подготовлены к печати оригинальные учебные пособия для англоязычных студентов лечебного, стоматологического и фармацевтического факультетов. Соответственно для этих, как и для русскоязычных студентов, разработаны электронные учебно-методические комплексы, позволяющие широко использовать в электронном виде все учебно-методические и справочные материалы по дисциплине «Латинский язык» для той или иной специальности. Преподаватели кафедры, ведущие занятия на английском языке, постоянно совершенствуют свою лингвистическую и методическую подготовку на специальных курсах повышения квалификации. 45 % штатного состава кафедры — кандидаты филологических и педагогических наук.

Таким образом, кафедра латинского языка успешно обеспечивает своими педагогическими кадрами и учебно-методическими материалами все направления учебного процесса, как на русском, так и на английском языке.

За 28 лет работы кафедры ее преподаватели опубликовали 8 учебников, 6 учебных пособий и 6 учебно-методических пособий с грифом Министерства образования и Учебно-методического объединения по высшему медицинскому и фармацевтическому образованию Республики Беларусь, 18 учебно-методических пособий. Вся эта издательская работа основывается, прежде всего, на большом количестве научно-исследовательских материалов, которые преподаватели кафедры наработали в области фонетики, акцентологии, грамматики, терминообразования, семантики, этимологии и истории терминов, методики преподавания медицинской терминологии и которые отражены в тезисах и статьях, опубликованных в республике Беларусь, России и Украине — всего в количестве 149 статей и 126 тезисов докладов выступлений на научных конференциях. Кроме того, очень поспособствовала расширению терминологического кругозора латинистов работа с медико-биологическими и клиническими кафедрами по составлению профильных терминологических словарей, практикумов, перечней диагнозов и другой учебно-справочной литературы: в активе кафедры около 20 названий подобного рода изданий. В свою очередь, латинисты немало сделали для корректирования произношения латинских терминов и их надлежащего употребления при совместной работе со специалистами профильных кафедр.

Кафедра традиционно поддерживает профессиональные контакты с латинистами Российской Федерации и Украины: обменивается учебно-методической литературой, участвует в научно-методических совещаниях по вопросам преподавания медицинской латыни классических языков. В частности, с кафедрой иностранных языков с латинским языком и медицинской

терминологией Украинской стоматологической академии (г. Полтава) и нашей кафедрой заключен договор о научно-творческом сотрудничестве, совместно проведено несколько научно-практических конференций, опубликован ряд статей, подготовлен к изданию большой энциклопедический словарь латинской медицинской терминологии. В течении последних десяти лет кафедра плодотворно сотрудничает с латинистами Ульяновского государственного университета по вопросам подготовки ежегодной международной Интернет-олимпиады по латинской медицинской терминологии.

Таким образом, за годы работы кафедрой латинского языка БГМУ накоплен богатый опыт теоретической и практической работы в области латинской медицинской и фармацевтической терминологии, преподавания ее грамматических основ, ее семантики, истории и этимологии. Поэтому кафедра по праву занимает ведущее место и в составлении типовых программ по основным медицинским специальностям, и в составлении учебно-справочной литературы для обеспечения учебного процесса по нормативной документации. К сотрудникам кафедры нередко обращаются преподаватели различных структур университета и работники различных структур системы здравоохранения с различными вопросами в области не только латинской терминологии, но и латинской афористики, античной истории и культуры. Обладая большим опытом преподавания и богатой базой данных о самых разных аспектах латинской терминологии, кафедра могла бы делиться этим опытом с преподавателями-латинистами других вузов и тем более медицинских колледжей нашей страны, где на должности латинистов нередко работают специалисты по славянским или иностранным языкам. Поэтому мы считаем, что кафедра латинского языка БГМУ, единственная среди медицинских вузов Республики Беларусь, должна обрести на законодательном уровне статус центра переподготовки преподавателей-латинистов учреждений высшего и среднего звена медицинского образования нашей страны. Ибо на кафедре имеются все условия для повышения не только узкопрофессионального, но и самого широкого лингвистического, терминологического и культурно-исторического уровня таких преподавателей. И, естественно, преподаватели кафедры всегда готовы к дальнейшему творческому и обоюдовыгодному сотрудничеству с теоретическими и клиническими кафедрами нашего университета по вопросам интеграции преподавания латинской медицинской терминологии и по всем лингвистическим или историческим аспектам этих вопросов.

Впервые опубликовано: Латинские терминологические стандарты и их лексико-грамматическое обеспечение в медицинской и фармацевтической языковых подсистемах : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию каф. лат. яз. учреждения образования «Белорусский государственный медицинский университет», Минск, 27 сент. 2024 г. – Минск, 2025. – С. 6–8.

КООРДИНАЦИЯ ЛЕКСИКО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ КУРСА ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА С МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИМИ И КЛИНИЧЕСКИМИ ДИСЦИПЛИНАМИ

Курсы латинского языка в медицинских вузах Республики Беларусь, как и в вузах России и Украины, в течение последних десятилетий все больше интегрируются с профильными медико-биологическими и клиническими кафедрами в отношении своего лексико-терминологического содержания. Практика показала, что только такое профессионально ориентированное обучение позволяет добиться формирования терминологически грамотного врача, способного осознанно пользоваться международной греко-латинской терминологией. Доминирование тенденции к такой интеграции, в частности, становится заметным при сравнении учебной литературы по латинскому языку для медицинских вузов 60–70 годов прошлого века с современной литературой. В учебниках прошлого в пределах одной грамматической темы встречались термины из различных подсистем медицинской терминологии, причем лексика использовалась без особой соотнесенности с актуальным состоянием медицинской терминологии. С утверждением в методике преподавания курса медицинской латыни системно-терминологического принципа каждая из трех основных подсистем — анатомической, клинической, фармацевтической — получила в структуре данного курса свою структурную и лексико-понятийную упорядоченность в форме отдельного дидактического блока [6]. В связи с этим появились и возможность, и необходимость поставить вопрос о лексической и понятийной интеграции с профильными медико-биологическими и клиническими дисциплинами. Первейшим условием такой интеграции должно быть лексико-терминологическое соответствие материала каждого учебного блока профильной медицинской терминологии. Для этого латинистам пришлось более основательно ознакомиться с терминологией основных профильных дисциплин и попытаться вникнуть в ее лексические и семантические особенности. Компетентность в столь многопрофильной терминологии, естественно, приходит не сразу, а достигается годами кропотливой работы с литературой по медицинским дисциплинам, — здесь, как и в отношении врачебного искусства, применимы слова великого Гиппократа «Жизнь коротка, а путь в науку долог». На этом пути, как нам представляется, кафедрой удалось достигнуть определенных результатов.

Работа по интеграции с медико-биологическими дисциплинами начиналась с отбора необходимого минимума анатомической терминологии как единого общепринятого интернационального языка медицинской науки. Анатомический блок, как известно, — это первая и самая объемная часть медико-биологических дисциплин, с которой встречаются первокурсники в начале своей учебы и с которой логично должна начинаться лексико-

понятийная интеграция материала нашего курса. Современная анатомическая терминология основывается на научно обоснованном и международно признанном нормативно-справочном издании, каковым является «Международная анатомическая терминология», изданная в Москве в 2003 г. под редакцией Л. Л. Колесникова. Изучение и широкое использование именно этого издания очень важно для устранения путаницы и разночтений, возникающих в анатомических названиях из-за употребления устаревших терминов. В связи с этим отметим, что латинисты БГМУ последовательно придерживаются текста общепринятых кодексов Международной анатомической терминологии, начиная с Международной анатомической номенклатуры под редакцией С. С. Михайлова (М., 1981) и заканчивая уже упомянутой Международной анатомической терминологии (МАТ) под редакцией Л. Л. Колесникова. В частности, с учетом МАТ, мы заменили в учебной литературе, изданной на кафедре, все устаревшие термины типа canalis hypoglossalis (подъязычный канал), ventriculus (желудок) и др. Соответственно, была исправлена терминология и добавлены новые термины в переизданные «Русско-латинский словарь прилагательных одного смыслового ряда в современной анатомической терминологии» [5] и учебно-методическое пособие «Ударение в современной Международной анатомической номенклатуре» [7], подготовленные совместно с кафедрой нормальной анатомии.

Максимально интегрируется с профильной профессиональной литературой и преподавание фармацевтического раздела программы. Исключаются названия лекарств, снятых с производства, вводятся названия новейших препаратов, лекарственных форм и другие термины, еще не встречавшиеся в учебной литературе по латинскому языку (трансдермальные терапевтические системы, внутриматочные полимерные носители, одноразовые шприцы и др.). Названия лекарственных средств и лекарственных форм выбираются из последних изданий известных справочников («Лекарственные средства» М. Д. Машковского и др.), текст рецептов и правила их прописывания — из рецептурных справочников, изданных в Беларуси, России и Украине. При этом, к сожалению, нередко приходится корректировать латинский фармацевтический текст. Например, в справочнике М. Д. Машковского [6] читаем:

Напечатано	**Правильный вариант**
Aether pro narcosi *stabilisatum*	Aether pro narcosi ***stabilisatus***
Elixir *pectoralis*	Elixir **pectorale**
Laevomycetini succinas *solubile*	Laevomycetini succinas ***solubilis***

В связи с открытием фармацевтического факультета появилась возможность сотрудничества с его сотрудниками и коррекции ошибок в учебной и учебно-справочной литературе, подобных тем, которые были отмечены выше. Отметим, впрочем, что грамматические ошибки, искажающие понятийную сущность терминов, можно неоднократно встретить и в уже упомянутой выше Международной анатомической терминологии, не говоря уже об

обычной учебной литературе по анатомии. Это говорит о том, что и анатомы, и фармакологи, и фармацевты, и специалисты других медико-биологических дисциплин должны более тесно сотрудничать со специалистами по латинскому языку при составлении учебной и справочной литературы.

Большое поле деятельности для наших латинистов представляют клинические дисциплины. Так, еще в 1994 г. мы подготовили вместе с терапевтами справочник по составлению диагнозов внутренних болезней, второе издание которого вышло в 2008 г. [1]. Именно на основе этого справочника мы подбирали русский и латинский тексты диагнозов для первого отечественного учебника по латинскому языку для студентов лечебного, педиатрического и военно-медицинского факультетов. Основательная работа была проведена нашими преподавателями совместно с кафедрой акушерства и гинекологии по подготовке серии методических пособий по различным направлениям работы данной кафедры и, особенно, по подготовке к печати Международной статистической классификации болезней (акушерство и гинекология) на русском, белорусском, английском и латинском языках [3]. Целый ряд методических пособий, терминологических словарей и практикумов подготовлен нашей кафедрой совместно с преподавателями кафедр терапевтической стоматологии, стоматологии детского возраста, дерматовенерологии, биологии. Всего же со времени основания нашей кафедры в 1989 г. было опубликовано совместно с преподавателями медико-биологических и клинических кафедр около 20 единиц учебной и учебно-справочной литературы.

Основательно пришлось расширить свои познания в области ботаники, химии, биохимии. авторскому коллективу нашей кафедры при подготовке первого отечественного учебного пособия для студентов фармацевтического факультета. Как один из результатов такой работы, на кафедре был создан «Краткий этимологический словарь фармацевтических терминов, обозначающих классы, группы и подгруппы лекарственных средств», который помогает преподавателям определять смысл многих современных фармацевтических и биохимических понятий, встречающихся в данном пособии и в фармацевтической литературе (анксиолитики, инотропный, холинолитический и т. п.). Следует отметить, что преподаватели кафедры давно нацелены на пополнение узкоспециальных знаний сведениями о смежных дисциплинах. С целью повышения профессионального уровня ежемесячно на научно-методическом семинаре нашей кафедры обсуждаются вопросы этимологии, структуры и семантики разнопрофильных медицинских терминов, особенно новых. Вся эта многолетняя работа послужила хорошей основой для профессионального роста наших латинистов в плане освоения лексико-понятийного аппарата большинства медико-биологических и клинических кафедр, значительно повысила их профессиональные компетенции. В итоге преподаватели нашей кафедры умеют объяснить студенту-первокурснику место расположения любой анатомической структуры,

название которой встречается в содержании материала занятия. Они умеют дать научную дефиницию и понимают смысл любого термина, представленного в теоретической и практической части клинического раздела курса, компетентны в тех вопросах химии, биохимии и фармацевтики, которые соприкасаются с материалом программы нашей дисциплины. Особенно важны такие умения преподавателей-латинистов при работе в группах иностранных студентов первого курса учебы, которые особо нуждаются в таких комментариях. При этом все понятийные дефиниции приводятся на основании официальной учебно-справочной литературы, использующейся в БГМУ на профильных кафедрах. Соответственно, такой уровень компетентности преподавателя объективно повышает его педагогический статус в глазах студентов, усвоение материала курса латинского языка получает у учащихся профессиональную дидактическую мотивацию, а это повышает шанс на то, что знания, которые студенты получают на занятиях по латинскому языку, будут востребованы на профильных медицинских кафедрах.

Широкое поле возможностей для сотрудничества открывается перед латинистами и преподавателями профильных кафедр в связи с организацией преподавания учебного материала на английском языке. В частности, нам представляется целесообразной работа с анатомами над комментариями к англоязычному варианту Международной анатомической номенклатуры, в котором используется огромное количество латинизмов в качестве англоязычных вариантов латинских номенклатурных единиц. Такую же работу было бы полезно провести и по адаптации англоязычного варианта недавно появившейся Международной гистологической и цитологической номенклатуры. А пока что, в плане подобного рода межпредметной интеграции, отметим появление учебно-методического пособия на английском языке по общей рецептуре, подготовленного латинистами совместно с кафедрой фармакологии [4].

Заключение. Результатом работы по согласованию терминологического содержания курса латинского языка с курсами медико-биологических и клинических дисциплин, несомненно, будет не только активизация знаний и умений, полученных первокурсниками на кафедре латинского языка, но и расширение этих базисных терминологических знаний и умений на терминологических структурах профильных медицинских кафедр. Понимая актуальность и важность такого результата, кафедра латинского языка будет и в дальнейшем стремиться к плодотворному сотрудничеству с курсами медико-биологических и клинических кафедр.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даведнік* напісання дыягназаў асноўных захворванняў унутраных органаў на беларускай, рускай, лацінскай і англійскай мовах : метад. дапаможнік / склад. А. Э. Макарэвіч [і інш.]. – 2-е выд., пер. і дап. – Мінск : БДМУ, 2008. – 52 с.

2. *Машковский, М. Д.* Лекарственные средства / М. Д. Машковский. – 16-е изд., перераб. и доп. – М. : Новая волна, 2011. – С. 21, 357, 813.

3. *Международная* статистическая классификация болезней (акушерство и гинекология) на русском, белорусском, английском и латинском языках / сост.: Т. А. Смирнова, А. З. Цисык, Л. С. Капитула. – Минск : БГМУ, 2003. – 136 с.

4. *Общая* рецептура = General prescription : учеб.-метод. пособие / А. В. Волчек [и др.]. – Минск : БГМУ, 2015. – 32 с.

5. *Руденок, В. В.* Русско-латинский словарь прилагательных одного смыслового ряда в современной анатомической терминологии : учеб.-метод. пособие / В. В. Руденок, А. З. Цисык. – 2-е изд., доп. – Минск : БГМУ, 2011. – 48 с.

6. *Цисык, А. З.* Вековые традиции и современные инновации в преподавании основ медицинской латыни / А. З. Цисык // Инновационная технология обучения и воспитания студентов в медицинском вузе : тез. докл. учеб.-метод. конф. / Белорус. гос. мед. ун-т ; под ред. С. Д. Денисова, Н. Н. Щетинина. – Минск : БГМУ, 2002. – С. 104–106.

7. *Ударение* в современной Международной анатомической номенклатуре : учеб.-метод. пособие / С. Д. Денисов [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : БГМУ, 2011. – 244 с.

Впервые опубликовано: БГМУ в авангарде медицинской науки и практики : сб. науч. тр. / Бел. гос. мед. ун-т ; редкол. : А. В. Сикорский, О. К. Доронина. – Минск : ГУ РНМБ, 2016. – Вып. 6. – С. 271–273.

О МЕСТЕ И СОДЕРЖАНИИ ТЕМЫ «ПРЕДЛОГИ» В СТРУКТУРЕ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА КУРСА ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Преподавание темы «Предлоги» в медицинских вузах как логико-дидактическая проблема традиционно находится на периферии теории и практики обучения профессиональной латыни в высшей школе. В частности, данная проблема не рассматривается в двух единственных монографиях, которые посвящены методике преподавания латинского языка как в вузах гуманитарного, так и медицинского профиля [6; 21]. Отсутствуют публикации по этой теме и в сборниках научных трудов, и в материалах научных конференций. Программы дисциплины «Латинский язык и медицинская терминология» для высших медицинских учреждений Украины не предусматривают отдельного практического занятия для усвоения темы «Предлоги» [2, с. 16]. В учебной литературе Российской Федерации предлоги вводятся в завершающей части учебной программы — в ее фармацевтическом разделе — в пределах одного занятия вместе с окончаниями Accusativus и Ablativus [4; 10; 13].

Все это можно было бы еще понять, если бы в латинских терминах анатомо-гистологической, фармацевтической и клинической подсистем медицинской терминологии, на базе которых традиционно составляется лексико-терминологический материал курса латинского языка для медицинских и фармацевтических вузов, употребление предлогов было бы спорадическим явлением, наподобие местоимений и числительных. Однако анализ этих терминологических подсистем говорит о том, что латинские предлоги в их составе встречаются неоднократно, причем нередко встречаются

и грамматические ошибки в оформлении предложных конструкций. Учитывая это, мы рассмотрели некоторые проблемы изучения и употребления латинских предлогов в профессиональном медицинском тексте в нашей недавней коллективной статье [2], а данное сообщение рассматриваем как дополнение к представленной в ней информации и высказанным в ней аргументам.

Прежде всего, отметим, что в последнем издании Международной анатомической номенклатуры [6] встречаются семь предложных конструкций с предлогом ***ad*** и пятнадцать — с предлогом ***cum***: *aditus ad antrum mastoideum* (вход к сосцевидной пещере), *rami ganglionares ad gangion oticum (узловые ветви к ушному узлу), rami communicantes cum nervo zygomatico (соединительные ветви со скуловым нервом), ramus communicans cum chorda tympani (ветвь соединительная с барабанной струной)* и др. Интересно отметить, что в русскоязычном варианте этой номенклатуры употребляется в несколько раз больше предложных конструкций с предлогом «***к»***, однако такие термины переводятся на латинский язык в виде беспредложных конструкций в Nominativus или (чаще всего) в Genetivus, ср.:

Стр.	**Русскоязычный термин**	**Латинский эквивалент**
107	срединная артерия к мозолистому телу	A. callosa mediana
106	передние ветви к перегородке носа	Rr. septales anteriores
106	ворсинчатые ветви к боковому желудочку	Rr. choroidei ventriculi lateralis
109	ветвь к миндалине мозжечка	R. tonsillae cerebelli
106	ветви к зрительному тракту	Rr. tractus optici
105	ветви к нервам	Rr. nervorum

Во всех подобных случаях трудно понять логику составителей латинских вариантов анатомических терминов, так как лингвистами доказано, что именно предложная конструкция в латинском языке обеспечивает полноту и конкретизацию смысла словесного выражения, передающего пространственные отношения [14; 15]. Ведь если сравнивать, например, выражение «срединная артерия к мозолистому телу» и его латинский эквивалент «arteria callosa mediana» (букв. «срединная мозолистая артерия»), то очень трудно определить смысловую идентичность этих двух выражений, так как их грамматическая структура не позволяет этого сделать de visu. И здесь, как и в других приведенных выше примерах — налицо так называемый когнитивный диссонанс [16, с. 15–22]. В связи с этим приходится лишний раз говорить о недооценке представителями медико-биологических наук возможностей латинского языка, а порой и о недостаточном знании его грамматики. Иначе трудно также объяснить и неоднократные ошибки в латинских вариантах предложных конструкций, которые обнаруживаются в содержании Международной анатомической номенклатуры, ср.:

Стр.	Напечатано	Правильный вариант
175	R. communicans cum ganglio *ciliare*	R. communicans cum gamglio *ciliari*
177	Rr. communicantes cum nervo *faciale*	Rr. comunicantes cum nervo f*aciali*
178	R. communicans cum ramo *auricula-re* nervi vagi	R. communicans cum ramo *auriculari* nervi vagi
178	R. communicans cum nervo *auricu-lotemporale*	R. communicans cum nervo *auricu-lotemporali*
178	R. communicans cum nervo laryngeo *recurrente*	R. communicans cum nervo laryngeo *recurrenti*

Если говорить о Международной гистологической номенклатуре, то в латинских терминах ее последнего издания [22] встречаются шестнадцать предложных конструкций. В десяти из них употребляется предлог ***cum***, например:

Стр.	Латинский термин	Русскоязычный вариант
65	Exocrinocytus cum granulis acidophilis	Эзокриноцит с ацидофильными гранулами
66	Junctio analis cum cute vera	Соединение анального канала с истинно кожей
100	Venula cum endothelio alto	Венула с высоким эндотелием

В остальных терминах употребляется предлоги ***a***, ***e, in***:

Стр.	Латинский термин	Русскоязычный вариант
18	Vesicula a clathrino tecta	Везика, окаймленная клатрином
20	Endocytosis a receptoribus effecta	Эндоцитоз, опосредованный рецепто-рами
66	Cellula precursoria e medulla ossea	Стволовая клетка костно-мозгового происхождения
37	Cellula formans colonias in vitro	Клетка, формирующая колонии in vitro

Следует обратить внимание на употребление предлога ***a*** в конструкции со страдательным залогом в первых двух выражениях, что не свойственно классической латыни, где присутствие предлога ***a*** в конструкции Ablativus auctoris всегда обусловлено наличием воодушевленного существительного в роли nominis agentis. Отметим, что эти и другие особенности морфологии и синтаксиса латинских терминов в Международной гистологической но-менклатуре мы предполагаем обсудить в примечаниях к готовящемуся к публикации алфавитному «Латинско-русско-белорусско-английскому словарю Международной гистологической номенклатуры».

Весьма обширна сфера употребления выражений с предлогами в фар-мацевтической и клинической терминологии.

В фармацевтической терминологии, как в латинской части рецепта, так и в названиях лекарственных средств достаточно широко употребляются предлоги **cum, in** + Ablativus, **pro**, **contra**, **per**, **intra**, **retro**, **trans**, **ex**, **post**, **ad**. Их функциональная роль подробно проанализирована и представлена

в нашей упомянутой выше статье [2, с. 18–19]. Добавим к этому, что предлоги часто встречаются и в составе предложений профессионального фармацевтического содержания, а умение переводить простые предложения с латыни и наоборот обычно включаются в требования типовых программ по латинскому языку для специальности «Фармация». В связи с этим мы сочли целесообразным ввести информацию о предлогах в наше пособие для студентов фармацевтического факультета дважды. Первый раз — при прохождении темы «II склонение существительных», где вводим предлоги **cum, ex, in, pro**, которые чаще всего встречаются в составе фармацевтических терминов, а второй раз — как отдельное занятие, посвященное систематизации сведений о предлогах и их функции в составе фармацевтических терминов, которое вводится после завершения изучения всех типов существительных и прилагательных [18, с. 31; с. 84–86]. Пятилетний опыт работы по такой схеме доказывает ее несомненную эффективность в решении поставленных учебных задач.

В клинической терминологии предлоги употребляются, во-первых, в словарно-справочной литературе в названиях болезней. В частности, в словаре клинических терминов Е. Н. Беляевой [2] мы встречаем более тридцати таких названий: allergia ex frigŏre *холодовая аллергия;* aneurisna in aneurismate *аневризма в аневризме;* clavus cum spina *мозоль с шипом*; trauma sine laesione cutis *травма без повреждения кожных покровов* et cetera. Во-вторых, предлоги употребляются в диагнозах и эпикризах заболеваний, которые особенно востребованы при направлении на обследование или лечение в зарубежные страны. Более подробно о функции предлогов и так называемых двухкомпонентных предложных клише в клинических текстах говорится в нашей упомянутой статье [2, с. 16–20].

Думается, что приведенных примеров употребления предлогов в современном профессиональном медицинском дискурсе достаточно для признания того, что тема «Предлоги» требует своего отдельного места в структуре учебного материала дисциплины «Латинский язык и медицинская терминология». В пользу этого говорят и другие факторы. Наиболее весомый из них, на наш взгляд, — это то, что латинские приставки, которые широко представлены в медико-биологической и клинической терминологии, генетически связаны с предлогами: в частности, в учебнике латинского языка Я. М. Боровского и А. В. Болдырева читаем, что префиксами обычно являются предлоги, которые могут употребляться и как отдельные слова [3, с. 142]. Поэтому и с методической, и с дидактической точки зрения приставки целесообразно вводить после введения предлогов, причем в один или в два этапа. Если Типовой программой дисциплины «Латинский язык» ее изучение предусмотрено в течение только одного семестра, т. е. в объеме 36–38 часов, то первую группу приставок можно вводить после изложения темы «Предлоги, употребляющиеся с Accusativus», а вторую группу — после изложения темы «Предлоги, употребляющиеся с Ablativus». По такой

схеме, в соответствии с Типовой программой дисциплины «Латинский язык», преподается тема «Предлоги» студентам специальностей «Стоматология» и «Медико-профилактическое дело» [9; 10], в государственных медицинских университетах Республики Беларусь. Если же дисциплина изучается в течение двух семестров, то латинские приставки целесообразно вводить в конце I семестра после темы «Предлоги», которой посвящаются два отдельных занятия. Однако и в том, и в другом случае темы «Предлоги» и «Приставки» вводятся как завершающая часть анатомо-гистологического раздела курса, в котором заканчивается изучение основного грамматического материала. В частности, тема «Предлоги» в медицинских вводится вместе с темами “Accusativus” и “Ablativus”. Именно так, согласно Типовым программам [8; 9; 10], предусмотрено изучение данных тем студентами всех факультетов медицинских вузов Беларуси, за исключением, по понятным причинам, фармацевтического факультета.

Необходимость двух отдельных занятий для изучения предлогов диктуется не только их значимостью в системе профессионального медицинского дискурса, но и тем, что латинское предложное управление объективно принадлежит к одной из наиболее сложных тем грамматики латинского языка. Ее усвоение требует максимальной концентрации внимания преподавателя и учащихся на предмете изучения, закрепления в сознании учащихся методики перевода и конструирования предложных конструкций, активного усвоения состава предлогов и особенностей их падежного управления, многократного повторения и совершенствования умений конструирования этих конструкций на лексическом материале всех разделов программы, начиная с ее анатомо-гистологического раздела. А изучение предлогов в этом первом разделе программы как раз служит основой для умения конструировать предложные конструкции в клинической и фармацевтической терминологии. И уж ни в коем случае усвоение столь сложного, но и столь востребованного материала не может быть отодвинуто на последние этапы обучения и, тем более, вводиться только на одном занятии. Ведь трудно поверить в то, что студенты способны в пределах одного занятия освоить сразу и падежные окончания Accusativus и Ablativus всех склонений, и систему латинских предлогов.

Говоря о сферах употребления предлогов в медицинском дискурсе, нельзя обойти вниманием и профессиональные медицинские выражения. В частности, в добавлении к словарю клинической терминологии Е. Н. Беляевой приведены 54 такие выражения. В учебниках медицинской латыни они обычно вводятся по 5–6 единиц в каждом занятии или предлагаются для заучивания в виде целого списка как приложение к основному материалу курса. Однако логико-дидактической основой для сознательного заучивания таких выражений должны послужить занятия, посвященные предлогам. В частности, в наших учебниках медицинской латыни в занятиях, посвященных предлогам, сначала приводятся упражнения по переводу предложных

конструкций анатомо-гистологического содержания, а затем — 6–7 профессиональных выражений с предлогами. Полученные таким образом знания помогут студентам при усвоении и использовании в дальнейшей профессиональной деятельности латинских выражений с предлогами, широко употребляемых в научном и публицистическом тексте (a priori, ad hoc, ad maximum, de facto, de jure, de visu, exempli gratia и десятки других).

Нельзя забывать и о том, что в словарно-справочной и научной литературе на английском языке нередко встречаются латинские предложные клише, которые к тому же часто приводятся в сокращенной форме, поскольку a priori считается, что специалист с высшим образованием должен быть знаком с ними [2, с. 19–20]. Поэтому вошедшее в практику преподавание дисциплины «Латинский язык и основы медицинской терминологии» на английском языке, в котором широко используются предлоги, в частности, и для выражения падежных отношений между именными частями речи — еще один дополнительный аргумент для того, чтобы в курсе латинского языка для англоязычных учащихся искать сходство в передаче информации с помощью предлогов в том и другом языке, и находить пути преодоления различий. Именно такая дидактическая концепция реализуется в наших учебных пособиях, предназначенных для англоязычных учащихся лечебного и стоматологического факультетов. В них тема «Предлоги» вводится на двух занятиях вместе с системой падежных окончаний Accusativus и Ablativus, то есть уже после того, как у учащихся сложилось представление о системе латинских падежей [17; 19]. Такой способ подачи материала, на наш взгляд, дидактически больше оправдан, чем введение всех предлогов на одном занятии, а тем более на одном из первых занятий, в котором студенты впервые знакомятся с системой латинских падежей [23].

В заключение отметим, что многоплановое приобщение к общему европейскому образовательному пространству, которому нет альтернативы, несовместимо с попытками упрощения и ограничения в сфере образования и формирования профессионального и интеллектуального уровня будущих врачей. Не нужно забывать, что латиноязычная наука и литература в Украине, как и в Беларуси, имеют давнюю и богатую традицию, основанную на европейской латинской образованности. Поэтому программа по латинскому языку в наших странах для вузов как гуманитарного, так и естественнонаучного, в том числе и медицинского профиля, обязана включать все необходимые элементы для того, чтобы будущий специалист мог ощущать свою языковую и интеллектуальную сопричастность к великому наследию этой латинской образованности, присутствующей и сегодня как в профессиональном, так и в общекультурном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бєляєва, О. М.* Латинсько-український тлумачний словник клінічних термінів / О. М. Бєляєва. – Київ : Медицина, 2016. – 224 с.

2. *Бєляєва, О. М.* Реалізація лінгводидактичних і лінгвопрофесійних принципів у процесі професійно орієнтованого навчання латинської мови (на матеріалі латинського прийменника) / О. М. Бєляєва, В. Г. Синиця, А. З. Цісик // Гуманітарна складова у світлі сучасних освітніх парадигм : матеріали II Всеукр. наук.-практ. конф. з міжнар. участю, Харків, 19–20 квіт. 2018 р. – Харків : Вид-во НФаУ, 2018. – С. 15–21.

3. *Боровский, Я. М.* Латинский язык / Я. М. Боровский, А. В. Болдырев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1949. – 440 с.

4. *Бухарина, Т. Л.* Латинская медицинская терминология / Т. Л. Бухарина, И. А. Коровина, Т. В. Михина. – Екатеринобург : УрОРАН, 2011. – 34 с.

5. *Капитула, Л. С.* Латинский язык : учеб.-метод. пособие / Л. С. Капитула. – 2-е изд., испр. – Минск : БГМУ, 2017. – 282 с.

6. *Кацман, Н. Л.* Методика преподавания латинского языка / Н. Л. Кацман. – М. : ВЛАДОС, 2003. – 256 с.

7. *Латинский* язык : типовая учеб. прогр. для учреждений, реализующих образоват. прогр. высш. специального образования по спец. «Лечебное дело», «Педиатрия». – Минск : БелМАПО, 2014. – 21 с.

8. *Латинский* язык : типовая учеб. прогр. для учреждений, реализующих образоват. прогр. высш. специального образования по спец. «Медико-профилактическое дело». – Минск : БЕЛМАПО, 2014. – 17 с.

9. *Латинский* язык : типовая учеб. прогр. для учреждений, реализующих образоват. прогр. высш. специального образования по спец. «Стоматология». – Минск : БелМАПО, 2014. – 16 с.

10. *Нечай, М. Н.* Латинский язык для лечебных факультетов : учеб. пособие / М. Н. Нечай. – Ростов на Дону : Феникс, 2007. – 476 с.

11. *Лин, С. А.* Латинский язык = Lingua Latina : учеб. / С. А. Лин. – Минск : Вышэйшая школа, 2017. – 366 с.

12. *Международная* анатомическая терминология (с официальным списком русских эквивалентов) = Terminologia Anatomica / под ред. Л. Л. Колесникова. – М. : Медицина, 2003. – 424 с.

13. *Нечай, М. Н.* Латинский язык и стоматологическая терминология : учеб. пособие для студентов стом. ф-тов вузов / М. Н. Нечай. – Тюмень : Печатник, 2010. – 255 с.

14. *Сенів, М. Г.* Семантико-синтаксичні функції прийменників у латинській мові / М. Г. Сенів // Іноземна філологія. Питання класичної філології. – 1991. – Вип. 74, № 20. – С. 47−53.

15. *Сенив, М. Г.* Предлоги и предложные словосочетания с пространственным значением в латинском языке / М. Г. Сенив // Іноземна філологія. Питання класичної філології. – 1993. – Вып. 85, № 22. – С. 46−51.

16. *Фестингер, Л.* Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер ; пер. с англ. А. Анистратенко, И. Знаешева. – СПб. : Ювента, 1999. – 318 с.

17. *Цисык, А. З.* Латинский язык = The Latin Language : учеб. пособие / А. З. Цисык : пер. на англ. яз. А. З. Цисык. – Минск : БГМУ, 2010. – 212 с.

18. *Цисык, А. З.* Латинский язык для студентов фармацевтического факультета : учеб.-метод. пособие : в 2 ч. / А. З. Цисык, Н. А. Круглик, С. К. Ромашкевичус. – Минск : БГМУ, 2012. – Ч. 1. – 244 с.

19. *Цисык, А. З.* Латинский язык = The Latin Language : учеб.-метод. пособие / А. З. Цисык ; пер. на англ. А. З. Цисык. – 2-е изд. – Минск : БГМУ, 2015. – 168 с.

20. *Цисык, А. З.* Латинский язык (Lingua Latina) : учеб. / А. З. Цисык. – Минск : Новое знание, 2017. – 456 с.

21. *Шпак, А. М.* Методика изучения медицинской терминологии / А. М. Шпак. – Винница : ВГМИ им. Н. И. Пирогова, 1961. – 56 с.

22. *Terminologia* Histologica. Международные термины по цитологии и гистологии человека с официальным списком русских эквивалентов / под ред. В. В. Банина, В. Л. Быкова. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2009. – 272 с.

23. *The Latin* Language and Medical Terminology Basics : textbook / L. Yu. Smolska, O. H. Pylypiv, P. A. Sodomora [et al] ; ed. L. Yu. Smolska. – 3rd ed., rev. – Kyiv : AUS Medicine Publishing, 2017. – 400 p.

Впервые опубликовано: Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи : зб. ст. III Міжнар. наук.-практ. конф., 31 трав. – 01 черв. 2018 р., м. Полтава. – Полтава : Астрая, 2018. – С. 374–380.

О СОДЕРЖАНИИ И СТРУКТУРЕ КУРСА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В наше время, как и в предыдущие периоды истории европейской цивилизации, выросшей на фундаменте античной материальной и духовной культуры, никем не оспаривается исключительная роль древнегреческого языка в становлении и развитии медицинской науки и ее лексико-понятийного аппарата. И, тем не менее, если речь идет о странах бывшего Советского Союза, то здесь до сих пор не преодолены пагубные последствия известного общественно-политического переворота в России в 1917 г., в результате которого классические языки (древнегреческий и латынь) были изгнаны из высшей школы, а если и были впоследствии в нее возвращены, то всегда недооценивались официальными чиновниками от образования и науки. И больше всего в небрежении оказался древнегреческий язык в силу целого ряда причин, анализ которых выходит за пределы нашего сообщения. Если дореволюционные врачи неплохо знали этот язык, а некоторые из них, как, например, Л. И. Блуменау или В. В. Вересаев, даже были превосходными переводчиками древнегреческой поэзии, то врачи советского и постсоветского периода оказались лишенными того мощного лексико-понятийного пропедевтического основания, которое закладывалось у их дореволюционных коллег изучением языка Гиппократа. Его отсутствие всегда отрицательно сказывалось на качестве усвоении учащимися понятийного аппарата всех медико-биологических и клинических дисциплин, даже если в изучаемом курсе медицинской латыни периодически и появлялись те или иные формы лексики и морфологии языка древней Эллады.

Не удивительно, что, ощущая ущербность подобной ситуации, многие составители учебной литературы по медицинской латыни пытались и пытаются вносить некоторые, хотя бы чисто ознакомительные, элементы древнегреческого языка в содержание своих учебников. Первым учебно-справочным изданием такого рода был востребованный и в наши дни словарь анатомических терминов П. И. Карузина, в котором автор поместил сведения по фонетике древнегреческого языка и лексический материал по его закреплению [5, 9–28]. Подобного принципа подачи элементов языка

Гиппократа придерживались впоследствии и авторы многих учебников в России и в Украине [2; 3; 6]. Однако в учебных программах по латинскому языку для высших медицинских учреждений этих стран так до сих пор и не предусмотрены ни отдельные занятия, ни какой-то курс занятий по древнегреческому языку, его фонетике, лексике и особенностям их адаптации в медицинской латыни. О том, что проблема эта сохраняет свою актуальность, свидетельствуют первые попытки создания пособий по элементам древнегреческого языка в медицинской терминологии, которые были предприняты латинистами Московского медико-стоматологического и Санкт-Петербургского педиатрического университетов [4; 8].

В пособии москвичей представлены популярные очерки из истории древнегреческого языка и воспитании врача в Древней Элладе, даны краткие сведения по фонетике, в очень сжатой форме показана словарная форма существительных, прилагательных и глагола (у последнего — только 1-е лицо настоящего времени). После этого размещены древнегреческие тексты, включая Клятву Гиппократа, с подробным грамматическим и культурно-историческим комментарием. В заключительной части представлен алфавитный словарь древнегреческих корней в современной клинической терминологии.

Второе пособие, на наш взгляд, больше приближается к реализации актуальной и сегодня цели — дать будущим врачам начальное представление о древнегреческом языке и его роли в становлении латинской интернациональной терминологии. После кратких вступительных очерков об истории древнегреческого языка авторы представили сведения об алфавите, диакритических знаках и ударении, о склонении существительных и прилагательных, о числительных и глаголе (система настоящего времени и императив). Грамматический материал сопровождается системой упражнений, к которым прилагаются древнегреческо-русский и русско-древнегреческий словари. В заключение авторы приводят Приложение, в котором приведены материалы по мифологии и истории медицины.

Как нам представляется, оба пособия рассчитаны на работу в рамках элективa, факультатива, или на использование в кружковой работе и в значительной мере могут способствовать возвращению интереса, как учащихся, так и медицинских работников, к основам древнегреческого языка и его роли в создании и функционировании профессиональной медицинской лексики. И, тем не менее, на наш взгляд, указанные пособия не решают полностью тех задач, которые должны быть поставлены при определении цели преподавания курса греческого языка будущим врачам.

Прежде всего, по нашему убеждению, основанному на многолетней практике преподавания медицинской латыни, должны быть существенно смещены акценты в определении этой цели. Нужно четко разделить две ее стороны: первая предполагает ознакомление учащихся с лингво-культурологическим феноменом древнегреческого языка в широком смысле слова,

вторая же, вполне конкретная и самая главная — ознакомление будущих врачей с практическим функционированием фонетических, лексических и морфологических элементов древнегреческого языка, которые ассимилированы в современной латинской медицинской терминологии. Если первая сторона, которая, несомненно, также важна для формирования профессионального кругозора будущего врача, может быть открыта ему на занятиях в форме факультатива или электива, то вторая, которая непосредственно связана с практикой преподавания медицинской латыни, должна быть доступна всем учащимся и углублять их познания, умения и компетенции в сфере латинской медицинской терминологии. Для этого в учебном плане первого курса каждого факультета должен быть предусмотрен предмет «Элементы древнегреческого языка в латинской медицинской терминологии», который должен еженедельно преподаваться в течение всего первого семестра, т. е. в количестве 36–38 часов, параллельно с курсом латинского языка. Каким же должно быть содержание такого курса?

Как явствует уже из самого названия предлагаемого курса, он должен носит чисто практическую и даже узкоутилитарную направленность — помочь учащимся осознанно воспринимать закономерности ассимиляции фонетических, морфологических и лексических элементов греческого языка в современной латинской терминологии, являющейся интернациональным языком медицины. И в этом плане важно разъяснять не только процесс перехода грецизмов в латынь и русский, — огромное количество грецизмов используется в составе медицинских терминов в английском языке, уверенно занимающем роль лидирующего интернационального языка, в том числе и в области медицины. Поэтому есть все основания постоянно подчеркивать роль древнегреческого языка и при преподавании курса медицинской латыни на английском языке, которое все больше входит в практику наших медицинских вузов. Однако, определим прежде всего содержание предлагаемого курса для учащихся, обучающихся на родном языке.

Начинаться такой курс должен, естественно, с фонетического раздела. В нем должен быть представлен греческий алфавит, разъяснено произношение букв и их сочетаний (причем только в «эразмовой» системе), в общих чертах показана система ударения. И здесь же целесообразно подробно показать закономерности ассимиляции букв и их сочетаний в латинском языке, например:

Древнегреческая буква или дифтонг	**Латинская ассимиляция**	**Древнегреческая лексика**	**Ассимилированный латинский вариант**
θ	th	ἐρυθρός	Erythrocytes
αι	ae	δίαιτα	Diaeta
οι	oe	οἴδημα	Oedema

Следует иметь в виду, что большинство названий греческих букв знакомы студентам из школьных курсов математики и физики, поэтому освоение этих букв не будет представлять для них особых затруднений.

Обязательно нужно разъяснить закономерности акцентологической ассимиляции древнегреческой лексики. В частности, учащимся должна быть понятна акцентообразующая роль долготы или краткости гласной от конца древнегреческого слова в становлении места ударения в ассимилированном латинизированном варианте, например:

Древнегреческое слово	**Предпоследняя гласная и ее характер**	**Латинизированный вариант и место ударения**
κρανίον	ι — краткий перед гласным	Cranium
ὄργᾰνον	α — краткий по природе	órgănum (orgănon)
πυλωρός	ω — долгий по природе	pylórus (pylōrus)

Важно также показать, как латинские акцентологические правила «перестраивают» место ударения древнегреческого слова при его латинизации:

Древнегреческое слово	**Латинизированный вариант и место ударения**	**Причина коррекции места ударения**
ἄτλαντος	atlántis	Предпоследняя «альфа» долгая перед двумя согласными
οἴσοφᾰ́γος	oesóphagus (oesophăgus)	Предпоследняя «альфа» краткая по природе
οὐρητήρ	uréter (urēter)	Предпоследняя «эта» долгая по природе

Если говорить о грамматической части курса, то здесь, на наш взгляд, целесообразно ограничиться ознакомлением только с первыми двумя падежами существительных и прилагательных. Такой отбор обусловлен, прежде всего, целями предлагаемого курса, которые не предусматривают ни чтения текстов, ни использования оригинальной греческой лексики в терминологических структурах, в отличие от латыни. Вспомним, впрочем, что даже в курсе латинского языка в связи с напряженностью учебной программы и определением терминологической направленности обучения пришлось отказаться от чтения текстов, даже имеющих чисто медицинское содержание.

Итак, ознакомление с первым и вторым склонением древнегреческих существительных создает основу для осознанного восприятия механизма заимствования существительных, входящих в 1-е и 2-е склонение латинских существительных:

Древнегреческое слово и его значение	**Латинская адаптация в словарной форме и ее семантика**
χορδή — кишка, струна	chorda, ae f — хорда
ἀρτηρία — дыхательный канал	arteria, ae f — артерия
ἰσθμός — перешеек	isthmus, i m — перешеек
ἄντρον — пещера	antrum, i n — пещера

Естественно, внимание учащихся следует обращать и на изменение значения ассимилированного греческого существительного в составе медицинской терминологии.

Ознакомление с существительными мужского рода типа πολίτης (гражданин) приоткрывает тайну существования в латинской клинической терминологии существительных типа diabētes, ae m, которые всегда вызывают недоуменные вопросы учащихся. Что же касается существительных так называемого 1-го греческого склонения образца rhaphe, es f, то и их особый статус находит свое объяснение после ознакомления с настоящим первым греческим склонением.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос изменения рода греческих существительных при их латинизации.

При рассмотрении прилагательных 1–2 склонений прежде всего следует обратить внимание учащихся на однотипные прилагательные с суффиксом **-ικ-**, которые в большом количестве вошли в латинскую медицинскую терминологию, ср.:

Прилагательное в греческом языке	**Латинизированный вариант**
καρδιᾰκός	Cardĭăcus
θωρακῐκός	thorácĭcus

В то же время следует подчеркнуть, что многие прилагательные с таким суффиксом были созданы учеными послеантичного времени на базе древнегреческих корней с помощью латинского суффикса **-ic-**: anaemĭcus, ischiadĭcus, thymĭcus etc, сравним чисто латинские прилагательные lactĭcus, modĭcus, rustĭcus.

Подробного внимания требует анализ существительных 3-го склонения, что обусловлено их морфологическим разнообразием и лексическим полиморфизмом, особенно в первых двух падежах. В этимологических справках обычно дается (латинским шрифтом) форма родительного падежа существительного, в котором проявляется его словообразующая основа, а значение — в именительном, что нередко приводит к путанице. Приведем для сравнения таблицу, в которой покажем несколько таких существительных:

Существительное в именительном падеже	**Существительное в родительном падеже**	**Основа**
ὀδούς	ὀδόντος (odóntos)	ὀδόντ- (odónt-)
ὠτ̃ς	ὠτός (otós)	ὠτ-(ot-)
ὕδωρ	ὕδατος (hýdatos)	ὕδατ- (hýdat-)
αἷμα	αἵματος (hámatos)	αἵματ- (haímat-)
ἀνήρ	ἀνδρός (andros)	ἀνδρ- (andr-)

Естественно, в материале курса должен быть представлен достаточно полный перечень подобного рода существительных, и прежде всего тех, которые входят в состав медицинской терминологии.

Сведения о прилагательных должны представлять информацию обо всех основных разновидностях этой части речи в древнегреческом языке, то есть о прилагательных 1–2 и 3 склонений, а у прилагательных 3-го склоне-

ния следует рассмотреть все три разновидности — с одним, двумя и тремя окончаниями, например:

Прилагательное в словарной форме	Значение
νέοζ, νέα, νέον	новый
μικρόζ, μικρά, μικρόν	малый
γλυκύζ, γλυκεῖα, γλυκύ	сладкий
ψευδήζ, ψευδέ́ζ	ложный
πέ́νηζ, πένητοζ	бедный

Внимание следует уделить и словарной форме особых разновидностей прилагательных, например прилагательному μέγας, μεγάλε, μέγα (большой). Важность знания родовых форм данного прилагательного и его основы в том, что две трети сложных слов образуется с помощью основы megal-, а одна треть — с помощью формы среднего рода mega- [7, 2, 36–37], например:

Термин	Перевод
megalodactylia	мегалодактилия, увеличенные размеры пальцев
megalocytus	мегалоцит, крупный эритроцит
megacolon	мегаколон, увеличенные размеры прямой кишки

Если говорить о глаголе, то в качестве словарной формы можно ограничиться только формами 1-го лица настоящего времени действительного или медио-пассивного залогов и соответствующими формами инфинитива, поскольку эти формы приводятся в этимологических справках, например, в словаре Г. Арнаудова [1, 223; 377]:

Термин и его значение	Этимологическая справка
ileus — непроходимость кишечника	греч. εἰλέ́ω (eiléo) — прижимать, ущемлять
ischaemia — уменьшение или прекращение притока артериальной крови	греч. ἴσχω (íscho) — задерживать, препятствовать
phagocytus — клетка, поглощающая чужеродные тела	греч. φαγεῖν (phageín) — есть, поедать

Однако целесообразно ввести также формы причастий настоящего времени действительного и медио-пассивного залогов, поскольку эти формы тоже служат источниками латинских терминов, сравним:

Латинский термин и его значение	Исходное слово и его значение
hormonum — гормон, биологически активное вещество, которое образуется железами внутренней секреции	греч. ὁρμῶν (hormón) < ὁρμάων (hormaon) букв.: «приводящий в движение» < ὁρμάω — приводить в движение
phaenomenon — необычное явление или случай	греч. φαινό́μενον — являющееся, показывающееся < φαίνομαι — являться, показываться

Если говорить о числительных и приставках, а вернее, о предлогах, употребляющихся в качестве приставок, то нет необходимости вводить этот грамматический материал в содержание предлагаемого курса, поскольку важнейшие греческие приставки и числительные в роли приставок изучаются в программном курсе латинского языка. Не забудем также, что значительное количество греческих именных основ осваивается в курсе латинского языка в клиническом разделе программы. Очевидно, что этот морфологический и лексический материал изучался бы на новом качественном уровне после прохождения курса древнегреческого языка, ибо значительное количество этого материала было бы уже пройдено в качестве лексического материала к занятиям курса.

Таким образом, мы отметили тот основной объем материала, который, как нам представляется, целесообразно включить в курс «Элементы древнегреческого языка в латинской медицинской терминологии» в медицинском вузе. Примерный тематический план такого курса мог бы выглядеть следующим образом:

Тема занятия	**Количество часов**
Введение в предмет курса. Фонетика. Буквы древнегреческого алфавита, произношение букв. Произношение дифтонгов	2
Ассимиляция древнегреческих букв и сочетаний букв в латинской медицинской терминологии	2
Ударение в древнегреческом языке	2
Закономерности определения ударения в латинизированных грецизмах	2
Существительные 1-го склонения	4
Существительные 2-го склонения	2
Ассимиляция существительных 1-го и 2-го склонений в латинской именной системе	2
Прилагательные 1-го и 2-го склонений	4
Существительные 3-го склонения	4
Ассимиляция существительных 3-го склонения в латинской именной системе	4
Прилагательные 3-го склонения	4
Глагол в действительном и медио-пассивном залогах в системе настоящего времени (1-е лицо и инфинитив)	2
Причастия настоящего времени действительного и медио-пассивного залога	2
Итого	36

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медицинская* терминология на пяти языках: Latinum. Русский. English. Francais. Deutch / авт.-сост. Г. Д. Арнаудов. – София : Медицина и физкультура, 1964. – 1029 с.

2. *Боголепов, В. М.* Учебник латинского язика / В. М. Боголепов. – М. : Медгиз, 1956. – 334 с.

3. *Закалюжний, М. М.* Латинська мова і основи медичної термінології / М. М. Закалюжний, Г. Б. Панасюк. – Тернопіль : Укрмедкнига, 2004. – 424 с.

4. *Ивахнова-Гордеева, А. М.* Древнегреческий язык. Элементарный курс с упражнениями для студентов-медиков и преподавателей : учеб. пособие / А. М. Ивахнова-Гордеева, А. С. Смирнова ; под ред. А. М. Ивахновой-Гордеевой. – СПб. : СпецЛит, 2013. – 112 с.

5. *Карузин, П. И.* Словарь анатомических терминов / П. И. Карузин. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – 293 с.

6. *Латинська* мова. Рецептура. Клінічна термінологія / Г. О. Краковецька, В. М. Бобирьов, О. М. Беляєва. – Київ : Здоров'я, 1999. – 360 с.

7. *Латинско*-русско-латышский словарь медицинских терминов : в 2 т. / авт.-сост. К. Рудзитис. – Рига : Лиесма, 1973–1977. – 2 т.

8. *Тритенко, Е. В.* Медицинская терминология и древнегреческий язык / Е. В. Тритенко : учеб. пособие. – М. : Лабиринт, 2009. – 106 с.

Впервые опубликовано: Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи : зб. ст. І Всеукраїн. наук.-практ. конф. з міжнар. участю, Полтава, 11–12 травня 2016 р. / ВДНЗУ "Українська медична стоматологічна академія» [та ін.]. – Харків : Тім Пабліш Груп, 2016. – С. 261–269.

МЕДИЦИНСКАЯ И БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАТЫНЬ В НАШИ ДНИ: ТРАДИЦИОННЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-НАУЧНЫЙ СТАТУС И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Еще несколько десятков лет назад казалось, что знаменитый постулат «Non est via in medicina sine lingua Latina» не подлежит пересмотру, и латынь в функции специфического международного языка биологических наук и медицины в обозримом будущем будет сохранять свой веками наработанный авторитет и статус. Однако процессы глобализации и интеграции в сфере науки и образования объективно выдвинули на первое место в информационном и дидактико-когнитивном пространстве английский язык. Сегодня он активно вторгается в медико-биологическую и клиническую терминологию как на профессионально-научном, так и на бытовом уровне — в научных публикациях, справочной литературе, в медицинских учреждениях, аптеках, на экранах телевизоров и на страницах газет. Мы все чаще слышим вместо привычного «Витамин Ц» — «Витамин Си», вместо «инсу́льт» — «и́нсульт», вместо «трансплантат» — «трансплант» et cetera. По словам профессора МГУ им. М. В. Ломоносова, доктора биологических наук и автора учебника «Ботаническая латынь» В. П. Прохорова, студенты и специалисты все чаще произносят латинские слова в ботанических терминах по фонетическим правилам английского языка [13, с. 5].

Знак равенства между терминами на латинском и английском языках начинают ставить и преподаватели анатомии при обучении иностранных студентов на английском языке. Это особенно происходит в тех случаях, когда буквенный состав терминов в двух этих языках совпадает или почти совпадает, — сравним, например, латинский термин frenulum veli и его ан-

глийский эквивалент frenulum veli, латинское название nucleus anterior и его английский эквивалент anterior nucleus. Согласно правилам Международного комитета по анатомической терминологии, национальные анатомические номенклатуры создаются только на основе международного, т. е. латиноязычного варианта этой номенклатуры [12, с. V], и таким путем, очевидно, создавалась и английская анатомическая номенклатура. Однако, на наш взгляд, английские анатомы пошли неверным путем, в массовом порядке ассимилируя латинские термины не только лексически, но и морфологически и синтаксически, т. е. сохраняя в английских эквивалентах латинских терминов латинскую лексику в формах ее косвенных падежей. В результате такой многоплановой ассимиляции часто теряется логико-познавательная связь между лексическими единицами в латинском термине и его английском эквиваленте. Сравним, в частности, две следующие группы латинских терминов и их английских эквивалентов:

Латинский термин	**Английский эквивалент**	**Латинский термин**	**Английский эквивалент**
Cellulae ethmoidales	Ethmoidal cells	Cornu superius	Superior horn

В даной группе примеров морфолого-синтаксические связи внутри каждого термина на английском языке полностью соответствуют языковым стандартам, поэтому понимание и усвоение таких терминов не создает студентам особых когнитивных проблем. Однако рассмотрим вторую группу примеров.

Латинский термин	**Английский эквивалент**	**Латинский термин**	**Английский эквивалент**
musculi palati mollis et faucium	muscles of soft palate and faucium	Musculus extensor digiti minimi	Extensor digiti minimi

В данной группе эквивалентных терминов смысл каждого английского термина становится понятным только при точном понимании латинской грамматической формы и смысла каждого использованного в нем латинизма. Если же студенты изучают названия указанных анатомических структур только на английском языке, то эти названия будут представлять для них набор непонятных латинских слов, не укладывающихся в логически осмысленную связь. Вот почему путь обучения студентов англоязычному варианту анатомической терминологии без опоры на основы латинской лексики и грамматики, на наш взгляд, малопродуктивен. Ведь одно дело, если студенты, приступая к изучению анатомии на английском языке, уже имеют базисные знания по латинской грамматике, полученные в школах, лицеях или гимназиях, как это принято в странах Западной Европы, Канады и США, и совершенно другое, если анатомическая терминология преподается иностранным студентам, приезжающим к нам на учебу из стран так называемого третьего мира. Однако, сравнивая последний вариант Международной анатомической номенклатуры [12] с предыдущими [5], становится очевид-

ной тенденция к росту латинских заимствований в англоязычной версии анатомических терминов, в том числе и многословных терминов со сложной синтаксической структурой. Такая же картина наблюдается при анализе лексики в англоязычном варианте Международной гистологической терминологии [18]. При всей кажущейся выгоде такого феномена для латинского языка, его последствия для преподавания курса латыни англоязычным студентам несут в будущем целый ряд вызовов, которые для латинистов могут воплотиться в реальные потери части учебной аудитории и учебного времени.

Приведенные примеры показывают, что английский язык в медико-биологической терминологии начинает играть по существу роль «троянского коня» по отношению к латыни. Близость значительного количества заимствованных лексем к латинскому первоисточнику склоняет многих — и педагогов, и ученых-теоретиков — пренебрегать латынью и лексико-грамматическими законами ее функционирования в медико-биологических номенклатурах и навязывать гибридные латино-английские лексические модели при введении новых терминов. Такое мнение подтверждает и история ставшего печально знаменитым в последнее время термина «коронавирус», составленного из двух латинских слов [4, с. 203; с. 827]. Первое слово — **corona** (венец, корона) — употреблено в названии данного вируса в связи с тем, что его внешняя оболочка с редкими шипами напоминает, как считается, корону солнца при её затмении. Вторая часть термина — существительное **virus** (яд), которое с возникновением вирусологии в конце XIX в. начало употребляться в значении «вирус». В латинском словообразовании существует многовековое правило соединения двух слов в составе термина, в соответствии с которым первая часть слова (основа существительного) — присоединяется к второй части (основе второго существительного) с помощью соединительного гласного -о-, например: fibrocartilago (волокнистый хрящ) (лат. fibra — волокно + лат. catilago — хрящ) в анатомической терминологии; normócytus (нормоцит) (лат. norma — норма + новолат. cytus — клетка) в гистологической терминологии; lactobacillus (молочнокислая бактерия) (лат. lac, lactis — молоко + лат. bacillus — палочка) в микробиологии. Однако в термине ***coronavirus*** соединены два латинских существительных без соединительного гласного **-о-**, в результате чего в мировое информационное пространство вместо ожидаемого варианта **coronovirus** был запущен англоязычный вариант ***coronavirus***. Впрочем, в микробиологических названиях нередко встречаются подобного рода терминологические ошибки, например: **Catellaspŏra** [8, с. 379] вместо ***Catellospŏra*** (лат. catella — цепочка + новолат. spora — спора из греч. sporá — посев, семя) или **Aquaspirilla** вместо ***Aqospirillum*** (лат. aqua — вода + новолат. spirillum — извивистое щупальце) [8, с. 30]. А в номенклатурных микробиологических названиях можно обнаружить и более существенные ошибки грамматического плана. Например, в популярном в Беларуси учебном пособии В. В. Лысака «Мик-

робиология» [8, с. 419−426] можно встретить следующие термины, которые мы представим здесь в сравнении с их надлежащими версиями:

Латинский термин	**Надлежащая версия**	**Латинский термин**	**Надлежащая версия**
Bacillus polymixa	Bacillus polymixus	Propionibacterium propionicus	Propionibacterium propionicum
Neissaria elongate	Neissaria elongata	Streptomўces scabies	Streptomўces scabiei

Еще больше вопросов с точки зрения и семантики, и грамматического оформления латинских слов вызывает список микробиологических терминов в статье С. Ш. Тер-Казаряна и В. А. Романовской, посвященной русским названиям бактерий санитарно-эпидемиологического контроля [15]. Однако, судя по сборникам материалов научно-методических конференций и научных статей, латинская микробиологическая и в целом биологическая терминология за последние полвека практически выпала из поля зрения латинистов. Но даже наш небольшой экскурс в латинскую микробиологическую терминологию показывает, что здесь много дискуссионных вопросов, которые следует обсуждать и решать. Основы составления латинских биологических терминов на латинском языке, закладываются, как известно, на первом курсе на занятиях по латинскому языку. Но в пределах 32 или 36 часов аудиторных занятий, отводимых учебной программой на курс практических занятий по латинскому языку для будущих биологов, невозможно уделить достаточно времени образованию всех разновидностей латинской биологической терминологии, в том числе и микробиологической. В связи с этим заметим, что до середины 90-х годов в университетах Беларуси будущим биологам курс латинского языка вообще не преподавался. Автор данной статьи принимал участие в разработке первого в Беларуси учебного пособия по биологической латыни и в его апробации на биологическом факультете Белорусского госуниверситета [16]. Но 32–36-часовой курс аудиторных занятий в университетах Беларуси, как и в университетах Украины [14], явно недостаточен, если учесть то, что специалист-ботаник должен уметь составить на латинском языке ботанический прогноз или протолог, т. е. описание нового вида растительного мира [1, с. 126]. Какими должны быть на самом деле знания ботаника в области латыни, видно из приложения № 4 «Наиболее употребительные латинские выражения и сокращения, встречающиеся в номенклатурных цитатах и протологах») в издании «Ботаническая номенклатура», занимающее 30 (!) страниц [1, с. 129–160]. Поэтому можно только приветствовать инициативу ученых-ботаников Российской Федерации, недавно подготовивших к изданию учебник по ботанической латыни, рассчитанный на студентов старших курсов, преподавателей и специалистов, в котором представлен и достаточно основательный курс латинской грамматики, и другие необходимые учебные материалы [13]. Их усвоение позволит как студенту старших курсов, так и специалисту-ботанику

самостоятельно переводить с латыни или на латынь с помощью терминологических словарей ботанические диагнозы и использовать профессиональный справочный аппарат на латыни. Хочется надеяться, что подобного плана учебники появятся и в Украине, и в Беларуси.

Традиционно не любят дружить с латинистами и отечественные фармацевты и фармакологи. Если взять настольную книгу каждого фармаколога советского времени — «Лекарственные средства» М. Д. Машковского, продолжающую выходить в России и в наше время, то в ней можно встретить немало орфографических и лексико-грамматических ошибок, повторяющихся от издания к изданию. Возьмем, для сравнения, 10-е издание 1986 г. [9, т. 1. с. 12, с. 36; т. 2, с. 253] и 16-е издание 2011 г. [10, с. 21, с. 357, с. 813], где увидим все те же неправильно оформленные термины:

Напечатано в обоих изданиях	**Правильный вариант**
Atther pro narcosi ***stabilisatum***	Atther pro narcosi ***stabilisatus***
Elixir ***pectoralis***	Elixir ***pectorale***
Laevomycetini succĭnas ***solubile***	Laevomycetini succĭnas ***solubilis***

К сожалению, подготовка к изданию первой Государственной фармакопеи Республики Беларусь на русском языке тоже обошлась без сотрудничества ее составителей с латинистами. Удивительно, но в первом томе издания в материале, посвященном лекарственным формам [2, с. 600–656] нет даже упоминания о латинских названиях этих форм, словно эти названия уже юридически повсеместно выведены из фармацевтического обращения, что, конечно же, не соответствует действительности. В Постановлении № 66 МЗ Республики Беларусь от 09.09.2014 года записано, что в рецептах обозначения лекарственных форм и сокращений указываются на латинском, белорусском и русском языках, и в такой записи действительно имеется лазейка для игнорирования латыни. Но значит ли это, что фармацевты, фармакологи и врачи должны от нее отказаться? Вряд ли настоящие профессионалы в этих областях теоретической и практической медицины нашего времени согласятся с такой постановкой вопроса, учитывая хотя бы интернациональную значимость рецептурных записей на латинском языке. Но очевидно, что в свете упомянутого Постановления составителям национальной фармакопеи стало легче исключить из нее все формулировки на латинском языке, ибо это позволило им скрыть пробелы в их знаниях в области профессиональной латыни. Эти пробелы, тем не менее, обнаруживаются во втором томе фармакопеи, где систематизированы названия субстанций для фармацевтического использования [3]. Здесь составители данного тома в подаче латинских названий субстанций полностью ориентируются на англоязычные названия этих субстанций и допускают многочисленные орфографические и лексико-грамматические ошибки в латинском тексте. Непродуктивной следует считать и подачу названий частей лекарственных растений на русском языке во множественном числе, а на латин-

ском, следуя английской версии — в единственном. Это, несомненно, будет дезориентировать и студентов, и преподавателей, когда такие формы в качестве нормативных закрепятся на страницах отечественной учебной и справочной литературы. В свете сказанного рассмотрим хотя бы несколько примеров:

Страница	Текст в Фармакопее на русском, латинском и английском языках	Правильный вариант на латинском языке
714	Натрия гидрокарбонат — Natrii hydrogenocarbōnas (англ. Sodium Hydrogen carbonate)	Natrii hydrocarbonas
715	Этанол безводный — Ethanolum anhydricum (англ. Ethanol anhydrous)	Aethanolum anhydricum
1187	Лимонника плоды — Schisandrae chinensis fructus (англ. Schisandra fruit)	Schizandrae chinensis fructus
1309	Сенны листья с плодами — Sennae folium cum fructus (англ. Senna leaf with pods)	Sennae folia cum fructibus

Но еще большим вызовом для статуса латыни в структуре подготовки будущих медицинских специалистов являются предложения о сокращении объема курса латинского языка в медицинских вузах, которые начинают исходить от самих преподавателей-латинистов [6]. Обосновав свои предложения фактом вхождения Беларуси в Болонское образовательное пространство (в которое, кстати, еще не вошли медицинские вузы Беларуси — А. Ц.), предлагают: 1) сократить сетку часов на данную дисциплину до одного семестра за счет значительного сокращения раздела «Фармацевтическая терминология и рецептура», учитывая то, что действующая инструкция «О порядке выписки рецепта врача» разрешает указывать обозначение лекарственных форм и рецептурные сокращения на латинском, белорусском или русском языке; 2) в рамках преподавания основ греко-латинской клинической терминологии подавать материал только в кириллическом написании; 3) в рамках преподавания основ анатомо-гистологической терминологии отказаться от заучивания словарных форм существительных и прилагательных [6, с. 368]. Удивительно, как автор этих слов, много лет преподающий латынь, может вносить такие предложения, которые фактически закрывают будущее для ее преподавания в медицинских вузах, утверждая при этом, что «изъять преподавание основ греко-латинской терминологии из учебных планов медицинских факультетов совершенно невозможно» [6, с. 366]. Да, после реализации этих предложений курс основ греко-латинской терминологии могут сохранить, но сведут его к весьма ограниченному количеству аудиторных занятий, что в итоге сделает латынь только небольшим придатком к профильным медицинским предметам и лишит этот курс статуса самостоятельной дисциплины. Расценивая a priori изложенные выше предложения в целом как профессионально несостоятельные, выскажем по их поводу еще некоторые конкретные критические замечания.

Многолетняя практика преподавания основ латинской терминологии свидетельствует о том, что невозможно составлять многословный латинский термин без знания словарной формы составляющих его слов, которая определяет тип синтаксических связей между ними. Возьмем уже приводившийся выше термин musculi palati mollis et faucium. Можно ли различить форму синтаксической взаимосвязи внешне похожих (имеющих одинаковое окончание) и рядом расположенных, но совершенно различных морфологически и грамматически слов musculi palati, не зная исходной словарной формы каждого из этих слов, то есть, не определив их изначальный грамматический статус? Разве не требуется, например, в немецком языке, где тоже три рода у существительных и четыре падежные парадигмы, непременное знание словарной формы каждого существительного? Все указывает на то, что подобного рода советы могут лишить учащегося осознанных логических основ понимания принципов соединения латинских слов в термин, лишить его той мыслительной активности при работе с латинскими терминами, которая тренирует ум и обеспечивает осознанное понимание познаваемых языковых явлений. Как говорят многие в наше время, «зачем заучивать то, что можно подсмотреть в смартфоне или компьютере?». Но именно на осознанном заучивании и личном осмыслении, как базисной основе образования, были построены все научные достижения как античной цивилизации, так и тех, которые приходили ей на смену до эпохи эры электронных гаджетов. Многие современные ученые-биологи считают, что в последние столетия идет достаточно быстро поглупление человека на генетическом уровне, усугубляющееся засильем гаджетов и падением активности умственной деятельности. И если можно было бы с помощью машины времени перенести маленьких детей из Древней Греции и Древнего Рима в наши дни и дать им достойное образование, то они выросли бы такими гениями, что превзошли бы всех нынешних мудрецов и наоткрывали бы такого, что нам и не снилось [6]. Поэтому не зря выдающийся современный специалист в области нейропсихологии мышления и речи, профессор Санкт-Петербургского университета Т. В. Черниговская заявляет, что она — сторонница традиционного классического образования. Ведь для перспектив умственного развития современного человека, теряющего навыки творческого мышления из-за засилья гаджетов, считает ученый, очень важно изучать древнегреческий и латынь, так как это изучение — невероятная тренировка нейронной сети мозга человека [17].

Сомнительным представляется и предложение перевести на кириллицу весь лексико-терминологический материал клинического раздела курса латинского языка. Во-первых, нельзя ставить знак равенства между преподаванием такого материала в западноевропейских университетах, которое осуществляется на базе латиницы и ipso facto в орфографическом плане облегчает студентам усвоение лексики. Затем, как быть с многословными

латинскими терминами, являющимися основой клинических диагнозов и служащими информационной основой для врачей всего мира?

Кроме того, в преподавании клинического раздела установилась многолетняя традиция параллельного изучения греческих корней с их латинскими эквивалентными названиями анатомо-гистологических структур и различных субстанций, что значительно расширяет общемедицинский лексикон будущих врачей. А учитывая постоянный рост международных профессиональных контактов, разве можно сегодня говорить о преподавании материала клинического раздела курса латинского языка только на русском, белорусском или украинском языке? Ведь любое упрощение и сужение кругозора будущих медицинских специалистов в той лексико-понятийной сфере, которая складывалась в европейской науке в течение столетий на основе латыни и присутствует сегодня в общеевропейском научном пространстве — это не тот путь, который способствует прогрессу любой национальной науки в условиях ее постоянных контактов с интернациональным понятийным аппаратом. Давайте все-таки не забывать того факта, что гимн объединенной Европы, в которую мы все стремимся, написан на латинском языке, давайте не пренебрегать многовековым вкладом латыни в интернациональную научную терминологию и соблюдать надлежащим образом ее употребление в закрепленных за ней образовательных и научных сферах!

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев, Е. Б.* Ботаническая номенклатура / И. А. Губанов, В. И. Тихомиров. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – 168 с.

2. *Государственная* фармакопея Республики Беларусь : в 3 т. / М-во здравоохранения Респ. Беларусь, Центр экспертиз и испытаний в здравоохранении ; под. общ. ред. Г. В. Годовальникова. – Минск : МГПТК полиграфии, 2006. – Т. 1 : Общие методы контроля качества лекарственных средств. – 656 с.

3. *Государственная* фармакопея Республики Беларусь: (ГФ РБ II): разработана на основе Европейской Фармакопеи : в 2 т. / М-во здравоохранения Респ. Беларусь, Центр экспертиз и испытаний в здравоохранении ; под общ. ред. С. И. Марченко. – Молодечно : Победа, 2016. – Т. 2 : Контроль качества субстанций для фармацевтического использования и лекарственного растительного сырья. – 1368 с.

4. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.

5. *Дзюбенко, К. А.* Анатомічний українсько-латинсько-англійський словник-довідник : посіб. для викладачів та студентів вищ. і серед. навч. закл. / К. А. Дзюбенко. – Київ : Довіра, 1997. – 343 с.

6. *Кожемякин, В.* Не венец эволюции / В. Кожемякин // Аргументы и факты. – 2020. – 22 сент. (№ 38). – С. 30.

7. *Кондратьев, Д. К.* О преподавании медицинской латыни в европейском высшем медицинском образовании / Д. К. Кондратьев // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. – Т. 16, № 3. – С. 366–368.

8. *Лысак, В. В.* Микробиология : учеб. пособие / В. В. Лысак. – Минск : БГУ, 2007. – 426 с.

9. *Машковский, М. Д.* Лекарственные средства : в 2 т. / М. Д. Машковский. – 10-е изд. стер. – М. : Медицина, 1986. – Т. 1. – 624 с.

10. *Машковский, М. Д.* Лекарственные средства : в 2 т. / М. Д. Машковский. – 10-е изд. стер. – М. : Медицина, 1986. – Т. 2. – 576 с.

11. *Машковский, М. Д.* Лекарственные средства / М. Д. Машковский. – 16-е изд., перераб., испр. и доп. – М. : Новая волна, 2011. – 1216 с.

12. *Международная* анатомическая терминология (с официальным списком русских эквивалентов) = Terminologia Anatomica / под ред. Л. Л. Колесникова. – М. : Медицина, 2003. – 424 с.

13. *Прохоров, В. П.* Ботаническая латынь : учеб. и практикум для академ. бакалавриата / В. П. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 238 с.

14. *Ревак, Н.* Латинська мова та основи біологічної термінології : підруч. / Н. Ревак, В. Сулим, О. Назаренко. – Львів : ЛНУ ім. І. Франка, 2014. – 214 с.

15. *Тер-Козарян, С. Ш.* Проект списка русских названий бактерий санитарно-эпидемиологического контроля: транслитерация родовых названий и ассимиляция двухсот двадцати пяти видовых эпитетов / С. Ш. Тер-Козарян, В. А. Романовская // Український медичний часопис. – 2006. – № 3 (53). – С. 69−77.

16. *Цисык, А. З.* Дверь в латинский язык и биологическую терминологию : учеб. пособие / А. З. Цисык, Г. И. Шевченко. – Минск : БГУ, 1999. – 115 с.

17. *Планета* зависит от человека. – URL: https://iz.ru/7005469/planeta-zavisit-ot-cheloveka (дата обращения: 14.10.2020).

18. *Terminologia* histologica. Международные термины по цитологии и гистологии человека с официальным списком русских эквивалентов / под ред. В. В. Банина, В. Л. Быкова. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2009. – 272 с.

Впервые опубликовано: Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи : зб. ст. V Міжнар. наук.-практ. конф., Полтава, 19–20 листопада 2020 р. – Полтава : Астрая, 2020. – С. 403–411.

МЕСТО, ОБЪЕМ И СОДЕРЖАНИЕ КЛИНИЧЕСКОГО РАЗДЕЛА ТЕРМИНОЛОГИИ В КУРСЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ФАРМАЦЕВТОВ

С тех пор, как преподавание латинского языка будущим фармацевтам приобрело профилирующий характер, в центре внимания учебной программы в целом и каждого конкретного занятия в отдельности всегда были фармацевтическая терминология и рецептура. Об этом свидетельствуют и первые фундаментальные учебники по латинскому языку для фармацевтов, изданные в России в 60-е и 70-е годы [1; 2]. Такой специализации способствует, прежде всего, и сам многосложный и многоаспектный материал фармацевтического раздела, требующий скрупулезной точности в передаче орфографических, грамматических и лексических особенностей каждого термина. Неслучайно на освоение материала по латинскому языку для специальности «Фармация» учебным планом как советских вузов, так и вузов всех стран СНГ отводилось и отводится максимально возможное количество учебного времени (114–108 аудиторных часов). Тем не менее, проблема орфографической, грамматической и лексической компетентности отечественных фармацевтов и фармакологов в сфере латинской терминологии решена еще далеко не полностью, как свидетельствует состояние этого рода

терминов в отечественной справочной литературе, и, прежде всего, в таком известном издании, как справочник М. Д. Машковского «Лекарственные средства». Считая эту проблему заслуживающей отдельного серьезного разговора, в данной публикации нам хотелось бы привлечь внимание всех заинтересованных читателей к еще одной и не менее актуальной проблеме современного преподавания курса фармацевтической латыни — о месте и содержании клинического раздела в составе этого курса.

Как уже упоминалось выше, до определенного времени перед латинистами, преподающими курс фармацевтической латыни, не возникал вопрос о включении клинической терминологии в состав этого курса, поскольку и специальность фармацевта практически не пересекалась с клинической деятельностью. Однако постепенно становилось очевидным, что современный фармацевт, а тем более фармаколог, не может работать в мире лекарств, не вникая в сферу применения этих лекарств, то есть в мир патологических состояний и заболеваний. Сегодня любой человек, покупающий лекарства в аптеке, сплошь и рядом обращается к фармацевту, как к врачу: не просто просит отпустить лекарства от тех или иных болезней, но и рассказывает о том, что, где и как болит и в чем причина недуга. И фармацевт, чтобы отпустить необходимое лекарство, volens-nolens вынужден брать на себя роль диагноста и определять со слов говорящего вероятное заболевание не только самого говорящего, но нередко также и тех, кого нет рядом. Поэтому вполне закономерно то, что в современные учебные планы по специальности «Фармация» введены такие новые дисциплины, как «Патология» и «Фармакотерапия». С другой стороны, в учебные планы специальности «Лечебное дело» введена дисциплина «Клиническая фармакология». Так фармацевтика и врачевание обретают точки соприкосновения и вступают в союз, от которого получают взаимную пользу. А знакомство с миром заболеваний и патологических состояний закономерно предусматривает освоение понятийного и терминологического аппарата данной сферы медицинской науки, основанного на греко-латинских морфемных и лексических элементах и элементах латинской грамматики.

Таким образом, нет сомнений в том, что будущему фармацевту необходимо усвоить определенный курс клинической терминологии. Впервые такой курс предложил М. Н. Чернявский в третьем издании своего учебника для фармацевтов, которое вышло в 1994 году [3]. В десятом занятии (всего их 52) автор вводит понятие о клиническом терминоэлементе (ТЭ), приводит важнейшие латинские и греческие префиксальные ТЭ и 22 начальных ТЭ. Начальные корневые ТЭ, обозначающие органы, пораженные болезнью, вводятся также в занятии 36, а в занятии 37 приведены суффиксы, употребляющиеся в патологических и клинических терминах. Для закрепления всех этих ТЭ приведены упражнения.

Несомненно, методико-дидактические инновации М. Н. Чернявского, касающиеся введения элементов клинической терминологии в курс фарма-

цевтической латыни, были с пониманием и одобрением встречены латинистами России и всех стран СНГ. Известно, что в большинстве вузов России, где готовят будущих фармацевтов, а также в Витебском государственном медицинском университете Республики Беларусь, где также существует фармацевтический факультет, обучение студентов осуществляется на базе отмеченного выше учебника М. Н. Чернявского, а также второго издания этого учебника, вышедшего в 2004 году [4].

Тем не менее, диалектика развития в каждой науке, в том числе и в методике преподавания медицинской и фармацевтической латыни, заставляет посмотреть по-новому на многие устоявшиеся вещи. Поэтому нам представляется целесообразным высказать некоторые замечания в отношении места, объема и содержания материала клинического раздела в современном курсе латинского языка для фармацевтов. Эти замечания представляют для нас особую актуальность, поскольку этой осенью в Белорусском государственном медицинском университете впервые открывается фармацевтический факультет, и перед латинистами нашего вуза поставлена задача: в кратчайшие сроки обеспечить студентов-первокурсников учебной литературой, над чем сейчас и работает группа преподавателей, включая автора данной статьи.

Прежде всего, как нам представляется, следует решить вопрос о количестве учебного времени, отводимого на клиническую терминологию в составе курса латинского языка для фармацевтов. Этот вопрос, очевидно, тесно связан с тем, что следует отнести к материалу, приоритетному для данной категории учащихся и будущих специалистов в сфере фармацевтики и фармакологии. Думается, никто не станет оспаривать той очевидной истины, что данного рода специалистам нет необходимости изучать клиническую терминологию в том объеме, в котором ее изучают даже стоматологи, не говоря уже о представителях таких специальностей, как «Лечебное дело» или «Педиатрия». А что же тогда должно входить в отобранный минимум материала? Согласимся с М. Н. Чернявским, что это прежде всего префиксальные и аффиксальные терминоэлементы, с помощью которых образуются термины самых разных тематических групп (anaemia — анемия, малокровие; hypothyreosis — гипотиреоз, пониженная функция щитовидной железы; hypertensio — гипертензия, повышенное гидростатическое давление в сосудах; mycosis — микоз, общее название грибковых заболеваний; eczema — экзема, рецидивирующее воспаление кожи нервно-аллергического характера; lipoma — липома, опухоль из жировой ткани). Затем изучению подлежат названия основных органов и анатомических структур, которые в виде греческих корневых ТЭ в составе однословных терминов указывают на локализацию патологических процессов и отклонений от нормы (angiostenosis — ангиостеноз, сужение сосудов; gastritis — гастрит, воспаление слизистой оболочки желудка; osteoma — остеома, опухоль из костной ткани; cholecystopathia — холецистопатия, общее название заболеваний

желчного пузыря; polyuria — полиурия, обильное выделение мочи). Предметом изучения должны быть и обозначения различных качественных и количественных характеристик и свойств объектов и явлений, входящих в состав однословных клинических терминов (tachycardia — тахикардия, учащение серцебиения; oligophrenia — олигофрения, умственное недоразвитие; hypoglykaemia — гипогликемия, пониженное содержание глюкозы в крови; photodermatosis — фотодерматоз, заболевание кожи, вызванное повышенной чувствительностью к солнечному свету). Естественно, что учащимся в доступной форме должна быть раскрыта методика образования однословных терминов с помощью соединения аффиксальных и корневых терминоэлементов.

Известно, что в методике преподавания клинической терминологии корневые терминоэлементы принято вводить в комплексе с их латинскими дублетами (haem-, haemat- — sanguis, ĭnis m — кровь; leuc — albus, a, um — белый; xer — сухой). Это вполне оправдано для тех факультетов, где студенты подробно изучают структуру человеческого тела, но вряд ли целесообразно для фармацевтического факультета, где анатомия и гистология практически не изучаются. Поэтому греческие корневые ТЭ здесь целесообразно вводить без латинских дублетов.

Хотя названия, образующиеся путем составления корневых и аффиксальных ТЭ, и составляют большинство однословных клинических терминов, не следует забывать и о тех однословных терминах греческого и латинского происхождения, которые обозначают часто встречающиеся патологические процессы, явления и отступления от нормы (angina — ангина; asthma — астма; coma — кома; herpes — герпес; sepsis — сепсис). Нередко такие слова содержат приставку, которая в составе всего термина уже фактически утратила свою семантику (diabetes — диабет; epilepsia — эпилепсия; infarctus — инфаркт; insultus — инсульт). Минимум таких однословных терминов должен быть подобран с учетом частотности их употребления как во врачебной практике, так и в бытовом употреблении, где названия многих болезней и отклонений от нормы перешли в разряд бытовой лексики.

По крайней мере, два занятия должны быть посвящены многословным клиническим терминам, которые до сих пор употребляются в Международной классификации болезней и, соответственно, в инструкциях по употреблению лекарств применительно к тому или иному заболеванию.

Исходя из предлагаемого содержания клинического раздела, мы считаем целесообразным отвести на его изучение 5 занятий. Три первых занятия должны быть посвящены изучению аффиксальных и корневых терминоэлементов, с помощью которых образуются названия наиболее распространенных отклонений от нормы, патологических состояний и болезней. Два занятия следует посвятить многословным терминам. Время для всех этих занятий при том количестве часов, которое выделяется для дисциплины

«Латинский язык» по учебному плану первого курса для специальности «Фармация», вполне можно изыскать.

Остается вопрос о месте занятий по клинической терминологии в структуре курса фармацевтической латыни. Мы убеждены, что эти занятия нельзя отрывать одно от другого, их нужно дать системно и комплексно, — подобно тому, как изучаются три терминологических комплекса (анатомо-гистологический, фармацевтический и клинический) на лечебном и других факультетах тех вузов, где дисциплина «Латинский язык и основы медицинской терминологии» преподается по системно-терминологическому принципу. Думается, что целесообразнее всего разместить эти занятия в конце рабочей программы, после прохождения всего материала, относящегося непосредственно к фармацевтике и рецептуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ходорковская, Б. Б.* Учебник латинского языка : для фарм. ин-тов (ф-тов) / Б. Б. Ходорковская. – М. : Медицина, 1964. – 350 с.

2. *Чернявский, М. Н.* Латинский язык и основы фармацевтической терминологии : учеб. для фарм. ин-тов и фармац. ф-тов мед. ин-тов / М. Н. Чернявский. – М. : Медицина, 1975. – 335 с.

3. *Чернявский, М. Н.* Латинский язык и основы фармацевтической терминологии : учеб. для фармац. ин-тов и фармац. фак. мед. вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Медицина,1994. – 382 с.

4. *Чернявский, М. Н.* Латинский язык и основы фармацевтической терминологии : учебник / М. Н. Чернявский. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Медицина, 2002. – 445 с.

Впервые опубликовано: Актуальные проблемы современного научного знания : материалы IV междунар. науч. конф. / Пятигор. гос. лингвист. ун-т ; под общ. ред. Н. А. Стадульской. – Пятигорск : ПЛГУ, 2011. – С. 210–215.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ НА КАФЕДРЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА МЕДИЦИНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Участие студентов в научно-исследовательской работе является одной из форм их внеаудиторной подготовки в многоаспектной системе приобретения знаний и навыков, входящих в их будущую профессиональную компетентность [2]. В медицинских университетах эта работа особенно важна для медико-биологических и клинических кафедр, поскольку дает возможность выявить наиболее одаренных и креативных студентов для их подготовки к будущей педагогической или научной работе. В этом плане научно-исследовательская работа студентов на кафедрах гуманитарного профиля не носит столь определенно выраженной профессионально-целевой направленности и имеет, прежде всего, на первый взгляд, информационно-познавательный характер. Но в этом вопросе имеются и еще некоторые

весьма важные аспекты, которые мы рассмотрим в контексте анализа организации студенческой НИР на кафедре латинского языка Белорусского государственного медицинского университета.

По многолетней традиции, студенческая НИР на кафедре организуется в форме научного студенческого кружка, работой которого руководит один из преподавателей кафедры. На первом заседании кафедры в начале учебного года утверждается тематика студенческих научных работ, которая доводится до сведения студентов в стендовом и электронном вариантах. К концу октября у научного руководителя студенческим кружком НИР уже имеется полная информация об исполнителях работ по каждой теме, на основании чего формируется план работы кружка и определяется его староста. На собраниях кружка (один раз в месяц, начиная с ноября) заслушиваются и обсуждаются 1–2 доклада, подготовленных согласно плану. Лучшие работы рекомендуется включить в программу университетской студенческой научной конференции, которая ежегодно проводится в БГМУ. Эти доклады зачитываются на секции «Латинский язык» данной конференции, где определяются и награждаются победители, работы которых в дальнейшем будут участвовать в межвузовском конкурсе студенческих научных работ.

Таковы общие принципы организации НИРС не только в БГМУ, но и в других учреждениях высшего медицинского образования не только Республики Беларусь, но и других постсоветских республик, так как эти общие принципы складывались десятилетиями за годы существования этих бывших республик в составе Советского Союза. Однако в данной статье мы хотели бы обратить внимание на отдельные детали этой работы и высказать некоторые замечания и предложения, исходя из многолетнего опыта организации НИРС и проведения студенческих научных конференций на кафедре латинского языка Белорусского государственного медицинского университета.

Прежде всего, при ежегодной работе студенческого научного кружка, в котором принимают участие 8–10 студентов, возникает проблема тематики научной работы каждого кружковца. Традиционно, еще при организации работы кружка, который существует уже около двадцати лет, при обсуждении этого вопроса на кафедре было принято решение предлагать студентам тематику по трем основным направлениям: 1) латинская медицинская терминология (исторические, этимологические, грамматические аспекты); 2) культурологические вопросы (культура, литература, искусство Древней Греции и Рима); 3) античность и современность (античные истоки современных понятий, медицинских и медико-биологических наук, античные идеи, девизы и образы в современной действительности и др.). За долгие десятилетия существования сначала курса, а затем кафедры латинского языка нашего вуза каждому преподавателю, пришлось и приходится, в меру его знаний и фантазии, ежегодно подыскивать новую тему для своего подопечного студента. При этом, когда на заседании кафедры обсуждается

и утверждается тематика НИРС, нередко возникают дискуссии по поводу тематики той или иной работы, и прежде всего по поводу ее актуальности и новизны, так как не секрет, что в преподавательском коллективе всегда есть люди, предпочитающие использовать информацию и тематику десятилетней давности, а не предлагать новые идеи и темы. В этом плане и руководитель кружка, и лица, отвечающие за научную работу на кафедре, должны, во-первых, сами показывать пример в поиске новых тем для студенческих докладов, а, во-вторых, решительно оппонировать преподавателям, формально относящимся к своим обязанностям в сфере студенческой научной работы. В наши дни развитие и доступность компьютерной техники заметно упрощает работу и преподавателя, и студента при поиске необходимой информации. Кстати, появление и функционирование понятий и терминов в информационной и компьютерной сфере, созданных на основе античной лексики, тоже дает немало материала для определения тематики для студенческой научной работы и может быть фактором, особо привлекательным для студенческой молодежи. Редкий доклад на кружке, а тем более на студенческой конференции, в наши дни обходится и без красочной компьютерной презентации, особо привлекающей внимание присутствующих.

Однако в данной статье хотелось бы главное внимание обратить на такой важный элемент научной студенческой конференции, как обсуждение сделанного доклада. Известно, что в большинстве случаев существует практика переноса вопросов к докладчику на время после прочтения всех докладов. Чаще всего это обосновано дефицитом времени, отводимого на работу каждой секции конференции. Но в любом случае, качество работы конференции от подобной процедуры, несомненно, только проигрывает. Ведь после прочтения всех докладов у слушателей накопилась уже определенная усталость и в предвкушении завершения работы конференции сложно ожидать всплеска интереса к содержанию какой-то работы даже у присутствующих в данной аудитории преподавателей. Именно поэтому на кафедре латинского языка БГМУ за последние годы принято обсуждать каждый студенческий доклад непосредственно после его завершения, отводя на это 5–10 минут. О пользе таких обсуждений хотелось бы поговорить более подробно.

Во-первых, непосредственно после доклада, в атмосфере его еще сохраняющегося информационного поля, существует возможность задать докладчику те или иные уточняющие вопросы для более объективной оценки качества его работы. Это могут быть вопросы, касающиеся всей направленности доклада или его тематики, отдельных его формулировок, или даже отдельных слов. Например, по докладу, посвященному теме абортов в античном мире, докладчику задавались вопросы, касающиеся не только самого латинского термина «аборт» (abortus), но и личного отношения студента к данной проблеме и его осведомленности с состоянием данной проблемы в Республике Беларусь. Опыт таких обсуждений показывает, в частности,

что не только студенты, но и их научные руководители зачастую формально относятся к подготовке работы, особенно не вникая ни в ее заглавие, ни в содержание. Становится неудобно за коллег, когда в работе, посвященной медицинским символам, ни автор работы, ни его научный руководитель не могут объяснить происхождение понятия и термина «символ», а после доклада, посвященного латинским терминам в музыке — происхождение такого известного всем слова как «музыка». Подобного рода ситуация наблюдается и в тех случаях, когда доклад посвящен терминологии медицинского или медико-биологического содержания. Например, после чтения доклада, посвященного названию заболеваний, вызываемых паразитарными организмами, один докладчик не смог объяснить, откуда в научный обиход пришло слово «паразит», а другой, в докладе о названии отравлений, не смог вразумительно объяснить связь между названием римского бога Меркурия и вторым латинским названием химического элемента ртуть — Mercurium, наряду с Hydrargyrum. Эти и другие многочисленные факты, которые мы наблюдаем каждый год при обсуждении студенческих докладов, говорят о тенденции к снижению осведомленности молодого поколения с реалиями, понятиями и терминами, пришедшими к нам из античного мира. Они же говорят и о настоятельной необходимости просвещения студенческой молодежи во всем, что имеет отношение к античности, тысячами нитей связанной с современностью.

Однако, что говорить о степени информированности об античном мире вчерашних абитуриентов, если в наше время появляются люди без специального образования в области античных языков и античной культуры, которые берутся просвещать широкие массы с помощью словарей, посвященных античности, в которых полно ошибок и неточностей. Такие словари ложной информацией могут сбить с толку не только молодого человека, готовящего доклад или реферат, но любого школьного и вузовского педагога. Мы говорим в данном случае об издании «Этимологический словарь. Античные корни в русском языке», вышедшем в Москве в 2016 г. под эгидой Института русского языка им. В. В. Виноградова [1]. В рамках данной статьи мы не можем подробнее вести речь об этом словаре, но призываем всех, кто его увидит, не обращаться к нему за справками, а пользоваться другими имеющимися справочными изданиями. Для большей осведомленности рекомендуем ознакомиться с тремя критическими выступлениями по поводу указанного словаря на видео моего канала «Античность и современность Андрея Цисыка» на YouTube с 29.07. по 23.08.2024 г.

Возвращаясь к теме обсуждения студенческих научных докладов, мы подчеркиваем, что такое обсуждение мы рекомендуем ввести коллегам-латинистам не только медицинских, но и других вузов, в которых существуют те или иные курсы латинского языка или античной культуры. Такое 30–45-минутное живое общение, включающее комментирование преподавателями терминов, понятий и фактов, связанных с античностью, надолго

запомнится студентам-первокурсникам и станет важной вехой в их интеллектуальном развитии и профессиональной подготовке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильяхов, А. Г.* Этимологический словарь. Античные корни в русском языке / И. Г. Ильяхов. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 448 с. (Настол. слов. рус. яз.).

2. *Петрова, С. Н.* Научно-исследовательская деятельность студентов как фактор повышения качества подготовки специалистов / С. Н. Петрова // Молодой ученый. – 2011. – Т. 2, № 10. – С. 173–175.

Впервые опубликовано: Сучасна медична освіта: методологія, теорія, практика : Матеріали Всеукраїнської навч.-наук. конф. з міжнар. участю, Полтава, 19 берез. 2020 р. – Полтава : Астрая, 2020. – С. 248–249.

НЕКОТОРЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОВРЕМЕННОМУ УРОВНЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Латинская медико-биологическая и отчасти клиническая терминология в наши дни — одна из немногих областей социально и профессионально обоснованного применения элементов латинской лексики, грамматики и некоторых элементов синтаксиса в повседневной профессиональной деятельности специалистов. Важнейшую роль в таком особом статусе латинского языка в данной области играют системы международных медико-биологических номенклатур, в которых главенствующую роль занимают латинские варианты терминов. Сформировать у будущих специалистов базовые знания в области профессиональной латинской терминологии предназначена учебная деятельность преподавателей латинского языка. В наши дни она проводится в современных университетах дипломированными специалистами, работающими в соответствии с учебными программами и календарно-тематическими планами занятий. Однако существуют определенные требования к профессиональной компетентности, без которых вряд ли можно представить себе высокий профессиональный уровень современного преподавателя-латиниста.

Прежде всего, отметим, что многолетняя практика преподавания курса латинского языка будущим врачам, анатомам, гистологам, фармацевтам и биологам убеждает в том, что в роли преподавателя должен выступать филолог, знающий основы древнегреческого и латинского языков, античной истории и культуры. Хочется верить, что канули в Лету те времена, когда в роли таких преподавателей, в силу отсутствия филологов-классиков, выступали специалисты по иностранным языкам, историки, анатомы или фармацевты. Одному из авторов данной статьи, начинавшему преподавательскую деятельность в Минском медицинском институте в 1975 г., пришлось встретиться именно с такой ситуацией, так как в Республике Беларусь

только в 1994 г. был осуществлен первый выпуск отечественных специалистов по латинскому и древнегреческому языкам. Почему так важно, чтобы латинист медицинского вуза знал основы древнегреческого языка, думается, сегодня нет необходимости доказывать, так как по этому поводу уже сказано очень много и не однажды [7]. И поэтому неслучайно в последнее время поднимается вопрос о том, что назрела пора вузовский терминологический курс медицинской латыни озаглавить «Греко-латинское медицинское терминоведение» [5, с. 261].

Однако, молодой специалист, даже с дипломом филолога-классика, начиная трудовую деятельность в должности преподавателя латинского языка медицинского вуза, в течение первых двух-трех лет работы должен освоить значительный объем специфической лексики, практически новой для него, так как во время учебы в университете он имел дело с древнегреческими и латинскими текстами немедицинского содержания, а не с новолатинскими медико-биологическими номенклатурами. Главным объектом внимания и изучения в медицинском вузе является термин и все его лингвистические аспекты — морфологический, семантический, этимологический и функционально-синтаксический. Поэтому преподаватель не только должен знать весь лексический или грамматический материал каждого занятия, но и постоянно держать в поле зрения все лингвистические аспекты лексики, чтобы быть готовым, помимо прочего, ответить на вопросы любознательных студентов. А такие вопросы могут появляться и во внеаудиторное время. Вспоминается, как на одном из занятий по анатомическому разделу программы во время перерыва подошел студент и попросил объяснить, что значит буквально слово «sphecoidalis», которое упоминал преподаватель на занятии по анатомии. Первым делом понадобилось спросить студента, в какой анатомической структуре он встретил такое прилагательное, ибо в лексике домашних заданий по анатомическому разделу курса латинского языка оно не встречается, нет его и в лексике Международной анатомической номенклатуры. Услышав, что речь идет о клиновидной кости (os sphenoidale), вспомнилось, что прилагательное sphecoidalis или его вариант sphecoideus встречается в «Словаре анатомических терминов» П. И. Карузина, где речь идет о вариантах названия этой кости [3, с. 200]. Прилагательное sphecoidalis, е образовано от древнегреческого существительного sphex, sphekós (оса). Клиновидная кость имеет сходство с летящим насекомым, и кому-то из средневековых анатомов пришла мысль о сходстве формы этой кости с летящей осой, что и отразилось в названии os sphecoidale. Однако тут же не обойтись без упоминания о том, что «клиновидной» эту кость впервые назвал древнегреческий анатом II века н. э. Клавдий Гален, который считал, что она, подобно клину (древнегреческое sphen, sphenós) залегает между черепом и челюстью [3, с. 200]. Можно привести примеры и других обращений студентов по поводу анатомической лексики, и в большинстве случаев именно знакомство с содержанием словаря П. И. Карузина помогало

дать исчерпывающий ответ студенту. К слову, словарь П. И. Карузина уже давно следовало бы переиздать и предоставить и студентам, и преподавателям свободный доступ к этому весьма интересному и необходимому справочному изданию, которое вышло в России еще в далеком 1928 г.

История с названием клиновидной кости ещё раз наглядно свидетельствует о том, что преподавателю-латинисту при подготовке к занятию нельзя ограничиваться только материалом учебника, полагаясь на отменное знание грамматического и лексического материала. Если речь идет о занятиях анатомического раздела учебной программы, то лексический материал каждого занятия следует сверять с последней редакцией Международной анатомической номенклатуры [4], а также с упомянутым выше «Словарем анатомических терминов» П. И. Карузина. Оба издания имеются на кафедре латинского языка БГМУ и хранятся в сейфе, учитывая их библиографическую ценность, но каждый преподаватель может взять любое из них и в течение необходимого времени сделать нужные выписки. Естественно, такую работу желательно провести еще в первые годы преподавательской деятельности, и таким образом подготовить себе необходимый источник информации для будущего. А чтобы придать такой работе целенаправленный и систематический характер, молодому преподавателю целесообразно включить в свой индивидуальный кафедральный план работы освоение словаря П. И. Карузина и расписать конкретные шаги по использованию его материалов в приложении к конкретным занятиям. Это существенно повысит профессиональную компетентность молодого преподавателя в области античных и новоевропейских источников анатомических терминов и его готовность ответить на вопросы не только студентов, но и преподавателей-анатомов. В связи с этим нам представляется, что преподавателям кафедр латинского языка, нормальной анатомии и гистологии Беларуси и Украины пришла пора приступить к созданию алфавитного историко-этимологического и толкового словаря латинской морфологической (анатомической и гистологической) терминологии. Такая работа, и главное, ее результат, несомненно, укрепили бы не только теоретические основы этой терминологии, но и творческие и познавательно-информационные связи между латинистами и представителями этих двух морфологических дисциплин. А в ожидании реализации такого довольно трудоемкого проекта можно было бы в содержании каждого занятия предусмотреть 5–7-минутные экскурсы, посвященные истории того или иного термина, когда латинист на основании этимологических словарей древнегреческого и латинского языков раскрывал бы особенности становления современного термина. Например, при изучении того же анатомического раздела студентам будет весьма интересно узнать, что слово **basis** (основание), производное от древнегреческого глагола baino (ходить, шагать) [1, т. 1, с. 285, с. 291], первоначально имело значение «шаг (вперед или в сторону)», поскольку такая позиция ног придавала человеку устойчивость. В древнегреческом языке многие поня-

тия начинают свой терминологический путь от конкретного предметного значения, подобно слову **basis.** Например, известное всем слово «центр» восходит к латинскому существительному **centrum** с тем же известным нам всем значением [2, с. 133]. Но данное латинское слово заимствовано из греческого kéntron, первоначально не имеющего ничего общего с этим значением. Если заглянуть в словарь древнегреческого языка, то первые значения слова kentron — это нечто колющее (игла, оружие, жало, острие), и только седьмым по счету в словарной статье появляется значение «срединная точка, средоточие» как результат действия этого колющего предмета, а затем возникает абстрактное понятие «центр», как точка равномерного удаления от окружающих объектов [1, т. 1, с. 934].

К преподавателю-латинисту за консультацией нередко обращаются не только студенты, но и преподаватели медико-биологических и клинических кафедр. Известно, что преподаватели этих кафедр не изучали основ древнегреческого языка, да и знания профессиональной латыни не у каждого из них находятся на надлежащем уровне. Чаще всего к латинистам обращаются преподаватели анатомии с просьбой разъяснить семантику или историю терминов древнегреческого происхождения. Так, недавно попросили объяснить значение прилагательного phrenicus в составе термина nervus phrenicus. Естественно, что начинающий преподаватель-латинист не готов сразу дать исчерпывающий ответ на такой вопрос. Однако латиниста, проработавшего уже несколько лет, такой вопрос не должен застать врасплох. Ибо за эти годы преподаватель уже обязан освоить и содержание словаря анатомической терминологии П. И. Карузина, и основные греческие основы и аффиксальные элементы, с помощью которых строится современная Международная анатомическая номенклатура. К тому же неоценимую услугу преподавателю с классическим образованием оказывает знание основ древнегреческого языка. Со студенческих лет и чтения текстов древнегреческих авторов вспоминается существительное phren, phrenos со значениями «грудобрюшинная преграда», «грудь», а затем то, что, согласно верованиям древних греков, скрывается в груди — «сердце», «душа», «ум», «мышление» [1, т. 2, с. 1746]. Тут же должен вспоминаться и термин schizophrenia, букв. «расщепление ума», с которым встречаемся в клиническом разделе программы курса латинского языка. Но прилагательного phrenicus греческая античность не знает — оно появляется, по данным словаря П. И. Карузина, только в XVI в. в работах франко-швейцарского анатома Каспара Баугина [3, с. 172]. Nervus phrenicus переводится как диафрагмальный нерв. Этот нерв проходит по передней лестничной мышце, опускается к диафрагме и обеспечивает ее иннервацию [6, с. 336–337]. На первый взгляд, между латинским и русским названиями данного нерва существует определенное лексическое несоответствие, но на самом деле в этих названиях нет смысловых противоречий, если вспомнить, что одно из значений существительного phren, phrenos — это грудобрюшинная преграда, т. е. диафрагма.

Работа преподавателя с лексикой на каждом занятии не должна ограничиваться сухой констатацией степени ее знания и оценки за ответ. Отличие латиниста от преподавателя другой специальности в том, что он, как лингвист, знающий основы классических языков, должен постоянно осознавать себя сопричастным к истории каждого термина, возникающего на основе античного лексического материала, понимать, как древнее понятие переосмысляется и заключается в форму современного латинского термина. А на почве экскурса в историю термина нередко складываются условия для краткого экскурса лингвистического или культурологического характера. Например, при работе с термином Eucalyptus можно разъяснить морфологическую структуру этого имени (греч. eu- — хорошо + греч. kalypto — закрывать, прятать): дерево получило свое название из-за того, что в его цветках бутоны хорошо скрыты за чашелистиками. Такую справку целесообразно привести, так как далеко не все студенты получили данную информацию на уроках ботаники в средней школе. Следует использовать и возможность указать на греческий глагол apokalypto «открывать», и производное от него существительное apocalypsis, букв. «открытие», «откровение» [1, т. 1, с. 203]. А дальше можно рассказать студентам, что данное слово получило мировую известность по названию последней книги апостола Иоанна «Откровение Иоанна Богослова», в которой дано описание ужасных катаклизмов на земле, которые должны произойти перед вторым пришествием Иисуса Христа. Отсюда слово «апокалипсис» получило значение «страшный катаклизм» или «катастрофа мирового уровня» (ср.: ядерная война — мировой апокалипсис), или просто большая катастрофа, большое потрясение. В этом значении и под таким названием в мировом кинематографе было снято 6 фильмов, из которых можно выделить «Апокалипсис сегодня» режиссера Фрэнка Копполы и «Апокалипсис» режиссера Мела Гибсона, которые наверняка известны части студенческой аудитории.

Надлежащий уровень профессиональной компетентности современного преподавателя-латиниста должен проявляться и в качестве его методических докладов, которые предусмотрены кафедральным планом повышения квалификации, и в умении подобрать актуальную, новую по содержанию, интересную и по возможности связанную с медициной тематику студенческой научной работы и проследить за ее выполнением, и в готовности поддержать научную дискуссию во время студенческой научной конференции. И одно из актуальнейших требований — владение английским языком. Это требование актуально не только в плане руководства научной студенческой работой, но и в чисто производственном аспекте — современный преподаватель обязан уметь провести занятие в англоязычной группе иностранных учащихся, количество которых ежегодно увеличивается. Но главное качество, которое сегодня требуется от преподавателя-латиниста — его постоянная внутренняя готовность к доброжелательному интеллектуальному и эмоциональному контакту с аудиторией, стремление не только сделать

каждое занятие информационно богатым и интересным для студентов, но и вовлечь их в эмоциональное и интеллектуальное сопереживание усваиваемого материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецький. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 2 т.

2. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.

3. *Карузин, П. И.* Словарь анатомических терминов / П. И. Карузин. – М.; Л. : Гос. изд-во, 1928. – 293 с.

4. *Международная* анатомическая терминология (с официальным списком русских эквивалентов) = Terminologia Anatomica / под ред. Л. Л. Колесникова. – М. : Медицина, 2003. – 424 с.

5. *Славятинская, М. Н.* Кривда и правда о латинском языке / М. Н. Славятинская // Язык медицины : междунар. сб. науч. тр. в честь юбилея В. Ф. Новодрановой / Самар. гос. мед. ун-т. – Самара : Изд-во KRYPTEN-Волга, 2015. – Вып. 6. – С. 260–265.

6. *Карманный* атлас анатомии человека на основе Международной номенклатуры / авт.-сост. Х. Фениш при участии В. Даубера ; пер. с англ. С. Л. Кабак, В. В. Руденок. – Минск : Выш. шк., 1996. – 464 с.

7. *Цисык, А. З.* О содержании и структуре курса древнегреческого языка для студентов медицинского вуза (к постановке проблемы) // Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи : зб. ст. І Всеукр. наук.-прак. конф. з міжнар. участю, Полтава, 11–12 трав. 2016 р. / ВДНЗУ “Українська медична стоматологічна академія» [та ін.]. – Харків : Тім Пабліш Груп, 2016. – С. 261–269.

Впервые опубликовано: Сучасні тенденції розвитку освіти й науки: проблеми та перспективи : зб. наук. пр. / гол. ред. Ю. І. Колісник-Гуменюк. – Київ, Львів, Бережани, Гомель, 2020. – Вип. 7. – С. 201–207.

НЕКОТОРЫЕ ФОРМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РЕАГИРОВАНИЯ УЧАЩИХСЯ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ФАКТОР УСВОЕНИЯ ЛАТИНСКОЙ АФОРИСТИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

О значении латинской афористики как важного фактора гуманитарного образования учащихся высшей школы в лингвистической и педагогической литературе уже говорилось много раз. Латинские афоризмы обогащают, оживляют и украшают речь любого специалиста, так как в выразительной и легко запоминающейся форме точно и лаконично передают общечеловеческий опыт, передающийся от поколения к поколению [3, с. 427]. Это не какая-то «лавка древностей», а своего рода пароль, по которому образованные люди из разных стран мира узнают друг друга напоминанием об общих культурных корнях, которые связывают их [2, с. 9]. Поэтому сборники латинских афоризмов пользуются неизменным успехом среди самых различных слоев населения, афоризмы периодически появляются в прессе, в элек-

тронных средствах массовой информации и в художественной литературе. Вечной популярности античного меткого слова не могут оспорить даже те ретивые чиновники от образования, которые в наши дни ограничивают количество часов и даже изгоняют латынь из учебных программ высшей школы. Впрочем, как говорится в одном из латинских афоризмов, «damnant, quod non intelligunt» — порицают то, чего не понимают. К счастью, в наше время еще немало вузов, в которых студенты с удовольствием изучают античные афоризмы, и даже на протяжении многих лет после окончания учебы помнят их и цитируют при встрече со своим преподавателем. Рассмотрим подробнее, в какой форме проходит в современном вузе усвоение латинской афористики.

Чаще всего учащимся предлагаются две такие формы. В первом случае преподаватель при объяснении нового материала в завершающей части данного этапа занятия записывает на доске определенное количество латинских изречений и предлагает их перевод, а иногда и комментирует их историко-культурные или семантические особенности. В медицинском вузе такой способ введения латинских афоризмов имеет место только в первом семестре при презентации грамматического материала, причем форма латинского афоризма подбирается с учетом осваиваемой грамматической темы. Например, при прохождении темы «Nominativus pluralis» студентам предлагаются афоризмы, включающие данную падежную форму («Honores mutant mores» — Почести изменяют нравы, «Omnia mea mecum porto» — Все свое ношу с собой и др.). Во время домашней подготовки студенты заучивают текст изречений, а на следующем занятии преподаватель контролирует уровень их усвоения. При этом у студента, как правило, не требуют никаких комментариев по поводу содержания или смысла афоризмов.

Во втором случае, учащиеся в процессе самостоятельной работы над домашним заданием запоминают текст 5–6 изречений. При проверке выполнения домашнего задания в аудитории преподаватель контролирует правильность произношения каждого изречения, а их усвоение проверяется включением задания «Укажите латинские эквиваленты изречений» в состав проверочной письменной работы по каждому домашнему заданию. Такой способ усвоения латинской афористики преобладает в условиях медицинского вуза, где две трети материала учебной программы осваиваются студентами самостоятельно. Нам он представляется наиболее продуктивным и, в частности, по следующим соображениям.

Итак, учащийся приходит в аудиторию уже со знанием текста определенной группы афоризмов. Поэтому, основываясь на этом знании, преподаватель может в пределах небольшого времени проводить с учащимися своеобразные психолого-дидактические дискурсы, которые предназначены создавать особую атмосферу психологической раскованности, давать импульс креативному мышлению, и в конечном итоге — надолго сохранить в памяти не только сам афоризм, но и всю ментально-эмоциональную ситу-

ацию, связанную с его изучением. Приведем несколько примеров подобного рода ситуаций.

1. Выслушав текст афоризма, преподаватель просит студента представить его понимание смысла данного изречения. Например, каково его понимание выражения «Intemperantia est nutrix medicorum», т. е. «Невоздержанность — кормилица врачей»? Опыт показывает, что далеко не каждый студент способен сформулировать логически убедительное объяснение смысла данного афоризма, который состоит в следующем: «Превышение разумных пределов в любом деле ведет человека к физическому или душевному недугу». Это и избыточное питание, по поводу чего известно выражение «Человек сам своими же зубами роет себе могилу», и злоупотребление алкоголем (сравним «Много пить — мало жить»), и переусердствование в любом благом деле, по поводу чего в народе говорят: «Заставь дурака Богу молиться — лоб расшибет». К тематике данного латинского афоризма логично присоединяются выражения «Modicus cibi — medicus sibi» (Умеренный в еде — врач сам себе), «Multum vinum bibere — non diu vivere» (Много вина пить — долго не жить), и как обобщение всего сказанного — афоризмы «Omne nimium nocet» (Все излишнее вредит) и «Est modus in rebus» (Во всем нужна мера). Все эти выражения на латинском и русском языках (с учетом того, что они уже изучались) преподаватель просит вспомнить и привести самих учащихся. Так преподаватель создает очень действенный, на наш взгляд, этико-воспитательный момент на занятии, который затрагивает и умственную, и эмоциональную сферу учащихся, и по своей результативности не уступает целой лекции на заданную тему. Возможностей для создания подобного рода ситуаций с использованием латинской афористики немало, нужно только выбрать удачный афоризм и продумать сценарий для данной ситуации. В частности, мы рекомендуем для этого следующие афоризмы: 1. Ars longa, vita brevis. 2. Bis dat, qui cito dat. 3. Honores mutant mores. 4. Omnia mea mecum porto. 5. Plenus venter non studet libenter. 6. Sero venientibus ossa. 7. Tabula rasa. 8. Temporis filia veritas. 9. Tuto, cito et jucunde. Естественно, афоризмы могут быть и другие — главное, чтобы они давали пищу для ума и души и служили благодарным материалом для намеченного дискурса.

2. Очень оживляет аудиторию удачное использование юмористического сходства значения различных слов, сходства их звучания и все то, что входит в понятие «каламбур» [1, с. 159]. Например, произнося афоризм «Honores mutant mores», студенты нередко в слове «mutant» делают неправильное ударение и произносят данное слово как [мута́нт]. При этом преподаватель делает реплику «Мутант по Чернобылю бродит», что неизменно вызывает хохот в аудитории. В данной ситуации возникает также удобный случай для сравнения латинских истоков таких терминов как *мутация, мутант, мутагены, Staphylococcus mutans.*

При произношении выражения «Fiat lux!» студенты первое слово часто произносят как [фиáт]. Преподаватель в ответ на это замечает: «А «Фиат» по улице едет», имея в виду известную марку автомобиля, что неизменно веселит аудиторию.

Создаются предпосылки для каламбурного обыгрывания текста при произношении первого слова выражения «Alea jacta est» как [алéя], вызывающем ассоциации с русским а*ллея* и белорусским *алея*. Неизменно вызывает улыбку на лице студентов афоризм «Dura lex, sed lex» из-за ассоциаций, которые вызывает первое слово со своим русским омонимом. Однако в аудитории возникает хохот, когда преподаватель на доске приводит словарную форму этого слова (durus, a, um — твердый, суровый) и тут же показывает, что некоторые «знатоки» представляют эту словарную форму в виде существительного dura, ae f (!).

Выражение «Vis major» нередко произносят как [вис майóр]. Если отвечает студентка, то преподавателю можно с улыбкой заметить: «Молодой майор Вас у выхода подождет!», что немало повеселит аудиторию.

Мы представили только небольшую часть тех ситуаций, которые могут возникать в аудитории при вдумчивом и творческом подходе преподавателя к планированию хода очередного занятия, чтобы оно для учащихся не проходило в скучной и рутинной обстановке, лишенной улыбок и всплеска положительных эмоций. Не будем забывать слова Гете из его бессмертного «Фауста»: «Суха теория, мой друг, / А древо жизни буйно зеленеет!».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Розенталь, Д. Э.* Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : ОНИКС 21 век, Мир и Образование, 2003. – 623 с.

2. *Цисык, А. З.* Латинский язык : учеб. для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. мед. образования / А. З. Цисык – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2009. – 448 с.

3. *Крылатые* латинские выражения: 4000 знаменитых фраз, изречений, устойчивых выражений от великих авторов античности / авт.-сост. Ю. С. Цыбульник. – М. : АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – 832 с.

Впервые опубликовано: Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15–17 мая 2014 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол:. Н. А. Круглик (гл. ред.), Т. С. Коротюк. – Минск : МИТСО, 2014. – С. 150–154.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ И УСВОЕНИЯ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ В КУРСЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Курс латинского языка в медицинских вузах носит терминологический характер, цель которого — дать будущему врачу знания и умения, необходимые для осознанного понимания структуры латинской и русской терминологии, принципов её построения, а также грамотного употребления во всех сферах медицинской науки. Специфика его заключатся в том, что он относится к специальным медицинским дисциплинам, а не к языковым и социально-гуманитарным. Поэтому в современном учебном плане для медицинских вузов Республики Беларусь латинский язык относится к числу общетеоретических медицинских, а не лингвистических дисциплин. И все же медицинская терминология — это не только профессиональные названия-этикетки, служащие для ситуативного обозначения объекта, явления или процесса. Ведь каждый врач, как записано в квалификационной карте этой специальности — это специалист с широким университетским образованием, подразумевающим не только узкоспециальную подготовку, но и овладение знаниями и ценностями гуманитарного и общекультурного уровня. Настоящему специалисту, в частности, всегда интересна история любого термина своей дисциплины. В поисках истины он неизбежно попытается заглянуть в истоки современной медико-биологической или клинической терминологии, и таковыми всегда и. прежде всего, будут словари древнегреческого и латинского языков. Однако, если разобраться с формой и значением слова в латинско-русском словаре, любой врач или представитель медико-биологических дисциплин худо-бедно сможет, имея в активе курс терминологической латыни, то получить справку в древнегреческом словаре эти специалисты уж точно не смогут. И если современные врачи, руководствуясь благими намерениями и практической необходимостью, иногда пытаются в справочной литературе провести историко-этимологический анализ терминов, состоящих из латинских или древнегреческих морфем, то хорошего результата от этой работы ждать не приходится. В качестве примера можно привести такое (в целом неплохое и оригинальное) издание как «Краткий толковый словарь медицинских терминов» [2], в котором даны неточные, а иногда и совсем фантастические версии морфемного состава и происхождения многих слов (амальгама, априори, ассистент, суррогат, теория и другое). Например, слово «теория» совершенно не связано с древнегреческим существительным theos бог, как утверждают авторы [2, с. 36], а восходит к глаголу theaomai смотреть, наблюдать. С помощью основы данного глагола образован ряд других известных существительных, которые заимствованы в русский язык через посредство латыни. Среди них такие далёкие, на первый взгляд, друг от друга по значению слова как теорема

и театр. Не говорит ли очевидная лингвистическая некомпетентность, проявленная авторами упомянутого словаря, о том, что курс терминологической латыни в медицинском вузе должен быть более основательным и включать также и элементы древнегреческого как языковой системы? Студенты усваивают определённое количество древнегреческих слов и морфем (только в клиническом разделе — около 50 латинизированных греческих слов и 240 аффиксальных и корневых терминоэлементов) [4]. А изучаются они как статические и формализированные средства терминопоэза, которые в данной функции могут выступать в любом современном языке, утратив, по существу связь с первичной языковой средой. В качестве примера элементарного курса древнегреческого языка в медицинском вузе, который мог бы преподаваться в форме электива или факультатива, можно привести учебное пособие Т. В. Тритенко «Медицинская терминология и древнегреческий язык», которое подготовлено к изданию в Московском государственном медико-стоматологическом университете [3]. Наряду с элементами древнегреческой фонетики и морфологии здесь представлены несложные тексты и обстоятельные исторические и лингвистические комментарии, в том числе и к тем древнегреческим словам, которые становятся корневыми терминоэлементами. В учебно-методическом пособии Г. Н. Ивановой и А. Г. Ковзалиной «Греко-латинские основы медицинской терминологии», кроме основного материала, включены латинские крылатые выражения с краткими экзегетическими комментариями. Для студентов 1–5 курсов фармацевтического факультета А. З. Цисыком подготовлен и успешно нами используется «Краткий этимологический словарь фармацевтических терминов, обозначающих классы, группы и подгруппы лекарственных средств», а также терминологический словарь А. З. Цисыка и Г. Е. Конопелько «Элементы греческой лексики в составе современной Международной анатомической терминологии». Врач обязан помнить и понимать, что истоки европейской науки и культуры находятся в Древней Греции и Риме, и что каждый человек и сегодня связан тысячами незримых, на первый взгляд, нитей с этой духовной родиной европейской цивилизации. Мы, латинисты, можем перед этой молодёжью только слегка приоткрыть дверь в богатейшую и вечно востребованную сокровищницу символов, слов и понятий, созданных древними греками и римлянами. В дореволюционной России врачи изучали латинский язык и реалии античного мира в достаточном объёме. Это позволяло им писать на латинском языке дипломные работы и диссертации, а некоторые даже делали блестящие переводы античной поэзии (В. В. Вересаев, Л. В. Блюменау). В наши дни не каждый врач после обретения своего диплома знает начальные куплеты студенческого гимна «Gaudeamus», не говоря уже о латинском тексте «Клятвы Гиппократа».

Преподаватели курса латинского языка должны решать сложную задачу: в пределах сравнительно небольшого курса (38 часов на стоматологическом и 72 часа на остальных факультетах), и весьма насыщенной учебной

программы, имеющей чётко выраженный терминологический характер, изыскивать все возможные формы аудиторной и внеаудиторной работы, которые приобщали бы учащуюся молодежь к античному наследию, открывали ей «скрытую» жизнь древнегреческих и латинских слов в окружающем мире. Прежде всего, рассмотрим те возможности, которые предоставляет преподавателю работа в аудитории. Лексический материал каждого занятия даёт повод для определения языковых параллелей — латинско-русских, латинско-белорусских, латинско-английских и др., например: латин. *radius* — рус. радиус, радио, радиация, радиоактивный, радиатор; латин. *manus* — рус. мануальный, маникюр, манипуляция, манускрипт; латин. *oleum* — белор. *алея*; латин. *patella* — белор. *патэльня*; латин. *canalis* — англ. canal, channel; латин. *facies* — англ. face. Преобладание в академических группах студентов, изучающих со школьной скамьи английский язык, создаёт дополнительные возможности для сравнения не только лексики, но и той фразеологии, которая вошла в английский язык из латыни и сохраняет орфографическую форму оригинала, но произносится по законам языка-реципиента. Это, прежде всего, такие часто употребляющиеся в письменной речи выражения, как *ante meridiem* (A. M.) до обеда, *post meridiem* (P. M.) после обеда, *exempli gratia* (E. G.), например, *et cetera* и так далее, *id est* (i. e.) то есть, *vice versa* (v. v) наоборот. При этом целесообразно разъяснить студентам морфологическую структуру каждого такого выражения. Подобного рода лексический компаративизм всегда воспринимается студенческой аудиторией с живым интересом. Он не занимает много времени и не требует от преподавателя особой подготовки, но его польза очевидна как в плане лингвистическом, так и в плане психологическом: студенты на фоне повышенной эмоциональной активности не только дополнительно усваивают или переосмысливают лексический материал, но и испытывают определённую психологическую релаксацию, участвуя в своего рода интеллектуальной игре. Не остаётся вне внимания преподавателя и каждый мифоним в том или ином разделе материала. Так, в анатомическом разделе обязательно рассматриваются такие имена как Атлант (1-й шейный позвонок), Ахилл (Ахиллово сухожилие), причём стоит поинтересоваться, знают ли студенты имена и других общеизвестных героев греческих мифов (Геракл, Орфей, Одиссей, Эдип) и имена греческих и римских божеств. Нередко герои античных мифов, прежде всего Ахилл, Геракл, Одиссей, становятся персонажами популярных фильмов и сериалов. Будет очень кстати, если преподаватель даст несколько компетентных комментариев по содержанию фильма, а тем более укажет на те или иные несоответствия между сведениями о персонажах или событиях, которые имеются в традиционных авторитетных источниках, и тем, что представлено на экране. Много материала, связанного с античностью, обнаруживается в фармацевтическом разделе. Это и названия растений, в которых представлены мифонимы (Adonis vernalis, Mentha, Helianthus), и названия химических элементов, происхож-

дения которых школьный учитель химии, судя по опросам студентов-первокурсников, как правило, не объясняет. А ведь с каким интересом эти студенты слушают, например, наши комментарии по поводу названия химического элемента фосфор. То, что греческое прилагательное φοσφόρος светоносный превращается в латинское химическое название Phosphŏrus, воспринимается без особых эмоций. Но аудитория оживляется, когда слышит, что это же греческое φοσφόρος светоносный в латинском языке имеет точное языковое соответствие lucĭfer, а это уже эпоним первого «светлейшего» ангела, восставшего против Бога и превращенного затем в князя тьмы Люцифера, он же дьявол (древнегреч. букв. «клеветник»). Витамины, амины, аминокислоты, аммиак, аммоний — кто в наше время может связать эти названия с богом древнего Египта Амоном и объяснить причинно-следственную связь между ними и этим божеством? Аспекты лингвокультурологии в фармацевтической терминологии (на примерах заданий Интернет Олимпиады) были рассмотрены студентами Ульяновского государственного университета, в частности, Левщановой Ириной. Мифы Древней Греции и Древнего Рима оказали огромное влияние на культурное развитие человеческой цивилизации. Они использовались также в названиях некоторых химических элементов периодической таблицы, 150-летие которой отмечается в 2019 г., провозглашённого Генеральной Ассамблеей «Международным годом Периодической таблицы химических элементов в целях повышения осведомлённости мировой общественности о фундаментальных науках и расширения образования в области фундаментальных наук…», говорится в документе. С предложением сделать 2019 г. годом Периодической системы выступало несколько международных и национальных организаций, в том числе Международный союз теоретической и прикладной химии (IUPAC), Российская академия наук, Объединенный институт ядерных исследований РАН и Русское химическое общество имени Д. И. Менделеева. Периодическая таблица химических элементов — это не просто руководство или каталог всех известных атомов во Вселенной; это, по сути, окно во Вселенную, помогающее расширить понимание окружающего мира. «Периодическая таблица химических элементов — одно из наиболее важных научных достижений, отражающее суть не только химии, но также физики, биологии и других дисциплин. Она представляет собой уникальный инструмент, дающий учёным возможность предсказывать появление и свойства элементов на Земле и во Вселенной в целом», — заявил Жан-Пол Нгоме-Абиага, программный специалист, координатор мероприятий в рамках празднования Года в ЮНЕСКО. «Эта инициатива, наряду с мероприятиями по всему миру, подчеркнёт важность Периодической таблицы для науки, технологий и устойчивого развития человечества». А что касается химии, ни одна причина для празднования не превосходит происхождение периодической таблицы элементов, созданной 150 лет назад в марте 1869 г. русским химиком Дмитрием Ивановичем Менделеевым. На 2019 г. запла-

нированы мероприятия, посвящённые 150-летию Периодической таблицы и столетию IUPAC, международные олимпиады для студентов, школьников, конференции и конгрессы.

Творчески подошли студенты, отвечая на олимпиадный вопрос «Какие химические элементы названы в честь героев древнегреческих и древнеримских мифов». Например, элемент Helium происходит от имени древнегреческого бога, появлявшегося на небосклоне утром, Helios. Бог, научивший людей использовать огонь, — Прометей, а химический элемент — Promethium. В своих презентациях студенты ответили на вопросы о химических элементах, названных в честь первого правителя мира, низвергнутого Зевсом в царство Аида за оскорбление богов; детей Геи и Урана; дочери царя, которая прогневала богов своей самонадеянностью и была превращена в мраморный столб; богини, появлявшейся на небе ночью; имя римского бога подземного царства; древнеримского бога морей, рек и океанов; в честь астероида, имя которому дала прекрасная и воинственна дочь Зевса; в честь героя греческой мифологии, основавшего город там, где указала корова. На вопрос «Укажите однокоренной элемент с именем богини утренней зари» был дан ответ: «Аврора — богиня утренней зари, приносящая дневной свет богам и людям». Аврора (от лат. *aura* — предрассветный ветерок) была женой титана Астрея. От них произошли все звёзды (лат. astra от греч. ἄστρον). В честь Авроры назван астероид (94) Аврора, открытый в 1867 г., в Крыму есть скала Аврора. Крейсер «Аврора» не зря назван в честь этой богини. Этот крейсер почти ровесник правлению императора всея Руси Николая II Александровича. А поэтесса Аврора Ирбе в 2011 г. посвятила богине Авроре и себе такое стихотворение:

Богиня утренней зари,
Раскрасит небо огненною краской.
Погаснут и луна, и фонари,
И звёзды, что в ночи горели ясно.
Богиня утренней зари
Разбудит тихо дремлющее море,
Волна с волною вновь заговорит,
О чём они там шепчут или спорят.
Как услыхать волшебные слова,
И разгадать их тайное значенье.
Богиня утренней зари,
И ты едва развеешь и сожжёшь мои сомненья.
А я, которая богини этой тёзка,
Мечтаю, чтобы женщины Земли,
Сияя красотой своею броской,
Тебя бы у меня не увели.

Интересно, что в составе тела человека имеются почти все химические элементы. Этот материал студенты-фармацевты тоже поместили в презен-

тации, т. к. они изучают аспекты анатомии на занятиях по физиологии. Русский термин «растение» ввёл М. В. Ломоносов в 1756 г. в работе «О рождении металлов от трясения земли». Flora — богиня цветов, юности и плодородия. Праздник богини цветов и весны Флоры — *Флоралии* — отмечался в Риме с 28 апреля до 3 мая. Греческая и римская мифологии ввели во флористический фонд культуры цветы-мифологемы. Некоторые особо почитаемые цветы наделялись метафорическими характеристиками. Какие растения назывались «жилкой Венеры», «молоком Геры», «растением двенадцати богов», «цветком Зевса», «цветком Прометея», «цветком Плутона» и почему?

1. Вербена Verbéna — «жилка Венеры». Римляне считали ее священным растением богини любви Венеры, обладающей способностью возбуждать любовь. 2. Лилия Lílium — «молоко Геры». По древнегреческой легенде, царица Алкмена тайно родила от Зевса мальчика Геракла, но боясь наказания жены Зевса, Геры, спрятала новорожденного в кустах. Гера случайно обнаружила малыша и решила покормить его грудью. Но маленький Геракл почувствовал в Гере врага и оттолкнул богиню. Несколько капель упали на землю, проросли и превратились в лилии. 3. Примула, или додекатеон, Dodecatheon — «растение двенадцати богов». Древние греки называли примулу цветком двенадцати богов. По преданию, в таком количестве собрались однажды боги на Олимпе, чтобы решить судьбу юноши Паралисоса, сражённого параличом. Было решено превратить его в цветок, который стал считаться средством от всех болезней, в том числе и от паралича. Додекатеон произошло от додека (двенадцать) и теос (Бог). 4. Гвоздика Dianthus — «цветок Зевса». В одном из античных мифов рассказывается о происхождении гвоздики. Как-то Артемида — богиня охоты — возвращалась с охоты без единого трофея и была в высшей степени раздражена. А на залитом солнце склоне сидел золотоволосый пастушок и играл на свирели. «Так вот кто распугал мою дичь?» — грозно закричала она и, схватив пастушка, вырвала ему глаза. И немного успокоившись, уронила их на траву и, глядя на них брезгливо, крикнула своему отцу Зевсу: «Сделай же что-нибудь!». И на месте упавших глаз выросли небольшие красные цветы с кольцом пятнышек, напоминающим радужку, и серединой, похожей на зрачок. 5. Эдельвейс Leontopodium — «цветок Прометея». В некоторых местах эдельвейс называют прометеевым цветком, видимо, за то, что растет он на склонах, к которым когда-то, как утверждает легенда, был прикован Прометей. 6. Асфодель Asphódelus — «цветок Плутона». Плутон в греческой мифологии — бог подземного царства и смерти, носивший у греков также имя Аид. С древности асфодель считался символом смерти, траура, скорби и загробной жизни. Согласно античным представлениям он служил пищей умерших в царстве Плутона. «На асфодельных лугах блуждают тени умерших», — говорили древние греки.

Не менее интересные открытия ждут студентов и в клиническом разделе программы. «Проклятая гемикрания», терзавшая прокуратора Понтия Пилата в известном сегодня всем романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», она же мигрень во французском варианте, — это, оказывается, «пульсирующая боль в половине головы» от греческих слов hemi (половина) и cranion (череп). Некоторые студенты, не мудрствуя лукаво, нередко пишут в переводе этого термина «половина черепа», «половина головы», или приводят еще более экзотические варианты перевода. Poèsis на древнегреческом — творение, созидание. Говоря erythropoèsis (образование эритроцитов), а тем более uropoèsis (образование мочи), студент без соответствующего комментария преподавателя вряд ли станет связывать эти специфические физиологические процессы с процессом создания поэтических произведений. Название тяжёлого пищевого отравления botulismus (ботулизм) связано не с английским существительным bottle (бутылка), как нередко говорят студенты, продвинутые в английском, но плохо знающие латынь, а с латинским словом botŭlus (колбаса), которой, видимо, травились ещё и в Древнем Риме. Слова древнегреческого происхождения диабет, диета, кома или неогрецизмы аллергия, гипертония, наркомания, равно как и латинизмы пульс, инсульт, инфаркт и многие другие уже вошли в родной язык на уровне бытовой лексики, но осознанное понимание истоков этих слов должно быть частью профессиональной компетентности каждого врача. Много возможностей для экскурсов в афористику. Подборка цитат и крылатых выражений Франческо Петрарки представлена в пособии Л. М. Луьяновой «Arte dicta — сказано к месту». Великий итальянский поэт помимо лирических стихотворений написал несколько философских сочинений на латинском языке, в которых отражён его духовный мир о природе человека, отношении к нравственности и религии. «Sententiae et verba cotidiana in Lingua Latina — изречения, пословицы и поговорки на латинском языке» учебное пособие Г. Н. Ивановой, Е. В. Калединой и Д. Д. Пиотровского предназначено для студентов 1-го курса, изучающих греко-латинские основы медицинской латыни. Пособие содержит более 600 цитат античных авторов, изречений выдающихся деятелей медицины, древних пословиц и поговорок, и более поздних латинских слов, ставших крылатыми. Материал пособия оснащён необходимыми экзегетическими комментариями и возможными параллелями из новых европейских языков. Первая часть пособия — гуманитарная, вторая — профессионально-терминологическая. Авторы предлагают использовать пособие не только на занятиях, но и для самостоятельной работы, в том числе и системе УИРС. В конце пособия дан русский алфавитный список афоризмов. Преподаватели уделяют на занятиях внимание известным персоналиям: философам и учёным (Платон, Сократ, Гераклит, Биант, Пифагор, Архимед, Гиппократ, Плиний Старший); политикам, полководцам и общественным деятелям, которые нередко являлись и авторами различных литературных произведений (Цезарь, Цицерон, Се-

нека, Марк Аврелий); прозаикам и поэтам (Гомер, Алкей, Софокл, Еврипид, Плавт, Гораций, Вергилий, Овидий). С целью лучшего усвоения имён авторов изречений целесообразно не только указывать эти имена рядом с соответствующими афоризмами, но и помещать в учебном издании алфавитный список авторов изречений с краткими биографическими сведениями о каждом из них [4; 5]. Предварительным условием для эффективной работы с афористикой должно быть присутствие пяти-шести выражений в каждом занятии, т. е. когда эти выражения включены текстуально в материал занятия. Следует признать методически неэффективным такой вид работы, когда учащимся предлагают сдать в конце учебного года несколько десятков изречений, причём эта сдача нередко превращается в чистую формальность: из-за дефицита времени преподаватель выборочно спросит у студента 8–10 изречений, и на этом всё и заканчивается. Исчезает возможность выхода в историко-культурное и лингвистическое пространство фразеологизма, совершенно не затронута как интеллектуальная, так и эмоциональная сфера учащегося. И совсем другая ситуация создаётся, когда каждое изречение произносится при слушающей аудитории и когда у преподавателя есть возможность вступить в диалог и с тем, кто непосредственно отвечает, и со всей аудиторией. При этом существует огромное количество вариантов формы и тематики обсуждения тех или иных аспектов содержания изречения. Всё, в конечном итоге, зависит от эрудиции преподавателя и его умения вовлечь одного или нескольких учащихся в доброжелательный, иногда слегка ироничный, (но никогда не критический!) интеллектуальный диалог, за которым с интересом наблюдает вся аудитория и к которому она подключается по мере желания и компетентности. Вот только один пример из личного опыта. Учащийся произносит известное изречение «Платон мне друг, но истина дороже» — Amīcus Plato, sed magis amīca verĭtas. Первым делом контролируется ударение в словах amīcus и amīca, в которых часто ставят неправильное ударение (может быть потому, что в медицинской терминологии, как мы учим студентов, суффикс -ic- обычно краток?). Затем можно осторожно начинать «прощупывать» студента на предмет его эрудиции:

1. А о каком собственно Платоне идет речь?
2. А что вы знаете об этом Платоне?
3. А что буквально значит имя «Платон»?
4. А какая связь между Платоном и словом «академия»?
5. А кому приписывают авторство данного изречения?
6. А кто был учителем Платона?
7. А знаете ли вы какие-нибудь интересные детали из жизни Сократа?
8. А чьим учителем был Аристотель?
9. А где был похоронен Александр Македонский?
10. А кто смотрел фильм «Александр Македонский»?

Вопросы, естественно, можно ограничить, а можно даже увеличить их количество, если в аудитории достаточно тех, кто способен быстро дать

правильный ответ. Нередко, увы, бывает и наоборот — наш диалог volens-nolens затухает, ибо в аудитории не находится лиц, могущих его поддержать и продолжить. К аудиторным формам работы следует отнести и элементы УИРС — учебно-исследовательскую работу студентов. Учащиеся заранее получают тематику работы и готовят краткий (до 10 минут) доклад, иногда и презентацию по своей теме. Такие доклады чаще всего могут быть посвящены лексическим параллелям или этимологии терминов в том или ином разделе программы. Более обстоятельные доклады по лингвистике, истории и культуре античного мира студенты могут готовить в рамках научной студенческой работы. На кафедре латинского языка БГМУ традиционно работает научный студенческий кружок, на каждом заседании которого заслушиваются и обсуждаются доклады, лучшие из которых представляются к участию в ежегодной научной студенческой конференции. Вот названия некоторых тем студенческих научных работ, которые выполнялись в последние годы: 1. Латинская поэзия вагантов. 2. «Если не сведут с ума римляне и греки, сочинившие тома для библиотеки». 3. Яды в античности. 4. Занимательная этимология (о демагоге, идиоте, кретине и других «знакомых незнакомцах»). 5. Легенды и факты о жизни Клеопатры. 6. Все дороги ведут в Рим. 7. Из истории термина «кесарево сечение». 8. Нетрадиционная медицина в античном мире. 9. Платон о врачах и врачевании. 10. Поэтическое творчество как средство обретения душевного равновесия в представлениях древних греков и римлян. Таким образом, тематика работ самая разнообразная — античная медицина, история слов, античные персоналии, города, обычаи, события и т. д. Ежегодно кружковцы готовят не менее десяти таких разноплановых работ. На факультете Фундаментальной Медицины МГУ им. М. В. Ломоносова преподаватель Г. Вс. Петрова своим студентам предлагает следующую работу: *Примерная тематика научно-исследовательской работы студента:*

– сопоставительный анализ международных научных номенклатур;
– анализ отечественных и зарубежных источников литературы;
– написание работ, дополнительных к учебному плану;
– разработка мультимедийных иллюстраций изучаемого материала;
– проведение дискуссий по общекультурной тематике;
– участие в предметных олимпиадах и др.

Не столь частыми, но очень запоминающимися событиями для студентов бывают викторины и лекции с элементами беседы, которые под девизом «Знаете ли вы античность?» кафедра БГМУ проводит в студенческих общежитиях. В родных пенатах вопросы студенты задают смелее, чем в университетской аудитории, атмосфера намного свободнее, настроение выше, и на этом фоне наши слушатели и участники таких встреч надолго запоминают все услышанное об античном мире и его связи с современностью.

Латинисты медицинского факультета им. Т. З. Биктимирова Института медицины, экологии и физической культуры Ульяновского государственного

университета организовали 12 Internet-олимпиад по латинскому языку и основам медицинской терминологии. Ежегодно задания готовятся кафедрами медицинских и фармацевтических вузов России и Белоруссии. Наряду с вопросами по терминологии участникам этих олимпиад предлагаются и вопросы по истории медицины и культуре античных Греции и Рима, по латинской афористике, по этимологии и другим языковым проблемам, по теме «Античность в европейской науке, культуре, литературе и в быту». Вопросы культурологического аспекта медицинской латыни были составлены профессором Генриеттой Николаевной Ивановой (Санкт-Петербург). Устроители данных состязаний убеждены (и мы полностью согласны с ними!) в том, что небывалое развитие литературы, истории, философии и искусства в России XIX в. стало возможным только благодаря тому месту, которое в то время занимали классические языки и античная культура [1, 4]. Латинисты Белорусского государственного медицинского университета в течение 12 лет не только готовят студентов к участию в Internet-олимпиаде, но и разрабатывают профессиональный и историко-культурологический блоки вопросов для участников Internet-олимпиады, не только на русском, но и на английском языках. В Олимпиаде – 2018 приняли участие студенты из 32 вузов России и 17 зарубежных стран, обучающихся в нашей стране. В конце апреля состоится Олимпиада – 2019, а этот год объявлен в России Годом Театра. Какая великолепная тема для лингвистических и культурно-исторических знаний!

Таким образом, только постоянная и активная просветительная работа преподавателя-латиниста в аудитории и вне её позволит приобщить будущих врачей к великому духовному наследию античности, ввести это наследие в их личный мир как неистощимый источник интеллектуальных, моральных и эстетических ценностей. Ведь недаром «Quidquid latine dictum est, altum videtur / Всё, что сказано на латыни, кажется мудростью».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Олимпиада* по латинскому языку и основам медицинской терминологии — важная составляющая качества обучения в XXI веке : метод. пособие / Л. М. Тихонова, Г. Н. Иванова, В. И. Горбунова [и др.] ; под ред. Р. М. Хайруллина. – Ульяновск : УлГУ, 2009. – 197 с.

2. *Радзевич, А. Э.* Краткий толковый словарь медицинских терминов / А. Э. Радзевич, Ю. А. Куликов, Е. В. Гостева. – М. : МЕДпресс-информ, 2004. – 367 с.

3. *Тритенко, Т. В.* Медицинская терминология и древнегреческий язык : учеб. пособие / Е. В. Тритенко. – М. : Лабиринт. – 2009. – 106 с.

4. *Цисык, А. З.* Латинский язык : учеб. для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. мед. образования / А. З. Цисык – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2009. – 448 с.

5. *Цисык, А. З.* Латинский язык : учеб. / А. З. Цисык. – Минск : БГМУ, 2009. – 196 с.

6. *Цисык, А. З.* Лингвистические и культурно-исторические аспекты восприятия и усвоения античного наследия в курсе латинского языка медицинского вуза / А. З. Цисык // Межкультурная коммуникация и современные технологии обучения ино-

язычному профессионально ориентированному общению в неязыковом вузе : сб. науч. ст. преподавателей каф. иностр. яз. УО ФПБ МИТСО. – Минск : МИТСО, 2010. – С. 77–84.

7. *Левщанова, И.* Аспекты лингвокультурологии в фармацевтической терминологии (на примерах заданий Интернет-олимпиады) / И. Левшанова, руководители: Л. М. Тихонова, Т. А Индирякова. – Ульяновск : УлГУ, 2019.

8. *ARTE* DICTA. Петрарка. Крылатые выражения и сентенции / сост. и пер. Л. М. Лукьяновой. – Саратов : Волга, 2018. – 40 с.

9. *Иванова, Г. Н.* Sententiae et verba cotidiana in Lingua Latina: изречения, пословицы и поговорки на латинском языке : учеб. пособие/ Г. Н. Иванова, Е. В. Каледина, Д. Д. Пиотровский. – СПб. : РИНЦ ПСПбГМУ, 2018. – 116 с.

10. *Иванова, Г. Н.* Греко-латинские основы медицинской терминологии : учеб.-метод. пособие / Г. Н. Иванова, А. Г. Ковзалина. – СПб. : СПГМА им. И. И. Мечникова, 2009. – 84 с.

Впервые опубликовано: Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности : коллектив. монография / ННГУ им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2020. – С. 5–86.

К ВОПРОСУ О НАДЛЕЖАЩЕМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ СОВРЕМЕННОГО ТОЛКОВО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ЛАТИНСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Словарно-справочная литература является важной информационной составляющей медицинской науки, аккумулируя, систематизируя и объясняя ее понятийно-терминологический состав. Словари медико-биологической и клинической латыни содержат научные эталоны терминов, употребляющихся как в различных отраслях медицины, так и в учебной литературе, с помощью которой формируется профессиональная компетентность специалистов. Поэтому словарно-справочная литература представляет профессиональный интерес для специалистов не только в области медицины, но и многих смежных с ней или обслуживающих ее наук, включая лингвистику. Составление такой литературы, а соответственно и разработка теоретических основ ее подготовки, является актуальной задачей лингвистов Украины и Беларуси, где по известным причинам в течение длительного времени использовалась в основном словарно-справочная литература, изданная нашими восточными соседями. В связи с этим представляем вниманию участников конференции некоторые наши размышления и предложения, касающиеся разработки одного из видов такой литературы — толково-этимологических словарей латинской клинической терминологии.

Важным элементов таких словарей, на наш взгляд, должен быть грамматический справочник, предваряющий словарные статьи, в котором лаконично изложены правила произношения латинских терминов, а также основные положения латинской грамматики. Такой справочник имеется, например, в таких известных изданиях, как «Словарь анатомических тер-

минов» П. И. Карузина [6], пятиязычный словарь медицинской терминологии Д. Арнаудова [1] и многих других. Подобного рода информация дает возможность читателю, в свое время ознакомившемуся с основами медицинской латыни, освежить призабытые знания, и более осознанно воспринимать парадигмы латинских словоформ. В то же время отсутствие такой информации в издании, в котором используется латинская терминология, прямо или косвенно может быть связано с наличием грамматических ошибок в используемых в данном издании латинских терминах, как это можно наблюдать, в частности, в известном фармакологическом справочнике М. Д. Машковского «Лекарственные средства», который периодически переиздается в России [7]. Как положительный пример, можно отметить недавно изданный в Украине «Латинсько-український тлумачний словник клінічних термінів» Е. Н. Беляевой [3], в котором имеется обстоятельный грамматический справочник по морфологии именных частей речи в медицинской латыни. Знакомство с этой работой и творческие дискуссии с ее автором, собственно, и предоставили нам поле для некоторых размышлений, изложенных в настоящем сообщении.

Прежде всего, мы пришли к общему мнению, что упомянутый выше словарь целесообразно дополнить этимологическими справками по каждой словарной статье. При этом этимология слов греческого происхождения, в соответствии с европейской традицией, должна быть представлена как на латинском, так и на греческом (здесь и ниже мы, естественно, имеем в виду древнегреческий язык). Включение в работу по приведению этимологических справок дало нам основание для целого ряда замечаний и предложений, часть из которых мы излагаем ниже.

Начнем с того, что размещение в этимологических справках греческой лексике закономерно ставит вопрос о включении в грамматический справочник словаря элементарных сведений о греческом алфавите и произношении его букв и буквосочетаний, включая диакритические знаки и формы ударения. Мы уже упоминали о необходимости введения элементарного курса древнегреческого языка в программу медицинских вузов [10], и появление анонсируемого толково-этимологического словаря стало бы еще одним аргументом в пользу этого предложения.

В фонетической части справочника, касающейся букв латинского алфавита, важно отметить, что буква ***s*** при нахождении рядом с буквами ***l, m, n, r*** должна произноситься как звук [**с**], а не как звук [**з**], так как это довольно распространенная ошибка, встречающаяся во многих отечественных изданиях. Такое произношение латинской буквы ***s*** переносится в латынь из транслитерированных русских или украинских эквивалентов греческих и латинских этимонов, ибо в этих классических языках нет правил, определяющих произношение греческой сигмы или латинской буквы ***s*** как звука [**з**] в указанной выше позиции. Поэтому в каждом из приведенных ниже латинских или латинизированных слов всюду должен четко звучать звук [**с**]:

balsămum, Bismŭthum, botulismus, cosmetologia, densimetria, plasma, sensus, suspensio, syndesmōsis, tonsillitis, transversus. Единственное отступление от классических норм произношения буквы ***s*** — это произношение ее как звука [**з**] в положении между гласными (basis, incisura), которое уже не оспаривается в учебно-справочной литературе, хотя ее авторы обычно забывают упомянуть о том, что на стыке морфем буква ***s*** должна все же произноситься как звук [**с**]: chromosoma, dysenteria, resectio etc.

В грамматической части справочника следует определить грамматический статус латинизированных греческих прилагательных с финалью -genes (neurogĕnes, osteogĕnes etc.). После появления двухтомного словаря медицинской терминологии К. Рудзитиса [8] такие прилагательные в учебно-справочной литературе начали приобретать форму прилагательных I–II склонений с окончаниями -us, -a, um (neurogĕnus, a, um; osteogĕnus, a, um etc.). Однако в зарубежных изданиях продолжает сохраняться прежний вариант грамматической формы данных прилагательных, да и на постсоветском пространстве многие авторы продолжают использовать его в своих публикациях. В частности, в бактериологической терминологии используется исключительно традиционная форма отмеченных прилагательных. Использует ее и Е. Н. Беляева в упомянутом выше словаре. Однако ни в ее грамматическом справочнике, ни в грамматиках других отечественных авторов учебно-справочной литературы ничего не говорится о грамматическом статусе таких прилагательных, хотя они довольно часто встречаются в многословных клинических терминах (cancer pulmōnis bromchogĕnes, contractūra arthrogĕnes, syncŏpe neurogĕnes etc.). Поэтому в грамматическом справочнике следует дать общую характеристику данных прилагательных, указать особенности их словарной формы и склонения.

В грамматическом справочнике должна быть также представлена информация о латинском глаголе и его словарной форме, включая депонентные глаголы, и об образовании причастий настоящего и прошедшего времени. Поскольку основа перфекта в словообразовании практически не используется, целесообразно, на наш взгляд, приводить в этимологических справках исходную (словарную) форму глагола именно в составе его первого и третьего компонентов — 1-го лица настоящего времени и формы супина (concreo, concrētum; frango, fractum). Именно так, в частности, приводятся глаголы в этимологических справках в Энциклопедическом словаре медицинских терминов [12]. Отметим, что основа супина является производной не только для образования причастий прошедшего времени, но и для образования отглагольных существительных с финалями -tio (-sio, -xio), -tor (sor, -xor), -tus (sus, -xus), которые широко представлены в медицинской терминологии.

Переходя к вопросам отражения этимологической информации, укажем на два основных требования, которым она должна удовлетворять: во-первых, она должна быть полной, а во-вторых, она должна быть объективной и точной.

Полной мы считаем приводимую информацию в том, в частности, случае, если в этимологической справке указывается и разъясняется не только этимон основной морфемы термина, но и этимон того морфемного элемента, который следует за основным и обычно присутствует в составе термина в усеченном варианте. Например, в термине *dentitio* (прорезывание зубов) недостаточно указать в качестве этимона существительное *dens, dentis* (зуб), так как тогда непонятна роль буквенно-морфемного элемента *-it-*. Зная a priori, что существительные с финалью *-tio* являются производными от основы супина, можно прогнозировать наличие соответствующего глагола, от супина которого образовано существительное *dentitio*. Такой глагол действительно указан в Латинско-русском словаре И. Х. Дворецкого — dentio, -, -īre (получать зубы, прорезываться) [5, с. 236]. Форма супина данного глагола здесь не зафиксирована, но она могла существовать в устном варианте, так как не случайно в этом же словаре существительное *dentitio* (прорезывание зубов) отмечено как производное от указанного выше глагола *dentio*) [5, 236].

Рассмотрим второй пример — известное слово-неологизм antibiotĭcum (антибиотик). Первая часть слова — греческая приставка ἀντι- (anti) со значениями «противоположности или противодействия», вторую же часть слова в этимологических справках обычно считают производной от гр. βίος (bios) — жизнь [9, т. 1, с. 111; 12, т. 1, с. 69]. Однако компонент -biotĭcum, а точнее, его вариант мужского рода -biotĭcus — это латинизированный вариант греческого прилагательного βιωτικός (biotikos) — *жизненный*, который, в свою очередь, образован от греческого существительного βίοτος (bíotos) — жизнь [4, т. 1, с. 296−297]. Поэтому этимологическая информация к термину antibioticum в толково-этимологическом словаре латинской терминологии должна быть представлена следующим образом (здесь и ниже мы пропускаем толковательную часть словарной статьи): новолат. antibiotĭcum, i n — из греч. приставки ἀντι- (anti) со значениями «противоположности или противодействия» + греч. βιωτικός (biotikos) — *жизненный* из греч. βίοτος (bíotos) — жизнь. А существительное βίος со значением «жизнь» следует оставить для роли этимона в терминах biologia, biopsia, biorhythmus etc., когда нет сомнений, что злемент bio- является производным от греческого βίος. И здесь мы видим, что в ситуации с этимологией термина «антибиотик» приходится говорить не только об исчерпывающем характере этимологической информации, но и о ее объективности и точности.

Анализ словарно-справочной литературы, в которой приводятся этимологические справки, показывает, что чаще всего неточная этимологическая информация приводится в терминах греческого происхождения. Если исключить лингвистическую некомпетентность составителей словарей, то второй важной причиной неточной информации может быть то, что для многих лингвистов постсоветских стран до сих пор самым авторитетным источником сведений о греческой лексике античного периода является двухтомный древнегреческо-русский словарь И. Х. Дворецкого, изданный

еще в 1958 г. [4]. Однако этот словарь не включает лексики всех античных авторов, и, в частности, лексики греческих медицинских трактатов первых веков нашей эры. Поэтому при попытке найти, например этимон известного термина *диабет* мы с изумлением обнаруживаем, что в словаре И. Дворецкого слово διαβήτης (diabētes) имеет только два значения: 1) циркуль и 2) плотничий отвес [4, т. 1, с. 363]. Но ситуация проясняется, если мы вспомним, что термин «диабет» был введен во II в. н. э. Аретеем Каппадокийским для названия заболевания, при котором жидкость патологически быстро проходит через организм [11, т. III, с. 412]. Существительное διαβήτης является производным от глагола διαβαίνω (diabaíno) со значениями *переступать, переходить, проходить* и буквально переводится как перешагивание, переступание, прохождение. Связь этого значения существительного διαβήτης с названием болезни, определенной Аретеем Каппадокийским, отмечена и в самом полном словаре греческой лексики античного периода — английско-греческом словаре Лидделла–Скотта [13, с. 390]. И здесь уместно поднять вопрос о весьма актуальной задаче, которую необходимо решать филологам-классикам Украины — о составлении древнегреческо-украинского словаря, который бы отражал лексику всех греческих авторов периода античности, включая и лексику медицинских трактатов. Такой словарь необходим представителям не только гуманитарных, но и естественных наук, и в связи с этим не будет лишним процитировать актуальные и сегодня слова известного российского ученого, постигавшего в начале XVIII в. азы древнегреческого языка в Киево-Могилянской академии: «Для терминов во многих науках: в физике, в химии, астрономии и особенно в анатомии, в ботанике и во всей медицине греческий язык весьма полезен» [3, с. 177]. Отметим, что в Польше еще в 1962–1975 гг. был издан четырехтомный греческо-польский словарь [14], в котором представлена греческая медицинская лексика всего античного периода. С помощью этого словаря и упомянутого выше словаря Лидделла–Скотта, в которых имеются ссылки на медицинскую лексику от Гиппократа до Клавдия Галена, мы попытаемся дать новую версию этимологических справок трех терминов, представленных в словаре Д. Арнаудова и в двухтомном украинско-латинско-английском медицинском толковом словаре, изданном во Львове в 1995 г.

Итак, рассмотрим термин diaphorēsis, is f. В словаре Д. Арнаудова дается его значение «потоотделение, обильное потение» и в качестве этимона приводится греческое существительное διαφόρησις со значением «разграбление, расхищение». Уже само сравнение значения этимона со значением современного термина вызывает недоумение. В древнегреческо-русском словаре И. Х. Дворецкого приведено то же значение существительного διαφόρησις, что и у Д. Арнаудова [4, т. 1, с. 394]. Однако в словаре Лидделла-Скотта у существительного διαφόρησις кроме указанного выше значения, приведенного в словарях Д. Арнаудова и И. Х. Дворецкого, отмечено зна-

чение «выделение пота», и данное существительное определяется как производное от глагола διαφέρω в значении «выделять или распространять влагу при потении, т. е. потеть» [13, с. 132]. Это дает нам основание представить этимологическую справку по данному термину следующим образом: diaphorēsis, is f — от греч. διαφόρησις (выделение пота) из греч. διαφέρω (потеть) < греч. приставка δια- со значением 1) сквозного движения, проникновения; 2) распределительного действия, разделения + греч. φέρω (*носить*).

Термин ecthўma и Д. Арнаудов [1, с. 132], и авторы двухтомного украинско-латинско-английского медицинского толкового словаря [9, т. I, с. 436] считают производным от греческого глагола ἐκθύω (ekthýo) — *приносить в жертву, убивать.* Такое значение приводимого этимона тоже не согласуется с современным значением данного термина «пустулярно-везикулярная сыпь». В упомянутом греческо-польском словаре приводится значение существительного ἔκθυμα (прыщ), которое авторы словаря считают производным от глагола ἐκθύω (ekthýo) в значении «выступать или пробиваться наверх (о сыпи при кожных заболеваниях), зафиксированное в медицинских трактатах [14, т. II, с. 62]. На основании этих данных наша этимологическая справка строится следующим образом: ecthўma, ătis n от греч. ἔκθυμα — *прыщ* от ἐκθύω — *выступать или пробиваться наверх (о сыпи при кожных заболеваниях).*

При объяснении этимологии термина ecchymōsis «кровоподтек, синяк» Д. Арнаудов и авторы двухтомного украинско-латинско-английского медицинского толкового словаря приводят греческую приставку ἐκ- (ek-) со значением «движение изнутри» и существительное χυμός (chymós) сок, жидкость [1, с. 131; 10, т. I, с. 437]. Однако следует, на наш взгляд, прислушаться к точке зрения указанных выше составителей греческо-польского словаря, которые со ссылкой на греческих авторов связывают слово ἐκχύμωσις, как и его синоним ἐκχύμωμα с глаголом ἐκχυμόω в значении «изливать кровь в сосудах и тканях». Нет сомнений, что термин ἐκχύμωσις — отглагольное существительное, образованное от данного глагола. Не вызывает сомнений и то, что и приставка ἐκ-, и исходный корневой этимон χυμός в данном термине морфологически присутствуют, но для объяснения этимологии самого термина гораздо важнее сначала указать его непосредственные производящие лексико-морфологические элементы, а потом их морфологические компоненты. В данном случае это должно бы, на наш взгляд, выглядеть следующим образом: ecchymōsis, is f от греч. ἐκχύμωσις — *место, в котором произошло кровоизлияние*, т. е. *кровоподтек или синяк* < греч. ἐκχυμόω — *изливать кровь в сосудах и тканях* < от греч. приставки ἐκ- + χυμός — *сок, жидкость*.

Таким образом, каждый термин, представленный в толково-этимологических словарях, должен быть обеспечен полной, достоверной и наиболее подходящей для каждого отельного случая информацией. Источники такой информации в наше время имеются, и дело только за тем, в какой степени

составители словарей желают и умеют использовать эту информацию. Поэтому национальная словарно-справочная литература должна не только создаваться, но и не уступать по своему качеству лучшим зарубежным аналогам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медицинская* терминология на пяти языках: Latinum. Русский. English. Francais. Deutch / авт.-сост. Г. Д. Арнаудов. – София : Медицина и физкультура, 1964. – 1029 с.

2. *Бешенковский, Е. Б.* Автографы Ломоносова в университетской библиотеке вХельсинки / Е. Б. Бешенковский, Е. С. Кулябко // Памятники науки. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник, 1974 / редкол. : Д. С. Лихачев [и др.]. – М., 1975. – С. 168–181.

3. *Бєляєва, О. М.* Латинсько-український тлумачний словник клінічних термінів / О. М. Бєляєва. – Київ : Медицина, 2016. – 224 с.

4. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 2 т.

5. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.

6. *Карузин, П. И.* Словарь анатомических терминов / П. И. Карузин. – М.; Л. : Гос. изд-во, 1928. – 293 с.

7. *Машковский, М. Д.* Лекарственные средства / М. Д. Машковский. – 16-е изд., испр. и доп. – М. : Новая Волна, 2011. – 1216 с.

8. *Латинско*-русско-латышский словарь медицинских терминов : в 2 т / авт.-сост К. Рудзитис. – Рига : Лиесма, 1973–1977. – 2 т.

9. *Українсько*-латинсько-англійський медичний тлумачний словник: близько 33 000 термінів : в 2 т. / ред. : М. Павловський [та ін.]. – Львів : Словник, 1995. – 2 т.

10. *Цисык, А. З.* О содержании и структуре курса древнегреческого языка для студентов медицинского вуза (к постановке проблемы) / А. З. Цисык // Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи : зб. ст. І Всеукр. наук.-практ. конф. з міжнар. участю, Полтава, 11–12 трав. 2016 р. / ВДНЗУ «Українська медична стоматологічна академія» [та ін.]. – Харків : Тім Пабліш Груп, 2016. – С. 261–269.

11. *Чернявский, М. Н.* Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии / М. Н. Чернявский // Энциклопедический словарь медицинских терминов: ок. 60 000 терминов : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. – М. : Сов. энцикл., 1984. – Т. 3 : Рабдитозы – Ящур. – С. 410–425.

12. *Энциклопедический* словарь медицинских терминов: около 60 000 терминов : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. – М. : Сов. энцикл., 1982–1984. – 3 т.

13. *A Greek*-English Lexicon / comp. by H. G. Liddell, R. Scott. – Oxford : Clarendon Press,1996. – 2042 + 320 p.

14. *Słownik* grecko-polski : w 4 t. / pod red. Z. Abramowiczówny. – Warszawa : PWN, 1958−1965. – 4 t.

Впервые опубликовано: Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи : зб. ст. ІІ Всеукр. наук.-практ. конф. з міжнар. участю, Полтава, 8–9 черв. 2017 р. – Полтава : Астрая, 2017. – С. 272–278.

О НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ЛОГИКО-ДИДАКТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПЕРВЫХ ЗАНЯТИЙ КУРСА ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА НА ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

Создание фармацевтического факультета поставило перед латинистами БГМУ задачу разработать не только содержание курса латинского языка для будущих фармацевтов, но и выбрать его оптимальную логико-дидактическую структуру. При этом следовало установить последовательность введения учебного материала в рамках Типовой программы, в том числе определить тот приоритетный материал, с которого следует начинать процесс преподавания.

Изначально известно, что на фармацевтическом факультете курс латинского языка традиционно отличается от аналогичного курса на лечебном и других факультетах медицинского вуза своим содержанием, в котором фармацевтический блок информации, как приоритетный, составляет три части, из которых только одна отводится на клиническую терминологию. Исходя из многолетнего опыта преподавания основ латинской медицинской терминологии по системно-терминологическому принципу [1], мы пришли к выводу, что первым основополагающим логико-дидактический принципом организации нашего курса фармацевтической латыни должно быть раздельное преподавание его фармацевтического и клинического содержания. Два этих раздела курса должны вводиться автономно друг от друга, причем клинический раздел программы должен быть представлен после фармацевтического [2]. Этот основополагающий методический принцип был реализован в разработке нашего учебно-методического пособия для студентов фармацевтического факультета, опубликованного в прошлом году [3].

Однако не менее важной задачей было выбрать наиболее эффективную логико-дидактическую модель построения фармацевтического блока, и особенно — его первых занятий, ибо, как говорили древние римляне, «bonum initium est dimidium facti» — хорошее начало — половина дела. Поскольку курс латыни любого профиля необходимо начинать с фонетики, два первых занятия посвящаются правилам чтения, произношения и постановки ударения. При этом приводится большое количество примеров, как правило, однословных названий лекарственных препаратов. И здесь сама логика учебного процесса подсказывает, что учащиеся должны как можно раньше уяснить себе принципы построения и перевода этих фармацевтических терминов. Не подлежит сомнению, что следует как можно раньше ознакомить студентов со структурой и грамматическим оформлением этих названий, подавляющее количество которых являются существительными 1-го и 2-го склонений. Закономерно выстраивается и логико-дидактическая схема первых трех занятий после прохождения фонетического материала: здесь должен быть представлен основополагающий грамматический материал, включающий сведения о существительных 1-го и 2-го склонений,

а также сведения о прилагательных 1–2 склонений и их согласовании с существительными. Здесь следует отметить, что в течение многих десятилетий латинисты медицинских вузов и училищ в преподавании курса фармацевтической латыни ориентировались на ту последовательность учебного материала, которая была представлена в учебнике латинского языка для будущих фармацевтов и провизоров, созданного М. Н. Чернявским [4]. В данном учебнике грамматический материал начинается в 5-м занятии с глагола (инфинитив и деление по спряжениям, императив) — очевидно, с расчетом использования данных форм в теме «Рецепт», которая вводится уже в 8-м занятии, и с этого времени рецепты присутствует в материале каждого занятия. Однако следует вспомнить, что для фармацевта и провизора составление рецепта — далеко не приоритетный вопрос его профессиональной подготовки, основной объект его работы — это фармацевтический термин вне рецептурной прописи. Поэтому мы убеждены в том, что основное внимание в преподавании курс фармацевтической латыни должно уделяться надлежащему орфографическому и грамматическому оформлению однословных и многословных терминов, выполняющих номинативную функцию. Рецептуре же, безусловно, должно быть отведено хотя и не центральное, но достойное место в структуре курса — мы, в частности, из 33 занятий фармацевтического раздела на рецептуру отводим 22 последних занятия после прохождения всех грамматических тем и основ латинской химической и ботанической номенклатур, а также названий витаминов, гормональных и ферментных препаратов.

Итак, первое грамматическое занятие посвящается ознакомлению учащихся с именем существительным, его грамматическими категориями, словарной формой и основой, дается обзор пяти склонений латинских существительных. Здесь же вводится комплексная информация о 1-м склонении существительных и их падежных окончаниях, включая исключения — существительные мужского рода (pharmacopōla, ae m — фармацевт, oculista, ae m — окулист). Этот грамматический материал должен быть дополнен информацией о существительных так называемого 1-го греческого склонения (Aloë, ës f — алоэ; diabētes, ae f — диабет) и несклоняемых существительных (gummi — камедь, spray — спрей). Ко всему этому грамматическому материалу дидактически целесообразно добавить информацию фармацевтического характера. Прежде всего, необходимо ввести правила употребления прописной буквы в фармацевтических названиях-существительных (названиях растений, химических элементов, лекарственных препаратов и др.). Затем вводится понятие о лекарственных формах, и прежде всего о тех, которые принадлежат к 1-му склонению (capsŭla, ae f; tabuletta, ae f). Впрочем, проведенный уже в данном занятии обзор всех латинских склонений позволяет приводить примеры названий лекарственных форм, принадлежащих и к другим склонениям (decoctum, i n — отвар, solutio, ōnis f — раствор). Вся эта информация позволяет на последнем этапе занятия

представить учащимся одну из наиболее распространенных моделей фармацевтических терминов, строящихся на базе несогласованного определения (Tinctūra Valeriānae — настойка валерианы, Decoctum cortĭcis Quercus — отвар коры дуба), а также методику их составления.

В следующем занятии рассматриваются существительные 2-го склонения мужского и среднего рода и их грамматические парадигмы, а также исключения (bolus, i f; virus, i n; Eucalyptus, i f; Strychnos, i f etc.). Изучение данной темы в числе первых обосновано и тем, что подавляющее большинство однословных латинских фармацевтических терминов — это существительные 2-го склонения (Aspirinum, Cocarboxylasum, Kanamycinum, Phthalazolum etc.). Учитывая большую распространенность предложных конструкций в фармацевтических терминах (свечи с теофиллином, сироп из плодов, раствор в ампулах и т. п.), дидактически целесообразно в данном занятии ввести наиболее частотные предлоги (cum, ex, in, pro). Затем следует вводить фармацевтическую информацию об образовании тривиальных названий лекарственных средств — существительных среднего рода 2-го склонения с помощью аффиксации, складывания основ, частотных отрезков. И, наконец, студентам предлагается для запоминания первая часть частотных отрезков, из которых составляются названия фармацевтических препаратов. Поскольку образование терминов с помощью частотных отрезков — преобладающий способ терминопоэза в фармацевтике, то их, по нашему мнению, следует вводить последовательно в каждом занятии, ибо освоение этого вида терминообразующих элементов играет очень важную роль не только в плане семантики, но и в плане надлежащего орфографического оформления терминов.

Учитывая то, что в фармацевтических наименованиях чаще всего встречаются определения, выраженные прилагательными 1-го и 2-го склонений, дидактически целесообразно рассмотреть эти прилагательные сразу после введения материала о существительных 1–2 склонений.

Таким образом, принятая нами логико-дидактическая схема введения учебного материала позволяет дать учащимся уже на первых занятиях прочные основы именного терминообразования и показать механизм функционирования терминов в латинской фармацевтической номенклатуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цисык, А. З.* Вековые традиции и современные инновации в преподавании основ медицинской латыни / А. З. Цисык // Инновационная технология обучения и воспитания студентов в медицинском вузе : тез. докл. науч.-метод. конф. / Белорус. гос. мед. ун-т ; под ред. С. Д. Денисова, Н. Н. Щетинина. – Минск : БГМУ, 2002. – С. 104–106.

2. *Цисык, А. З.* Место, объем и содержание клинического раздела в курсе латинского языка для фармацевтов / А. З. Цисык // Актуальные проблемы современного научного знания : материалы IV междунар. науч. конф. / Пятигор. гос. лингвист. ун-т ; под общ. ред. Н. А. Стадульской. – Пятигорск : ПЛГУ, 2011. – С. 210–215.

3. *Цисык, А. З.* Латинский язык для студентов фармацевтического факультета : учеб.-метод. пособие : в 2 ч. / А. З. Цисык, Н. А. Круглик, С. К. Ромашкевичус. – Минск : БГМУ, 2012. – 2 ч.

4. *Чернявский, М. Н.* Латинский язык и основы фармацевтической терминологии : учеб. для фармац. ин-тов и фармац. ф-тов мед. ин-тов / М. Н. Чернявский. – М. : Медицина, 1975. – 335 с.

Впервые опубликовано: Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16–18 мая 2013 г. / Междунр. ун-т «МИТСО» ; редкол. : О. Ю. Шиманская (гл. ред.), Т. С. Коротюк. –Минск : МИТСО, 2013. – С 157–161.

О НЕКОТОРЫХ НЕДООЦЕНЕННЫХ И ПРИЗАБЫТЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМАХ ЛАТЫНИ, УПОТРЕБЛЯЮЩИХСЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

За последние 40–50 лет в преподавании курса латинского языка в медицинских вузах Республики Беларусь закрепилась терминологическая доминанта, а вместе с ней и системно-терминологический принцип обучения, при котором основы медицинской терминологии изучаются на материале элементарной латинской грамматики и греко-латинского лексического и словообразовательного фонда. При этом грамматический материал выступает не как самодовлеющий и ведущий элемент каждого занятия, а как средство и путь к пониманию структуры отдельного термина и его синтаксической связи с другими в контексте медицинского дискурса. Соответственно определился и тот необходимый минимум грамматического материала, который позволяет добиваться целей обучения, отсекая все второстепенное и необязательное. Так, из перечня самостоятельных грамматических тем исключены «Местоимения», «Числительные», «Союзы». Из глагола в двух занятиях изучаются только те формы, которые необходимы для понимания и образования форм, употребляющихся в латинской части рецепта, а также производные от глагола формы причастий настоящего и прошедшего времени.

Такой жесткий отбор грамматического материала определился, прежде всего, практической необходимостью — полным отсутствием или единичными случаями присутствия перечисленных грамматических форм в латинских эквивалентах медико-биологических номенклатур, в текстах медицинских диагнозов, рецептов и названий лекарственных препаратов. Например, представляется логичным не включать всю парадигму склонений личного местоимения **ego** (я) из за единичного случая использования формы Ablativus singularis **me** в рецептурной формулировке **pro me** (для меня). Нет нужды говорить о всех латинских союзах, если в терминах встречается только **et**, единственный раз — его постпозитивный синоним **~que**, и союз **seu**: vasa sanguinea **et** lymphatica (кровеносные и лимфатические сосуды),

M. depressor labii superioris **alaeque** nasi (мышца, поднимающая верхнюю губу и крыло носа), Vitaminum C seu Acilum ascorbinicum (витамин С или аскорбиновая кислота). Порядковые числительные и в Международной анатомической, и в Международной гистологической номенклатурах употребляются неоднократно. Однако, поскольку они грамматически оформляются и склоняются так, как прилагательные I склонения (ср.: **tertius, a, um** — третий), то и понятие о них дается именно в теме «Прилагательные».

Однако, принимая во внимание основную цель курса латинского языка — дать будущим специалистам систему осознанного понимания принципов строения и функционирования латинских терминов, мы пришли к выводу, что в нормативную часть грамматического материала целесообразно включить также те явления, которые, даже при единичности проявления, играют важную смыслоразличительную роль. Поэтому мы включили в состав Типовой программы по латинскому языку для медицинских вузов (для 72-часового курса практических занятий) и в базовый учебник [3, с. 86–88], материал об образовании и употреблении латинских причастий, который в учебнике по латинскому языку и медицинской терминологии под редакцией проф. М. Н. Чернявского выносится в раздел «Материалы для самостоятельной работы» [3, с. 256–258]. По этим же соображениям в разделе «Сравнительная и превосходная степень прилагательных» мы в нашем учебнике рассматриваем семантику и функциональное применение особых форм превосходной степени postremus, supremus, imus, intimus, extremus [3, с. 75–76].

Однако, развивая и расширяя принцип объяснимости грамматических и семантических явлений в чисто медицинском контексте, нельзя, на наш взгляд, пренебречь такими явления и в более широком контексте профессионального медицинского общения. В частности, заслуживают внимания исключенные из обязательного грамматического материала формы Gerundium и Gerundivum, которые часто встречаются в профессиональном медицинском дискурсе, — и прежде всего в форме профессиональных и общенаучных выражений.

Первая форма (Gerundium, герундий) выражает процесс действия, и на русский язык переводится или существительным, или деепричастием. В минимум афоризмов, изучаемых каждым студентом-первокурсником, входят следующие и другие выражения с данной формой:

Латинский текст	Русский эквивалент
Aliis **inserviendo** consūmor	Служа другим, сгораю сам
Docendo discĭmus	Обучая, мы учимся сами
Modus **vivendi**	Образ жизни

Герундий нередко встречается в конструкции с предлогом **ad**:

Латинский текст	Русский эквивалент
Ad cogitandum et **agendum** homo natus est	Человек рожден для размышления и деятельности
Nulla aetas **ad discendum** sera	Учиться никогда не поздно
Ad melius **inquirendum**	(Отправить) на более подробное исследование

Конструкции с герундием и предлогом **ad**, по законам латинской грамматики и стилистики, должны употребляться для выражения профессиональных рекомендаций фармацевтического характера с предлогом «для». Так, «для натирания» следует переводить **ad triturandum**, «для промывания желудка» — **ad perluendum gastris** вместо употребляющихся ad trituratіonem и ad perlutionem gastris соответственно.

Вторая форма (Gerundivum, герундив), передающая необходимость или целесообразность (нецелесообразность) какого-то действия, чаще всего встречается в двух разновидностях.

Первая разновидность — форма с конечным элементом **-ndum** в сочетании с формой **est**, или формы с конечным элементом **-nda** или **-ndi** в сочетании с формой **sunt**:

Латинский текст	Русский эквивалент
De gustibus non **est disputandum**	О вкусах не следует спорить
Equi donati dentes non **sunt inspiciendi**	Дареному коню в зубы не смотрят
Pacta **sunt servanda**	Договоренности нужно соблюдать

Вторая разновидность — форма герундива среднего рода в именительном падеже множественного числа: **addenda et corrigenda** добавления и исправления (букв.: то, что следует добавить и исправить), **agenda** то, что нужно сделать (ср. употребление данного латинизма в английском языке в значении «повестка дня»). Понимание грамматической структуры и семантики герундива помогает разъяснить студентам происхождение и значение таких часто встречающихся слов, заимствованных из латыни, как дивиденды, легенда, пропаганда, референдум и др. Естественно, что все разновидности указанных выше лексико-грамматических конструкций усваивались бы студентами намного лучше при понимании их грамматической структуры. Поэтому следовало бы ввести в содержание учебной программы одно занятие, посвященное герундию и герундиву, тем более что в 60-е годы прошлого века данный материал входил и в учебную программу, и в учебную литературу [1, с. 174–178; с. 217–218; 2, с. 191–195]. Это особенно актуально в условиях роста профессиональных контактов отечественных специалистов с медиками дальнего зарубежья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боголепов, В. М.* Латинский язык : учеб. для медиков / В. М. Боголепов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Медгиз, 1955. – 335 с.

2. *Лемпель, Н. М.* Латинский язык : учеб. для мед. ин-тов / Н. М. Лемпель. – М. : Медицина, 1966. – 252 с.

3. *Цисык, А. З.* Латинский язык = Lingua Latina : учеб. для студентов учреждений высш. образования по спец. «Лечебное дело», «Педиатрия» / А. З. Цисык. – Минск : Новое знание, 2017. – 456 с.

4. *Чернявский, М. Н.* Латинский язык и основы медицинской терминологии : учеб. / М. Н. Чернявский. – М. : Медицина, 1997. – 336 с.

Впервые опубликовано: Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30 мая 2019 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол. : Н. С. Кухаренко, Н. А. Круглик. – Минск : 2019. – С. 64–68.

ПОИСК ПУТЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧАЩИХСЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ ПО МЕДИЦИНСКОЙ ЛАТЫНИ В БГМУ

В период пребывания нашей страны в составе Советского Союза преподавание латинского языка для медицинских специальностей в БГМУ, как и в других отечественных вузах, традиционно осуществлялось на основе учебной литературы, изданной в Москве. К тому же в БССР не готовились специалисты по классическим языкам (древнегреческому и латыни) — подготовка таковых велась только в Москве, Ленинграде, Киеве и Львове, и поэтому преподаватели с базовым образованием по этим языкам в белорусских медицинских вузах практически не встречались. Латынь здесь преподавали в лучшем случае фармацевты, а чаще всего — представители гуманитарных специальностей, получившие определенные знания по латыни во время получения высшего образования в вузе (историки, русисты и др.). Никто из таких преподавателей, естественно, особо не задумывался над проблемами теории и методики преподавания медицинской латыни, тем более, что типовые программы и учебная литература тогда регулярно поступали из общесоюзного центра.

Первые отечественные пособия и словари по отдельным разделам медицинской латыни появились в начале 70-х благодаря инициативе группы латинистов нашего вуза, которые получили диплом преподавателя латинского языка в университетах Украины и были направлены на работу в наш медицинский институт (Т. Г. Казаченок, Н. А. Тупчий, Л. И. Васильева, Л. М. Окатова). Однако целенаправленная работа нашей кафедры по подготовке учебной литературы началась под влиянием существенной перестройки целей и задач преподавания латинского языка, которая наметилась в 80-е годы в общесоюзной педагогике, дидактике и методике преподавания медицинской латыни. Суть ее сводилась к тому, что преподавание латыни в медицинских вузах получало четко выраженную терминологическую направленность: приоритет в преподавании получала не грамматика, для объяснения и усвоения которой только привлекалась медицинская лексика,

а медицинская терминология в трех своих важнейших подсистемах — анатомической, фармацевтической и клинической. Первостепенной целью преподавания медицинской латыни провозглашалось формирование у будущего врача осознанного понимания принципов построения и функционирования терминов в каждой из трех данных терминосистем. В связи с этим коренным образом менялась логико-дидактическая структура всего курса: его следовало строить по системно-терминологическому принципу, согласно которому после фонетического курса рассматриваются грамматические основы всей медицинской терминологии на базе анатомической номенклатуры, и параллельно с этим усваиваются анатомическая лексика и ее функционирование в составе терминологических структур. Затем вводятся два других автономных раздела курса — фармацевтический и клинический. Опыт преподавания показал, что такая методика преподавания медицинской латыни заметно повышает профессиональный интерес учащихся, их познавательную активность и мотивацию учебы. Поэтому методическая и научно-исследовательская работа латинистов кафедры была направлена на усвоение и совершенствование системно-терминологического принципа преподавания нашей дисциплины и вместе с этим на подготовку качественно новой учебной литературы. Первым изданием такого нового поколения учебной литературы по медицинской латыни было «Пособие по латинскому языку для студентов-стоматологов», которое подготовили в 1985 г. к печати Л. И. Васильева и Л. М. Окатова [2]. Эти же преподаватели вошли в авторский состав учебника по медицинской латыни, издаваемого в 1989 г. в Минске под редакцией основателя системно-терминологического принципа преподавания медицинской латыни и тогдашнего председателя Центральной методической комиссии по латинскому языку и медицинской терминологии, заведующего кафедрой латинского языка и основ медицинской терминологии Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова, М. Н. Чернявского [6].

Однако образование независимых государств — как Республики Беларусь, так и Российской Федерации — неизбежно поставило вопрос о национальной государственной системе образования, национальных программах обучения и создании отечественной учебной литературы. Коллектив кафедры латинского языка нашего вуза, восстановленной в 1990 г., к этому времени обладал всеми предпосылками для развертывания такой работы — высококвалифицированными кадрами, большим опытом преподавательской работы, многочисленными публикациями по теории и методике преподавания медицинской латыни, словарями и практикумами по профильной медицинской терминологии, созданными совместно с медико-биологическими и клиническими кафедрами на русском, белорусском и английском языках, а главное — теоретически обоснованной и апробированной на практике дидактико-методической концепцией преподавания дисциплины «Латинский язык», созданной на основе упомянутого выше системно-терминологичес-

кого метода. В соответствии с этой концепцией при участии нашей кафедры в 1997 г. была создана первая отечественная типовая Программа по латинскому языку и основам медицинской терминологии для всех специальностей высших медицинских учреждений Республики Беларусь, которая стала основой для последующих национальных типовых программ и для издания отечественной учебной литературы. На ее основе преподаватели нашей кафедры разрабатывали первые белорусские учебные пособия [1, 3].

Первым же национальным учебником с грифом Министерства образования РБ стал «Латинский язык для стоматологов», изданный в 2000 г. А. З. Цисыком и Л. И. Васильевой [4]. И здесь следует отметить, что второй существенной составляющей, складывавшейся в коллективе нашей кафедры отечественной концепции преподавания медицинской латыни и, соответственно, подготовки учебных изданий, стала профилизация обучения в соответствии со спецификой терминологии и приоритетных целей той или иной группы готовящихся специалистов. В частности, стало очевидным, что для будущих стоматологов приоритетными являются знания терминов анатомии, клиники и фармакотерапии заболеваний полости рта, в то время как перед будущими терапевтами и педиатрами ставятся более широкие задачи в приобретении основ терминологической латыни. Нашла свое методологическое обоснование и специфика преподавания основ медицинской латыни иностранным учащихся: здесь, в частности, потребовались более доступные методы изложения материала и отказ от избыточной информации. Представляется особенно важным то, что при подготовке учебных материалов для учащихся всех специальностей на кафедре придерживаются традиционных дидактико-методических принципов, в соответствии с которыми в учебном пособии или учебнике должны быть представлены как conditio sine qua non три обязательных элемента: 1) доступное и исчерпывающее объяснение темы занятия; 2) упражнения для закрепления нового материала или для повторения пройденного; 3) учебные латинско-русский и русско-латинский словари. Мы считаем особенно ценным сохранение этих традиционных дидактико-методических принципов на фоне картины размывания педагогических традиций и увлечения формализмом и примитивизацией содержания учебного процесса, которые наблюдаются во многих высших учебных заведениях Ближнего зарубежья и в учебной литературе представляющих эти вузы авторов. В авторском коллективе нашей кафедры последовательно соблюдается и такой терминографический принцип, как скрупулезное обозначение в тексте изначальной долготы или краткости предпоследней гласной в словарной форме и в упражнениях — lamĭna, forāmen, myocardītis diffūsa etc. Его соблюдение и использование очень важно для полноценного усвоения учащимися орфоэпических основ латинской терминологии, и без этого, как нам представляется, нельзя говорить о надлежащем уровне современного учебного издания по медицинской латыни.

Итак, к концу прошлого века на кафедре латинского языка БГМУ сложились основные концептуальные и профессиональные предпосылки, необходимые для подготовки к печати отечественной учебной литературы для студентов всех специальностей, готовящихся в нашем вузе, и эти предпосылки были успешно реализованы в издательской деятельности. После публикации второго издания учебника для стоматологов [7] вышли в свет два издания учебника для лечебного и педиатрического факультетов [6], а также учебник для иностранных студентов, обучающихся по специальности «Лечебное дело» [4]. Подготовка иностранных учащихся на английском языке потребовала от преподавательского коллектива разработки учебной литературы на английском, и в 2010 г. кафедрой было издано учебное пособие «The Latin Language» для студентов специальности «Лечебное дело» [9], а в конце прошлого учебного года сдано в печать такое же пособие для студентов специальности «Стоматология». В связи с открытием фармацевтического факультета для его студентов на кафедре было разработано и издано учебно-методическое пособие [10], в перспективе — подготовка к изданию учебного пособия для студентов фармацевтического факультета, обучающихся на английском языке.

На кафедре также ведется успешная работа по обеспечению отечественной учебной литературой учащихся средних медицинских учебных заведений. В 1998 г. для учащихся медицинских училищ Республики Беларусь было издано учебное пособие «Основы латинского языка и медицинской терминологии» [12], а в 2003 г. — учебник «Латинский язык с основами медицинской терминологии (второе издание вышло в 2009 г.) [9]. В текущем году для учреждений РБ, реализующих образовательную программу среднего специального образования по специальности «Фармация», было осуществлено целевое переиздание нашего пособия для студентов фармацевтического факультета.

В результате целенаправленной научно-исследовательской и научно-методической работы коллектив нашей кафедры на сегодняшний день располагает надлежащей концептуальной и дидактико-методической базой для подготовки национальной учебной литературы для учащихся высших и средних специальных медицинских заведений Республики Беларусь на русском, белорусском и английском языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авксентьева, А. Г.* Латинский язык и основы медицинской терминологии : учеб. пособие для мед. ин-тов / А. Г. Авксентьева. – Минск : Экоперспектива, 1999. – 287 с.

2. *Васильева, Л. В.* Пособие по латинскому языку для студентов-стоматологов / Л. В. Васильева, Л. М. Окатова. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Вышэйшая школа, 1985. – 224 с.

3. *Капитула, Л. С.* Латинский язык с основами медицинской терминологии : учеб. пособие / Л. С. Капитула. – Минск : БГМУ, 2002. – 241 с.

4. *Капитула, Л. С.* Латинский язык : учеб. для иностр. студентов мед. вузов / Л. С. Капитула. – Минск : БГМУ, 2010. – 279 с.

5. *Цисык, А. З.* Латинский язык и основы медицинской терминологии / А. З. Цисык, Л. И. Васильева ; под ред. А. З. Цисыка. – Минск : МГМИ, 2000. – 189 с.

6. *Латинский* язык и основы медицинской терминологии : учеб. для мед. ин-тов / М. Н. Чернявский [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Вышэйшая школа, 1989. – 352 с.

7. *Цисык, А. З.* Латинский язык : учеб. / А. З. Цисык – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2009. – 448 с.

8. *Цисык, А. З.* Латинский язык : учеб. / А. З. Цисык. – Минск : БГМУ, 2009. – 196 с.

9. *Цисык, А. З.* Латинский язык с основами медицинской терминологии : учеб. / А. З. Цисык, Е. С. Швайко ; под ред. А. З. Цисыка. – 2-е изд., стер. – Минск : Новое знание, 2009. – 303 с.

10. *Цисык, А. З.* Латинский язык = The Latin Language : учеб. пособие / А. З. Цисык ; пер. на англ. яз. А. З. Цисык. – Минск : БГМУ, 2010. – 212 с.

11. *Цисык, А. З.* Латинский язык для студентов фармацевтического факультета : учеб.-метод. пособие : в 2 ч. / А. З. Цисык, Н. А. Круглик, С. К. Ромашкевичус. – Минск : БГМУ, 2012. – 2 ч.

12. *Цисык, А. З.* Основы латинского языка и медицинской терминологии : учеб. пособие / А. З. Цисык, Е. С. Швайко. – Минск : Вышэйшая школа, 1998. – 158 с.

Впервые опубликовано: БГМУ: 90 лет в авангарде медицинской науки и практики : сб. науч. тр. / Белорус. гос. мед. ун-т ; ред. О. К. Кулага. – Минск : ГУ РНМБ, 2013. – Вып. 3. – С. 205–207.

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛАТЫНИ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

Латинский язык в течение многих столетий является профессиональным языком врачей. С XVII–XVIII веков латынь постепенно уступает национальным языкам роль устного и письменно-книжного общения. В то же время сегодня, как и сотни лет назад, латынь сохраняет свою функцию международного средства для номинации объектов, явлений и понятий в медико-биологических и клинических науках. Эта функция официально закреплена в Международных номенклатурах — списках терминов, признанных международным сообществом врачей для употребления в анатомии, гистологии, эмбриологии, микробиологии, фармакологии и частично в клинических дисциплинах.

Очевидно, что главная задача преподавания курса латинского языка в медицинском вузе — научить студентов-медиков осознанно и грамотно пользоваться профессиональной латинской терминологией на профильных кафедрах и в своей будущей врачебной деятельности. Поэтому в центре всего обучения должна находиться терминология — ее орфография, правильное звучание, надлежащая грамматическая оформленность, умение правильно давать определения и переводить. И, тем не менее, эта, казалось бы,

очевидная задача не сразу стала таковой для латинистов медицинских вузов. В течение многих десятилетий медицинская латынь преподавалась как обычная лингвистическая дисциплина, в центре которой находилась традиционная грамматика, а вокруг ее категорий группировался весь учебный материал. И только с началом 90-х годов прошлого века приходит осознание того, что преподавание латыни в медицинском вузе должно принять четкую терминологическую направленность. В научной литературе получил логико-дидактическое обоснование системно-терминологический принцип обучения, в соответствии с которым учебный материал делится на три автономных раздела, соответствующих трем основным подразделам медицинской терминологии — анатомической, фармацевтической и клинической.

Латинисты Белорусского государственного медицинского университета были в числе тех энтузиастов, которые первыми начали внедрять в жизнь новую концепцию преподавания профессиональной латыни. Были разработаны качественно новые учебно-методические комплексы, создана и внедрена в учебный процесс соответствующая учебная литература. Кафедра латинского языка БГМУ может заслуженно гордиться тем, что ее сотрудники за короткое время смогли разработать и опубликовать три учебника с грифом Министерства образования РБ, и этим обеспечили все факультеты качественной учебной литературой в соответствии с профилизацией каждого факультета. Наличие «своих» учебников явилось не только методическим, но и психологическим подспорьем для повышения уровня преподавания: общеизвестно, с каким уважением относятся студенты к авторам учебных изданий.

В результате смены концепции преподавания дисциплины «Латинский язык» в медицинских вузах и фактического сближения этой дисциплины с медико-биологическими и клиническими дисциплинами значительно повысилась мотивация учебы студентов, а латинский язык в учебном плане 1-го курса был причислен к группе общетеоретических дисциплин.

За последние годы латинисты БГМУ внедрили в учебный процесс целый ряд организационно-методических новшеств, предварительно апробировав их и обсудив на научно-методическом семинаре кафедры.

Так, в настоящее время ни у кого из наших преподавателей не вызывает сомнения тот факт, что далеко не всегда методически оправдан старый школьный метод полного объяснения у доски новой темы. Такой метод вполне оправдан на занятиях по фонетике и тех занятиях, где вводятся базисные сведения по грамматике именных частей речи. Но уже темы Nominativus и Genitivus pluralis, как и последующие темы Accusativus и Ablativus, целесообразнее вводить по иной методике. В этих случаях после краткого изложения цели, задач и методических указаний по усвоению новой темы студентам рекомендуется приступать под руководством преподавателя к устному выполнению первых строчек из каждого упражнения, пользуясь таблицами, схемами и комментариями учебника, который имеется у каждого

под рукой. В результате такой активной работы каждый студент вникает в суть того, что требуется сделать в домашнем задании, и намного быстрее начинает ориентироваться в новом грамматическом материале. Такой активный тренаж намного продуктивнее традиционного списывания с доски записей преподавателя и нередко невнимательного выслушивания его объяснений. Особенно непродуктивна такая модель объяснения в группах иностранных студентов, вся энергия которых, как правило, уходит на то, чтобы успеть правильно записать то, что на доске пишет преподаватель. Метод активной самостоятельной работы студентов с новым материалом особенно продуктивен при усвоении клинического раздела программы, где абсолютно нецелесообразно дублировать на доске словообразовательные элементы, представленные в учебнике.

Как показывает опыт, важным фактором, значительно стимулирующим и повышающим уровень подготовки студентов к занятиям, является проведение на каждом занятии, после устной проверки домашнего задания, письменной проверочной контрольной работы, рассчитанной на 20–25 минут. Такая работа не является обычным тестом, в котором студенту предлагается выбрать правильный ответ из нескольких вариантов. По общему мнению, наших преподавателей, такого рода тесты не могут дать полной и объективной картины уровня знаний испытываемого. В наших же проверочных работах задания сформулированы адекватно заданиям, представленным в каждом упражнении. Важно и то, что на кафедре разработаны единые для всех преподавателей и студентов всех факультетов критерии оценок письменных проверочных работ. Эти критерии уже в сентябре доводятся до всех учащихся.

Однако, как бы хорошо ни был отлажен механизм учебного процесса, знания, полученные студентами на первом курсе, постепенно угасают. Самый доступный и эффективный способ поддержания этих знаний — это активизировать работу с латинской терминологией на профильных кафедрах. Для этого следует, прежде всего, договориться с этими кафедрами о совместной работе над словарями профильной терминологии и о формах использования этих словарей в учебном процессе этих кафедр. С этой целью кафедра латинского языка разработала словари профильной терминологии с кафедрами анатомии, биологии, акушерства и гинекологии, терапевтической стоматологии, внутренних болезней. Некоторые словари содержат английские эквиваленты латинских и русских терминов, хотя теперь кажется очевидным, что такие эквиваленты должны быть в каждом словаре такого типа. Дело в том, что в последнее время к нам поступает молодежь из стран Азии и Африки в основном с хорошим знанием английского языка, в то время как русский на первом курсе еще не освоен на достаточном уровне, и терминологические многоязычные словари оказывают таким студентам существенную помощь.

В последнее время многие иностранные студенты изъявляют желание изучать все предметы на английском языке. В связи с этим уже несколько лет в Гродно, Гомеле и Витебске существуют группы из иностранных учащихся, занимающихся на английском языке. Такая же учебная группа с этого года создана и в Белорусском государственном медицинском университете. Рабочая программа и материал занятий в группах, занимающихся на английском и в группах иностранных студентов, занимающихся на русском языке, в основном совпадают. Несомненно, существуют методические особенности работы в англоязычной группе. В частности, близость лексического состава в медицинских лексиконах на латинском и английском может играть как положительную, так и отрицательную роль. Так, в последних вариантах английской анатомической номенклатуры значительно выросло количество латинских транслитератов. Нет особой проблемы, если это однословный термин, но если это целый блок из латинских или квазилатинских слов, то для лиц, не понимающих структуры и грамматической упорядоченности латинского эквивалента термина, такой английский вариант остается непонятным набором букв и слов. Поэтому зачастую проще доказать необходимость изучения основ латинской грамматики англоязычным иностранным студентам, чем отечественным.

Проблема повышения качества учебного процесса и уровня знаний студента, естественно, всегда актуальна и многогранна. Однако, по нашему глубочайшему убеждению, — это двусторонний процесс, включающий усилия как преподавателя, так и студента. Даже самая современная методика преподавания не будет эффективной, если студент не выучит к каждому занятию 30–35 единиц лексического минимума, не сделает добросовестно все пункты домашнего задания, а тем более, если не будет проявлять особого интереса к изучаемому предмету.

Впервые опубликовано: Современные технологии обучения иноязычному профессионально ориентированному общению в вузах нефилологического профиля : материалы III междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 15 мая 2009 г. / Международный ун-т «МИТСО» ; редкол. : Н. Д. Джига, Н. А. Круглик, А. З. Цисык. – Минск : МИТСО, 2009. – С. 11–13.

СЛОВАРНАЯ ФОРМА ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ КАК ОСНОВА ПОНИМАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ И ЗНАЧЕНИЯ ЛАТИНСКИХ МЕДИЦИНСКИХ И МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Анонсированная тема данной статьи кому-то может показаться неоригинальной и неактуальной. Ведь многие поколения студентов, изучавших латынь и ставших специалистами в этой области, включая всех участников нашей сегодняшней встречи, заучивали словарные формы существительных

и прилагательных в силу устоявшейся многовековой традиции и особенно не задумывались над тем, почему это необходимо делать по лексическим, семантическим, грамматическим и еще каким-либо причинам. Но вот недавно в среде латинистов, работающих с медицинской латынью, было высказано мнение, что, может быть, пришла пора пересмотреть вышеупомянутую многовековую традицию как не соответствующую нашему времени. Мы имеем в виду статью нашего коллеги из Гродненского медицинского университета доцента Д. К. Кондратьева «О преподавании медицинской латыни в европейском высшем медицинском образовании», опубликованную в 2018 г. в журнале Гродненского медицинского университета [3, с. 366–369]. Среди нескольких его предложений по упрощению преподавания медицинской латыни есть и такое: «Упростить требования при преподавании анатомической терминологии, убрав все лишнее (например, практически нигде в других странах студентов не заставляют учить словарную форму существительных и прилагательных)» [3, с. 368]. Это очень примечательное заявление, осуществление которого может повлечь весьма серьезные последствия в практике преподавания латинской медицинской и медико-биологической латыни, причем далеко не в лучшую сторону. Поэтому хотелось бы обратить ваше внимание, уважаемые колеги, на ряд лингвистических аспектов, которые связаны с изучением словарной формы именных частей речи при усвоении грамматических основ латинской медицинской и медико-биологической терминологии, которые определяют это изучение как обязательное. Уделить столь пристальное внимание данной теме нас побуждают и следующие два факта. Первый — это то, что в монографии известного российского лингвиста Николая Николаевича Казанского «Проблемы лексикологи латинского языка», вышедшей в прошлом году, в разделе «Лексикография латинского языка» ничего не говорится об общепринятых правилах презентации именных частей речи в латинско-русских словарях [1, с. 249–273]. Но еще больше нас удивил второй факт: в единственной работе по методике преподавания латинского языка — монографии Н. Л. Кацман [2] — феномен словарной формы отдельно не рассматривается, как не рассматривается и методика преподавания и усвоения словарной формы именных частей речи. Отмечено только, что «за единицу отбора лексического минимума принимается так называемое «словарное слово», т. е. слово в его основных значениях и со всеми словарными формами», и что «усвоение словарных форм имени и глагола без знания грамматики практически невозможно» [2, с. 48]. Полностью соглашаясь с этим последним замечанием, ниже мы еще не раз убедимся в его достоверности. Однако нас насторожил факт такого поверхностного как профессионально-лингвистического, так и дидактического подхода к феномену латинской словарной формы в работах двух упомянутых российских лингвистов. Поэтому в нашем докладе мы рассмотрим этот лингвистический феномен более подробно.

Как известно, презентация имен существительных в латинско-русских словарях осуществляется в соответствии с традиционным лексикографическим принципом, в соответствии с которым каждое латинское существительное сначала дается в форме Nominativus, после которого указывается окончание Genetivus, его род и значение данного существительного в русском языке. Такой вид словарной записи существительных имеет за собой достаточно длительную историческую традицию, по крайней мере, в словарях XIX в., изданных в России, эта традиция соблюдается последовательно. Отметим также то, что профессор МГУ А. И. Солопов в своей монографии «Начала латинской стилистики» в разделе, посвященном латинским общим и тематическим словарям, изданным в европейских странах, рассматривает как недостаток тех словарей, в которых при подаче латинских существительных нельзя определить их род и склонение [6, с. 258–259].

А теперь более подробно рассмотрим, в чем состоит важность традиционного способа подачи словарной формы существительных в виде упомянутых выше компонентов, например, при изучении анатомической терминологии. Возьмем словарную форму существительных ampulla, ae f (ампула), angŭlus, i m (угол), caviĭtas, ātis f (полость), urēter, ēris m (мочеточник). Во-первых, в такой форме a priori содержатся важнейшие фонологические и грамматические характеристики данных существительных. В частности, задаются ориентиры правильного произношения существительного в именительном и родительном падежах с учетом изначальной долготы или краткости гласного предпоследнего слога, как это мы видим по приведенным выше словарным формам трех существительных. Словарный фонологический статус таких латинских существительных необходимо принимать во внимание и по той причине, что ударение в их транслитерированных вариантах в русском языке нередко изменяется по сравнению с латинским этимоном, и нужно следить за тем, чтобы не допускать акцентологической интерференции. Сравним, например, пары ampulla — а́мпула, tunĭca — туни́ка, erythrocў́tus — эритроци́т, parenchý́ma — паренхи́ма et cetera.

Во-вторых, словарная форма задает существительным очень важные морфологические и грамматические предпосылки, которые следует использовать и при образовании косвенных падежей, и при включении этих существительных в синтаксические связи с другими словами, и при словообразовании. В этом плане очень важно указание рода существительного, что позволяет осуществлять его грамматическое согласование с прилагательными. В связи с этим мы всегда обращаем внимание студентов на то, что нельзя по окончанию именительного падежа латинского существительного определять его род. Ведь каким бы частотным не был бы, например, конечный элемент **-us** у существительных мужского рода в медицинской и медико-биологической латыни, с такой финалью можно найти немало существительных, которые принадлежат к женскому или среднему роду. Сравним, например, такие существительные как bolus, i f (болюс, вид лекарственной

формы), periŏdus, i f (период), manus, us f (кисть руки), salus, ūtis f (здоровье), corpus, ŏris n (тело), crus, cruris n (ножка, голень), virus, i n (яд, вирус) и многие другие.

Напомним, что по форме родительного падежа определяется и основа существительного, с помощью которой образуются косвенные падежи единственного и множественного числа. А это особенно важно при изучении неравносложных существительных III склонения и их падежных парадигм, — сравним, например, существительное articulatio, ōnis f и его падежные формы articulatiōnem (Acc. Sing.) и articulatiōnum (Gen. plur.), в которых используется основа **articulation**-.

Умение находить основу существительного очень важно и при конструировании производных от него существительных и прилагательных в медико-биологической терминологии с ее широко разветвленной формой словообразования. Сравним: corpus, ŏris n (тело) > corporālis, e (корпоральный, телесный) > extracorporālis, e / intracorporālis, e (внекорпоральный / внутрикорпоральный). Например, germinatio extracorporālis — внекорпоральное зачатие.

Как и в случае с существительными, словарная форма прилагательных несет в себе важную фонетическую и грамматическую информацию, ср. celer, ĕris, ĕre (быстрый). По такой словарной записи мы определяем как правильное произношение, так грамматические свойства данного прилагательного, и конкретно — принадлежность к третьему склонению всех его родовых форм. По форме Genetivus от каждой родовой словарной формы прилагательного определяется и ее основа.

Важно отметить, что при изучении основ латинской медицинской и медико-биологической латыни от учащихся требуется более высокий и осознанный уровень усвоения лексики, чем от студентов, усваивающих литературную, историческую и юридическую латынь. Ведь при чтении латинских связных текстов гуманитарного содержания студент обычно должен показать умение определить грамматические формы лексики и сделать правильный перевод. В то же время при изучении терминологической латыни в центре внимания находятся вопросы надлежащего устного и письменного оформления термина согласно четким и даже жестким номенклатурным требованиям. Например, при оформлении латинских фармацевтических терминов любые ошибки считаются недопустимыми. К тому же, термин редко находится в виде изолированной номинирующей единицы. Например, в последнем издании Международной анатомической терминологии [4] в костной системе, среди всех 944 терминов, мы встречаем только 57 номинирующих единиц, представленных одним словом: atlas — атлант, condўlus — мыщелок, cranium — череп, mandibŭla — нижняя челюсть, occiput — затылок et cetera; остальные выступают в виде двухсловных или многословных терминов. Но и среди отмеченных 57 номинирующих однословных терминов такие названия в составе анатомических структур

обычно выступают и в виде согласованного и несогласованного определения: acus anterior **atlantis** — передняя дуга атланта, **condylus** lateralis — латеральный мыщелок, corpus **mandibulae** — тело нижней челюсти. И если при латинской номинации этих и сотен других анатомических структур от студента требуется точное произношение или правильная письменная фиксация всех этих наименований, то становится понятно, такой результат не может быть достигнут одним лишь пассивным запоминанием латинских словосочетаний. Очевидно, что студенту требуется системное и активное знание грамматических основ латинской терминологии, в котором определяющую роль как раз играет информация, заложенная в словарной форме. Значение этих условий еще больше возрастает для иностранных англоязычных учащихся, в представлениях которых отсутствуют понятия рода, падежа и склонения, привычные для русскоязычных студентов. Возьмем, например, термин musculi palati mollis et faucium (мышцы мягкого нёба и зева). Способен ли студент различить форму синтаксической взаимосвязи имеющих одинаковое окончание и рядом расположенных, но совершенно различных морфологически и грамматически слов musculi palati, не зная исходной словарной формы каждого из этих слов, то есть, не определив их изначальный грамматический статус? Ясно, что сделать этого он не сможет.

Знание словарной формы и понимание ее грамматической структуры позволяет учащимся осознанно понимать форму существительного и в тех случаях, когда это существительное представлено только в форме множественного числа или выступает преимущественно во множественном числе. Например, слово viscus, ĕris n (внутренность, внутренний орган) может даваться и в форме множественного числа viscĕra, um n (внутренние органы). В биологической латыни существительное species, ēi f имеет значение «вид», а в фармацевтической данное слово в форме множественного числа обозначает «лекарственный сбор». В последнем случае словарная форма species, ērum f a priori задает парадигмы грамматического оформления терминов, обозначающих виды лекарственных сборов: желчегонный сбор — species cholagōgae, грудной сбор — species pectorals et cetera.

Наконец, скажем несколько слов о ботанической латыни, на изучение которой чиновники от образования в нашей стране отводят всего 32 часа. Но при этом ученый в области ботаники обязан уметь составлять на латинском языке так называемые диагнозы растений, грибов и лишайников в объеме 25–35 печатных строчек, как свидетельствует учебник В. П. Прохорова «Ботаническая латынь», изданный в Москве в 2004 г. [5, с. 93–117]. И как тут обойтись без словарных форм в усвоении грамматической основы ботанической терминологии? Понимая несоизмеримость уровня профессиональных компетенций в области латинской терминологии и времени, отведенного учебным планом на ее усвоение, в Российской Федерации подготовили к изданию учебник по ботанической латыни для факультатива студентов IV курса, преподавателей и специалистов [5]. В нем представлен

как достаточно основательный объем латинской грамматики, так и другие необходимые учебные материалы. Такой факультативный курс ботанической латыни позволяет и студенту старших курсов, и специалисту-ботанику самостоятельно переводить с латыни или на латынь ботанические диагнозы и использовать профессиональный справочный аппарат на латыни. Может быть, эти разумные инициативы дойдут когда-нибудь и до Республики Беларусь? А то мы помним и такие времена, когда в нашей республике будущие биологи вообще не изучали латинских основ своей специальности, и автору данного доклада пришлось в 1998 г. срочно разрабатывать первое отечественное пособие по биологической латыни [7]. А пока что латинистам БГУ и БГМУ необходимо максимально использовать свой статус специалистов ведущих вузов страны при составлении типовых программ по медицинской и биологической латыни, чтобы не допустить сокращения изучаемого ученого материала, в том числе и за счет изучения лексических минимумов именных частей речи в словарной форме. Для этого, прежде всего, нам представляется, что такой лексический минимум должен быть представлен в учебном материале каждого занятия любого учебника или пособия не только по медико-биологической и медицинской латыни, но и по латыни гуманитарного цикла, и его изучению и объяснению его значимости должно постоянно уделяться достаточно внимания. Думается, уважаемые коллеги, что пока что в наших силах сделать все возможное для того, чтобы слухи о преждевременной смерти словарной формы именных частей речи при изучении основ как естественнонаучной, так и гуманитарной латыни оказались сильно преувеличенными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Казанский, Н. Н.* Проблемы лексикологии латинского языка / Н. Н. Казанский. – СПб. : Наука, 2022. – 407 с.

2. *Кацман, Н. Л.* Методика преподавания латинского языка / Н. Л. Кацман. – М. : ВЛАДОС, 2023. – 256 с.

3. *Кондратьев, К. Д.* О преподавании медицинской латыни в европейском высшем медицинском образовании / К. Д. Кондратьев // Журнал Гродненского медицинского университета. – 2018. – Т. 16, № 3. – С. 366–369.

4. *Международная* анатомическая терминология (с официальным списком русских эквивалентов) = Terminologia Anatomica / под ред. Л. Л. Колесникова. – М. : Медицина, 2003. – 424 с.

5. *Прохоров, В. П.* Ботаническая латынь : учеб. для студ. биол. и пед. ф-тов высш. учеб. заведений / В. П. Похоров. – М. : Академия, 2004. – 272 с.

6. *Солопов, А. И.* Начала латинской стилистики / А. И. Солопов. – М. : Индрик, 2008. – 695 с.

7. *Цисык, А. З.* Дверь в латинский язык и биологическую номенклатуру : учеб. пособие / А. З. Цисык, Г. И. Шевченко. – Минск : БГУ, 1999. – 115 с.

Впервые опубликовано: Методика преподавания медицинской и биологической латыни : материалы Межунив. круглого стола, Минск, 25 января 2023 г. / БГУ, филол. ф-тет, каф. классической филологии ; редкол. : А. В. Кириченко (отв. ред.), Д. Г. Минкевич. – Минск : БГУ. – С. 43–51.

РАЗДЕЛ IV
АНТИЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ЕГО ПОСТАНТИЧНАЯ РЕЦЕПЦИЯ (КУЛЬТУРА, ФИЛОЛОГИЯ, ЭТИКА, РЕЛИГИЯ). АД И РАЙ В СЛОВЕСНОМ И ПОНЯТИЙНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АНТИЧНОГО И ПОСТАНТИЧНОГО ЧЕЛОВЕКА

Уже на протяжении нескольких тысячелетий не теряют актуальности представления античних и постантичных людей о судьбе человека после смерти в свете двух понятий — ад и рай. Эти понятия занимают умы не только ортодоксальных верующих. Те, кто не связан догмами храмовых ритуалов, подсознательно признают идею некоего высшего существа, творящего мир и управляющего им, а также идею посмертной расплаты или поощрения за свой образ земной жизни. Речь пойдет об аде и о рае как гипотетических конечных местах пребывания той некоей сущности, которая остается после физической или биологической смерти человека, и которую обычно понимают, как душа. Но давайте сначала рассмотрим лексическое и понятийное содержание слов ад и рай.

Итак, слово «ад». Через старославянский язык оно пришло к нам из греческого языка, где слово Ἅδης или его вариант Ἀΐδης были названием бога подземного царства Гадеса или Аида, брата Зевса и Посейдона. Форма «Аид» включает приставку «а» со значением «отсутствие», «отрицание», и корень -ιδ- от глагола ειδω — видеть. Таким образом, имя Аид буквально обозначает «невидимый», и такое название связано не только с тем, что никто из смертных не может увидеть его, пребывающего под землей, но и с рассказом Гомера о том, что у Аида был волшебный шлем (Ἄϊδος κυνέη), при надевании которого он становился невидимым. Для древних греков Аид стал обозначением и сочетанием нескольких смыслов: 1) «Аид» как название бога подземного царства; 2) «Аид» как подземное царство данного бога; 3) «аид» как царство смерти и место пребывания теней или, в нашем понимании, душ умерших. Греческие предания о подземном мире, где томятся души умерших, указывают на них как источник раннехристианских представлений об аде как месте пребывания душ грешников, где они горят в вечном огне. Упоминание слова ᾅδης в таком значении мы находим в Евангелии от Луки (16:23), в первом послании апостола Павла к коринфянам, в «Откровении» апостола Иоанна и в других текстах. Ад в этих раннехристианских представлениях нередко приравнивается к Геенне огненной, в которой горят грешники. В частности, в Новом Завете это выражение встречается 12 раз. Например, в Евангелии от Матфея читаем такие слова Иисуса: «Если же рука твоя и нога твоя соблазняют тебя, отсеки их и отбрось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки и без ноги, нежели с двумя руками и двумя ногами быть ввержену в огонь вечный; и если тебя со-

блазняет глаз твой, вырви его и брось от себя: ибо лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную». Понятие «Геенна» пришло из древнееврейского языка и связано с названием долины Енном или Хинном к юго-западу от Иерусалима. В языческие времена там приносили на огне в жертву детей, а во времена Ветхого Завета сжигали мусор, мертвых преступников и животных, и там для этого постоянно поддерживался огонь. Но выражение «Геенна огненная» встречается в основном в современных религиозных или религиозно-исторических текстах, в то время как выражения «настоящий ад», «ад кромешный», «исчадие ада», «как в аду», «благими намерениями вымощена дорога в ад» встречается и в бытовой речи. Выражения «отправляйся в ад», «гореть тебе вечно в аду» мелькает довольно часто и в бестселлерах, и в триллерах, где борец за справедливость или благородный мститель нажимает на курок пистолета или иного оружия, посылая пулю в очередного отпетого негодяя. В латинском языке на закате античности и с распространением христианства как синоним слов Hades или Tartarus для обозначения ада распространилось слово inferna, orum n, букв. «то, что внизу», т. е. преисподняя. Это слово дало начало аналогам этого понятия во французском — enfer, испанском — infierno, итальянском — inferno. В английском и немецком языках сохранились древнегерманские слова hell и Hölle соответственно.

Что же касается античного понимания судьбы умерших, то в античной общественной психологии она тоже дифференцировалась в зависимости от того, что собой представлял человек при жизни. По общим представлениям древних греков, души умерших, переправившись через реку Ахерон в челноке мрачного перевозчика Харона, проходили суд у трех судей загробного мира — сыновей Зевса Миноса, Эака и Радаманта. После этого в зависимости от оценки качества прошедшей жизни их отправляли в одну из трех частей Аида. Те души, которые провели жизнь в телах людей, не совершивших особо тяжких преступлений, и таковых было большинство, должны были испить воды из реки забвения Леты, после чего их отправляли в часть Аида под названием «Асфодельные поля» — туманные и сумрачные места, где росло очень много красивых цветков-асфоделей, и поэтому асфодель считался у греков символом забвения. Здесь души умерших, стеная и проливая слезы, бродили целую вечность, и испытывали небольшой эмоциональный подъем только тогда, когда их упоминали оставшиеся в живых родственники, совершая в их честь определенные церемонии.

Самой ужасной частью царства мертвых был Тартар (Τάρταρος) — глубочайшая бездна под владениями Аида, красочно описанная Гесиодом в его «Теогонии». Туда отправил Зевс побежденных им Титанов, туда же после решения судей отправлялись души негодяев и злодеев для вечных мучений и страданий. В Тартаре терпели муки даже нечестивые потомки олимпийских богов — Тантал, Сизиф, Титий и другие известные мифические личности. Образ Тартара как концентрированный символ всего наибо-

лее ужасного оказал большое влияние не только на античную, но и на средневековую общественную психологию. Именно под этим влиянием историки Западной Европы назвали татаро-монголов, внезапно обрушившихся в XIII в. на страны центральной Европы, Tártari, немного исказив известное нам название «татары», и даже страну Московию, попавшую под власть татар, называли Tartaria. В русском же языке слово Тартар превратилось в «тартарары́» и встречается в поговорочном выражении «провалиться в тартарары», то есть провалиться под землю или провалиться в преисподнюю — разговорное название ада. Еще одно разговорное название ада — пекло — пришло из украинского языка и встречается в поговорке «не лезь раньше батьки в пекло». Это слово считается суффиксальным производным от старославянского слова пекъ (смола) и метафорически, как образ кипящей смолы, приобрело значение «ад». Слово «пекло» употребляется как аналог слову «ад» в белорусском, польском и украинском языках. Интересно, что это слово этимологически не связано с глаголом печь – пеку, и сближение с этим глаголом произошло позже и тоже по сходству действия: «кипящая смола печет», не зря в народном представлении души грешников черти в аду кипятят или пекут в казанах с горящей смолой. Да и в поэме Данте Алигьери «Божественная комедия», автор, проходя через ад, рассказывает, что в каменных пустотах ада кипит смола: «кипела подо мной смола густая, я видел лишь её, что в ней — не зная», но добавляет, что видел, как один из бесов швырнул в кипящую смолу какого-то грешника.

Души же тех людей, которые выделялись своим благородным происхождением и образом жизни, судьи отправляли в часть Аида под названием «Элизий», полный вариант этого названия — Ἠλύσιον πεδίον, буквально «Долина прибытия» или Ἠλύσια πεδία (Элисийские поля). Латинский эквивалент этого понятия — Elysium, передается на русский язык словом «Элизий». В Элизии пребывали в основном души людей, связанных родством с Зевсом и другими олимпийскими богами, в том числе наиболее известные герои Троянской войны. Здесь царила вечная весна, а обитатели Элизия проводили время в постоянном досуге и удовольствиях подобно людям золотого века, описанного Овидием в «Метаморфозах». Первоначально это место связывали также с некими «Островами блаженных» — Μακάρων νῆσοι на греческом языке, которые размещали в западной части мирового океана, в частности, о таких островах, рассказывает поэт VI–V вв. Пиндар. Идея таких островов была популярной среди античных писателей, и на ее основе Я́мбул, философ и писатель II в. до н. э., написал книгу «Ἡλίου| νῆσοι» — «Острова солнца». В ней он рассказывает о жизни необычных людей на какой-то большой группе южных островов. Эти люди почитали солнце, обладали необычными возможностями тела, высокими умственными способностями, жили до ста пятидесяти лет. Они не знали рабства и соблюдали социальное равенство, считали жён и детей общими. Подобного рода идеи послужили основой для мыслителей нового времени,

которые продолжили эту тему. Так, монах ордена доминиканцев Томмазо Кампанелла в XVI в. пишет на латинском языке книгу «Civitas Solis» («Город Солнца»), где рисует образ города-государства с идеальным, на его вигляд, общественным устройством. Его современник англичанин Томас Мор пишет книгу «Утопия», что на греческом приблизительно обозначает «Место, которого нет». В этом трактате он изложил свое видение страны с идеальным общественным устройством, и его название послужило основой слов-интернационализмов «утопия» и «утопический». Идеи этих мыслителей XVI в., в свою очередь, послужили основой для социалистических теорий, включая основоположников марксизма-ленинизма и их весьма недалеких последователей с их утопическими надеждами на коммунистический рай. А на пути к нему следовало непременно «отнять все у богатых и поделить поровну» — вспомним незабываемых Швондера и Шарикова в культовом фильме «Собачье сердце» по роману Николая Булгакова.

Но возвратимся еще раз к античному названию «Элисийские поля». Это название получило вторую жизнь в варианте «Елисейские поля» во Франции. Так назвали в 1789 г. самую большую магистральную улицу, проходящую через центр Парижа, в честь упомянутого выше образа загробного блаженного места в представлениях людей античной культуры, из которой любили черпать идеи деятели французской революции того времени. Постепенно эта магистраль обзавелась шикарными магазинами, павильонами, красивыми зданиями, фонтанами и скверами, что сделало ее одной из основных достопримечательностей Парижа и его визитной карточкой. Здесь устраиваются национальные и международные выставки, проходят военные парады и праздничные демонстрации. Известный французский певец Джо Дассен посвятил этой улице свою песню «Елисейские поля» — Champs Elysée:

O, Champs Elysée, o, Champs Elysee,
Au soleil, sous la pluie, á midi ou á minui
Il y a tout ce que vous voulez aux Champs Elysée.
В переводе на русский язык:
О Елисейские поля, о Елисейские поля!
И под солнцем, и в дождь, в полдень или в полночь
Здесь, на Елисейских полях, есть все, что вы захотите.

А теперь рассмотрим слово «рай». Это слово заимствовано из индоиранских языков и восходит к индоевропейскому корню со значением «дарить», «дар», а затем при расширении семантики — «богатство» и «счастье». Религиозное значение это слово получило после крещения Руси. В белорусском, польском и украинском языке в религиозном значении «рай» обычно употребляется только слово «небо», хотя слово «рай» и в русском языке также используется. А его выбор в религиозном смысле был обоснован определением месторасположения Бога-отца и всех божественных сущностей еще со времен Древнего Завета, когда Моисею свыше были

даны 10 заповедей Божьих, и куда, согласно Ветхому Завету, Бог-отец забирал праведников. И не зря в главной молитве христиан, переданной людям самим Иисусом Христом, мы имеем на греческом языке начальные слова Πάτερ ἡμών ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς «Отче наш, сущий на небесах» и на латинском Pater noster qui es in coelis с тем же значением. Если же говорить о слове «рай» в Ветхом Завете, то первоначально там говорится о земном рае для первых людей Адама и Евы, т. е. об Эдеме как дивном саде, который сотворил, или буквально «насадил» Бог. Слово «рай» в греческом тексте передается как παράδεισος. Это слово пришло в греческий из древнеперсидского, где оно обозначало «огороженное место», «сад». В древнееврейском варианте Ветхого Завета, переведенном на греческий, так называемой Септуагинте, рай изображался как «сад господень», поэтому переводчики использовали слово «παράδεισος», расширив его семантику. Это слово употребляется во всех книгах Ветхого Завета, и оно же переходит и в Новый Завет. Так, Иисус говорит разбойнику, висящему возле него на своем кресте: «Истину тебе говорю, что сегодня еще будешь со мной в раю». Слово παράδεισος было ассимилировано в латинском языке в форме paradísus и затем через латынь вошло во все западноевропейские языки со значением «рай». Однако если рассмотреть греческий и латынь до появления христианских воззрений, то в этих языках, в соответствии с античным мировоззрением, не могло быть слова, аналогичного христианскому понятию «Рай». Ведь в античном мировоззрении блаженное существование праведников и героев после смерти представлялось как пребывание в Элизии, о котором мы упоминали выше. Кроме того, определенное количество людей, пользующихся милостью олимпийских богов, могло быть превращено в вечно существующие звезды и небесные созвездия, в том числе даже Юлий Цезарь, как рассказывает Овидий в 15-й книге «Метаморфоз». Сам Юпитер поручил Венере, прародительнице рода Юлиев, выхватить душу убитого в сенате Цезаря и вознести ее к звездам:

Эту же душу его, что из плоти исторглась убитой,
Сделай звездой, и в веках на наш Капитолий и форум
Будет с небесных твердынь взирать божественный Юлий!

Еще одна часть людей — наследников Зевса, и, в частности, Геракла и всех его потомков, включая царя Египта и отца Птолемея Второго Филадельфа Птолемея Лага, а также обожествленного Александра Великого, были вознесены Зевсом на Олимп и проводили время в пирах и развлечениях, как рассказывает Феокрит в 17-й идиллии «Энкомий Птолемею», т. е. «Похвальное слово Птолемею Филадельфу, сыну Птолемея Лага, полководца Александра Великого». Как говорит Феокрит:

Равную долю отец ему приготовил среди бессмертных:
В Зевса чертогах ему был трон позлащенный воздвигнут.
Рядом же с ним — Александра любезного образ прекрасный,
Грозным явившийся богом для персов в цветистых тиарах.

Против него для Геракла, кентавров разившего смертью,
Мощный поставлен престол, из крепко построенной стали.
Меж небожителей там на пирах возлежит он весёлый,
Радуясь, что, по веленью Кронида, не тронула старость
Отпрысков рода его и они бессмертные ныне.
Предком всéх их бы́л Гераклид, своей силою славный,
А прародителем первым они почитают Геракла.
В час, когда кончится пир, насыщенный нектаром сладким,
Встанет Геракл и домой отправляется к милой супруге.
Лук одному он дает и колчан, что висит под. рукою.
Палицу в крепких узлах из железа другому дает он.
И в благовонный покой его к Гебе ведут белостопной
Оба, доспехи неся бородатого Зевсова сына.

Если мы говорим о представлениях античных людей о загробной жизни, то нельзя не упомянуть и о том, что среди греков бытовали легенды о людях, которые после смерти непостижимым образом, но, естественно, с воли богов оказывались в живых и рассказывали о том, что с ними происходило после смерти. Подобного рода рассказ приводит философ Платон устами Сократа в 10-м разделе трактата-диалога «Государство». Речь идет о том, что некогда один отважный человек по имени Эр был убит на войне. Когда через 10 дней стали подбирать тела мертвецов, его привезли домой и приступили к ритуальной церемонии сожжения на погребальном костре. Но тот вдруг ожил и рассказал следующую историю. Его душа, чуть только вышла из тела, отправилась вместе с другими к какому-то божественному месту, где в земле были две расселины, одна возле другой, а напротив, наверху в небе, тоже две. Между ними восседали некие судьи, которые после вынесения приговора приказывали справедливым людям идти направо дорогой вверх к небу, имея позади себя знак приговора, а несправедливым — идти по левой дороге вниз, имея обозначение всех своих проступков. Эру же судьи сказали, что он должен стать для людей вестником всего, что он здесь видел и слышал. Итак, он видел, как по одним расселинам души уходили вверх и вниз, а по двум другим — приходили. Пришедшие с неба рассказывали о блаженстве и о поразительном по красоте зрелище того, что они там видели. Поднявшиеся с глубины земли, полные грязи и пыли, рассказывали со скорбью и слезами, сколько и чего они натерпелись. Эр услышал много историй и о наказании нечестивых и о вознаграждении праведников. В частности, Эра ужаснула история тирана Ардия, жившего тысячу лет назад и совершившего много ужасных убийств. Этот Ардий попытался пойти в небо по одной из расселин, но тут из нее раздался ужасный рёв и появились некие дикие люди с огненным обличьем, которые схватили и связали Ардия, бросили его наземь, содрали с него кожу и потащили по колючкам к Тартару, рассказывая всем встречным о его земных преступлениях. А праведники, а с ними и Эр, после семи дней ожидания пришли

в некое место, откуда был виден луч света, протянувшийся через всё небо и землю, словно столп. Это был узел связи, и как брус на кораблях, он скреплял небесный свод. На концах связей столпа висело веретено богини судьбы и неизбежности Ананки, придающее всему вращательное движение и вмещающее в себя восемь валов, которые при вращении формируют окружности различной величины. А вращалось это устройство на коленях у Ананки. На кругах веретена сидят дочери Ананки — Ла́хесис, Клото́ и А́тропос. Пришедшие души праведников должны были приблизиться к Лахесис, где некий прорицатель расставил их по порядку, затем взял с колен Лахесис жребии и образчики новой жизни для душ. После этого он объявил им, что для участия во втором обороте их судьбы они должны выбрать себе по своему желанию образчик их новой жизни, за качество которой будет отвечать только сам выбирающий. Как говорит Эр, смотреть на процедуру выбора было жалко, смешно и странно. Так, первая по жребию душа выбрала себе жизнь могущественного тирана, и этот выбор был обусловлен, по мнению то ли Эра, то ли Сократа, её неразумием и ненасытностью. Ибо в первой жизни её добродетель была всего лишь делом привычки, а не философского осознания. Душа бывшего Орфея выбрала жизнь лебедя из-за ненависти к женскому полу, так как от них он претерпел смерть, и не хотел вновь рождаться от женщины. Последним был жребий Одиссея, и он выбрал жизнь самого простого и неприметного человека, далёкого от царственных, военных и других честолюбивых дел. Выбрав образчик новой жизни, души по жребию подходили к Лахесис и выбирали себе своего гения-покровителя. Этот гений вел душу к Клото, и этим утверждалась участь того, кто выбрал свою вторую судьбу. Затем душа прикасалась к пряже Атропос, делая нити ее будущей жизни уже неизменными. После этого души проходили через престол Ананки и отправлялись на равнину около реки Леты, выпивая из нее воды и забывая всё о предыдущей жизни, а затем ложились спать. В полночь, рассказывает Эр, раздался гром, разразилось землетрясение, и все души понесло в разные стороны к местам, где им суждено было вновь родиться. Эру же не позволили испить воды из реки забвения, и он очнулся на рассвете и увидел себя на погребальном костре. Подводя итог этой истории, Сократ говорит собеседнику Главкону: «Сказание это имеет большой и глубокий смысл, ибо оно и нас спасёт, если мы ему поверим, и тогда мы и через Лету легко перейдем и не оскверним свою душу. Конечно, душа бессмертна и способна переносить любое зло и любое благо. Но если всегда держаться высшего пути и всячески соблюдать справедливость вместе с разумностью и быть друзьями себе и богам, то мы заслужим себе награду и здесь, и там, в тысячелетнем странствии, которые мы разбирали по рассказу Эра, нам будет хорошо».

Учение о душе считается одним из смысловых центров всей платоновской философии. Платон полагает, что именно от надлежащей роли души зависят и теоретическое познание, и практическая деятельность каждого

человека. По его представлению, душа переживает тело и может воплощаться в различные тела (проходить реинкарнацию) в формах людей, животных, растений, о чём до него говорили пифагорейцы и другие греческие философы. Однако наиболее последовательная разработка учения о душе была дана именно Платоном, особенно, в его диалоге «Федр». Почему Платон счел необходимым ввести понятие бессмертной души? Исследователи дают на этот вопрос несколько ответов, из которых приведем два, на наш взгляд, самих основних, ибо они касаются непосредственно человеческой жизни и ее судьбы после смерти каждого отдельного человека. Во-первых, считает Платон, без бессмертной души немыслимо учение о загробном воздаянии, которое только и может быть гарантом полной справедливости. Ибо если душа не получает награду за добродетель и не терпит страданий за свои пороки, в этом мире справедливости не существует. Но такая ситуация для Платона неприемлема, ибо она сводит на нет любую разумную попытку обоснования науки о надлежащем поведении человека.

Во-вторых, без бессмертной души, т. е. души, не зависящей от тела в своем бытии, не может быть чистого познания, поскольку тогда тело с его ощущениями не даст нам познать истину. Ведь тело — это гробница души, считает Платон. А без истинного познания невозможна никакая практическая деятельность.

И здесь нужно отметить, что, хотя учение Платона о душе и созвучно постантичным христианским воззрениям, но радикально расходится с ними в том смысле, что в христианстве каждая душа — уникальное и неповторимое явление в человеческой истории. Согласно самой распространенной в христианстве точке зрения на проблему души человека, каждая душа всегда зачинается вместе с зачатием человека не только актом родителей, но и Божьей воли. Ибо именно Бог дарует человеку духовные силы и качества, которые затем развиваются в том или ином направлении в соответствии со свободой воли личности. При этом каждая Душа не есть повторение предыдущих или иных духовных сущностей, но представляет новую самостоятельную личность как новую форму образа Божия в единстве со своим неповторимым телом. Вот почему после смерти своего тела душа, покинув тело, ждет последнего Страшного суда и воссоединения со своим телом, не воплощаясь в иную жизнь. Именно поэтому, христианство, в частности, категорически отрицает возможность прерывания беременности и аборта, ибо это лишение жизни не столько тела человека, сколько его бессмертной души, причастной изначально к Богу. И здесь, говоря о постантичных представлениях о грехе и добродетели, связанных с представлениями о душе и загробной жизни, нам не обойтись без произведения средневекового поэта Данте Аллегри — его поэмы «Божественная комедия», «La comedia divine», в которой представлена оригинальная концепция средневекового христианского видения загробного мира, причудливо сочетающая христианские мотивы с античними.

Данте Алигьери, поэт, богослов и политический деятель, родившийся в 1265 г. во Флоренции и умерший в 1321 г. в Равенне, писал свою поэму в течение четырнадцати лет, начиная с 1308 г. Первое слово заглавия «La comedia» в ее названии «La comedia divine», как писал об этом сам ее автор, не связана с античным и новоевропейским драматическим каноном, а подразумевает поэзию, соединяющую возвышенное с обыденным и тривиальным, а слово divine «божественная», было прибавлено к слову comedia уже после смерти автора в значении «трактующая об откровениях неземного бытия».

Поэма Данте делится на три части под названиями «Ад», «Чистилище» и «Рай» и отражает представление католической традиции об устройстве загробного мира. Поэт представляет читателю свое путешествие по этим местам загробного мира, причем в качестве проводника по его первым двум местам выступает античный поэт Вергилий. Его выбор в качестве проводника обусловлен не только тем, что Вергилий в средние века был широко известен как гениальный римский поэт, но и тем, что он пользовался легендарной славой мудреца, чародея и предвестника рождения Иисуса Христа. В 4-й эклоге Вергилий возвещает о мальчике, с рождением которого на землю возвратится «золотой век». Авторитетный поэт, знаток жизни и души человека, Вергилий выступает, с одной стороны, как символ человеческого разума, а с другой — как человек, причастный к возвышенному и божественному, в роли доверенного лица возлюбленной Данте — Беатриче, рано умершей и за свою праведную жизнь попавшей в Рай. В Раю ей помогают привлечь Вергилия к роли проводника поэта по загробному миру, наделённого покровительством высших обитателей Рая, Дева Мария и святая Лючия.

Итак, Вергилий подводит поэта к входу в Ад, где вверху написаны знаменитые слова: «Оставь надежду всяк сюда входящий» (lacsciat(e) ogni speranza voi ch’entrate). Там же упоминается о тех, кто, согласно христианскому вероучению, создал первоначально Ад — Бог отец, Бог-сын и Святой дух — как место вечного наказания падшего ангела Люцифера и его сторонников. Начальная часть Ада вмещает две категории душ. Первая — это наполняющие простор вздохами, плачем и исступленным криком души весьма ничтожных людей, которых, по словам Данте, не возьмут ни Бог, ни супостаты Божьей воли. Такие души толкутся вечно в этом узком пространстве, нагие и кусаемые слепнями и осами. Вторая категория душ, а это уже явные грешники, устремляется к известной из античности реке Ахерон, букв. «река скорби». Здесь их ждет перевозчик Харон в виде шерстистого беса, у которого «вокруг очей змеится красный пламень». Данте с провожатым переправляются на другой берег Ахерона и оказываются у края пропасти, откуда доносился громкий и пугающий гул. Это и есть собственно Ад, устроенный как огромная воронка, сужающаяся к центру земли и содержащая девять кругов, в каждом из которых мучается определенная категория грешников. Отсюда после публикации поэмы Данте появилось выражение

«пройти все девять кругов ада», т. е. выдержать самые страшные испытания. Попутно отметим, что понятие «грех» как проступок против божьих заповедей, появилось в Древнем Завете сперва как «первородный грех», т. е. грех, совершённый в раю Адамом, преступившим Божью заповедь. Затем появилось понятие индивидуального греха, подразумевающего поступок или мысленный образ или мысленное действие отдельного человека, нарушающие христианские заповеди. Русское слово «грех» изначально значит «ошибка», сравним слова «погрешность» и «огрех». Его эквивалент в греческих христианских текстах слово ἁμάρτεμα тоже обозначает «погрешность», «ошибка», и такое же значение у латинского слова peccātum, ставшего каноническим в передаче христианского понятия «грех». По христианским канонам, умерший на кресте Христос (в переводе с греческого «помазанник божий») освободил людей от первородного греха и перспективы оказаться в аду при условии прохождения человеком крещения и ведения праведной жизни согласно христианским законам. Кроме того, во время пребывания в гробу Христос спустился в Ад, разрушив его врата, прочитал там евангельскую проповедь и увел с собой в рай всех ветхозаветных праведников, а также Адама и Еву. До этого в раю были только Моисей, пророки Илия и Енох, а также разбойник Дисмас, которому Христос пообещал сегодня же взять его собой в царствие небесное.

Итак, в первом круге ада, по рассказу Данте, содержатся души добродетельных людей, которые жили до Христа и не успели стать христианами. Здесь же и выдающиеся деятели античной культуры и науки — Гомер, Еврипид, Гораций. Овидий, Аристотель, Платон и другие. Здесь, как говорит Данте, царила не боль и не страданья, но горестные вздохи и безбольная скорбь. Этот первый круг Данте назвал «Лимбом» от латинского limbus — кайма, т. е. как кайма настоящего ада.

Мучения грешников начинаются со второго круга, где «большие муки и много стонов». Здесь в образе ужасного беса-дракона сидит мифический Минос, сын Зевса, «вершит над грешниками суд и взмахами хвоста на муку шлет». В этом круге ада мучаются сладострастники. И дальше, за кругом круг вниз, мучаются различного рода грешники, среди которых Данте узнает многих сограждан и известных жителей других городов Италии. В девятом круге ада, на самом его дне, находится ледяное озеро Коцит, букв. «плач», «рыданье». В его центре находится вмерзший в льдину Люцифер, который терзает в трех своих пастях Иуду, предателя величества небесного, и предателей величества земного убийц Цезаря Брута и Кассия.

После ада Вергилий ведет Данте к Чистилищу. Понятие «Чистилище», по-латыни purgatorium, существует только в римско-католической ветви христианства. В соответствии с ним, чистилище — это состояние, в котором после смерти и до Страшного суда находится душа верующего человека, допустившего при жизни определенное количество не самих страшных грехов и проводящего в этом состоянии обряд покаяния и очищения. Идея

чистилища формировалась в XII–XV веках и получила окончательное догматическое обоснование на Ферраро-Флорентийском католическом соборе в 1439 г. Высказывается мнение, что именно поэма Данте со своими представлениями о чистилище поспособствовала принятию решения этого католического собора.

Данте представляет чистилище в виде огромной горы, возвышающейся в южном полушарии посреди мирового Океана. Не представляя себя праведником, поэт говорит, что он жаждет после смерти снова очутиться у горы Чистилища и на берегу спасения своей души. У входа в чистилище путешественники встречают некоего величественного старца. Это Катон Младший Утический (95–46 гг. до н. э.), который, не пожелав пережить крушение Римской республики в гражданской войне с Цезарем, покончил с собой в городе Утика на севере Африки. За эту несгибаемую стойкость и преданность республиканским принципам, близким автору поэмы, он делает Катона стражем горы Чистилища. У того, как и у ада, семь кругов, но они ведут вверх, к вершине горы, и по пути Данте встречает души многих знакомых ему персоналий. Но круга первого поэт и его провожатый достигли с большим напряжением сил даже после входа в Чистилище. Перед этим кру́гом были врата, которые охранял ангел с мечом в руке. Он начертал мечом на лбу поэта семь букв P — peccata septem (семь смертных грехов в христианстве: обжорство, похоть, алчность, лень, зависть, гнев, гордыня), и после прохождения каждого круга одна из букв исчезала, подтверждая этим процесс духовного обновления и избавления от греха. Дойдя до вершины горы Чистилища, Вергилий сказал Данте, что он выполнил свою миссию, и теперь тому надлежит ждать ту, которая в слезах просила его стать проводником поэта, то есть Беатриче. Через какое-то время появилась процессия из людей в белом, певших гимны, и впереди ее — двуколая повозка, перед которой шел впряженный Грифон — полуорел, полулев. Над этой колесницей появилась Беатриче, которая после некоторых словесных дискуссий с Данте согласилась провести его в Рай. Вместе они отправляются к семи небесным сферам Рая — сферам Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера и Сатурна, затем к звездному небу, потом переходят в девятое небо, где находятся ангелы и, наконец, доходят до десятого неба, где находится Эмпирей — уже не вещественная, а духовно-лучезарная обитель Бога, ангелов и блаженных душ. Здесь Данте достигает душевного просветления, и он завершает свою поэму словами, которые передают его необычное душевное состояние:

Здесь изнемог высокий духа взлет;
Но страсть и волю мне уже стремила
Любовь, что движет сонце и светила.

Иными словами, поэт постиг высшую истину христианской веры: Бог есть любовь, но к осознанию этой истины человеку необходимо пройти долгий и тернистый путь к небесному блаженству через очистительный огонь чистилища, не позволив поглотить себя пламенем ада.

В настоящее время понятие души, греха, ада и рая существует в трех моноистических так называемых аврамических религиях, охватывающих большую часть всех людей земли, считающих себя верующими, т. е. в иудаизме, христианстве и в исламе. Название «аврамический» восходит к древней традиции, признающей заключение патриарха семитских народов Авраама завета или договора с Богом о признании его единым богом и о соблюдении его законов и наставлений. В частности, евреи выводят свой народ от сына Авраама Исаака, арабы — от сына Авраама Исмаила. Христиане признают Ветхий Завет, понимая его, как достоверную и необходимую предысторию появления Иисуса Христа и его новой главной заповеди «Любите друг друга». Но, тем не менее, идеи Платона о мировом творце-Демиурге и о душе, двигающей мыслями и поступками человека и ее ответственности за посмертную судьбу человека, как и представления об аде оказались важным подспорьем для становления канонических положений и христианства, и других аврамических религий. А десять заповедей Божьих, данных Моисею, созвучны также и моральным наставлениям лучших представителей античности, сформулированным, в частности, в сборнике «Наставления Катона своему сыну»,

P.S. Данная статья основана на материале одной из видео-лекций А. З. Цисыка, которые транслируются в интернете на ютьюбе с 2019 г., когда был создан видеоканал таких лекций под названием «Античность и современность Андрея Цисыка». Цель своей работы на этом видео-канале Андрей Зиновьевич определил следующим образом: «Наша современная жизнь связана тысячами нитей с родиной европейской цивилизации — Древней Грецией и Древним Римом. В течение многих веков европейское образование, наука и культура впитывали в себя знания, созданные античностью, и развивали их. Поэтому, в каждом современном европейском языке много понятий и слов, которые восходят к античности. К сожалению, с каждым годом уменьшается круг лиц, знающих античность и понимающих античные истоки многих современных слов и понятий. Неточностями грешат нередко и справочники, и энциклопедии, в том числе и Википедия. Цель нашей работы будет состоять в том, чтобы исправлять подобного рода ошибки, а также представлять на строго научной основе различные интересные факты из античной истории и истории слов». И действительно, Андрей Зиновьевич в своих лекциях рассматривает широкий спектр вопросов и погружает слушателя в интереснейший мир античности, затрагивая вопросы античной истории, культуры, поэзии, словообразования, быта и нравов, как свидетельствуют названия и содержание его лекций: «К истокам возникновения Древней Греции и Рима», «Античная поэзия, как преобладающий вид художественного творчества у греков и римлян», «Античные поэтические размеры и строфы», «Поэзия Сапфо и Алкея», «Приветствие в античности», «Римские семьи и фамилии», «Об античных именах и их связи с современностью», «Прорицание и прорицатели античного мира»,

«Греческий и римский театр», «Мимические, цирковые и гладиаторские игры античного мира», «Вино и застолье в античности», «О сходстве и различии в толковании некоторых античных слов» и многие другие темы и проблемы, связанные с античностью и их восприятием в наши дни. Видеолекции очень интересны по содержанию и познавательные, а живой голос лектора viva vox оказывает дополнительное эмоциональное воздействие на слушателей, способствуя усвоению получаемой информации. Слова «Χαίρετε», «Valéte», которыми заканчивается каждая лекция, выражают самые хорошие пожелания и приглашение слушателей к новым видеовстречам. Думается, что найдется немало пытливых и любознательных людей разного возраста, которые будут приобщаться к оригинальной площадке видео-лекций Андрея Зиновьевича, где встречается античность и современность.

Впервые опубликовано: Ориентиры : сб. материалов науч.-практ. конф. по греколатин. лингвокультурологии / под ред. А. С. Солопова [и др.]. – М. : ДПК Пресс, 2022. – Т. 5. – С. 78–96.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И ДИЛЕТАНСТВО В ИНФОРМАЦИИ ОБ АНТИЧНОМ МИРЕ (ПО ПОВОДУ КНИГИ А. Г. ИЛЬЯХОВА «ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ. АНТИЧНЫЕ КОРНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ»)

Европейский человек в устной и письменной речи использует огромное количество слов и понятий, которые пришли в национальные языки из античного мира. Заниматься историей таких слов и понятий — удел филологов-классиков — специалистов по древнегреческому и латинскому языкам и античной культуре. Их задача — уметь объяснить историю этих слов и понятий всем заинтересованным лицам как в стенах учебных учреждений, так и вне их. То, что таких заинтересованных лиц немало, сомневаться не приходится: слишком много сфер жизни, в которых используются как непосредственно античные термины, так и термины, которые создавались на протяжении многих столетий и продолжают создаваться в медико-биологических, гуманитарных, технических и других науках на основе греческих и латинских словообразовательных элементов. Однако далеко не во всех учебных заведениях преподаются курсы латинского и тем более древнегреческого языка, не говоря уже о курсах античной истории и культуры. Поэтому для широкого круга лиц, интересующихся античностью, или отдельными вопросами, связанными с античностью, важно иметь доступную и достоверную справочную литературу, с помощью которой можно было бы получить ту или иную информацию. Следует сказать, что такой справочной литературы как не хватало в советское время, так не хватает и сейчас. И сегодня можно только мечтать увидеть на полке домашней библио-

теки отечественный словарь-справочник по античности, в котором были бы сведены воедино основные сведения по истории, мифологии, религии, литературе и культуре Древней Греции и Древнего Рима. Поэтому не будет преувеличением сказать, что недавний выход в свет книги «Этимологический словарь. Античные корни в русском языке» [7] многими был встречен с большим энтузиазмом и с большими надеждами. К сожалению, следует сказать, что эти надежды не оправдались: данное издание, на наш взгляд, вряд ли может претендовать на роль авторитетного справочного пособия по античности, ибо содержит многочисленные ошибки и неточности. В пределах данной статьи мы попытаемся сделать критический анализ хотя бы какой-то части этих неточностей, так как их настолько много, что для их полного анализа одной статьи явно недостаточно.

Уже в «Слове автора» вызывает недоумение точка зрения составителя словаря на причину исчезновения древнегреческого и латинского языков. А. Ильяхов считает, что в Древней Греции это произошло из-за того, что там «не на жизнь, а на смерть поколения «чистопородных» эллинов сражались за уничтожение «варварских примесей» в их языке», а в Древнем Риме гордые римляне «отвергали любые попытки вторжения чужеродных слов в их язык».

Однако науке об античности не известны факты «войны» древних эллинов с чужеродными языковыми проникновениями. Единственного рода полемика по языковому вопросу, как известно, велась только в последние века античности между так называемыми «аттикистами», сторонниками употребления письменного и устного вариантов аттического диалекта, на котором созданы все литературные памятники классического периода древнегреческой истории, и сторонниками койне — общегреческого разговорного языка, созданного на основе аттического диалекта, в котором к этому времени наметились определенные изменениям в фонетике, морфологи и синтаксисе [15, с. 86–88]. Нет оснований говорить и об отторжении римлянами древнегреческого языка. Ведь общеизвестным фактом является широкое распространение эллинской образованности в Риме и в римских провинциях, утверждение в них греко-латинского билингвизма, написание римлянами на греческом языке сочинений по римской истории и множество других сведений, говорящих о заинтересованном и добровольном восприятии римлянами греческого языка и греческой культуры. Очень кстати, в связи с этим было бы включение в содержание словаря А. Г. Ильяхова статьи «Билингвизм» с разъяснением о билингвизме в Римском государстве и в самом Риме. А переход латыни в форму романских языков, как и древнегреческого в новогреческий — объективная историческая закономерность развития от древнейших форм языка до новых, через которую прошли практически все европейские языки.

В тексте словаря удивляют, прежде всего, неточности хронологического плана. Так, на станице 17 читаем, что «в римском праве закон «О прелюбо-

деянии» появился еще в **1800 году до н. э.** и просуществовал почти 20 веков». Однако, как известно всем историкам, Рим был основан в **753 г. до н. э.!**

На стр. 35 говорится, что «поэт Пиндар (**I в. до н. э**.), разделяя все недомогания на два сезона: зиму и лето, упоминает ангину в числе зимних болезней». Как известно, поэт Пиндар жил в **VI в. до н. э.** и воспевал героев олимпийских соревнований и их олимпийских покровителей: по крайней мере, в содержании перевода его поэзии на русский язык, сделанном М. Л. Гаспаровым [10, с. 8–226], о каких-либо заболеваниях, в том числе и об ангине, нигде не упоминается.

На стр. 62 сообщается, что «Луций Эмилий Павел, разгромив македонское войско царя Персея в битве при Пидне в **168 г. н. э**., вывез к себе домой огромную царскую библиотеку». Битва при Пидне, однако, состоялась в **168 г. до н. э.** — на много лет раньше!

На стр. 197 читаем, что «в **30-е годы до н. э**. в Александрии Египетской появился Мусейон, где по инициативе **царя Птолемея Клавдия** возник небывалый по масштабам своего времени центр научной и общественной жизни — прототип общеобразовательного университета». Но Мусейон был создан в **III веке до н. э.** при царе **Птолемее I**, и автор словаря явно перепутал этого царя с ученым-математиком **Птолемеем Клавдием**, который жил в 83–161 гг. н. э. и работал в Александрийском Мусейоне [16, с. 469–470].

Император Домициан, согласно сообщению автора словаря на стр. 326, правил в Риме **с 81 года до н. э.**, а на самом же деле — **с 81 года нашей эры**. Подобным же образом на стр. 333 автор словаря определил время жизни Цицерона как **106–43 н. э.** вместо **106–43 до н. э.** И это далеко не все хронологические несоответствия в данном издании, которые мы приводим.

При чтении статей словаря бросается в глаза, что его автор сплошь и рядом смешивает древнегреческую и римскую историко-культурную действительность. Вот на с 36 читаем: «В Древней Греции храмовые жрецы регулярно наблюдали за ночным небосводом и следили за движением светил в определенное время года, делая записи на специальных досках — **анналах**». Однако само слово «Анналы» (от **латинского annalis** — годичный) образовано от annus — год. Известно, что уже с 4 в. до н. э. ежегодно перед резиденцией великого понтифика в Риме выставлялись деревянные доски, на которых записывали имена высших чиновников, фиксировались небесные знамения, давалась информация о войнах и других общественно значимых событиях [16, с. 34]. Об исторических событиях в Риме повествует и книга историка I в. н. э. Тацита «Анналы». Так что греческие жрецы не имеют никакого отношения ни к римским жрецам, ни к римским анналам.

А вот как на стр. 39 автор объясняет слово **апелляция**: «В Древней Спарте существовал высший орган государственной власти — народное собрание Апелла («**возглас, призыв**»). Согласно мифу, его создание подсказала легендарному царю Спарты Ликургу прорицательница Дельфийского храма Пифия, сообщившая, что его идеи угодны богу Аполлону. Ликург

назвал народное собрание «Апелла – Пифия», и апелляция в Спарте означала взывание к богам, и прежде всего к Аполлону. Апелла собиралась ежемесячно на открытом пространстве, и ее участники голосовали криком, причем принималось мнение тех, кто мог перекричать своих оппонентов». Однако в начале словарной статьи сам автор говорит о том, что слово апелляция происходит от лат. **appellatio** — обращение, призыв. Это действительно так, и во всех словарях иностранных слов можно найти аналогичное объяснение. В латинско-русском словаре И. Х. Дворецкого слово **appellatio** толкуется как «обращение, воззвание к народу, апеллирование», это существительное — производное от глагола appellare обращаться к кому-либо с речью, взывать, апеллировать [4, с. 66]. Но при чем здесь греческое понятие **апелла**? В поисках ответа обратимся к историку Плутарху и его рассказу о легендарном спартанском законодателе Ликурге [11, с. 91–125].

Как пишет Плутарх, «из многих преобразований, введенных Ликургом, первым и самым важным было учреждение им Совета старейшин (герусии)… Ликург считал это учреждение настолько важным, что послал в Дельфы вопросить о нем оракула и получил ответ: «Учреди совет из 30 человек, вместе с вождями, и пусть народ время от времени собирается в определенном месте. Предлагать законы и собирать голоса должен ты, окончательное же решение принадлежит народу. Созывать народное собрание выражено словом ἀπελλάζειν, — по мнению Ликурга, первым внушил ему мысль создать законы Аполллон Дельфийский» (Ликург, VI). Как указано в древнегреческо-русском словаре И. Х. Дворецкого [5, т 1, с. 190] ἀπελλάζω = ἐκκλησιάζω — созывать собрание. Аполллон на дорийском диалекте греческого языка спартанцев, согласно словарю древнегреческого языка Лиддла–Скотта, назывался Απέλλων [17, с. 185], отсюда ἀπελλάζειν — действовать (созывать собрание) согласно воле Аполлона. Однако у Плутарха нет информации, что Солон назвал народное собрание словами «Апелла-Пифия». Дальше Плутарх рассказывает, что «в Народных собраниях никто не имел права высказывать своего мнения. Народ мог только принимать или отвергать предложения геронтов и царей» (Ликург, VI).

Из текстов Плутарха вытекают два важных вывода. Во-первых, высшим органом власти в Спарте по существу было не народное собрание, как утверждает автор словаря, а совет старейшин (герусия). Именно он «предлагал законы». Во-вторых, название спартанского народного собрания «апелла» произошло от названия бога Аполлона (Απέλλων), и не имеет ничего общего с латинскими словами appellare и apellatio, поэтому **апелла** нельзя переводить «**возглас, призыв**», как пишет автор словаря. В древнегреческом языке, судя по словарю И. Х. Дворецкого [5], для передачи понятия «возглас» можно было употребить слова ἀνακέλαδος и ἐπιβόησις, для понятия «кричать» — девять глаголов (βοάω, θωύσσω, ἰάχω, ἰύζω, κλάζω, κράζω, λακάζω, ὀτοτίζω, ὠζω), и ни одно из этих слов по форме и близко не напоминает латинского apello.

Кстати, слова **ἀπέλλα** нет ни в одном лексиконе древнегреческого словаря, включая наиболее полный словарь Лиддла–Скотта, но оно встречается во всех лексиконах античности и в литературе по истории Древней Греции. Нам представляется, что это слово было создано в постантичное время кем-то из антиковедов по морфологической и смысловой аналогии к той модели, по которой от слова ἐκκλησιάζειν (созывать собрание) в аттическом диалекте создано слово ἐκκλησία (народное собрание); точно так же от ἀπελλάζειν было создано слово ἀπέλλα, которое не зафиксировано в древнегреческих литературных памятниках.

На странице 170, объясняя значение слова **lapsus**, автор словаря говорит, что «эллины и древние римляне употребляли слово lapsus только в том случае, если когда человек неожиданно падал со ступенек, получая ушиб». Но эллины в любом случае не могли употреблять это слово, так как у них для выражения понятия «падение» было, согласно древнегреческо-русскому словарю И. Х. Дворецкого, пять своих эллинских слов — ὀλίσθημα, πέσημα, πτῶμα, πτωῶσις, σφάλμα, и им в любом случае падения не нужно было латинское слово даже в качестве ругательства. А вот в латинском языке у слова lapsus, как свидетельствует латинско-русский словарь И. Х. Дворецкого [4, с.440], кроме основного значения «падение», было еще и производное значение «ложный шаг, ошибка». Отсюда целый ряд фразеологических выражений, которые знает любой человек, изучавший курс латинского языка в том или ином учебном заведении: lapsus linguae — ошибка языка, оговорка, lapsus calami — ошибка пера, опечатка, lapsus memoriae — ошибка памяти, забывчивость. Вот об этом непременно нужно было сказать автору словаря.

На стр. 92 А. Ильяхов не только выводит слово «**декан**» от греческого δέκα (десять), но и утверждает, что в римской армии над десятью солдатами обычно ставился декан. Но в латинско-русском словаре И. Х. Дворецкого [4, с. 222] четко указано, что слово decanus — от латинского числительного decem (десять). Латынь и греческий принадлежат, как известно, к одной и той же индоевропейской языковой общности, поэтому многие слова в них имеют сходное звучание, но А. Ильяхову такие лингвистические тонкости, видимо, не известны. Неверно и то, что в римской армии начальником десятка солдат был декан: этого начальника звали, по свидетельству того же латинского словаря, **декурион**, по латыни decurio, onis f — командир декурии — отряда из десяти солдат, от латинского decem — *десять* [4, с. 225].

На стр. 130 в статье «кандидат» читаем, что **в Древней Спарте кандидатами** называли 18–20-летних граждан, проходящих обязательную подготовительную службу в пограничных разведывательных отрядах или вспомогательных войсках. Однако, по свидетельству Плутарха (Ликург, XVII), молодых спартанцев от 18 до 20 лет в Древней Спарте называли «меллиренами». Греческое μελλείρενες образовано от μέλλω (предстоять) + είρην (двадцатилетний мужчина) и буквально обозначает «те, кому предстоит стать двадцатилетними», а также, добавим, стать членами регулярной спар-

танской армии. Такие молодые люди не служили в пограничных отрядах или во вспомогательных войсках, как пишет А. Ильяхов, ибо таковых в Спарте не было — они, по свидетельству того же Плутарха, участвовали в ночных разбойных нападениях на спартанских рабов, т. н. илотов. Это в Афинах юноши от 18 до 20 лет охраняли территорию и крепости, защищавшие границы Аттики [12, с. 353]. Поэтому слово «кандидат» к упомянутой категории молодых людей Древней Спарты в смысле «кандидат на вступление в регулярную армию» можно использовать чисто условно только в современном значении, как, например, «кандидат в народные депутаты». Ибо само слово кандидат — чисто латинское (**candidatus**), образованное от латинского прилагательного **candidus** (белый, белоснежный) [4, с. 117] по цвету одежды — тоги, которую одевал в Риме человек, претендующий на избрание на какую-то должность. А белый цвет символизировал честность и непорочность претендента, а не цвет солнца и тем более не переход от жизни к смерти, как утверждает А. Ильяхов.

На стр. 117 читаем: «В Древней Греции слово **incubator** означало «проводящий ночь в храме». Больной приходил в храм бога врачевания Асклепия, где проводил ночь в надежде увидеть «вещий» сон, который поможет ему исцелиться. Это называлось инкубацией». Автор повторяет здесь текст из статьи «Жрецы-медики» в книге Поля Гиро «Частная и общественная жизнь греков» [12, с. 124]. Однако, при всем уважении к автору этой весьма обстоятельной книги, в данном ее месте явно присутствует подмена латинским термином греческого, так как не могли древние греки в эпоху Гиппократа (IV в до н. э.) знать латинский язык и давать обозначения понятий на латыни. Для этого у них был свой, богатый и великий греческий, намного превышавший латынь по лексике. А целебный сон, в котором проводили ночь желающие исцелиться в храме Асклепия в Эпидавре, на острове Кос или в других подобных Асклепионах назывался на греческом **ἐγκοίμησις**, как о свидетельствует древнегреческо-русский словарь И. Х. Дворецкого [5, т. 1, с. 451]. Латинское же **incubatio**, хотя оно и присутствует в справочных изданиях по античной культуре, в словаре латинского языка И. Х. Дворецкого имеет только два значения: 1) высиживание птенцов; 2) юридическое «незаконное владение» [4, с. 390]. История с этим словом напоминает нам историю со словом «апелла», о чем мы говорили выше. Видимо, оно появилось в поздней античности и не вошло в латинский лексикон, поскольку римляне с недоверием относились к греческой медицине и нет письменных свидетельств того, что они лечились в асклепионах. Об этом косвенно свидетельствует слово **incubator**, которое, судя по словарю латинского языка И. Х. Дворецкого [4, с. 300], действительно имеет значение «проводящий ночь в храме в надежде увидеть вещий сон», но встречается это слово только у одного из апологетов христианства конца II в. н. э. Тертуллиана в контексте критики языческих верований.

На стр. 116 в статье «Инициатива» читаем: «В древнегреческих мистериях, посвященных олимпийским богам Деметре или Дионису, определенные служители священного культа назывались **инициаторами**. Это были хранители религиозных традиций, которые зорко следили за соблюдением порядка при совершении священного обряда за неразглашением таинств». Однако ни один служитель культа в Древней Греции не мог называться **инициатором**, так как слово **initiator** чисто латинское, производное от глагола initio, initiāvi, initiātum посвящать, вводить в культовые таинства. В греческом языке, согласно древнегреческо-русскому словарю И. Х. Дворецкого, латинскому существительному **initiātor** (вводящий в таинство) могло соответствовать или слово **μυσταγωγός** (посвящающий в таинство) или, в еще большей мере, слово **ἱεροποιός** (член коллегии из 10 жрецов, которые во время всех религиозных церемоний следили за правильностью выполнения священных обрядов). Впрочем, в обстоятельной статье книги Поля Гиро «Частная и общественная жизнь греков», посвященной элевсинским мистериям, которые проводились в Греции в честь богини Деметры [12, с. 277–281], не только отсутствует слово «инициатор», но нет и упоминания о каком-то особенном служителе во время мистерий, которого мы назвали бы сегодня «смотрящим» или «следящим», или «блюстителем». Такое слово, впрочем, у греков было, но это было слово **ἐπίσκοπος** [5, т. 1, с. 634], которое, однако, нигде не фигурирует при описании проведения мистерий. Кстати, автор словаря почему-то забыл дать объяснение этому слову в статье «Епископ» (с. 109–110), как и не объяснил истории этого слова в его христианском понимании, которое восходит к I веку н. э. — времени появления первых христианских общин, главы которых носили название епископов [5, т. 1, с. 634]. Тут же укажем и на неточности автора, допущенные в статье «Мистерия» (с. 191): «… в мистериях участвовали только избранные посвященные, или **mystos** (от греч. **myst — видящий сквозь туман**). Однако, во первых, «избранный», «посвященный», «допущенный к участию в мистерии» на греческом будет **μύστης**, во множественном числе — **μύσται**, а во вторых, слово это, по свидетельству этимологических словарей греческого языка, восходит к греческому глаголу **μύω** — закрывать глаза во время священного благоговения при участия в таинствах) [17, с. 728]. В своем объяснении происхождения данного слова А. Ильяхов явно перепутал греческий и английский языки, ибо это в английском есть слово **mist** (пишется, кстати, через англ. **i «ай»**) со значением: 1) туман, туман перед глазами; 2) застилать туманом, но у этого слова нет значения **«видящий сквозь туман»** [9, с. 406].

В статье «Милиция» на стр. 187 читаем: «В Древней Греции регулярная армия отсутствовала, а на время военных действий безопасность греческих городов обеспечивалась временным народным ополчением — милицией». Однако в Древней Греции не могло быть слова «милиция», ибо это чисто латинское слово **militia, ae f** — войско, военная служба, образованное

от латинского miles, militis m — воин, солдат, боец. Как указывается в переведенном с немецкого языка «Словаре античности» [16 с. 155], латинскому **militia** в Древней Греции соответствовало название **πολιτικόν στράτευμα** — общественное ополчение.

Неточную и ошибочную информации находим при чтении статей словаря А. Ильяхова самой различной тематики. Так, в статье «Пафос» на стр. 226 читаем: «В греческой мифологии Пафос — **дочь** кипрского царя Пигмалиона и Галатеи, жена мифического кипрского царя Кинира. Ее именем был назван город на западном побережье Кипра — прекрасный Пафос, ставший одним из центров культа Афродиты». Однако Пафос, согласно известной книге Роберта Грейвса «Мифы Древней Греции» [3, с. 166], — это имя **сына** кипрского царя Пигмалиона, а дочь его звали Метарма. Об этом же пишет и Овидий в своих «Метаморфозах» (X, 243–297). Во вторых, автор словаря смешивает имя сына Пигмалиона **Пафос** (на греческом **Πάφος** пишется через букву «фита») со словом «**пафос**» в русском языке, которое восходит к греческому **πάθος** (пишется через букву «тхета») со значением «страдание, страсть», откуда в современной риторике и литературе понятия «пафос» и «патетика» — страстное воодушевление в речи.

В статье «Цирк» на стр. 325 читаем: «До **4 в. н. э.** культовые сооружения, где проводились обряды, у римлян назывались «**киркус**» от имени знаменитой волшебницы Кирки. Когда постройки приобрели круглую форму, они стали называться цирками», на аренах которых в ритуальных боях состязались вооруженные люди, которые были добровольцами, а также проводились торжественные конные объезды по окружности арены цирка, что было важным элементом религиозных обрядов. Позднее конные ристалища стали проводить на специально отведенных местах — ипподромах, а состязательные традиции в цирках остались для атлетов». В этих нескольких строчках столько неточностей, что для их исправления потребуется не менее целой страницы. Итак, в начале статьи автор правильно говорит о том, что наше слово «цирк» происходит от латинского слова **circus** — круг. Согласно «Словарю античности» [16, с. 633], цирком в Риме изначально был ипподром, имевший форму параллелограмма с одним овальным концом. Первый такой цирк-ипподром, как правильно пишет и сам А. Ильяхов, был построен при царе Приске (обычно говорят Тарквиний Приск или Тарквиний Древний), который царствовал с 616 по 578 годы до н. э., и это бесспорное свидетельство того, что латинский цирк изначально использовался для состязаний в бегах колесниц. Но абсолютно неверно утверждение автора словаря, что здание цирка развилось из неких культовых сооружений «киркусов», которые так назывались до 4 в. н. э. Об этой чисто фантастической версии невозможно найти ни слова в любом авторитетном источнике по античной истории. Здесь А. Ильяхов явно путает слова **circus**, которое произносилось в античном Риме как «киркус», и circenses, произносившееся как «киркэнсэс», с именем волшебницы Кирки, о которой идет речь в поэме

Гомера «Одиссея» (Од., X, 210–574). Известно, что перед началом всех зрелищ в римском цирке проводилась религиозная церемония и торжественное ритуальное шествие, которое обходило весь круг состязательного пути от меты до меты и которым освящалось соревнования данного дня [13, с. 253–254]. Однако при этом никогда не упоминалось имени «Кирка», как следует, например, из подробного описания одной такой религиозной церемонии в книге Ф. Велишского «Быт греков и римлян» (2, с. 489–490). Ее имя не встречается и в перечне божеств и ритуальных церемоний в древнем Риме, которые приводятся в разделе «Религия» книги Поля Гиро «Частная и общественная жизнь римлян» [13, с. 326–372]. Связь между цирками и культовыми сооружениями Рима с именем Кирки не прослеживается ни в отмеченном выше «Словаре античности», ни в трехтомном «Реальном словаре классических древностей» Фридриха Любкера [8], ни в других авторитетных словарно-справочных изданиях по античности.

Среди многих объяснений А. Ильяхова, не соответствующих общепринятым научным воззрениям, встречается и его версия о возникновении жанра сатиры. В начале статьи «Сатира» (стр. 268) он правильно говорит, что слово «сатира» восходит к латинскому выражению **satura lanx** (букв. «блюдо со смесью плодов»). В. С. Дуров в своей монографии о жанре сатиры приводит различные высказывания римских писателей о слове satura и о жанре сатиры [6, с. 130–131]. Так, римский лексикограф II в. н. э. Фест пишет, что слово **сатура** имеет три значения: 1) род кушанья, изготовленного из разных вещей; 2) закон, составленный из многих других законов; 3) род стихотворений, в которых идет речь о многих вещах. Двумя веками позже римский грамматик Диомед впервые употребил сочетание **lanx satura** для объяснения происхождения слова сатира: по его словам, первоначально это было блюдо, наполненное разнообразными плодами, которое в священных обрядах приносилось богине плодородия Церере. Но в дальнейшем из этого религиозно-ритуального значения развиваются совершенно светские значения, в том числе и такое, как «особый вид литературы». Появившись впервые у поэта Квинта Энния в III в. до н. э. как смесь произведений разных стихотворных размеров в его сборнике из 4 книг под общим названием «Satura» («Сатура»), этот своеобразный жанр в 1 в. н. э. в произведениях Ювенала приобрел ту форму и то язвительно-обличительное содержание, которые в наши дни ассоциируются с сатирой. В любом случае, римляне осознавали, что этот вид литературы придуман именно ими. Римский оратор и учитель риторики I в. н. э. Квинтилиан по этому поводу в своей книге «Образование оратора» (10, 1, 93) высказался вполне определенно: Satura quidem tota nostra est — «Ведь вся сатира — полностью наша». Придерживается мнения о том, что изобретение литературно-поэтического жанра сатиры принадлежит исключительно римским поэтам и автор указанной выше монографии «Жанр сатиры в римской литературе» — известный русский филолог, специалист в области античной культуры и литературы профессор

В. Дуров [6, с. 4–7]. Однако в статье «Сатира» А. Ильяхов рассказывает нам, что сатуры появились в Греции как собрания забавных бессмыслиц и эротических шуток в сценках, основными персонажами которых были озорные, проказливые сатиры, спутники бога вина Диониса, и что в Римской империи сатира, как вид искусства, обязана своим существованием греческому наследию. Это противоречит и всему тому, о чем говорили сами римляне о жанре сатиры, и выводам авторитетных ученых-профессионалов.

В статье о Гомере на стр. 406 читаем, что немецкий ученый Фридрих Вольф в XVIII в. отнес время создания гомеровских поэм к Средним векам. Но в любом учебнике по античной литературе можно прочитать, что Ф. Вольф выдвинул в своей книге «Пролегомена к Гомеру» гипотезу, согласно которой гомеровские поэмы «Илиада» и «Одиссея» создавались в догомеровскую эпоху в виде отдельных частей, и только в VIII веке до н. э. были объединены в два больших произведения. При чем здесь средневековье?

Рассказывая про Вергилия на стр. 401, автор словаря пишет, что тот «был представителем древнего этрусского рода. Один из меценатов обратил на юношу внимание, поселил у себя на вилле, допустил в круг своих друзей». Однако римский историк Светоний в своей подробной биографии Вергилия (приложение к книге «Жизнеописание двенадцати цезарей») [14, с. 310] говорит, что поэт происходил от самих скромных родителей, живших в деревне Анды недалеко от города Мантуя в северной Италии, и ничего не говорит о его этрусских корнях. Теперь уточним, что в Риме эпохи Августа, когда жил Вергилий, самым известным меценатом в современном понимании этого слова был зажиточный Гай Цильний Меценат, и поскольку он помогал одаренным поэтам (Вергилию, Горацию, Проперцию и другим), то именно его имя впоследствии стало обозначать каждого человека, оказывающего материальную и иную помощь одаренным личностям. И это именно Гай Меценат был выходцем из знатного этрусского рода, о чем Гораций, ставший близким другом Мецената, пишет в самой первой из своих «Од» (Od., I, 1–2): Maecenas atavis edite regibus // O et praesidium et dulce decus meum — Славный внук, Меценат, праотцев царственных / О отрада моя, честь и прибежище! (перевод А. П. Семенова-Тян-Шанского). Теперь становится понятным, что, не разобравшись толком who is who, автор словаря приводит вот такую недостоверную информацию. Еще нужно добавить, что Гай Меценат никогда не был известным политическим деятелем Древнего Рима, хотя был близким другом императора Августа и иногда выполнял некоторые его политические поручения [17, с. 353].

В статье «Пантомима» на стр. 220 автор рассказывает, что «пантомима обязана своему появлению Ливию Андронику, греку, который в 240 г. до н. э. первым поставил на римской сцене латиноязычные переработки греческих трагедий и комедий. Выступая в главной роли в одной и таких постановок, он сорвал голос, но продолжал жестами и мимикой изображать содержание исполняемого текста». На основании этого факта автор словаря

делает вывод, что Ливий Андроник стал автором нового театрального явления в Риме — пантомимы. Однако историк Тит Ливий (VII, 2, 4–13) уточняет, что во время жестикуляции Ливия Андроника текст пьесы рядом с ним произносил молодой раб, и это уже нельзя назвать пантомимой в полном смысле слова. А настоящая пантомима появляется в Риме только в конце 1 в. до нашей эры, когда актеры выступают без сопровождения музыки и пения в оригинальном танце, передавая мифологические или иные сюжеты. Об этом, в частности, подробно рассказывает Ф. Велишский в своей книге «Быт греков и римлян» [2, с. 498–501]. В данной статье автору словаря целесообразно было бы добавить, что в связи с большой популярностью пантомимы в Риме произошло переосмысление функций одной из муз греко-римского пантеона, а именно — Полигимнии. Поскольку в общественной психологии греков и римлян под влиянием христианства в последние века античности теряется значение гимнической поэзии, которая ориентировалась на древние божества, ставшие языческими, муза Полигимния, у которой не было, кроме свитка, никаких атрибутов, и которая изображалась всегда молчащей, стала считаться покровительницей пантомимы. По этому поводу М. Л. Гаспаров в своем комментарии к переводу эпиграммы «9 Муз» в книге «Поздняя латинская поэзия» (М., 1982, с. 481), говорит так: «Любопытно, что Полигимния, древняя муза священных песен, представлена здесь как муза позднего искусства — пантомимы». Как добавляет по этому поводу современный исследователь В. Поршнев в своем исследовании «Мусей в культурном наследовании античности» [14, с. 76], …«авторы конца античности Авсоний, Нонн Панополитанский, Кассиодор и другие «передают» Полигимнии искусство пантомимы». Поэтому неудивительно, что в большинстве статей современной «Википедии» Полигимния обозначается просто как «Муза — покровительница пантомимы».

На стр. 126 читаем, что каллиопа — это клавишный музыкальный инструмент со свистками, названный по имени одной из девяти муз Каллиопы. Однако в греческих словарях нет слова с таким значеним, да и в работе Ф. Велишского, в которой дается описание всех музыкальных инструментов античности [2, с 463–472], о подобном инструменте нет ни слова. К тому же, согласно этой работе, античность знала только один клавишный музыкальный инструмент — водяной орган, к которому муза Каллиопа не имела никакого отношения.

В статье «Марий Гай» автор пишет, что «Марий, захватив в 87 году Рим, жестоко расправился со своими политическими противниками. Только чудом Гаю Юлию Цезарю, находящемуся в стане его противников, удалось избежать смерти». Однако в данном случае автор словаря перепутал Мария с другим римским диктатором — Суллой, который в 88 году захватил Рим и истребил многих своих политических противников. Цезарю тогда было всего 12 лет, и он еще ничем не проявил себя на римской политической арене. А Марий не мог желать смерти Цезарю, так как тот был его род-

ственником. Как пишет Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» (Цезарь, I), Сулла ненавидел Цезаря из-за родства последнего со своим злейшим врагом Марием, ибо тот был женат на Юлии, тетке Цезаря. В 85 году, когда Цезарю было пятнадцать лет, он уже стал претендовать на жреческую должность, чем возбудил гнев Суллы. По словам Плутарха, тот намеревался уничтожить Цезаря, и когда ему говорили, что бессмысленно убивать такого мальчишку, ответил: «Вы ничего не понимаете, если не видите, что в этом мальчишке — много Мариев». Поэтому Цезарь около года скрывался, а потом шестнадцатилетним уехал из Рима в Вифинское царство в Малой Азии к царю Никомеду (Цезарь, I).

В статье «Фурор» на стр. 318 автор словаря, правильно объясняя происхождение данного слова от латинского **furor** (безумство, неистовство) говорит, что впервые это латинское слово встречается у римского историка I–II в. н. э. Публия Корнелия Тацита в его труде «История». Однако любой студент-филолог или историк знает наизусть хрестоматийные слова Цицерона «Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra? Quam diu etiam **furor** iste tuus nos eludet?» (До каких пор, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашим довериеим? Как долго еще это твое безумство будет издеваться над нами?». Эти слова Цицерон произнес на заседании римского сената 21 октября 63 года до н. э. за 150 лет до «Истории» Тацита.

Удивительно, но основателем всей греческой философии А. Ильяхов считает не Гераклита, не Демокрита, не великих Платона и Аристотеля, о которых знает каждый студент любого вуза, а Каллимаха из Александрии, о чем сообщает нам на странице 411 своей книги. Но Каллимах из Александрии, живший в III веке до н. э., был известным поэтом, а главное — автором каталога Александрийской библиотеки, самой большой и самой знаменитой в античном мире. Этот каталог в 120 книгах содержал описание всех известных на то время греческих авторов, и положил собсвенно начало филологии как науки. Каллимах был автором 60 эпиграмм, 6 гимнов к Зевсу, большого произведения «Причины», составленного элегическим дистихом, в котором излагались причины различных наименований, обычаев и праздников, которое, к сожалению, утрачено. Однако, судя по античным источникам, Каллимах не написал ни одного сочинения на философские темы [1, с. 176–179].

Не имея возможности в рамках данной статьи перечислить все фактологические и концептуальные неточности, допущенные в словаре А. Г. Ильяхова, скажем еще о многочисленных ошибках, допущенных в словаре при указании греческой или латинской лексики. Приведем только несколько таких примеров.

Стр.	Напечатано в тексте словаря	Правильный вариант
37	анестезия (греч. **anaisthesia** — нечувствительность, от **an** — не + **aisthese** — ощущение, чувство)	анестезия (греч. **anaisthesía** — нечувствительность, от **an** — не + **aísthesis** — ощущение, чувство)

Стр.	Напечатано в тексте словаря	Правильный вариант
94	дельфин (от греч. **delphos** — дельфин)	дельфин (от греч. **delphís, ínos** — дельфин)
108	дрожжи (от греч. **draggo** — беспокою, смущаю)	дрожжи (общеслав. дрожжие с первоначальным значением «осадок, гуща, выжимки») [18, с. 78]
177	маска (от лат. **mascus**)	маска (заимств. в начале XVIII в. из франц. яз., где *masque < итал. maschara*, восходящего к *араб. maskhara «маска» < «насмешка», производному от mashara — насмехаться, делать смешным*) [18, с. 180]. В Древнем Риме маска (театральная) обозначалась словом persona [4, с. 576]
–	сублимация (лат. **sublimitus** — поднятый кверху, от **sublimare** — возносить)	сублимация (новолат. **sublimatio** — поднятие вверх от лат. **sublimāre** — возносить, поднимать высоко) [4, с. 735]
286	суп (греч. **soupa**)	суп (заимств. из франц. языка, в котором soupe считается заимствованием из германских языков) [18, с. 308]

Сомнительными с лингвистической точки зрения являются практически все попытки автора словаря вывести свою «авторскую» версию этимологии тех или иных слов без опоры на известные этимологические словари древнегреческого, латинского и русского языков. Они, кстати, даже не указаны в библиографии к словарю. И, кстати, и в этой библиографии тоже встречаются неточности. Так, в ней можно обнаружить такое издание, как Дворецкий И. Х. , Соболевский С. Н. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958, в то время как правильный вариант — Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1–2.).

Анализ приведенных примеров ошибок и неточностей, число которых можно увеличить в разы, дает нам основание сделать следующие выводы.

1. Автор словаря не знает в достаточной мере ни древнегреческого, ни латинского языка, он не является специалистом в области этих классических языков.

2. Автор словаря не владеет достаточными знаниями в области истории и культуры Древней Греции и Древнего Рима, он часто или путает, или отождествляет их исторические и культурные реалии. Информацию для статей словаря он механически копирует из различных изданий, не осознавая культурно-исторической и лингвистической специфики многих слов и понятий, сплошь и рядом не приводит ссылок на источники приведенной информации.

Таким образом, большое количество неточностей и ошибок в словаре А. Г. Ильяхова создает впечатление той «ложки дегтя в бочке меда», которая вынуждает признать его работу методически и концептуально несостоя-

тельной и непрофессиональной. Мы, как и в первых строчках данной статьи, повторяем еще и еще раз, что языковыми, культурологическими и историческими вопросами Древней Греции и Древнего Рима должны заниматься специалисты-профессионалы, знающие античные языки и имеющие соответствующее университетское образование. А на пути дилетантов-любителей, стремящихся издавать развлекательную литературу с примесью античности, должен стоять надежный фильтр в виде рецензий специалистов в области античных языков и культуры. Ибо нам непонятно, как сомнительный опус А. Г. Ильяхова без соответствующих рецензий мог быть допущен к печати в Москве, центре российской классической филологии, по рекомендации Научно-редакционного совета академической лексикографической программы «Словари XXI века» института русского языка им. В. В. Виноградова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Античные* писатели : словарь / Акад. гуманит. наук ; науч ред. М. В. Белкин. – СПб. : Лань, 1999. – 446 с.

2. *Велишский, Ф. Ф.* Быт греков и римлян / Ф. Ф. Велишский ; пер. с чеш. И. Я. Ростовцева. – Прага : Тип. И. Мелиткий и Новак, 1878. – XVI. – 670 с.

3. *Грейвс, Р.* Мифы Древней Греции : пер. с англ. / Р. Грейвс ; под ред. и с послесл. А. А. Тахо-Годи. – М. : Прогресс, 1992. – 624 с.

4. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.

5. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 2 т.

6. *Дуров, В. С.* Жанр сатиры в римской литературе / В. С. Дуров. – Л. : ЛГУ им. А. Жданова, 1987. – 157 с.

7. *Ильяхов, А. Г.* Этимологический словарь. Античные корни в русском языке / И. Г. Ильяхов. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 448 с. (Настол. слов. рус. яз.).

8. *Любкер, Ф.* Реальный словарь классических древностей : в 3 т. : пер. с нем. / Ф. Любкер. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 3 т.

9. *Англо-русский*, русско-английский словарь: 150 000 сл. и выражений / авт.-сост. В. К. Мюллер. – М. : Эксмо, 2010. – 1200 с.

10. *Пиндар*. Оды. Фрагменты / Пиндар, Вакхилид : пер с греч. – М. : Наука, 1980. – 503 с. (Литературные памятники).

11. *Плутарх*. Избранные жизнеописания : в 2 т. : пер. с древнегреч. / сост. и прим. М. Томашевской. – М. : Правда, 1990. – Т. 1. – 589 с.

12. *Гиро, П.* Частная и общественная жизнь греков : пер. с фр. / Г. Поль. – СПб. : Алетейя, 1995. – 470 с. (Античная б-ка).

13. *Поль, Г.* Частная и общественная жизнь римлян : пер. с фр. / П. Гиро. – СПб. : Алетейя, 1995. – VII. – 592 с.

14. *Поршнев, В. П.* Музей в культурном наследии античности / В. П. Поршнев. – СПб. : СПбГУКИ, 2006. – 264 с.

15. *Светоний, Т. Г.* Жизнь двенадцати цезарей / Т. Г. Светоний ; пер. с лат. М. Л. Гаспарова. – М. : Правда, 1988. – 512 с.

16. *Славятинская, М. Н.* Учебное пособие по древнегреческому языку: культурно-исторический аспект / М. Н. Славятинская. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 239 с.

17. *Словарь* античности : пер. с нем. / редкол.: В. И. Кузищин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Прогресс, 1989. – 704 с.

18. *Этимологический* словарь русского языка / авт-сост. И. М. Шанский. – М. : Прозерпина, 1994. – 399 с.

19. *Chartraine, P.* Dictionaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots / P. Chartraine. – Paris : Édition Klincksieck, 1977. – 1387 p. – URL: https://archive.org/details/Dictionnaire-Etymologique-Grec (дата обращения: 13.02.2024).

20. *A Greek-English* Lexicon / comp. by H. G. Liddell, R. Scott. – Oxford : Clarendon Press, 1996. – 2042 + 320 p.

Впервые опубликовано: Філалагічныя штудыі = Studia philologica : зб. навук. артык. / БДУ, каф. класічнай філалогіі / рэдкал. : В. Г. Прокапчук (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2020. – Вып. 9. – С. 185–201.

АНТИЧНАЯ И РЕНЕССАНСНАЯ СЕМАНТИКА СМЕХА И ВИНА В РОМАНЕ ФРАНСУА РАБЛЕ «ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ»

Настоящая работа посвящена исследованию античных мотивов вина и смеха в знаменитом романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Прежде всего скажем несколько слов о жизни Франсуа Рабле. Он родился в 1494 г. в северо-западной части Франции в окрестностях города Шинон у реки Вьенны — одного из крупнейших центров виноделия страны. В детском возрасте Франсуа был отдан в послушники в один из монастырей ордена францисканцев. В этом же монастыре Рабле в возрасте двадцати пяти лет стал монахом. Здесь он изучал древнегреческий и латинский языки, естественные науки, филологию и право, и вскоре заслужил своими учеными изысканиями известность и уважение среди своих ученых современников. Около 1527 г. Рабле покинул монастырь для обучения медицине в университетах Пуатье и Монпелье, в 1534–1539 гг. преподавал медицину в Монпелье и 22 мая 1537 г. получил там звание доктора медицины. Свои последние дни он провел в Париже, умер 9 апреля 1553 г. в возрасте семидесяти лет.

Роман Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» — это подлинная художественная энциклопедия народной французской культуры эпохи раннего Возрождения. Более подробно об этом можно прочитать в монографии известного филолога Михаила Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» [2]. Нас же больше интересует рецепция античной культуры в романе Рабле и творческая интерпретация античных мотивов смеха и вина. Для работы над данной статьей мы использовали перевод романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» на русский язык Н. М. Любимова.

Читая этот роман, мы видим, что это книга, полная постоянных ссылок на античных писателей и античных исторических деятелей. Только в сносках к тексту романа мы находим имена тридцати пяти греческих и двадцати двух латинских как самых известных, так и менее известных античных авторов. Но не меньше таких названий и в тексте романа, когда автор и его

персонажи, развивая ту или иную тему или участвуя в различных по тематике дискуссиях, ссылаются на авторитет античных историков, поэтов или мыслителей или иллюстрируют свои слова примерами из мифологии или античной истории. Так, в десятой главе первой книги, посвященной толкованию белого и голубого цвета, автор приводит высказывания Аристотеля, Прокла, Ксенофонта, Галена, Цицерона, Тита Ливия, Плиния, Авла Геллия, сведения из истории Греции и Рима, ссылается на Диагора Родосского, Хилона, Софокла, Дионисия, Филиппида, Филемона, Поликрапта, Ювенция и других. В главе десятой третьей книги «О деяниях Пантагрюэля», в которой Пантагрюэль доказывает Панургу, что советовать в вопросах брака — дело трудное, в словах дискутирующих персонажей встречаются ссылки на слова Гомера, Сократа, Вергилия, Платона, Цицерона. И если попытаться выделить ведущие мотивы романа Рабле, которые красной нитью пронизывают все его содержание, то среди них, на наш взгляд, таковых три: античность, смех и вино. К лингвистическим и культурологическим аспектам содержания романа, связанным с греко-римской античностью, мы будем обращаться постоянно на протяжении всего нашей статьи. А сейчас более подробно рассмотрим семантику смеха и вина в содержании романа.

Итак, события в романе Рабле постоянно сопровождаются смехом его героев или вызывают смех у читателя. Сам Рабле в предисловии к четвертой книге определяет такое смеховое мировоззрение как «пантагрюэлизм» т. е., по его словам, как «… глубокую и несокрушимую жизнерадостность, перед которой все преходящее бессильно…». А своеобразной визитной карточкой этого пантагрюэлизма являтся, согласно Рабле, следующее утверждение: «Я свободен, здоров, весел и не прочь выпить!». Художественно этот «пантагрюэлизм» раскрывается в образах трех главных персонажей романа, которых можно назвать главными пантагрюэлистами романа Рабле. Первый и главный — это образ фантастического великана Пантагрюэля, который всегда невозмутим перед любыми превратностями фортуны и перед «всем преходящим». Значение имени своего героя толкует сам автор: «Имя дал ему отец, ибо **панта** по-гречески означает «все», а **грюєль** на языке агарян (т. е. потомков Агари, матери ветхозаветного Измаила, родоначальника арабов), означает «жаждущий», поскольку в день его рождения весь мир испытывал жажду из-за страшной засухи, мучающей Африку и Европу больше тридцати шести месяцев. Таким образом, имя это значит «Всежаждущий». Кроме того, добавляет автор книги, отец Пантагрюэля Гаргантюа предвидел, что его сын станет владыкой всех жаждущих не только обычной влаги-воды, но и влаги-вина. И есть и третий подтекст у данного имени, который обнаруживается при знакомстве с жизнью и деятельностью Пантагрюэля — это «жаждущий всех знаний и всего, чему можно научиться». Этот смысл начинает раскрываться в 5-й книге, когда герой посещает различные города и университеты и приобретает в них самые различные знания и умения.

Второй образ — это друг и спутник Пантагрюэля — вечно сомневающийся и неугомонный студент-бродяга Панург, от греч. panúrgos букв. «все делающий, за все берущийся», а также «неразборчивый в действиях или средствах». В этом образе автор олицетворяет народ Франции этой эпохи со всеми его достоинствами и недостатками. И третий образ — монах брат Жан, который выступает как прообраз народа Франции, освобождающегося от многих своих недостатков. Ведь именно у этого крестьянского сына, инстинктивно чувствующего и приемлющего высокие идеалы гуманизма, зарождается идея Телемского аббатства, как одной из возможных моделей справедливого и гуманного сосуществования людей. И вот на этом символическом союзе ищущей передовой мысли гуманизма с народом, тоже ищущим на свой лад новый и более прогрессивный modus vivendi, и основан сюжет книг романа. В нем после описания воспитания и молодости отца Пантагрюэля, великана Гаргантюа в первой книге, следуют книги, которые посвящены детству, образованию, деяниям и подвигам самого Пантагрюэля и его друзей. Завершает произведение аллегорическое по своему смыслу путешествие пантагрюэлистов к Оракулу Божественной Бутылки за ответом на комически тревожащий Панурга вопрос — жениться или не жениться. В богатом приключениями морском путешествии они терпят всякого рода невзгоды, посещают разные «острова» со смехотворными обитателями — олицетворениями косности, фанатизма, неразумия, и эти пережитки старого мира служат для «жаждущих» и «ищущих» пантагрюэльцев доказательствами от противного на их пути к истине.

Итак, читателя романа Рабле впечатляет, прежде всего, комизм речи его персонажей и ситуаций, сопровождающийся смехом во всех его проявлениях. Главный же источник этого смеха — игра на двузначном характере «жажды» у его героев — жажды вина и жажды знаний и истины, и это проявляется через отрицание средневекового идеала аскетизма и самоограничения и через прославление всестороннего, как телесного, так и духовного удовлетворения потребностей и развития личности. В целом же смех Рабле, хотя и многозначный по оттенкам, но всегда бодрый, радостный, и в его основе извечное народное чувство смеха как признака счастья, довольства, беспечности и здоровья. Ведь смех, согласно доктору медицины Рабле, обладает силой, исцеляющей и возрождающей. Однако сам Рабле в своем вступительном «Слове от автора» предостерегает читателя, чтобы тот не воспринимал только наружную и смешную форму написанного, а старался вникнуть его суть: «читая потешные заглавия некоторых книг моего сочинения, вы можете сделать слишком скороспелый вывод, будто в этих книгах речь идет только о нелепостях, дурачествах и разных уморительных небывальщинах, иными словами вы, обратив внимание только на внешний признак, и не вникнув в суть дела, обыкновенно уже начинаете смеяться и веселиться. Но к твореньям рук человеческих так легкомысленно относиться нельзя. А посему раскройте мою книгу и вдумайтесь хорошенько».

И здесь Рабле приводит читателям пример, как нельзя сравнивать внешний вид афинского философа Сократа с его внутренним миром и его настоящей сущностью: «Если бы вы обратили внимание только на его наружность, и стали судить о нем по внешнему виду, то вы не дали бы за него и ломаного гроша: до того он был некрасив и до того у него была смешная повадка: нос у него был курносый, глядел он исподлобья, выражение лица у него было тупое, нрав простой, одежда грубая, жил он в бедности, на женщин ему не везло, не был он способен ни к какому роду государственной службы, любил посмеяться, не дурак был выпить, любил подтрунивать, скрывая за этим божественную свою мудрость. Но откройте этот ларец — и вы найдете внутри дивное, бесценное снадобье: живость мысли сверхъестественную, добродетель изумительную, мужество неодолимое, трезвость беспримерную, жизнерадостность неизменную, твердость духа несокрушимую и презрение необычайнее ко всему, из-за чего смертные так много хлопочут, суетятся, трудятся, путешествуют и воюют». Поэтому, считает автор, и читатели его книги после прилежного чтения и долгих размышлений станут от этого и отважнее, и умнее.

И, тем не менее, чтение для читателя, считает Рабле, должно быть, прежде всего, веселым, а для этого писателю, по словам автора, «милей писать не с плачем, а со смехом — ведь человеку свойственно смеяться». Здесь Рабле использует слова Аристотеля, согласно которому из всех живых существ только человеку свойственно смеяться. А самым испытанным, доступным и приятным катализатором смеха и радостного настроения Рабле считает вино — ту материальную субстанцию, которая и раскрепощает человека, и создает, пусть и кратковременную, иллюзию счастья, довольства, беспечности и здоровья. Вот почему вино, как и смех, сопровождает персонажей Рабле на протяжении всего содержания произведения. И в этом отношении все персонажи Рабле, несмотря на их формальную принадлежность к конкретно-историческому позднему средневековью, очень близки людям античного мира с их культом Диониса-Вакха и ежедневным будничным и праздничным присутствием вина во всех сферах жизни. Вот как вкратце характеризует античное понимание вина римский энциклопедист I в. до н. э. Марк Теренций Варрон в своих «Менипповых сатирах» [4, с. 412]:

Вино — из всех для всех питье сладчайшее:
Его открыли для целенья хворостей,
Оно — рассадник милого веселия,
Оно — скрепленье дружества пирующих.

В контексте темы нашей статьи важно сказать о том, что именно античные греки и римляне заложили основы виноделия во Франции. Ведь первые виноградные лозы были посажены в окрестностях основанной греками-фокейцами Массалии (современный Марсель) в VI в. до н. э. Дальнейшее развитие виноградарство в Галлии получило, начиная с I в. до н. э., в эпоху владычества Римской империи, когда алло́броги — кельтский народ на юге

Галлии, был наделён правом на производство вина. Особое развитие виноделие получило в связи с распространением христианства на территории современной Франции. Следует отметить личность святителя Мартина Турского (316–397 гг.), который внёс немалый вклад в популяризацию виноделия и почитается как покровитель французских виноградарей и виноделов. Важно также отметить, что предки современных французов впервые для транспортировки вина стали использовать новую для античности тару — деревянные бочки вместо привычных глиняных амфор. Это было очень важное изобретение, поскольку выдержка в бочках улучшала качество многих вин. Именно деревянная бочка становится единицей измерения вместимости судов, и французское слово ***tonneau*** *(бочка вина)*, восходящее к галльскому слову **tunná** (кожаный бурдюк с вином), дало начало современному интернациональному слову «тонна» [5].

После падения Римской империи в V в. н. э. и исламизации многих её остатков, виноделие приходит в упадок почти везде в Средиземноморье, за исключением Галлии. В период с XII по XV вв. монашество на виноградниках Бургундии и других регионов Франции создало производство лучших вин, и не зря в поэме XIII в. «Битва вин» перечислено около семидесяти сортов французского вина. В XV в. культивирование виноградников стало повсеместным во Франции на землях крестьянства, церкви, аристократов, городской знати, и вино стало любимым и единственным общеупотребительным веселящим напитком всех слоев французского общества [6].

Вот такова краткая предыстория того винного изобилия и обильного винопития, которое царит в художественном мире романа Франсуа Рабле.

Наиболее ярко вечная и неистощимая потребность персонажей Рабле «выпить вина» выражена в первой книге романа, посвященной истории рождения великана Гаргантюа, отца Пантагрюэля. Уже во введении к этой книге автор говорит, что на ее сочинение он потратил как раз то время, которое отводил себе для поддержания телесных сил, а именно для еды и питья. Понятно, что под питьем Рабле понимает здесь не столько воду, сколько вино. Он вспоминает знаменитых античных писателей Гомера, Плутарха, Энния, Горация, Овидия и говорит, что они, как и он, наверняка стимулировали свое творчество хорошим вином. Поэтому он считает, что не следует обращать внимания на слова некоего недоумка, написавшего, что от стихов Горация пахнет не столько елеем, сколько вином. «То же самое, — замечает Рабле, — сказал один паршивец и о моих книгах, да ну его! Ибо насколько же запах вина соблазнительнее, пленительнее, восхитительнее и животворнее, и тоньше, чем запах елея! И если про меня будут говорить, что на вино я трачу больше, чем на масло, я возгоржусь так же, как Демосфен, когда про него говорили, что на масло он тратит больше, чем на вино». И закономерно, что именно под знаком грандиозного и всеобщего пития гостей Грангузье, отца Гаргантюя, и рождается первый сказочный персонаж романа Рабле — великан Гаргантюа. Грангузье, ожидая скорого

появления своего ребенка, устроил грандиозный пир. Участники пира сначала перекусили, а затем пошли в сад и там, на густой траве, такое пошло у них веселье, что любо-дорого было смотреть. Как говорит автор, «тут бутылочки взад-вперед заходили, окорока заплясали, стаканчики запорхали, кувшинчики зазвенели». Этому веселью, сопровождавшемуся радостными замечаниями и возгласами гостей, автор посвятил целую пятую главу своей первой книги. Приведем некоторые из веселых возгласов пирующих: «наливай!»; «не зевай!»; «подавай!»; «ану-ка, единым духом!»; «зальем жажду!»; «вечная жизнь для меня в вине, вино — вот моя вечная жизнь».

И, естественно, поскольку большинство участников пира знакомо с университетской и богословской латынью, то на этом вакхическом пиру то и дело звучат и латинские изречения:

«Foecundi calĭces quem non facĕre dissertum?» — Обильные кубки кого не сделали красноречивым? Это фрагмент пятого стихотворения первой книги посланий Горация, который наверняка был знаком многим пирующим, и который мы приведем полностью в переводе на русский язык Н. С. Гинцбурга [3, с. 297]:

Выход чему не дает опьяненье? Тайны раскроет,
Сбыться надеждам велит, даже труса толкает в сраженье,
Душу от гнета тревог избавляет и учит искусствам.
Полные кубки кого не делали красноречивым,
В бедности тесной кому от забот не давали свободу?

Но рты пирующих чаще всего заняты поглощением вина и пищи, и поэтому их слова, как правило, афористически кратки:

Я пью, как губка. А я — tamquam sponsus (как жених).
А я — sicut terra sine aqua (подобно земле безводной).
Natūra abhorret vacuum! (природа не терпит пустоты!).

Немало латинских выражений, связанных потреблением вина, разбросаны по всему содержанию романа. Так, в якобы обнаруженном склепе с родословной Гаргантюа над изображением кубка красовалась надпись «Hic bibitur», т. е. «здесь пьют». На пиру перед рождением Гаргантюа звучит призыв «Respĭce persōnam, pone pro duos — не забывай, с кем имеешь дело, лей на двоих». Упомянутый выше брат Жан, бросаясь на защиту монастырского виноградника и заботясь о будущем вина, обращается к Господу с просьбой: «Da mihi, Domĭne, potum!» — «Даруй мне, Господи, питье!». Обильным возлиянием заканчивается и удивительная дискуссия Панурга, представлявшим Пантагрюэля, с весьма ученым англичанином Тавмастом (греч. thaumastós — достойный удивления). Как пишет Рабле: «Пантагрюэль увел Тавмаста обедать, и пили они, как пьют все добрые люди, и до того, что друг друга узнать не могли. На долю каждого пришлось не менее двадцати пяти–тридцати бочек, и пили они, sicut terrra sine aqua (как безводная земля)». Автор романа изображает огромное количество всевозможных ситуаций, в которых его герои имеют дело с вином и на родине,

и в чужих краях, куда добирается Пантагрюэль и его команда на протяжении своих удивительных путешествий, и где самые причудливые жители тоже пьют вино. И даже в аду, где, согласно тексту романа, побывал Панург после своей кратковременной смерти, самые строгие античные моралисты не расстаются с вином. Например, известный римский философ-стоик Эпиктет, девизом которого при жизни были слова sustine et abstine (терпи и воздерживайся), на том свете с компанией девиц пьет, танцует, закатывает пиры по всякому поводу и любит сидеть в виноградной беседке, над которой написаны в качестве его нового девиза следующие слова: «Пляса́ть, смеяться и шутить, винцо блаженно попивая».

Но вино для Рабле — не просто источник веселья и наслаждения, как для обычного человека, он называет его единственным источником своего творческого вдохновения. Вот, например, в предисловии к своей третьей книге он говорит следующее: «Погодите, дайте мне хлебнуть из бутылочки, — это мой подлинный и единственный Геликон, моя Гиппокрена, незаменимый источник вдохновения. Только испив из него, я могу размышлять, рассуждать, решать и заключать. Затем я хохочу, пишу и сочиняю. Поэт Энний, выпивая, творил, творя, выпивал. Гомер никогда не писал натощак. Катон писал только после возлияния. Попробуйте теперь мне сказать, что я не руководствуюсь примером людей высокочтимых и уважаемых». И не удивительно, что Рабле сравнивает свой творческий потенциал с винной бочкой, из отверстия которой он отцеживает, как драгоценное вино, слова своей изысканной книги: «Я отцежу, — говорит Рабле, — возникшую из наших послеобеденных вольных забав изысканную третью книгу, а за третьей последует и развеселая четвертая книга пантагрюэлических сентенций, и я разрешаю вам называть их диогеническими». Здесь писатель сравнивает свое виртуальное вместилище творческой потенции с бочкой Диогена, служившей, как известно, не только вместилищем вина, но и обителью одного из самых светлых умов античности. И дальше автор, аллегорически сравнивая чтение своего романа с питьем вина, призывает своих читателей приобщиться к бочке его опьяняющих, веселых и свободных откровений: «А ну-ка, братцы, выпьем! Полней стаканы, друзья! Все жаждущие, если же хотят и если вино по вкусу их превосходительному превосходительству, то пусть пьют открыто, свободно, смело, пусть ничего не платят и вина не жалеют. И не бойтесь, что вина не хватит: бочка моя пребудет неисчерпаемой. В ней бьет живой источник, вечный родник. Это подлинный рог изобилия, изобилия веселий и шалостей». И не случайно автор своей книги включает аллегорическое и фантастическое путешествие своих героев-пантагрюэлистов к «оракулу Божественной Бутылки» где-то близ Китая в Верхней Индии, чтобы узнать, нужно ли жениться Панургу. Во время описания этого путешествия автор находит немало возможностей напомнить своим читателям об употреблении вина. В частности, в пятьдесят девятой главе четвертой книги изображаются события на острове правителя Гастера, т. е. «желудка»,

где царит культ еды и питья. На острове Гастера путешественники из Франции всласть поели и попили, и даже поправили свое здоровье. Общее настроение высказал Панург: «Слава Богу, я уже ни на что больше не злюсь, — я веселюсь, я смеюсь, я резвлюсь». И, добавляет он, «хорошо говорит у Еврипида достопамятный пьянчуга Силен в драме «Киклоп»: «Не дали боги разума тому, // кто пьет вино, не радуясь ему».

Заканчивается повествование Рабле прибытием команды пантагрюэлистов к месту нахождения Оракула большой бутылки. Здесь, хотя это и некий край света на дальнем востоке, во всем ощущается царство Бахуса, который, оказывается, некогда уже побывал здесь и насадил обширный виноградник из множества пород виноградной лозы. И вот наши путешественники на пути к храму спускаются под землю по переходу, расписанному фресками, изображающими пляску женщин и сатиров, которые сопровождают старика Селена, сидящего на осле и заливающегося хохотом. При этом выяснилось, что в винном погребке известного пантагрюэлистам города Шинона, родины Рабле, живопись на стенах точно такая, как здесь.

Оказавшись в храме Божественной бутылки, построенном из драгоценных камней, путешественники увидели в стене две плиты. На одной из них был высечен латинскими буквами шестистопный ямб: «Ducúnt volentem fata, nólentem trahúnt» — ведут покорных судьбы, не желающих — влекут. На другой — греческое изречение: «Πρὸς τέλος αὐτών πάντα κίνεται» — все движется к своей цели. Надписи эти, очевидно, отражали конечный путь путешественников. Вышедшая им навстречу жрица храма приказала принести всем кубки и чаши и предложила испить влаги, струившейся из фонтана. И тут оказалось, что каждый, пьющий эту влагу, в меру своего воображения ощутил вкус какого-то превосходного сорта вина. Наконец, жрица повела Панурга к кладезю знаний — божественной хрустальной бутылке, помещенной в фонтан. Исполнив ей гимн, жрица что-то бросила в фонтан, после чего священная бутылка издала слово «Тринк», а затем жрица отвела Панурга в главный храм, где вытащила толстую книгу в серебряном переплете, дала Панургу выпить бутылку фалернского вина и раскрыла суть данного ему предсказания. Оказалось, что предсказание «Тринк» значит «пей!», и смысл его в том, что именно вину дарована власть наполнять душу истиной, знанием и любомудрием, и что истина сокрыта в вине, как и провозглашали греческие поэты (ср. οἶνος καὶ ἀλάθεια «вино и (в нем) истина» у Алкея). Поэтому, сказала жрица: «Божественная бутылка к нему вас и отсылает, а уж теперь вы сами удостоверьтесь, насколько она права». Преисполнившись этим пророчеством, Панург произносит длинный стих, в котором изъявляет готовность, возвратившись на родину, тут жениться и завести детей. После этого жрица храма Божественной бутылки раскрывает гостям некоторые тайны мироздания и позволяет им благополучно возвратиться к своим кораблям, на чем и заканчивается данная книга и все произведение Рабле. Как видим, таковыми значительными оказались в романе Рабле сила

и влияние вина на судьбу и поведение не только одного Панурга, но и всех остальных главных пантагрюэлистов. Эта тема в романе постоянно ассоциируется с античностью, и античный Вакх продолжает свое веселое и триумфальное шествие по страницам ренессансной реальной и вымышленной географии художественной действительности романа Рабле.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рабле*, Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. / Ф. Рабле ; пер. с фр. Н. М. Любимова. – М. : Правда, 1991. – 617 с.

2. *Бахтин, М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Худож. лит., 1990. – 543 с.

3. *Гораций*. Собрание сочинений : пер. с лат. яз. / Гораций. – СПб. : Биограф. ин-т «Студиа биографика», 1993. – 447 с.

4. *Римская* сатира : пер. с лат. яз. / сост. М. Гаспаров. – М. : Худож. лит., 1989. – 543 с.

5. *Tonne* : Étymologie. – URL: https://fr.wiktionary.org/wiki/tonne (date of access: 08.04.2024).

6. *История* французского вина. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 08.04.2024).

Впервые опубликовано: Методика преподавания латинского языка и дисциплин античного цикла : материалы Межунив. круглого стола, Минск, 24 января 2024 г. / БГУ, филол. ф-тет ; редкол. : А. В. Кириченко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 71–79.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК НЕКОТОРЫХ РЕАЛИЙ В АНТИЧНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Введение. Актуальность. Рецепция античности в постантичное время всегда сопровождалась уточнением и обновлением устоявшихся представлений об определенных реалиях ее материальной и духовной культуры.

Цель нашей работы — рассмотреть традиционное понимание некоторых реалий в составе античной фразеологии и представить нашу интерпретацию формы и значения этих реалий. Работа основана на анализе семантики античной лексики в контексте оригинального античного выражения и в его переводе на русский язык.

Методика. Результаты. Наше исследование мы начнем с названия античного сосуда, игравшего большую роль в быту древних греков и носившего название píthos. В древнегреческо-русском словаре Иосифа Дворецкого приводится его транслитерированный вариант пи́фос и его значение «большой глиняный сосуд», или «бочка» [3, т. 2, с. 1316]. Пифосы могли снабжаться и крышками, а употреблялись они для хранения оливкового масла, вина, воды, зерна и других жидких или сыпучих материалов. В латинско-русском словаре И. Дворецкого мы не встречаем, вопреки ожиданиям, латинизированного греческого слова pithos с указанными выше значе-

ниями, а видим только латинизированное греческое прилагательное pitheús «пифосообразный», «в форме пифоса» (о комете) [4, с. 589]. Как ни странно, но в переведенном недавно на русский язык «Словаре реалий античности» Фридриха Любкера [6] не только отсутствует отдельная статья, посвященной пифосу, но и вообще нет упоминания об этом широко распространенном виде домашней посуды. А о распространенности у греков этого названия свидетельствует то, что в лексиконе древнегреческого языка с ним встречаются три пословицы: 1) eis ton tetreménon píthon anthleín — лить в продырявленный пифос, т. е. делать бесполезную работу, в наших поговорочных вариантах — лить в бездонную бочку или черпать воду решетом; 2) en pítho he kerameía gignoméne — гончарная работа, начатая с пифоса, т. е. работа, бестолково начатая [3, т. 2, с. 1316]; 3) es ton tōn Danaídon píthon hydrophoreín — носить воду в бездонную бочку Данаид [3, т. 1, с. 342].

В переведенном с немецкого языка «Словаре античности» читаем, что деревянные пифосы, т. е. бочки, стали известны римскому миру только после завоевания Галлии, и что в Риме обычно хранили вино в долиях [10, с. 81, с. 434]. Долиями (dolium, i n) называли большие глиняные тыквообразные сосуды, из которых после брожения вино разливали по амфорам [3, с. 265]. Поскольку в России, как и в странах Западной Европы, транспортировка вина осуществлялась с помощью бочек, а бочки широко употреблялись в быту для хранения солений и для других целей, то не удивительно, что эквивалентом греческого слова «пифос» при переводе древнегреческих текстов на русский в большинстве случаев стало всем понятное слово «бочка». Именно этот вариант обычно употребляется при переводе слова pithos в древнегреческих текстах. Например, в десятой идиллии Феокрита жнец Милон, подсмеиваясь над влюбленным напарником-жнецом Букаем, говорит ему: «Хлещешь вино ты из бочки, а мне и на уксус не хватит» [11, с. 53]. В цитируемом тексте оригинала выступает слово pithos.

А сейчас рассмотрим некоторые известные античные фразеологизмы, при переводе которых на русский язык слово «пифос» заменено другими названиями, более понятными русскоязычному читателю. Начнем с часто встречающегося в печатных и электронных источниках выражения «ящик Пандоры», или «открыть ящик Пандоры» как синоним вместилища и источника неисчислимых бедствий. Вместо слова «ящик» также употребляются слова «ларец» или «сундук». Как известно, в древнегреческой мифологии Пандора приняла доставленный с неба некий сосуд, ящик или ларец, открыла его крышку и выпустила в мир все людские несчастья. Отметим, что поэт IX в. до н. э. Гесиод, рассказывая эту историю в поэме «Труды и дни» (94–96), не употребляет для названия вместилища человеческих бед слова «ящик», «ларец» или «сундук», каковых в древнегреческо-русском словаре Иосифа Дворецкого можно найти не менее семи, а использует именно слово pithos. По общепринятому мнению, первым из европейских ученых, который заменил слово pithos другим греческим словом pyxis

(коробочка, ларчик) для названия «ящика» Пандоры, был нидерландский гуманист XV в. Эразм Роттердамский. Он сделал это в первой книге своих «Адагий» («Пословиц») в комментариях к пословице «Malo accepto stultus sapit» («глупец осознает свою глупость поле того, как испытает беду») [12]. Думается, что эту замену он произвел как раз из-за отсутствия слова pithos в лексиконе латинского языка античного и постантичного времени.

Рассмотрим еще одно известное выражение из античной мифологии — «бочка Данаид». Согласно мифу, 49 дочерей царя Даная по приказу отца убили в свадебную ночь своих женихов, и за это преступление должны были в царстве Аида беспрерывно наполнять водой бездонную бочку [1, с. 158–159]. И здесь в древнегреческих оригиналах также используется древнегреческое слово pithos. Сравним в связи с этим упомянутую выше греческую пословицу «eston tōn Danaídon píthon hydrophereín» — «носить воду в бездонную бочку Данаид». Латинский эквивалент изречения «бочка Данаид», на наш взгляд, можно представить как «Danáidum dolium». Именно так Гораций в одной из своих «Од» (III, 27–29), рассказывая о преступлении дочерей Даная, называет сосуд с бездонным дном (dolium fundo imo), который наполняют Данаиды.

В свете изложенной выше информации об использовании пифоса в древнегреческом быту присмотримся к античному преданию о том, что философ-киник Диоген жил в бочке. Диоген Лаэртский в своем повествовании о жизни Диогена-философа пишет, что тот устроил себе жилище в глиняной бочке на афинской агоре. М. Л. Гаспаров в примечаниях к этому тексту уточняет, что «глиняные круглые бочки (пифосы) служили в Греции для хранения зерна и вина» [5, с. 517]. Таким образом, «бочка» Диогена тоже была не чем иным, как большим пифосом, лежащем, по-видимому, в горизонтальном положении, и укрепленным для устойчивости камнями, землей или глиной. Наконец, если мы вспомним занимательный рассказ Апулея из девятой книги его «Золотого осла» о незадачливом ремесленнике, его неверной жене и любовнике, спрятавшемся в бочке, которую одураченный ремесленник затем тащит к дому любовника жены, то и здесь речь может идти, скорее всего, о тонкостенном пифосе. Ведь ко времени написания «Золотого осла» (II в. н. э.) деревянные бочки вряд ли получили уже широкое распространение в быту Греции и Рима.

А теперь займемся культурно-историческим и лингвистическим анализом известного античного выражения «Авгиевы конюшни». Напомним, что оно связано с одним из подвигов Геракла, который по воле олимпийских богов пребывал какое-то время на службе у царя Эврисфея и получил от него задание очистить от скопившихся нечистот скотный двор царя Элиды — Авгия. Авгий был сыном бога солнца Гелиоса, и отец подарил ему огромное количество голов скота, но хлева́ этого скота́ никто не чистил уже несколько десятков лет. Применив свою силу и смекалку, Геракл направил воду из недалеко протекающих двух рек в скотный двор Авгия и таким об-

разом избавил его от нечистот. Но возникает вопрос: почему в обиход вошло выражение «Авгиевы конюшни», а не «Авгиевы хлева́», или «Авгиев скотный двор»? Ведь даже в русском языке употребляется выражение «здесь грязно, как в хлеву», а не «как в конюшне» [13]. Да и в немецком языке есть выражение «вычистить хлев» (а не конюшню), т. е. навести порядок в чем-то запущенном — «einen Stall ausmisten» [12, с. 853]. Но ведь и само слово «конюшня» однозначно говорит о том, что это должны быть специальные постройки для содержания коней, т. е. лошадей. Однако были ли у Авгия лошади, и какой скот был подарен ему его отцом? Наиболее полный ответ на этот вопрос мы находим в 25-й идиллии Феокрита [11, с. 111–119]. В ней автор рассказывает о посещении Гераклом владений Авгия, видимо, с целью выполнить упомянутое выше задание царя Эврисфея. Правда, в тексте идиллии об этом не упоминается, так как в ней, кроме описания угодий Авгия и его скота, дается рассказ Геракла о его схватке со страшным Немейским львом — первым из его двенадцати подвигов. Феокрит рассказывает о бесчисленных стадах овец и коров Авгия, об особом стаде быков, посвященных Гелиосу, о работах с коровами и молодняком в хлевах, но нигде не говорит о лошадях. В словаре М. Михельсона «Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии» под выражением «Авгиевы конюшни» приводится греческая поговорка из трактата «Александр» оратора и писателя II в. н. э. Лукиана — «ten Augéou bustasían anakathésasthai» и ее перевод — «очистить Авгиев скотный двор» [10, с. 4].

В Древнегреческо-русском словаре И. Дворецкого, в котором это выражение приведено под словом anakathaíro — очищать, слово bustasía переводится как «стойло крупного рогатого скота, скотный двор» [3, т. 1, с. 118]. Впрочем, уже в самом греческом слове bustasía первая его часть bu — это основа слова bus — бык или корова. К этому добавим, что в «Мифологической библиотеке» Аполлодора тоже говорится об огромном количестве коров у Авгия, и упоминается выражение «скотный двор», но не «конюшни» [1, с. 35]. Это же выражение «скотный двор» при описании подвигов Геракла во владениях Авгия приводится в «Мифологическом словаре» под ред. Е. Мелетинского [9, с. 10], в «Словаре античных реалий» Фридриха Любкера [7, т. 2, с. 110] и в других источниках. Интересно отметить, что в латинском языке периода античности выражение «ten Augéou bustasían anakathésasthai» передается Сенекой в форме «cloācas Augéae purgare», дословно «очищать клоаки Авгия» [4, с. 91].

Но где же искать источник русскоязычного выражения «Авгиевы конюшни», которое, как свидетельствует словарь Р. Михельсона, уже широко употреблялось в русской литературе XIX в.? Нам представляется, что таким источником, прежде всего, могли быть греческо-немецкие и латинско-немецкие словари, которыми широко пользовались в XVIII–XIX вв. в учебных учреждениях России. Дело в том, что в немецком языке встречается слово der Stall, у которого два значения. Первое значение — это хлев для

коров или овец, второе — конюшня [12, с. 853]. Видимо, поэтому выражение «verschmutzten Ställe» (загрязненные хлева), относящееся к постройкам для содержания скота у царя Авгия, встречающееся в немецкоязычном «Словаре античности» [16, с. 73], переведено на русский язык в указанном словаре как «Авгиевы конюшни» [10, с. 8]. Думается, что на немецкие лексические источники ориентировались и авторы первого послереволюционного «Латинско-русского словаря» И. Дворецкий и Д. Корольков. Ибо в нем, как и в дальнейших его переизданиях, сообщается, что Авгий был владельцем огромных конюшен, которые Геракл очистил за один день [6, с. 104]. Но источником ошибки могли послужить и англоязычные словари. Например, в «Оксфордском словаре латинского языка» в статье, посвященной слову Augeas (Авгий), встречаем выражение «Stables of Augeas» [15, с. 212]. И здесь явно кроется ловушка для переводчика, поскольку английское существительное stable имеет, как и Stall в немецком, два значения, но при этом в английском на первом месте стоит значение «конюшня», а на втором — «хлев». Видимо, этой лексической спецификой и можно объяснить то, что в переводе с английского книги Р. Грейвса «Греческая мифология» читаем следующее: «Пятый подвиг Геракла: Авгиевы конюшни», или «навоз в Авгиевых конюшнях и овчарнях не убирался многие годы» [4, с. 358], хотя здесь же у автора книги речь идет исключительно о быках и коровах. Так что, как видим, поводов для неточного перевода греческого выражения «Augéou bustasía» у людей, не знающих основ греческого языка, хватает, тем более, что практика слепого копирования информации без ее критического осмысления в науке стара, как мир.

А сейчас обратимся к некоторым латинским афоризмам. Мало кто знает, что значительная часть этих и других афоризмов, присутствующих в различных сборниках, была собрана еще в XV–XVI вв. выдающимся нидерландским ученым Эразмом Роттердамским, о котором мы уже упоминали выше. Этот весьма образованный для своего времени человек, в совершенстве знавший латынь и древнегреческий, провел большую работу по возвращению в культурный обиход словесного наследия античности. В частности, широкую известность получил его сборник древнегреческих и латинских фразеологизмов с подробным комментарием под названием «Adagia», т. е. «Поговорки». Если в первом его издании было 818, то в последнем — 4510 поговорочных выражений [12]. К сожалению, «Адагии» Эразма Роттердамского до сих пор не переведены на русский язык, и знакомиться с их текстом на латыни и древнегреческом можно пока что только с помощью интернета. В изданных отечественных сборниках латинских пословиц можно встретить только весьма небольшое количество фразеологических единиц, представленных в «Адагиях». При этом смысл многих пословиц не сразу становится понятен современному читателю и требует определенных пояснений. Таковым, например, является выражение «Cum Minerva manum quoque move» — буквально «Вместе с Минервой подвигай и ты рукой, т. е.

приложи руку». Как известно, Минерва в римском пантеоне, как и Афина в греческом, была богиней-покровительницей всяческого ремесла и ремесленников. Смысл пословицы в том, что в любом деле нужно приложить максимум собственного усердия, даже если ты и надеешься на покровительство богов, как у нас говорится, «на Бога надейся, а сам не плошай». В то же время, считали древние, если боги неблагосклонно относятся к твоим начинаниям, то не стоит надеяться на успех. По этому поводу существовала латинская пословица «Invita Minerva» — «Вопреки желанию Минервы». Цицерон в трактате «Об обязанностях» (I, 110) и «Письмах к близким» (3, 1.1) говорит, что «ничто не бывает подобающим наперекор Минерве» (Invita Minerva), ему вторит и Гораций в своей «Науке поэзии» (385): «Tu nihil invita dices faciesve Minerva» — «Ты ничего не свершишь и не скажешь надлежащим образом без воли Минервы».

А вот еще одна занятная головоломка современному читателю из «Адагий», и может именно из-за трудности ее надлежащего понимания это выражение не встречается в отечественных сборниках латинских изречений: «Piscātor sapit ictus». Трудность перевода подобного рода кратких выражений не только в том, что слова в латыни, как и во многих других языках, имеют много значений, но и в том, что слова могут быть разбросаны по тексту, и с первого взгляда не совсем понятен характер синтаксических отношений между словами. Пусть первое слово — piscātor — не имеет семантических вариантов и значит «рыбак, рыболов». Однако следующее слово — sapit — имеет несколько значений: 1) иметь вкус, быть вкусным; 2) пахнуть или отдавать чем-то; 3) ощущать вкус; 4) быть умным, разумным, рассудительным, правильно понимать — вспомним знаменитое «Sapĕre aude» — «Дерзай быть умным» Горация. Наконец, слово ictus может рассматриваться и как существительное, и как причастие. Как существительное ictus, us m оно имеет следующие значения: 1) удар, толчок, ушиб, ужаление, ранение; 2) нападение, натиск, набег; 3) удар такта, ударение; 4) биение пульса. Но ictus может быть и причастием мужского рода прошедшего времени ictus, a, um от глагола ico(icio), ici, ictum, ĕre со значениями «бить, поражать, ранить». В этом случае ictus может иметь значение «ударенный, ушибленный, раненый, ужаленный». Ключевым и однозначным в изречении является слово рыбак, но дальше возникают трудности с определением надлежащей семантики следующих двух слов. Поскольку рыбак ловит рыбу, то первым делом на ум приходит предположение, что ictus — это толчок от рыбы, задевшей рыболовный крючок, и что это форма accusatīvus plurālis данного существительного. Соответственно, возникает и первый вариант перевода изречения: «Рыбак распознает толчки (рыбы) о крючок». Однако благодаря комментариям Эразма Роттердамского к данному выражению [12] узнаем, что оно имеет другой смысл. Оказывается, слово ictus является причастием в значении «ужаленный», «получивший повреждение». Имеется в виду, что рыбак, достающий из невода улов

с острозубой рыбой или снимающий зубастую или усеянную колючими плавниками рыбу, мог однажды получить травму пальцев или руки и после этого приобрел подобного рода опыт на всю свою жизнь. И вот теперь надлежащая версия перевода должна звучать следующим образом: «Рыбак, получивший травму от своей добычи, помнит долго этот опыт», т. е. в нашем современном варианте — «человек, наученный горьким опытом».

Заключение. Таким образом, приведенные примеры напоминают нам, что работа с любым античным текстом требует основательной лингвистической и культурно-исторической подготовки, в том числе профессионального понимания прямого и переносного значения каждого слова в составе того или иного фразеологизма. Это позволяет не только в каждом случае составить свое собственное мнение, но и посмотреть профессиональным и объективно критическим взглядом на многие устоявшиеся воззрения. В этом отношении лингвистика интерпретации текста должна быть тесно связана с культурологией, и не зря в наше время все чаще говорят о лингвокультурологии и важности фоновых представлений, ориентированных на знание и понимание культуры носителей языка анализируемого текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аполлодор*. Мифологическая библиотека / Аполлодор. – Л. : Наука. 1972. – 222 с.
2. *Грейвс, Р.* Мифы Древней Греции : пер. с англ. / Р. Грейвс ; под ред. и с послесл. А. А. Тахо-Годи. – М. : Прогресс, 1992. – 624 с.
3. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 2 т.
4. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М : Рус. яз., 1986. – 840 с.
5. *Диоген*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген. – М. : Мысль, 1979. – 619 с.
6. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 40 000 сл. / авт.-сост.: И. Х. Дворецкий, Д. Н. Корольков. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1949. – 952 с.
7. *Любкер, Ф.* Реальный словарь классических древностей : в 3 т. / Ф. Любкер. – М. : ОЛМА-ПРЕСС. 2001. – 3 т.
8. *Англо*-русский и русско-английский словарь: 150 000 сл. и выражений / авт.-сост. В. К. Мюллер. – М. : Эксмо, 2010. – 1200 с.
9. *Мифологический* словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Сов. энцикл., 1991. – 736 с.
10. *Михельсон, М.* Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии : сб. образ. сл. и выражений : в 2 т. / М. Михельсон. – М. : ТЕРРА, 1994. – Т. 1. – 792 с.
11. *Словарь* античности : пер. с нем. / редкол. : В. И. Кузищин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Прогресс, 1989. – 704 с.
12. *Немецко*-русский словарь: 25 000 сл. / под ред. И. В. Рахманова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1955. – 1136 с.
13. *Феокрит*. Идиллии и эпиграммы / Феокрит. Мосх. Бион. ; пер. М. Е. Грабарь-Пассек. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 326 с.
14. *Adagia*: comp. Latin text online: (adages I, 29). – URL: univ-lyon2.fr/lesmondeshumanistes lyon2.fr/lesmondeshumanistes/category/adages-erasme/ (date of access: 03.06.2024).

15. *Oxford* Latin Dictionary / comp. by P. G. W. Clare. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1968. – XXIII + 2126 p.

16. *Lexicon* der Antike / hrsg. J. Irmscher. – Leipzig : Bibliographisches Inst., 1972. – 607 s.

Впервые опубликовано: Смоленский медицинский альманах. Серия социально-гуманитарные науки (филология). – 2023. – № 3 – С. 179–183.

АНТИЧНЫЕ МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В ТРАКТАТЕ ПЛУТАРХА «ЗАСТОЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ»

Древнегреческий писатель Плутарх, живший в I веке нашей эры, приобрел известность, прежде всего, своим произведением «Сравнительные жизнеописания», где он попарно изобразил биографии самых известных исторических деятелей Древней Греции и Рима, например Цезаря и Александра Македонского, или знаменитых ораторов Цицерона и Демосфена, — всего 46 пар [1]. Великолепное знание исторических подробностей и писательский талант дали возможность Плутарху создать яркие образы реальных личностей античного мира.

Однако Плутарх известен не только как основатель жанра художественной биографии. Второе крупное сочинение Плутарха носит название «Застольные беседы» и интересно тем, что в нем представлены воззрения интеллектуальной верхушки античного общества I в. н. э. на человека, общество и мир, в том числе и воззрения медико-биологического характера. Этот своеобразный памятник античной литературы в русском переводе появился сравнительно недавно [2] и еще не становился объектом подробного филологического анализа.

Как явствует из названия, произведение построено в виде бесед участников застолья. Застолье это имеет свои особенности, и устраивалось следующим образом. У хозяина дома перед заходом солнца собирались гости, и после ужина начинался так называемый **συμπόσιον** — симпосион или симпосий, буквально «совместное выпивание», который длился до поздней ночи. Главной особенностью этого симпосия была непринужденная беседа между его участниками на самые различные темы. Атмосфера непринужденности и остроумия во время симпосия не в малой мере поддерживалась распиванием вина, которое, однако, подчинялось определенным правилам. Во-первых, вино разбавлялось водой в пропорциях 2 : 1 или 3 : 2, причем вода преобладала над вином, ибо пить чистое вино вообще считалось варварским обычаем. На каждом таком застолье был специальный распорядитель пира «симпосиарх», который определял смешение вина, число и вид кубков и в целом следил за соблюдением правил пира. Симпосий был явлением бытовой культуры всех областей Древней Греции, за исключением Спарты и Крита [3, с. 253], а его распространенность связана, с одной стороны, с повсеместным культом вина и виноделием в Древней Греции,

а с другой — с очень высокой степенью развития диалогического элемента в культуре этой страны. Общая сумма культурных и научных знаний в Древней Греции поддерживалась именно процессом диалогического общения между учеником и учителем, знакомыми, друзьями и участниками застольных бесед — симпосиев. Эти симпосии можно считать одной из форм образования и самообразования древних греков, ибо во время этих застолий обсуждались самые различные вопросы устройства природы и общества. Кстати, современное слово «симпозиум», обозначающее съезд или конференцию для обсуждения научных вопросов, происходит именно от греческого слова «симпосион» [4]; ясно, что связь между этими словами самая непосредственная, хотя современные симпозиумы уже и не сопровождаются распиванием вина.

Медико-биологическая тематика в «Застольных беседах» Плутарха представлена довольно широко. Здесь, например, рассуждения о том, холоднее или горячее женская природа, чем мужская (в книге третьей), о причинах булимии (в книге шестой), о путях прохождения пищи и воздуха в организме человека (в книге седьмой), возможно ли возникновение новых болезней и по какой причине (в книге восьмой) и многое другое. Этому не приходится удивляться, зная о том интересе, который проявляли древние греки к здоровью человека и профилактике болезней. Не случайно основателем европейской медицины считается грек Гиппократ Косский, оставивший различные труды медицинского характера, а его ученики и последователи утвердили во всем античном мире авторитет древнегреческой медицины.

Поскольку речь идет о застольных беседах, то естественно, что очень много внимания в разговорах собеседников уделялось пище, вину и в целом проблеме питания, которая участниками бесед рассматривается как одна из проблем физиологии человека и правильного (здорового) образа жизни в целом. Данной теме уделяет достаточно внимания вся греческая медицина, и здесь стоит упомянуть, в частности, и о том, что понятие «диета» (δίαιτα), столь употребительное в наши дни, появилось впервые в трудах Платона, Гиппократа, Аристотеля и автора «Застольных бесед» [5, с. 370].

Древние греки, как известно, были жизнерадостным народом, которые любили поесть и обращали на эту сторону своей жизнедеятельности немало внимания. В «Застольных беседах» Плутарха мы встречаем различные размышления на этот счет. В частности, один из участников беседы, врач Аммоний, замечает, что «удовольствия от еды и питья вызваны самой природой и сопутствуют удовлетворению естественных потребностей человека» [2, с. 47]. Кстати, следует отметить, что в девяти книгах «Застольных бесед» среди участников симпосиев мы встречаем весьма часто врачей (15 названий) — друзей Плутарха из различных областей Греции, или воображаемых лиц. Среди них, в частности, нередко встречается имя Гиппократа Косского и других известных врачей.

В четвертой книге «Застольных бесед» Плутарх рассказывает о симпосии, который устроил врач Филон. Основной темой этого симпосия стал разговор о пище, ее пользе и вреде для человека. Собеседники не сомневаются в том, что пища должна быть приятной, ибо «пища, доставившая удовольствие, сразу же устраняет всяческие недуги и восстанавливает природный порядок, как будто успокоение после непогоды. Ведь удовольствие всегда сопутствует приёму пищи, сну, омовению, умащению, всегда приносит облегчение и успокоение изнурённому, соответствуя нашей природе и устраняя то, что ей чуждо и враждебно» [2, с. 67]. Единодушны участники пира и в том, что пища не должна быть излишней, «ибо излишества в еде — это уклонение от пути к здоровью» [2, с. 67].

Возникает спор о том, какая пища полезнее: однообразная или разнообразная. В соответствии с первым мнением, при пищеварении легче всего видоизменяется и усваивается простая и однородная пища, ибо «никто из врачей не настолько опрометчив, чтобы, пренебрегая осторожностью, разрешить лихорадящему больному разнообразное питание: все назначают в этих случаях простую, нежирную и удобоваримую пищу». Однако не менее убедительна и вторая теория. Ведь с точки зрения лечащего врача, неубедительно определять удобоваримость и неудобоваримость, исходя из диеты, назначаемой больным — «ведь и работа, и гимнастические упражнения содействуют пищеварению, но неблагоприятны для лихорадящих больных». Неосновательны и опасения, касающиеся противоборствования различных составных частей смешанной пищи. Ибо «возможно, что сама природа воспринимает из пищи потребное для тела, и разнообразная пища доставляет каждой части тела то, что ей соответствует по качеству. Ведь подобным образом и врачи готовят эффективные лекарства из смесей минеральных, растительных и животных веществ как земного, так и морского происхождения. А если следовать теории о пользе простых веществ и простой пищи, то и при лечении нужно было бы отказаться от сложных лекарств, а довольствоваться только простыми, такими как ячменная похлёбка, банки и водная эмульсия оливкового масла. Преимущество разнообразной пищи и в том, что она лучше разжигает аппетит. Однако это не недостаток, ведь воспрепятствовать излишнему аппетиту не составляет большого труда, но вот если он преждевременно истощился и утратил положенную ему силу, то разжечь его — дело трудное. Ведь здоровый образ жизни означает не бегство от удовольствий, доставляемых едой, а умеренность и упорядоченность в этих удовольствиях. Разнообразная еда вкуснее, а то, что вкуснее, вызывает аппетит, а хороший аппетит сопутствует здоровью, если исключить излишества, ведь тело лучше усваивает съеденное с аппетитом, чему способствует и зрение, а пища, съеденная нехотя, только блуждает по телу, и природа или вовсе отвергает её, или воспринимает лишь частично из нужды» [2, с. 67–68].

Приведённые выше мысли участников пира не утратили своего значения и в наши дни. Это ещё раз свидетельствует о том, насколько хорошо древние греки разбирались в вопросах физиологии человека, ведь современный врач-диетолог смело мог бы подписаться под каждым из тех рассуждений и рекомендаций, которые прозвучали две тысячи лет назад на древнегреческом симпосии.

Наряду с рассуждениями о пище очень много времени в «Застольных беседах» уделено рассуждениям о вине. И это естественно, ведь сама атмосфера симпосия, где постоянно присутствует вино, побуждает участников пира возвращаться к этой теме. В произведении Плутарха мы находим настоящую философию отношения человека к вину.

Прежде всего, для Плутарха и всех участников «Застольных бесед» вино — дар богов, который они любят и ценят, что вполне естественно для жителей страны, издавна культивирующей виноделие, и где бог вина Дионис почитался наравне с другими верховными божествами. Древние греки очень хорошо подметили причины, побуждающие людей прибегать к вину во время дружеских встреч, вечеринок и других видов социального общения. В седьмой книге «Застольных бесед» [2, с. 134–135] Плутарх передает воззрения знаменитого древнегреческого философа Платона, разъясняющего психофизиологические аспекты воздействия вина на человека. В диалоге «Тимей» (60 А) Платон говорит: «Вино имеет свойство разогревать душу и вместе с ней тело. Оно расширяет поры, по которым проникают в нас все образы, и вместе с тем помогает находить слова для их выражения. Ведь у многих творческая природа в трезвом состоянии бездеятельна, как бы застыла, а за вином они вдохновляются, уподобляясь ладану, который, разогревшись, источает аромат. Вино прогоняет робость, которая как ничто другое связывает, порождает свободоречие, ведущее к нахождению истины, а вместе с тем разоблачает всякое злоенравие, позволяет обнаружить всякую сокрытую в душе того или иного порочность». Поэтому древние греки, комментирует Плутарх, называли бога вина Диониса Освободителем и Разрешителем и ценили и почитали его не за «вакхическое и исступлённое», а за то, что он, изымая и отрешая от нашей души всё рабское, боязливое и недоверчивое, дает нам общаться друг с другом в правдивости и свободоречии» [2, с. 135]. Плутарх развивает и дальше эту мысль, обосновывая употребление вина во время дружеских застолий: «Как борцам для крепости охватывающих приёмов нужен песок, так в дружеском общении связывающим началом служит вино в сочетании со словом: именно слово наполняет вино воспитательной нравственной силой, направляя её от тела к душе: если же этого нет, то вино, блуждая в теле, не производит ничего лучшего, чем пресыщение. Так на симпосии речи не дают его участникам расплыться под действием вина и наполняют развязность радушием и дружелюбием: каждое ладное слово как бы печатью дружбы связывает людей, которых вино сделало мягкими и восприимчивыми» [2, с. 64]. Участники «Застоль-

ных бесед» неоднократно возвращаются к вопросу о воздействии вина на человека. В третьей книге Плутарх приводит слова Одиссея из одноименной поэмы Гомера:

Сила вина несказанна: оно и умнейшего громко
Петь и безмерно смеяться и даже плясать заставляет;
Часто внушает и слово такое, которое лучше б
Было сберечь для себя…
(Од., XIV, 464–467. Пер. Н. Гнедича)

В этих строчках, комментирует Плутарх, косвенно показана разница в степени опьянения: пение, смех и пляска свойственны умеренно выпившему, а болтать, о чем не следовало, — признак перепившего и пьяницы. Таким образом, вино развязывает язык, выпивка влечет за собой откровенную разговорчивость, помогает лучше узнать друг друга и поэтому способствует знакомству [2, с. 44]. Эти наблюдения, передаваемые Плутархом, отложились в сознании древних греков ещё раньше, как свидетельствуют слова поэта VI века до н. э. Алкея «Вино и истина», которые стали поговоркой. Отсюда, очевидно, и латинский вариант этой пословицы «In vino veritas» — буквально «истина в вине», которую часто неправильно интерпретируют, ибо смысл пословицы именно в сказанном выше, что соответствует нашей пословице «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

Наряду с положительной оценкой умеренного употребления вина, у Плутарха мы находим объективный анализ обратной стороны винопития. «Рассудок, — читаем в седьмой книге, — подавлен со всех сторон страстями, которые от вина приобретают силу и подвижность, и тогда его суждение становится шатким и ненадежным. Напившись, каждый склонен считать себя и знатным, и красивым, и богатым, но, прежде всего, он считает себя разумным и рассудительным. А это ведет к тому, что пьяный и болтлив сверх меры и некстати, и полон начальнического чванства, не столько слушая других, сколько требуя, чтобы его слушали, ни за кем не следуя, а всеми командуя» [2, с. 134]. Философы, осуждая пьянство, сообщает далее Плутарх, называют его «пьянственным суесловием, а суесловие означает не что иное, как пустую болтовню. Но пьяная пустая болтовня, превысив известную меру, переходит в пакость, безобразнейшее и отвратительнейшее завершение пьянственного излишества». Ибо «много значит для человеческого благополучия тело, не обременённое похмельем и безупречно готовое ко всяческой работе. В то же время пьяные подобны немощным старикам: и у тех и у других наблюдаются дрожание рук и ног, косноязычие, излишняя болтливость, раздражительность, забывчивость, рассеянность, а поэтому нет ничего более похожего на старика, чем пьяный молодой человек» [2, с. 53]. К тому же «у пьющих много вина притупляется половая способность и они не производят здорового потомства» [2, с. 55].

В «Застольных беседах» немало внимания собеседники уделяют болезням, их профилактике и лечению. В частности, интересна точка зрения

Плутарха о возникновении болезней, которую он высказывает словами участника симпосия врача Филона в восьмой книге: «Кажется естественным, что болезни не все сразу, словно по сигналу, набросились на человеческий род: возникли они в известной последовательности одна за другой, а каждая имела своё первое начало в определенное время. Можно предположить, что первыми появились болезни, вызываемые скудностью средств к существованию, а также те, которые причиняет чрезмерная жара или холод, далее же присоединились такие возбудители болезней, как избыток питания, изнеженный образ жизни, всякого рода излишества — в сочетании с бездеятельностью это влекло за собой нарушения пищеварения и других жизненных функций, а все эти расстройства, переплетаясь и смешиваясь между собой, порождают новые болезни. Ведь согласие с природой — это упорядоченность и определенность. В то же время не приходится удивляться, продолжает Плутарх, если в человеческом теле, заключающем в себе столько различных возможностей, воспринимающем в пище и питье столько различных качеств, сталкивающемся вовне с движениями и изменениями, не всегда подчиненному одному и тому же порядку, совокупность всех этих условий иногда приводит к новым ранее не наблюдавшимся заболеваниям?» Таким образом, заключает Плутарх, «само изменение образа жизни достаточно объясняет и появление новых болезней, и исчезновение прежних» [2, с. 157]. Конечно, с точки зрения современной медицины такая этиология болезней далеко не полная, однако рациональнейшее её зерно — определение связи между образом жизни человека и возникновением болезней.

В «Застольных беседах» мы находим постановку и попытку объяснения ещё многих проблем медико-биологического характера, о которых в рамках небольшой статьи не представляется возможным рассказать более подробно, поэтому хотя бы вкратце перечислим их. Это дискуссии о роли луны в физиологии женщины, о значении и эффективности различных растений, солей и металлов в роли лекарственных средств, о некоторых болезнях, о дурном глазе, о зарождении жизни человека, о роли дыхания и теплоты в организме человека, и многое другое. Некоторые из этих воззрений в настоящее время уже нельзя рассматривать без улыбки, однако во многих случаях они все-таки верны, и мы вновь и вновь удивляемся прозорливости небольшого народа, предвосхитившего на заре человеческой истории многие положения современной биологии и медицины, полученные нередко только с помощью сложной научной аппаратуры и долгих экспериментов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания : в 3 т. : пер. с древнегреч. / Плутарх. – СПб. : Кристалл, 2001. – 3 т.

2. *Плутарх*. Застольные беседы : пер. / Плутарх ; отв. ред. Я. М. Боровский, М. Л. Гаспаров. – Л. : Наука, 1990. – 592 с. (Литературные памятники).

3. *Велишский, Ф. Ф.* Быт греков и римлян / Ф. Ф. Велишский ; пер. с чеш. И. Я. Ростовцева. – Прага : Тип. И. Милиткий и Новак, 1878. – XVI. – 670 с.

4. *Толковый* словарь иноязычных слов: наиболее употребительная иноязычная лексика, вошедшая в русский язык в XVIII–XX и начале XXI века: ок. 25 000 сл. и словосочетаний / авт.-сост. Л. Н. Крысин. – М. : Эксмо, 2009. – 939 с. (Б-ка словарей).

5. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – Т. 1. – С. 370.

6. *Плутарх*. Избранные жизнеописания : в 2 т. : пер. с древнегреч. / Плутарх ; сост. и прим. М. Томашевской. – М. : Правда, 1990. – Т. 1. – 589 с.

Впервые опубликовано: Anatomicum Latinicumque – 2012 : сб. науч. тр. преподавателей и студентов мед. и фармац. вузов России, Белоруссии и Украины / Ульянов. гос. ун-т ; сост. Л. М. Тихонова, Н. В. Савельева. – Ульяновск : УлГУ, 2012. – С. 39–45.

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ И «КЕСАРЕВО СЕЧЕНИЕ»

В современном акушерстве под кесаревым сечением подразумевают хирургическую операцию извлечения плода из матки роженицы путем рассечения передней брюшной стенки и разреза стенки матки. Данная операция применяется в тех случаях, когда женщина не может рожать per vias naturales в силу своих анатомических особенностей, по состоянию здоровья или по каким-то другим причинам.

Известно, что подобного рода операции проводились уже в античное время. В частности, есть сведения о том, что с помощью кесаревого сечения на свет появился Гай Юлий Цезарь [5, с. 11], и что именно отсюда происходит само название этой операции, — ниже мы более подробно рассмотрим эту версию. И хотя ребенка после кесарева сечения спасали, мать, как правило, всегда погибала из-за кровотечения, септических осложнений, отсутствия техники наложения швов и других факторов. С XVIII в. после извлечения ребенка матку удаляли, благодаря чему многим роженицам удавалось сохранить жизнь. В XIX в. в связи с началом применения антисептиков, разработкой технологии сшивания разрезанных тканей и других достижений клинической медицины смертность после кесарева сечения удалось свести до минимума. В настоящее время это одна из самых распространенных операций в мире и по уровню безопасности приравнивается к удалению аденоидов или воспалившегося червеобразного отростка слепой кишки.

Считается, что термин «кесарево сечение» ввел в европейский медицинский обиход французский врач Жак Гильимо, опубликовавший в 1598 г. свою книгу об акушерстве и гинекологии. В России впервые кесарево сечение провели в XVIII в.

Однако если сама операция кесаревого сечения в наши дни не представляет уже для врачей никаких тайн, то история самого термина «кесарево сечение» до сих пор не имеет однозначного толкования ни в медицине, ни в лингвистике. В научных и научно-популярных изданиях медицинского направления нередко можно встретить откровенно дилетантские рассуждения по этому поводу, сопровождающиеся к тому же ошибками в приводи-

мом латинском тексте. Поэтому в данной работе мы поставили перед собой цель попытаться объективно изучить все исторические и лингвистические аспекты термина «кесарево сечение».

Начнем с латинского эквивалента данного термина — **sectio caesarea.** Первое слово представляет собой отглагольное существительное sectio, ōnis f от глагола seco, secui, sectum, secāre (резать, разрезать) и значит «разрез, рассечение». По поводу этой части термина никогда не возникало дискуссий: в данном слове четко и однозначно отражается сущность хирургической процедуры, которая производится при кесаревом сечении. Разногласия начинаются при попытке объяснить историю и смысл второй части термина-прилагательного caesareus, a, um. Этимологически оно действительно как бы восходит к названию Caesar, ăris m — Цезарь, которое обычно ассоциируется с прозвищем знаменитого римского полководца и политика Гая Юлия Цезаря (102–44 гг. до н. э.). Напомним, в связи с тем, что у римлян в трехчленной структуре имени первое место занимало личное имя (Гай), затем шло родовое имя (Юлий), и наконец — прозвище (Цезарь). Прозвище всегда давалось, как правило, в ранние периоды существования того или иного рода (VI–IV вв. до н. э.) и отражало какую-то индивидуальную особенность человека. Например, у знаменитого римского поэта Овидия было прозвище Назон (Publius Ovidius Naso), восходящее к существительному nasus, i m — *нос*, у знаменитого оратора — Цицерон (Marcus Tullius Cicĕro), восходящее к существительному cicer, ĕris n — *горох* и т. д. Что же касается Цезаря, то его прозвище в латинском языке можно выводить прежде всего от глагола caedo, cecĭdi, caesum, ĕre (*рубить, резать, разрезать*) и условно можно было бы перевести как «рубщик» или «резатель», но не «разрезанный» (должно было бы быть caesus). Однако существуют и другие версии этимологии данного прозвища: оно может происходить или от слова caesaries, ēi f (*пышные кудри, длинные волосы*) или от caesius, a um (*имеющий яркие серо-голубые глаза*) [4, с. 112]. Подобными признаками как будто отличался кто-то из предков Гая Юлия Цезаря [8, с. 205]. Некоторые римские авторы рассказывают также, что первый обладатель прозвища Caesar получил его из-за того, что во время второй Пунической войны (216–201 гг.) убил в Африке слона, местное (мавританское) название которого затем превратилось в латинское прозвище представителей рода Юлиев [5, с. 11].

И здесь очень важно обратить внимание на то, что в истории Рима, кроме Гая Юлия Цезаря, зафиксированы более ранние представители рода Юлиев, уже имеющие прозвище Caesar. Так, Тит Ливий в своей «Истории Рима» (XXVII, 21, 5) упоминает Юлия Цезаря, который был претором Рима в 208 году до н. э.

В связи с этим сразу можно подвергнуть сомнению версию, согласно которой Юлий Цезарь получил свое прозвище от того, что он родился с помощью кесарева сечения. Во-первых, есть основания усомниться в том, что Цезарь родился благодаря этой операции, так как в Риме еще со времени

первых царей существовал закон, согласно которому подобную операцию можно было делать только в том случае, если роженица считалась умершей. В то же время у римских историков можно найти упоминания о том, что Аурелия, мать Цезаря, была еще живой во время его походов в Галлию [5, с. 13; 8, II, с. 206]. Показательно и то, что многие исследователи жизни Цезаря не приводят эпизода, посвященного факту кесарева сечения.

Вряд ли можно считать достоверным и предание, согласно которому сам Юлий Цезарь однажды своим мечом провел операцию по извлечению ребенка из тела матери и таким образом дал жизнь не только ребенку, но и известному сегодня термину. В связи с такого рода мифами, окружающими личность знаменитого римлянина, можно только пожалеть, что «по странной прихоти судьбы» [11, с. 41] не сохранилось начало биографии Гая Юлия Цезаря у двух наиболее объективных историков Рима — Плутарха и Светония, чьи повествования о жизни Цезаря начинаются только с его юношеских лет [2, с. 13; 9, с. 436].

Существует также мнение, что прилагательное **caesarea** восходит к причастию caesus и конкретно — к выражению ab utĕro caeso — из рассеченной матки [1, с. 458; 12, с. 418]. У римского энциклопедиста Плиния Старшего (23–79 гг. н. э.) можно найти упоминание о том, что при первых римских царях был принят закон, которым предписывалось удалять плод из тела умершей женщины — ab utĕro caeso, то есть из разрезанной (рассеченной) матки. Однако, приводя эти сведения, М. Н. Чернявский справедливо указывает на то, что прилагательное **caesarea** не может быть образовано от глагола caedĕre, так как это противоречит словообразовательным моделям латинского языка [11, с. 418]. В научно-популярных изданиях можно встретить утверждение, что указанный выше закон был принят при Цезаре и благодаря ему, однако найти подтверждение этому факту в письменных источниках Древнего Рима не представляется возможным.

Вероятнее всего, на наш взгляд, следует предположить, что в более позднее время римской истории, когда имя Цезарь стали присваивать всем императорам Рима (начиная с первого императора Августа, правившего Римом в этом качестве с 27 г. до н. э. до 14 г. н. э.), титул царей Древнего Рима (rex, regis m) стали отождествлять с титулом царей-императоров и, таким образом, в обиход вошло сначала выражение lex caesarea — царский (императорский) закон, предписывающий удалять плод из матки до погребения умершей беременной женщины, а затем и выражение operatio (sectio) caesarea. И это предположение, на наш взгляд, пока может претендовать на наибольшую степень достоверности по сравнению со всеми другими, известными на сегодняшний день, оно же представлено и в авторитетных справочных изданиях [11, с. 31; 15, с. 278].

Сейчас остановимся на фонетических проблемах в интересующем нас термине, точнее — на отличиях в произношении прилагательного **caesarea**. Достоверно известно, что в Древнем Риме букву ***c*** во всех случаях произно-

сили как звук [k], а дифтонг ***ae*** приблизительно как [ай], поэтому слово Caesar в Риме произносили как [кайсар], а caesarea — как [кайса́реа]. Только в IV–V вв. н. э. начинается переход звука «к» перед гласными e, i, y и дифтонгами ae, oe в аффрикату [ts] [7, с. 17]. В дальнейшем дифтонг **ae** стали произносить как [э] и соответственно Caesar и caesarea как [Кэсар] и [кесареа]. Отражением первоначального звучания слова Caesar в немецком языке стало слово Kaiser, в то время как во французском и английском языках в данном заимствовании звучит звук [ts], — сравним отражение термина «кесарево сечение» в немецком (Kaiserschnitt), французском (section césarienne) и английском (caesarean section) [1, с. 458]. В русском языке вариант «кесарев, кесарево» утвердился через Византию вместе с принятием христианства и кириллицы: в Византии, или, как ее называли еще, «Восточной Римской империи», произносили [кесар] и [кеса́реус], сравним также произношение афоризма библейского происхождения «Богу божье, а кесарю кесарево».

Таким образом, мы выяснили, что термин «кесарево сечение», вопреки широко распространенному мнению, не имеет непосредственного отношения к исторической личности Гая Юлия Цезаря. Вокруг деятелей такого грандиозного масштаба всегда создаются различного рода легенды, которые для людей, не знающих античной истории, становятся непререкаемыми истинами. В этой связи вспомним историю известного афоризма «И ты, Брут!» — «Et tu quoque, Brute!» Эту фразу, как отмечается во многих источниках, будто бы произнес Гай Юлий Цезарь, обращаясь к Марку Юнию Бруту, которого очень любил (поговаривали даже, что это внебрачный сын Цезаря), когда увидел его с кинжалом среди своих убийц в роковой для себя день 15 марта 44 г. до н. э. Однако данная фраза появилась впервые только в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» [5, с. 74–75], где используется известный исторический сюжет. Плутарх же сообщает, причем как факт не вполне достоверный, что Цезарь, обращаясь к Бруту, произнес на греческом языке: «И ты, дитя мое?» [2, с. 48].

В заключение отметим, что вокруг нас — огромное количество слов и понятий античного происхождения. Раскрыть их настоящую историю — увлекательный и в то же время кропотливый труд, который всегда духовно обогащает того, кто дерзнет пойти тропой научного поиска, по-новому взглянет на старые избитые истины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медицинская* терминология на пяти языках: Latinum. Русский. English. Francais. Deutch / авт.-сост. Г. Д. Арнаудов. – София : Медицина и физкультура, 1964. – 1029 с.

2. *Светоний, Т. Г.* Жизнь двенадцати цезарей / Т. Г. Светоний ; пер. с лат. М. Л. Гаспарова. – М. : Правда, 1988. – 512 с.

3. *Горелова, Л. Е.* Страницы истории «кесарева сечения / Л. Е. Горелова // Русский медицинский журнал. – URL: https://www.rmj.ru/articles/istoriya_meditsiny/Stranicy_istorii_kesareva_secheniya (дата обращения: 16.07.2025).

4. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.

5. *Дуров, В. С.* Юлий Цезарь. Человек и писатель / В. С. Дуров. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 2001. – 208 с.

6. *Крылатые* латинские выражения: 4000 знаменитых фраз, изречений, устойчивых выражений от великих авторов античности / авт.-сост. Ю. С. Цыбульник. – М. : АСТ, Харьков : Фолио, 2003. – 832 с.

7. *Любкер, Ф.* Реальный словарь классических древностей : в 3 т. / Ф. Любкер. – М. : ОЛМА-ПРЕСС. 2001. – 3 т.

8. *Плутарх*. Избранные жизнеописания : в 2 т. : пер. с древнегреч. / Плутарх ; сост. М. Томашевская. – М. : Правда, 1990. – Т. 2. – 606 с.

9. *Утченко, С. Л.* Юлий Цезарь / С. Л. Утченко. – М. : Мысль, 1976. – 365 с.

10. *Краткий* толковый словарь медицинских терминов / авт.-сост. А. Э. Радзевич, Ю. А. Куликов, Е. В. Гостева. – М. : МЕДпресс-информ, 2004. – 367 с.

11. *Энциклопедический* словарь медицинских терминов: около 60 000 терминов : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. – М. : Сов. энцикл., 1982–1984. – 3 т.

Впервые опубликовано: Олимпиада по латинскому языку и основам медицинской терминологии — важная составляющая качества образования в XXI веке. / Л. М. Тихонова [и др.]. – Ульяновск : Вектор, 2010. – С. 2000–2003.

ГНЕВ КАК ДЕТАЛЬ ПОЭТИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ И КАК ОБЪЕКТ ЭТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Все мы с детства живем в мире эмоций и чувств, и не только положительных — радости, удовольствия, любви, благодарности, но и отрицательных — разочарования, неудовольствия, обиды, раздражения, гнева и других психо-эмоциональных состояний. В данной статье мы сосредоточим внимание на одном из самых известных таких состояний — на чувстве гнева и на его отражении в античной литературе. Согласно толково-словообразовательному словарю Т. Ф. Ефремовой, гнев — это «чувство сильного негодования или возмущения, состояние крайнего раздражения или недовольства кем-либо, чем-либо (обычно бурно проявляющееся)» [2, с. 317]. Психологами доказано, что гнев принадлежит к четырем базовым эмоциям человека, которые тот начинает испытывать уже с раннего детства, наряду с радостью, страхом и печалью. Гнев, злость, или их высшая степень — ярость — это самые яркие и опасные эмоции человека, вызывающие широкий спектр деструктивных чувств и желаний: агрессии, мести, разрушения, уничтожения. Важно также отметить, что гнев по отношению к своему ближнему в христианстве относится к семи смертным грехам, осуждается он и в остальных современных мировых религиях.

Если попытаться определить происхождение слова «гнев», то мы обнаруживаем, что у этого слова нет однозначной этимологии. Одна из версий, отмеченная в этимологическом словаре русского языка М. Фасмера как приоритетная [10, с. 420], связывает данное слово с глаголом *гнить*, как

состоянием физического повреждения какой-то части тела, в результате которого наступает определенная отрицательная психо-эмоциональная реакция, как, например, это можно наблюдать на примерах названий понятий *досада* (от саднить) и прилагательных *сердитый, желчный, язвительный, ядовитый*, имеющими тоже как бы вполне понятный первичный материальный субстрат. В историко-этимологическом словаре современного русского языка П. Я. Черных [11, с. 194] читаем, что исходным состоянием данной отрицательной эмоции можно предположить «эмоционально-психическое состояние больного, покрытого гноящимися ранами».

Однако возникает вопрос: «Почему такое сильное эмоциональное чувство обретало свое наименование не по факту своего появления непосредственно сразу, «здесь и сейчас», а поэтапно, как объясняется в этимологических справках [12, с. 104] — по цепочке *гниение > гниль > гной > яд > гнев*?». Такая «соматическая» теория возникновения чувства, понятия и названия «гнев» предполагает как бы назревание или созревание гнева, то есть определенный промежуток времени, в то время как гнев — эмоция, как правило, взрывоподобная, сиюминутная и во все века посещавшая совершенно здоровых людей. К тому же исследования современных этнопсихологов показывают, что состояние гнева присуще человеку во всех культурах, и даже дети, слепые от рождения, способны демонстрировать эмоцию гнева и типичное гневное выражение лица. Поэтому логично, на наш взгляд, искать источник данного психо-эмоционального состояния не в состоянии тела, а внутри человеческой психики, и соответственно, искать другое объяснение происхождения его современного словесного выражения. И здесь мы обратимся ко второй версии происхождения лексемы «гнев», которая была предложена русским лингвистом В. В. Мартыновым в 1962 г. [6, с. 55–57]. В ней слова «гнев» и «ярость» связываются с глаголами со значением горения, возгорания, сжигания. Так, слово *ярость* прямо соотносится со старославянским глаголом *ярити се* — искриться, пламенеть, гореть, сравним в этой связи и современное слово *разъяренный.* Старославянское существительное *гневъ* В. Мартынов соотносит со словом *огнь* и рассматривает *гнев* как отглагольное существительное от старославянского глагола *огневати* со значением *находиться в состоянии горения или накала.* В результате семантических и словообразовательных процессов, считает ученый, глагол *огневати* постепенно приобретал абстрактный характер и приближался по вторичному значению к *ярити се — сердиться, гневаться,* в результате чего, наряду с вариантом огневить кого-то, появились синонимичные варианты прогневить, прогневать, разгневать и др. В пользу данной версии говорят, на наш взгляд, и такие выражения, как «довести кого-то до белого каления» т. е. *привести в ярость,* «вскипеть от гнева», или «вспыхнуть, как спичка», «побагроветь от гнева», «в душе разгорается гнев», которые указывают на своего рода повышение температуры внутреннего мира человека, приведенного в состояние гнева или ярости.

Ниже мы еще ознакомимся с подобным описанием внешности и состояния души разгневанного человека, которые оставил нам выдающийся писатель и философ Древнего Рима Сенека.

Если же обратиться к античной литературе, то уже в самых первых ее памятниках — поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея» гнев выступает не только как одно из ведущих чувств, присущих и богам, и смертным, но и как сюжетообразующий фактор. Начать следует с того, что, разгневавшись на сына царя Трои Париса за то, что он в знаменитом выборе самой достойной и прекрасной среди Афины, Геры и Афродиты отдал предпочтение Афродите, отвергнутые богини стали врагами Париса и всех троянцев в знаменитой Троянской войне между ахейцами, т. е. греками и троянцами. В первой книге «Илиады» (Ил., I, 158–218) читаем, что обиженного предводителем греков Агамемноном Ахилла обуревает страшный гнев, он готов уже убить обидчика, но его покровительница Афина внушает ему более разумную тактику поведения, и главный герой «Илиады» самоустраняется от участия в сражениях, что чуть не доводит греческое войско до поражения. Этот гнев фактически становится главной движущей силой сюжета поэмы, и не случайно Гомер начинает свою «Илиаду» следующими словами:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам (свершалася Зевсова воля)…
(Перевод Н. Гнедича).

Однако и гнев Ахилла имеет свою предысторию, тоже обусловленную гневом — гневом бога Аполлона. Гнев обуял Ахилла на военном совете, созванном предводителем ахейцев Агамемноном по случаю страшной моровой язвы, которую наслал бог Аполлон на ахейцев, разгневавшись на Агамемнона, оскорбившего его жреца Хриса (Ил., I, 8–53).

Во второй поэме Гомера, «Одиссее», главного героя, возвращающегося после окончания Троянской войны, преследует гнев бога морей Посейдона, сына которого, киклопа Полифема, хитроумный царь Итаки опоил вином и ослепил на первом этапе своего морского путешествия (Од., IX, 345–397). Кроме этих двух основных сюжетных линий, обусловленных гневом божества или земного героя, в поэмах немало побочных сюжетных линий, в которых действия героев обусловлены их гневом. В частности, от гнева бога Гелиоса погибают все спутники Одиссея, употребившие в пищу священных быков этого бога (Од., XII, 340–419). Гнев Одиссея по отношению к толпе молодых повес, которые в течение ряда лет проедают его имущество и требуют от верной жены Пенелопы выйти за кого-то из них замуж, побуждает героя к жестокой, но, по его мнению, справедливой расправе над этими негодными людьми (Од., XXII, 1–445).

В третьем самом знаменитом эпическом произведении античного мира — поэме Вергилия «Энеида» ее герой Эней, спасшийся от смерти в Трое, скитается долгие годы по морским волнам, преследуемый гневом Юноны, жены Юпитера, ненавидевшей всех троянцев. Подражая автору «Илиады», Вергилий в начальных строках своей поэмы тоже упоминает гнев, на этот раз гнев богини Юноны напоминает читателю о причине гнева богини:

Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои
— Роком ведомый беглец — к берегам приплыл Лавинийским.
Долго его по морям и далеким землям бросала
Воля богов, злопамятный гнев жестокой Юноны.
Муза, поведай о том, по какой оскорбилась причине
Так царица богов, что муж, благочестием славный,
Столько по воле ее претерпел превратностей горьких,
Столько трудов. Неужель небожителей гнев так упорен?
Ненависть злая ее питалась давней обидой,
Скрытой глубоко в душе: Сатурна дочь не забыла
Суд Париса, к своей красоте оскорбленной презренье.
Вот почему не слабел ее гнев столь долгие годы.
(Перевод С. Ошерова).

Немало проявлений гнева как богов, так и смертных, и его ужасных последствий можно найти в произведениях греческих трагиков. В трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» титан, даровавший людям огонь, страдает от гнева Зевса [13, с. 234–267]. В трагедии Софокла «Аякс» [10, с. 169–215] сюжетообразующим фактором является гнев Аякса, одного из главных греческих героев троянской войны и самых близких друзей Ахилла, претендовавшего на его доспехи после гибели от стрелы Париса. Он настолько разгневался на Агамемнона, отдавшего доспехи Ахилла Одиссею, что этот гнев буквально ослепил его и затмил ему разум, правда, с помощью Афины, опекавшей своего любимца Одиссея. Он принял стадо коров за толпу врагов и, набросившись на них, поубивал их, а, придя в себя, от стыда убил себя мечом. Эта история — прекрасная иллюстрация знаменитого выражения Горация «Ira furor brevis est» — «гнев — кратковременное безумие» (Послания, I, 2, 62). В трагедии Еврипида «Медея» [4, с. 98–122] страшный гнев колхидской царевны Медеи, узнавшей об измене ее мужа Ясона, толкает ее на убийство всех детей, рожденных от Ясона. В римской литературе большое количество мифологических сюжетов со сценами гнева персонажей и его последствиями представлены, в частности, в поэме Овидия «Метаморфозы» [7, с. 9–344]. Так, гнев богини Минервы превращает ткачиху Арахну в паука (Мет., VI, 5–145), в камень превращает Ниобу и ее детей гнев богини Лето (Мет., VI, 491–404), красавца-охотника Актеона гнев богини Дианы превращает в оленя и обрекает на страшную смерть от клыков своих же гончих псов (Мет., III, 177–252). Впрочем, и в реальной жизни гнев императора Августа лишает прославленого римского поэта Овидия

родного Рима и бросает на край земли, о чем поэт-изгнанник многократно говорит в своих «Письмах из Понта» и в «Скорбных элегиях». Проблеме гнева немало внимания уделяет Гораций в своих «Сатирах» и «Посланиях». В первом сочинении, например, он порицает тех, кто не может справиться с этим чувством:

Ежели гнев и порывы безумья, которые сродны
Слабости нашей природы, нельзя истребить совершенно,
Что же рассудок с своими и мерой, и весом?
(Сатиры, I, 3, 76–77. Перевод М. Дмитриева).

Во втором сочинении поэт прямо приравнивает гнев к безумию и призывает человека всячески обуздывать его:

…Кто гнев обуздать не сумеет, тот будет
Каяться в том, что свершил по внушению чувства больного […]
Гнев есть безумье на миг — подчиняй же свой дух: не под властью —
Властвует сам он; его обуздай ты вожжами, цепями.
(Послания, I, 2, 59–60, 62–63. Пер. Н. Гинцбурга).

Литературу очень удачно объединил с философией, психологией и этикой выдающийся римский писатель и мыслитель I в. н. э. Луций Анней Сенека-младший в философско-этическом трактате «De ira» («О гневе»). В трех книгах этого трактата он, приводя многочисленные примеры из литературы, истории и собственных наблюдений, подробно анализирует сущность этого психо-эмоционального состояния человека, показывает его исключительно пагубную роль и пытается показать, как можно противостоять гневу или избежать его. У Сенеки мы находим наиболее подробный и полный среди античных писателей анализ как душевного состояния человека, охваченного гневом, так и внешних проявлений этого состояния. Приведем наиболее интересные выдержки из его произведения, которые даются по изданию [9].

«… Нам следует бояться гнева больше, чем всех прочих чувств, волнующих нашу душу, как самого отвратительного и самого неукротимобуйного. В самом деле, остальные чувства наши хоть временами бывают спокойными и мирными, но гнев — это всегда возбуждение, раздражение, взрыв; неистовая, нечеловеческая жажда оружия, крови, казни; гневу безразлично, что станется с ним самим, лишь бы навредить другому.

Вот отчего некоторые из мудрых мужей называли гнев кратковременным помешательством. И верно: гнев так же не владеет собой, не заботится о приличиях, не помнит родства; так же упорен и целеустремлен в том, за что взялся, так же наглухо закрыт для советов и доводов разума; так же возбуждается по самому пустому поводу; неспособен отличать справедливое и истинное; человек во гневе подобен рушащемуся дому, который сам разваливается на куски над телами тех, кого задавил… Другие пороки ведь можно скрыть, предаваясь им без свидетелей; гнев не спрячешь — он весь

отражается на лице, и чем он сильнее, тем заметнее. Никакое другое чувство не делает человеческое лицо безобразнее.

… Посмотри на разрушительные действия гнева: ни одна чума не обошлась человеческому роду так дорого. Ты увидишь окровавленные трупы; приготовленные яды; потоки грязи, которой обливают друг друга истец и ответчик; развалины городов; истребленные племена; факелы, поджигающие кровли, целые огромные страны, пылающие в неприятельском огне…

… Бывает гнев, полностью выходящий в крике; бывают приступы гнева столь же упорные, сколь частые; бывает гнев скупой на слова, зато свирепый на руку; бывает такой, что весь выливается потоками горьких слов и проклятий; бывает такой, что проявляется вовне лишь холодностью или упреком; бывает глубокий тяжкий гнев, целиком обращенный внутрь. И еще тысяча других видов есть у этого многоликого зла».

После подробного анализа проявлений гнева и его пагубных последствий Сенека пытается выяснить, есть ли у человека какие-то пути обуздания этого психо-эмоционального состояния. Он размышляет следующим образом: «Гнев возбуждается представлением о нанесенной нам обиде» — в этом сомневаться не приходится. Но следует ли он сразу же за этим представлением, разгораясь сам, без всякого участия души, или приходит в движение лишь с согласия души, — это мы попробуем сейчас выяснить.

Мы считаем, что гнев ничего не осмеливается предпринимать сам, действуя без одобрения души. В самом деле, составить представление о понесенной обиде, возжаждать мести, затем связать первое со вторым и прийти к заключению, что меня нельзя обижать и что я должен быть отомщен, — все это не может быть делом порыва, возбуждающегося в нас без участия нашей воли. Порыв всегда прост; а тут мы имеем нечто сложное и составленное из многих частей. Человек испытал впечатление, понял нечто, возмутился, осудил, а теперь пытается отомстить: такого не может быть, если душа сама не присоединилась к непроизвольно тронувшему ее порыву.

А теперь, поскольку мы рассмотрели все вопросы касательно гнева, перейдем к средствам борьбы с ним. Их, по-моему, два: первое — не поддаваться гневу, второе — в гневе не совершать дурных поступков. Ведь забота о теле тоже предполагает два рода наставлений: одни — как сохранить здоровье, другие — как восстановить его. Так и с гневом: одна забота — не допустить его, другая — подавить.

Итак, главное лекарство от гнева — отсрочка. Первым делом требуй от твоего гнева подождать не для того, чтобы простить, но для того, чтобы все взвесить и вынести суждение: у гнева силен лишь первый порыв; пока он будет ждать, он уляжется.

Но еще важнее — воздерживаться от гнева, кто бы его ни вызывал: равный, высший или низший. Ссориться с равным рискованно, с высшим — безумно, с низшим — унизительно.

Ты скажешь: «Нельзя совсем изгнать гнев из души — этого не потерпит человеческая природа». Ничего подобного: нет таких трудностей, которых не одолел бы ум человеческий, которые не стали бы понятными и простыми благодаря постоянному упорному размышлению; нет чувств настолько неистовых и своевольных, чтобы их нельзя было укротить с помощью дисциплины …

… Я скажу тебе еще, что разум сам по себе намного сильнее гнева даже в тех делах, для которых один только гнев и считается полезным. Ведь разум, однажды рассудив, что нечто должно быть сделано, остается тверд в своем решении: он никогда не найдет ничего лучшего, чем он сам, к чему стоило бы перемениться, и потому остается верен единожды выбранному решению. А гнев часто отступает, например, перед милосердием; в нем нет настоящей крепости, он надут пустой спесью и внушителен лишь с виду, а разрушителен лишь вначале, как ветры, поднимающиеся от земли и берущие начало в реках и болотах: они порывисты, но быстро утихают. Так и гнев: начинается порывом огромной силы, а потом слабеет и иссякает раньше времени; тот самый гнев, который весь так и горел кровожадностью, изобретая мысленно неслыханные виды казни, к тому времени, как надо казнить, уже, глядишь, утих и смягчился. Чувство сникает быстро, разум всегда одинаков».

Итак, заключает Сенека, разум человека в состоянии управлять негативными эмоциями, в том числе и гневом, и все зависит от настойчивости и воли каждого из нас. И, видимо, следует согласиться с такими выводами выдающегося римского мыслителя, как и со следующими заключительными словами его трактата: «Дадим душе нашей мир, тот мир, что доставляется постоянным размышлением о спасительных наставлениях, свершением добрых дел и напряженным сосредоточением ума на стремлении к одному тому, что честно. Ведь дух наш нам совсем уже скоро придется испустить. А пока он еще в нас, пока мы еще живы как люди, давайте пестовать нашу человечность. Пусть нас никто не боится, пусть никому не грозит от нас опасность. Давайте презирать обиды, потери, ссоры, склоки, издевки, великодушно перенося скоротечные неприятности. Ведь пока мы будем оглядываться, прислушиваясь, что говорят о нас за нашей спиной, смерть наша будет уже тут как тут».

Отметим также, что подобные суждения о причинах, сущности гнева и путях его преодоления высказывает и другой великий мыслитель и моралист античности Плутарх в своем трактате «О подавлении гнева» [8, с. 441–459]. Сравним только несколько высказываний Фундана, одного из собеседников данного трактата: «… Гнев ум в сторону уводит и беды творит … Много в гневе страшного, но много и смешного, поэтому он заслуживает наибольшего презрения среди всех страстей … Первый шаг к победе над гневом — сохранять спокойствие и не дать разбушеваться чувствам».

Нам представляется, что процитированные выше мысли античных писателей сегодня, как и 2000 лет назад, звучат весьма актуально и с точки зрения психологии человеческих чувств, и с точки зрения этики, в том числе и христианской. Но не менее полезны они и для любого из преподавателей-педагогов. Ведь каждому из нас приходилось не раз сталкиваться со студентами нерадивыми, обманывающими преподавателя, нарушителями дисциплины и других правил студенческой жизни, нагловатыми и даже хамоватыми личностями. И у каждого из нас не раз рождалось импульсивное желание, чуть ли не ударить подобного субъекта. Но, к счастью, каждый раз срабатывал уже глубоко усвоенный категорический императив: «Остановись во гневе! Сдержись, и скажи спокойно те самые правильные слова, хотя и с металлом в голосе!» И в том и состоит профессионализм высококлассного педагога, чтобы уметь сдержать свои отрицательные эмоции, в том числе возмущение, негодование и гнев, и благодаря своей рассудочности отвести их и от себя, и от студента. Готовность к такому поведению формируется, в том числе, и на лучших образцах духовного наследия античной культуры, на основе которых в течение многих столетий создавалась вся европейская педагогика и вся система европейских гуманитарных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гомер*. Илиада / Гомер ; пер. с древнегреч. Н. Гнедича. – М. : Худож. лит., 1986. – 384 с.

2. *Гомер*. Одиссея / Гомер ; пер. с древнегреч. В. Жуковского. – М. : Худож. лит., 1986. – 270 с.

3. *Гораций*. Собрание сочинений / Гораций : пер. с лат. яз. – СПб. : Биограф. ин-т «Судиа биографика», 1993. – 447 с.

4. *Еврипид*. Трагедии : в 2 т. / Еврипид ; пер. с древнегреч. И. Анненского, С. Апта ; коммент. Н. Подземской. – М. : Искусство, 1980. – Т. 1 : Алкеста; Медея; Гераклиды; Ипполит; Андромаха; Гекуба; Геракл; Ифигения в Тавриде; Киклоп. – 550 с.

5. *Ефремова, Е. Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: св. 136 000 слов, ст. : ок. 250 000 семант. ед. : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз, 2001. – Т. 1 : А – О. – VII. – 1210 с.

6. *Мартынов, В. В.* Из славянских этимологий / В. В. Мартынов // Этимологические исследования по русскому языку. – М., 1962. – Вып. 1. – С. 55–57.

7. *Овидий*. Собрание сочинений : в 2 т. / Овидий ; вступ. ст. В. С. Дурова. ; прим. Ф. Петровского. – СПб. : Биогр. ин-т «Студиа биографика, 1994. – Т. 2. : Метаморфозы; Фасты – 526 с.

8. *Плутарх*. Сочинения : пер. с древнегреч. / Плутарх ; сост. С. Аверинцева ; вступ. ст. А. Лосева ; коммент. А. Столярова. – М. : Худож. лит., 1983. – 703 с.

9. *Сенека*. Философские трактаты / Сенека ; пер. с лат., вступ. ст. и коммент. Т. Ю. Бородай. – СПб. : Алетейа, 2000. – 396 с.

10. *Софокл*. Драмы / Софокл ; пер. Ф. Ф. Зелинского ; изд. подг. М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо. – М. : Наука, 1990. – 605 с.

11. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 1 : А–Д. – 576 с.

12. *Черных, П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 сл. : в 2 т. / П. Я. Черных. – 4-е изд., стер. – Т. 1 : А – Пантомима. – М. : Рус. яз., 2021. – 621 с.

13. *Эсхил*. Трагедии / Эсхил ; в пер. В. Иванова ; изд. подг. Н. И. Балашов [и др.]. – М. : Наука, 1989. – 589 с.

14. *Этимологический* словарь русского языка : в 2 т. / авт.-сост. Н. С. Арапова, А. В. Боброва, Г. Л. Вечеслова [и др.] ; под ред. Н. М. Шанского. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – Т. 1, Вып. 4 : Г. – 215 с.

Впервые опубликовано: Ориентиры : сб. материалов / под ред. А. С. Солопова [и др.]. – М. : ДПК Пресс, 2022. – С. 65–77.

ГОРАЦИЙ О ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ

Вопрос о здоровом образе жизни возникает в любом цивилизованном обществе, в котором у граждан начинаются проблемы со здоровьем, обусловленные избыточным или неправильным питанием, гиподинамией и другими бытовыми факторами. Такая ситуация в последние десятилетия складывается во многих странах мира, особенно в живущих в материальном достатке государствах Северной Америки и Европы. В связи с этим возникла новая наука о здоровом образе жизни — валеология, которая вводится в учебные планы вузов, и, прежде всего, медицинских.

Однако проблема здорового образа жизни появилась уже в первых развитых европейских цивилизациях, в частности, в Древнем Риме, а точнее — в самой метрополии, достигшей высокого материального благополучия за счет эксплуатации провинций. Эта проблема нашла свое отражение в художественной литературе Рима, особенно в поэзии. Ее истоки просматриваются в поэзии Луцилия (180–103 гг. до н. э.) [2, с. 25–44], а продолжение и развитие она находит в творчестве знаменитого римского поэта Горация (65–8 гг. до н. э.) — отчасти в его «Одах», но больше всего — в «Сатирах» и «Посланиях». При анализе данных произведений мы использовали тексты оригинала по известному изданию П. Клингера [6] и переводы Горация на русский язык, изданные в Санкт-Петербурге в 1993 году [2].

Анализ содержания поэзии Горация показывает, что проблема здорового образа жизни рассматривается поэтом с точки зрения соблюдения человеком меры (ne quid nimis — ничего лишнего), выбора среднего пути между крайностями (aurea mediocritās — золотая середина), самоограничения и воздержания во всех сферах деятельности, в том числе и в личной жизни (vivĕre parvo — довольствоваться в жизни малым). Именно этот комплекс мировоззренческих принципов считается основополагающим в содержании так называемой «горацианской мудрости», чрезвычайно популярной в новое время [3, с. 15]. Одна из наиболее известных максим этого комплекса представлена в заключительной части первой сатиры, открывающей сборник произведений данного жанра:

Est modus in rebus, sunt certi denique fines,
Quos ultra citraque nequit consistere rectum.
(Serm. I, 1, 106–107)
Мера должна быть во всем, и всему, наконец, есть пределы,
Дальше и ближе которых не может добра быть на свете!
(Пер. М. Дмитриева).

Еще одна максима из комплекса «горацианской мудрости» (vivĕre parvo) представлена в начале первой сатиры второй книги:

Quae virtus et quanta, boni, sit vivĕre parvo / /… discĭte
(Serm. II, 1, 1–2)

«Узнайте, мои хорошие, в чем преимущество жить, довольствуясь малым и насколько оно (это преимущество) значительно».

Мы специально приводим здесь оригинал и дословный перевод, чтобы показать, насколько емкий латинский текст подчас нелегко передать в стихотворном варианте перевода: сравним это место в переводе М. Дмитриева:

«Как хорошо, как полезно, друзья, быть довольну немногим!»

Призыв довольствоваться малым и соблюдать чувство меры постоянно звучат в содержании данной сатиры — поэт настоятельно рекомендует своим читателям следовать этим мировоззренческим установкам, помогающим rectius vivĕre (жить более правильно).

Чувство меры и способность к самовоздержанию должны быть рядом с человеком в повседневной жизни, начиная с такого обычного дела, как прием пищи. И здесь, по мнению Горация, следует отдавать предпочтение простой еде, не потреблять большого количества пищи, а тем более не смешивать ее различные виды:

Слушай же, сколько приносит нам пользы пища простая:
Первая польза — здоровье, затем, что все сложные яства
Вредны для тела. Припомни, какую ты чувствовал легкость
После простого стола! Но варенное с жареным вместе,
Устриц с дроздами как скоро смешаешь в одно, то в желудке
Сладкое в желчь обратится, и внутренний в нем беспорядок
Клейкую слизь породит. Посмотри, как бывают все бледны,
Встав из-за пира, где были в смешеньи различные яства.
Тело, вчерашним грехом отягченное, дух отягчает,
Пригнетая к земле часть дыханья божественной силы!
Но умеренный, скоро насытясь и сладко заснувши,
Свежим и бодрым встает ото сна к ежедневным занятьям.
(Serm. II, 2, 70–80; пер. М. Дмитриева).

… Твой пир бесконечный
В желчь превратится всегда и в расстройство желудка, а ноги
Всякий раз отрекутся служить ослабевшему телу!
(Serm. II, 7, 105–106; пер. М. Дмитриева).

Эти рекомендации представляются очень уместными, учитывая широкое распространение в Риме конца республики обычая устраивать длительные и обильные застолья. Пример одного из таких застолий приводит сам Гораций в восьмой сатире второй книги, где его собеседник Фунданий дает яркое описание ужина, в котором уже угадываются черты знаменитого пира Тримальхиона из «Сатирикона» Петрония.

Умеренность в пище должна сочетаться и с умеренным потреблением вина. В быту вино сопровождало римлянина и в праздник, и в будни, судя по произведениям того же Горация (особенно характерна в этом отношении 21-я ода из третьей книги «Од»): «оно веселит человека, дает ему вкусовое и эстетическое удовольствие, украшает встречу друзей, лечит от горя и болезни» [5]. Однако поэт неоднократно указывает на необходимость соблюдать меру в употреблении вина, призывает не уподобляться варварам, пьющим без меры и буйствующим, ибо таким недостойным поведением они позорят сладкий дар Вакха-Либера (Диониса):

Пусть никто не прейдет меры в питье: Либер блюдет предел.
Бой кентавров возник после вина с родом лапифов, — вот
Пьяным лучший урок; Вакх, не щадя, диким фракийцам мстит:
То, что можно свершать, то, что нельзя, узкой межой они
Делят, жадные пить.
(Od. I, 18, 7–9; пер. Н. С. Гинцбурга).

Пускать в ход кубки, что для веселия
Даны, — позорно! Нравы фракийские
Оставьте, и держите Вакха
Скромного дальше от ссор кровавых.
К вину, к лампадам, право, совсем нейдет
Кинжал мидийский. Вы, собутыльники,
Умерьте крик и гам безбожный
И возлежите, склоняясь на локоть.
(Od. I, 27, 1–8; пер. А. П. Семенова-Тянь-Шанского).

Иногда Гораций пытается дать рекомендации в отношении улучшения общего состояния здоровья, которые и в наши дни представляются целесообразными с точки зрения валеологии. Например, для улучшения сна он рекомендует следующее:

Кто же захочет покрепче уснуть, тот, вытертый маслом,
Трижды имеет чрез Тибр переплыть, и на ночь желудок
Цельным вином всполоскать.
(Serm. II, 1, 8–10; пер. М. Дмитриева).

Критикуя распространение безделья и праздности среди зажиточного населения Рима, Гораций пишет:

Мы — ветрогоны, мы все — женихи Пенелопы; подобны
Юношам мы Алкиноя, что заняты были не в меру
Холею кожи и, спать до обеда считая приличным,

Сон, что лениво к ним шел, навевали звоном кифары.
Ты, чтоб себя уберечь, ужель не проснешься? Не хочешь
Бегать, пока ты здоров? Побежишь, заболевши водянкой.
(Epist. I, 2, 28–34; пер. Н. С. Гинцбурга).

Известно, что в Риме, в отличие от Греции, не была распространена культура гимнастических занятий: физические упражнения у юношей, если и практиковались до совершеннолетия, то только с целью подготовки к военной службе. После того, как Октавиан Август отменил всеобщую воинскую повинность, физические упражнения постепенно уходят из программы образования и воспитания римской молодежи [1, с. 314].

Присутствуют у Горация и некоторые рекомендации по рациональному употреблению пищи, которые в наше время нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, например:

Много здоровью способствует, если имеешь привычку
Ты шелковичные ягоды есть пообедав, однако ж
Снятые с ветвей тогда, пока солнце еще невысоко …
… Если живот отягчен, то мелких раковин мясо
Или щавель полевой облегчат и свободно, и скоро.
(Serm. II, 4, 21–23; 27–28; пер. М. Дмитриева).

Однако выше всех советов конкретных действий и мероприятий, помогающих укрепить здоровье, Гораций считает воспитание у себя и своих читателей такой философии жизни, которая, словно броня, будет защищать человека от губительных соблазнов, влечений и поступков, позволит ему жить без излишних волнений, довольствуясь скромным достатком. Вот некоторые из подобного рода «психотерапевтических» пассажей, которые варьируются автором во многих произведениях:

Хранить старайся духа спокойствие
Во дни напасти; в дни же счастливые
Не опьяняйся ликованием …
(Od. II, 3, 1–3; пер. А. П. Семенова-Тянь-Шанского).
Будь доволен тем, что имеешь; в прочем
Беззаботен будь и улыбкой мудрой
Умеряй беду. Ведь не может счастье
Быть совершенным.
(Od. II, 35–38; пер. А. П. Семенова-Тянь-Шанского).
Будешь больше себя ограничивать,
Больше боги дадут!
(Od. III, 16, 22–23; пер. Г. Ф. Церетели).
Гнев есть безумье на миг — подчиняй же свой дух: не под властью —
Властвует сам он; его обуздай ты вожжами, цепями.
(Epist. I, 2, 62–63; пер. М. Дмитриева).

Известно, что современная медицина устанавливает прямую связь между негативными эмоциями человека и развитием в его организме пато-

логических процессов. Доказано, в частности, что под действием негативных эмоций воспаляется слизистая оболочка желудка, обостряется и открывается язва двенадцатиперстной кишки, возникают заболевания печени, почек и других органов, и систем. Поэтому с полным основанием можно считать актуальными все изложенные выше советы и рекомендации Горация по воспитанию самообладания, психологической устойчивости в неблагоприятных ситуациях, отказа от заведомо недостижимых целей, самодостаточности и умения ограничить излишние желания и эмоции. В этом плане чтение произведений Горация сегодня не только доставляет эстетическое удовольствие и является замечательным культурно-историческим памятником — эти произведения оказывают на читателя еще и специфический психотерапевтический эффект.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Велишский, Ф. Ф.* Быт греков и римлян / Ф. Ф. Велишский ; пер. с чеш. И. Я. Ростовцева. – Прага : Тип. И. Мелиткий и Новак, 1878. – XVI. – 670 с.

2. *Гораций*. Собрание сочинений : пер. с древнегреч. / Гораций. – СПб. : Биограф. ин-т «Студиа биографика», 1993. – 447 с.

3. *Дуров, В. С.* Жанр сатиры в римской литературе / В. С. Дуров. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. – 157 с.

4. *Дуров, В. С.* Поэт золотой середины / В. С. Дуров // Гораций. Собрание сочинений. – СПб. : Биограф. ин-т «Студиа биографика», 1993. – С. 5–20.

5. *Цисык, А. З.* Семантика и метафорика вина в «Одах» Горация / А. З. Цисык // Studia philologica : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т ; под ред. Г. И. Шевченко. – Минск : БГУ, 2002. – Вып. 5. – С. 88–96.

6. *Horatius*. Opera / Rec. Fr. Klingner. – Lipsiae : Teubner, 1959. – 377 S.

Впервые опубликовано: Актуальные проблемы современной науки и образования : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Ульяновск, 15–16 сент. 2010 г. – Ульяновск : УлГУ, 2010. – С 483–487.

СЕМАНТИКА И МЕТАФОРИКА ВИНА В «ОДАХ» ГОРАЦИЯ

Nosque et profestis lucibus et sacris
Inter iocosi munera Liberi …
…Troiamque et Anchisen et almae
Progeniem Veneris canemus
(IV, 15, 25–26; 31–32)

Древнеримская цивилизация, как и древнегреческая, была неразрывно связана с культурой виноделия и потребления вина. В легендарных преданиях о прибытии Энея в Италию упоминается о виноградарстве и виноделии подданных царя Латина [17, с. 21], а Вергилий утверждает, что жители Италии уже во времена Сатурна совершали возлияния вином Дионису-Ленею перед тем, как наполнить чашу для себя [22]. Исследователи культуры Древнего Рима не сомневаются в том, что еще в ранний период его истории произошло объединение культа Диониса, как божества виноделия

и вина, с культом местного земледельческого божества Либера [14]; косвенным подтверждением этому может служить предание о строительстве в 494 г. до н. э. в Риме греческими мастерами храма Либеру-Дионису, Либере и Церере [12, с. 135].

В I в. до н. э. виноградарство — одна из ведущих отраслей сельского хозяйства Италии [1, с. 165], а посчитать количество сортов лоз, по словам Вергилия, так же невозможно, как и узнать количество песчинок в Ливийской пустыне [23]. При этом виноград в Древнем Риме, как и в Греции, возделывали главным образом для получения вина [1, с. 165]. Вино было повседневным напитком, сопровождающим как обычный прием пищи, так и праздничные застолья, оно было непременной и важнейшей частью возлияний в жертву богам, вину были посвящены праздники Виналии, которые отмечались дважды — в апреле и в августе [18], и праздники Либералии, отмечавшиеся в марте [16].

При том значительном месте, которое занимало вино в быту римлян, тема вина, и тем более его поэтизация, представлены в римской литературе значительно меньше, чем в греческой. Здесь, естественно, сказываются культурно-исторические отличия между этими двумя средиземноморскими цивилизациями, несмотря на их фактически идентичное отношение к виноградству, виноделию и потреблению вина. Эти отличия представлены уже на лексическом уровне: при достаточно богатой латинской лексике и фразеологии в области виноградства и виноделия [7; 8] мы обнаруживаем в латинском лексиконе только около 30 лексем, связанных со словом **vinum** [20], в то время как в древнегреческом — около 90 лексем, связанных со словом **οἶνος** и еще около 20, связанных со словом **μῆθυ**, синонимом **οἶνος** [19]. Не менее значительные отличия наблюдаются и в ментально-мировоззренческой сфере римлян по сравнению с древними греками.

Для греков одним из непременных компонентов полноценной жизни, приносящих радость и удовольствие, было застолье в кругу друзей — συμπόσιον, психологию и этологию которого столь подробно представил Плутарх в знаменитых Συμποσιακά «Застольных беседах» (ср. великолепный перевод этого произведения и комментарии к нему на русском языке под ред. Я. М. Боровского и Н. Л. Гаспарова [10]). Еще на заре греческой истории и литературы эту особенность мироощущения эллинов выразил Гомер словами «многоопытного» Одиссея (Од., IX, 5–11):

В жизни, я думаю, нет свершений приятней, чем если
Радостью светлой сердца исполнены в целом народе,
Если, рассевшись один близ другого в чертогах прекрасных,
Слушают гости певца, столы же полны перед ними
Хлеба и жирного мяса, и черпая смесь из кратера,
В кубки ее разливает, гостей обходя, виночерпий.
Это мне из всего представляется самым прекрасным.
(Пер. В. Версаева).

Однако мироощущение римлян было несколько другим: для них жизненные приоритеты были связаны прежде всего с важным, серьезным и достойным гражданского долга. Поэтому удовольствия, в том числе и застолье или винопитие, очень долго представлялись «гражданственным» римлянам сторонами жизни, не достойными серьезного разговора и серьезной литературы. Поэтому можно понять, почему римлянин Лукреций в своей поэме «De rerum natūra», перечисляя важные и полезные изобретения человечества (V, 1440–1457), ни слова не говорит о виноградарстве и вине. Показательны в этом плане и изображения на щите Ахилла (Ил. XVIII, 478–607) и на щите Энея (Эн., VIII, 625–731): если на первом представлены многие картины повседневной жизни греческого города и деревни, в том числе сбор винограда и угощения вином, то на втором исключительно легендарные и реальные герои истории Рима.

Симптоматично то, что такие темы, как виноградарство, и тем более восприятие вина, появляются в римской поэзии только во 2-й половине I в. до н. э., когда в Риме окончательно формируется тот своеобразный синтез греческих и римских идеологических, мировоззренческих и бытовых факторов, который получил в науке название «эллинистически-римский тип античной культуры» [2]. Одним из проявлений этого историко-культурного феномена стало утверждение в общественном сознании римлян досуга и удовольствия в качестве понятий и тем, достойных поэтического изображения. Вместе с этим стало возможным и художественно-поэтическое воспроизведение непременного компонента досуга и удовольствия — вина, которому в эллинской поэзии посвящено столько восторженных, назидательных и афористических строчек, — чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать недавно изданную антологию переводов пяти веков древнегреческих эпоса, элегии, ямбов и мелики [13]. Прямым подражанием таких мотивов греческой поэзии следует считать первый стихотворный панегирик вину в римской литературе (имеем в виду поэзию, дошедшую до нашего времени) — фрагмент 111–114 из «Менипповых сатур» Марка Теренция Варрона (116–28):

Vino nihil iucundius quisquam bibit:
Hoc aegritudinem ad medendam invenerunt,
Hoc hilaritatis dulce seminarium,
Hoc continet coagulum convivial.
Вино — из всех для всех питье сладчайшее:
Его открыли для целенья хворостей,
Оно — рассадник милого веселия,
Оно — скрепленье дружества пирующих
(11, 151, пер. М. Гаспарова).

Варрон, как известно, не был поэтом, приведенный выше фрагмент принадлежит произведению, представляющему собой «пеструю смесь из стихов и прозы» [6, с. 143] и является подражанием аналогичному по жанру

произведению греческого философа III в до н. э. Мениппа. Настоящим же открывателем темы вина в Риме и первым поэтом, открыто связавшим потребление вина с изображением мира личных чувств, стал Квинт Гораций Флакк (65–8 гг. до н. э.). Воспитанный на греческой культуре и поэзии [3, с. 204–207], он считал своей главной заслугой то, что «первым перевёл на италийский лад эолийскую песню» — primus Aeolium carmen ad Italos deduxisse modos (III, 30, 13–14).

А «эолийская песня», о которой говорит Гораций, — это прежде всего поэзия Алкея из Лесбоса (VII–VI вв. до н. э.), посвятившего немало строчек застольным песням, автора знаменитого афоризма οἶνος κάι ἀλάθεια — «истина в вине». Неслучайно, обращаясь в первой книге своих «Од» к лире с символической просьбой помочь ему создать новую, более значительную латинскую песню, Гораций упоминает, что первым, взявшим в руки лиру и воспевшим Вакха, Муз и Венеру с сыном, т. е. создателем мелической лирики, был именно «лесбосский гражданин» Алкей:

Lesbio primum modulate civi,
Qui ferox bello, tamen inter arma …
… Liberum et Musas Veneremque et illi
Semper haerentem puerum canebat
(I, 32, 5–6; 9–10).

Анализ содержания «Од» [15; с. 5] показывает, что Гораций чуть ли не в каждом третьем из этих произведений (в 34 из 104) касается темы «вино и человек». При этом в центре его внимания, как правило, воздействие вина на эмоционально-духовную сферу человека, в том числе и на себя самого, как субъекта и объекта художественного творчества.

Прежде всего, в исследованных «Одах» определяется семантический ряд понятий, традиционно связанных в античной культуре и поэзии с винопитием. Это удовольствие, радость, душевная свобода, в том числе и освобождение от всяческих волнений, забот и тревог. Такого рода положительные душевно-эмоциональные состояния Гораций обычно раскрывает через форму этико-философского поучения — беседы с адресатами — друзьями, которых около десяти, или в рассуждениях с условным собеседником (амфора, источник, какое-то божество). Подобного рода поучения-рассуждения у автора «Од» прежде всего концентрируются вокруг темы дружеского застолья. При этом такое застолье у Горация носит, как правило, определенно-адресный характер: он предпочитает веселиться не в толпе разноликих друзей, а с теми, кто ему ближе и приятнее всего. Среди таковых автор «Од» выделяет прежде всего своего знатного (atavis edite regibus, I, 1) друга и покровителя Мецената.

В первом стихотворении первой книги «Од», носящем во многом программный характер, Гораций пока не относит себя к тем, кто любит в тени деревьев проводить день, попивая Массикское (I, 1, 19–22), хотя в дальнейшем о подобном он будет говорить не раз. Для него пока важнее всего до-

биться признания у Мецената, стать в его глазах значительным лирическим (в античном понимании) поэтом:

Quod si me lyricis vatibus inseres,
Sublimi feriam sidera vertice.
(I, 1, 35–36)
Если ж ты сопричтешь к лирным певцам меня,
Я до звезд вознесу гордую голову
(Пер. А. П. Семенова-Тян-Шанского).

Поэтому Гораций еще не мечтает пока о совместном застолье со знатным покровителем. Однако в двадцатой оде той же книги поэт уже высказывает уверенность в том, что Меценат навестит его скромное деревенское имение, хозяин которого сам когда-то приготовил вино из своего виноградника, залил его в амфору и засмолил ее (1, 20, 1–4). Поэт уверен, что знатный гость не откажется от его скромного вина, хотя у него и нет привычных для Мецената дорогих сортов цекубских и каленских лоз, как и фалернских и формийских (1, 20, 5–8).

Подобным же образом приглашает Гораций Мецената к себе в гости и в других одах. Он готов угостить его мясом белого козла, веселым обедом и вином из амфоры, впитавшей дым в консульство Цицерона (III, 8, 6–12), или старым легким вином, приготовив цветы роз и ореховое масло для умащивания волос (III, 29, 1–4).

Однако скромный стол Горация и непритязательные, но любовно и своей рукой приготовленные вина отражают целую философию жизни поэта, основанную на известных положениях философских учений стоиков и эпикурейцев. Он не зря зовет Мецената, обремененного государственными заботами, в свою уединенную деревенскую усадьбу: его скромное дружеское застолье и вино принесут усладу и душевное успокоение другу. Поэтому поэт настойчиво призывает Мецената отбросить гражданские заботы (mitte civilis super urbe curas, III, 8, 17), прибыть к нему и выпить за его здоровье «сто кубков» (sume, Maecenas, cyanthos amici sospitis centum, III, 8, 13–14), насладиться днем и его дарами (dona praesentis cape laetus horae, III, 8, 27). И центральным пунктом в услаждении горестей и облегчении душевных забот поэт, следуя греческой традиции, считает вино, которое у него постоянно ассоциируется с богом вина Дионисом и другими его названиями: Либер (Liber), Вакх (Bacchus), Лиэй (Lyaeus), Леней (Lenaeus), Эввий (Euhius), Баccарей (Bassareus), сын Семелы (filius Semelae).

В своей философии вина Гораций отталкивается прежде всего от жизнеотношения Алкея, о котором не раз говорит, как об учителе своей поэтической лиры. У Горация можно нередко найти прямые перепевы или чуть ли не текстуальные заимствования из застольных песен знаменитого лесбоссца. Например, в фр. 342 (Лобель–Пейдж) Алкей обращается к неизвестному адресату со словами: *«Никогда не сажай в землю древес до виноградных лоз»* (пер. М. Гаспарова). Гораций начинает 18 оду I книги почти

теми же словами: «Nullam, Vare, sacra vite prius severis arborem». Затем следуют слова, тоже нередко звучащие у Алкея:

Трудным делает Вакх тем, кто не пьет, жизненный путь; нельзя
Едких сердца тревог прочь отогнать, кроме вина, ничем.
(I, 18, 3–4, пер. Н. С. Гинцбурга).

Гораций развивает эту тему во многих одах:

Так и ты, мой Планк, и печали и тягости жизни
Нежным вином разгонять научайся.
(I, 7, 17–18, пер. Г. Ф. Церетели).
И пить! Ведь Эввий думы гнетущие рассеет быстро.
(II, 11, 17–18, пер. Г. Ф. Церетели).

Однако у Горация, в отличие от Алкея, мы находим не только одни призывы к наслаждению вином или к забвению в вине. Гораций — прежде всего поэт «золотой середины», певец чувства меры во всем: «Est modus in rebus, sunt certi denique fines» (Serm I, 1, 106). Поэтому он стремится в своих советах-рассуждениях внушить мысль о необходимости ограничить чрезмерное эмоциональное возбуждение, вызываемое вином:

Пусть никто не прейдет меры в питье: Либер блюдёт предел
Бой кентавров возник после вина с родом лапифов, — вот
Пьяным лучший урок …
(I, 18, 7–9, пер. Н. С. Гинцбурга).
… держите Вакха
скромного дальше от ссор кровавых!
(1, 27, 34, пер. Г. Ф. Церетели).

Показательно и то, что в советах использовать вино для услаждения жизни Гораций нередко употребляет глагол «sapĕre» — быть разумным (мудрым):

*… sic tu, **sapiens** finire memento*
tristitiam vitaeque labores
molli, Plance, mero…
(I, 7, 17–19).
*… **sapias**, vina liques, et spatio brevi*
spem longam recesses.
(I, 11, 6–7).

Вино в «Одах» Горация нередко соотносится и с семантическим полем чувственной любви. Эта взаимосвязь формально вытекает из содержания поэзии «учителя» Горация — Алкея, воспевавшего «Вакха, Муз и Венеру с сыном» (I, 32, 9). Однако нет сомнения, что Горацию в определении тематики его песен не требовались учителя: он за образец брал у греческих поэтов прежде всего мелические размеры, создавая с их помощью Italos modos. Тема же любви вечно жива в поэзии каждого народа, как и сами любовные чувства. Поэтому Гораций вполне оригинален, когда объявляет, что петь он будет «о пирах и прелестницах, острый чей ноготок страшен для

юношей» (I, 6, 17–18, пер. Г. Ф. Церетели). Ему же самому повелели душу доверить любви «мать страстей беспощадная, Дионис молодой, с резвой Вольностью» (I, 19, 1–2, пер. А. П. Семенова-Тян-Шанского). И поэт признается, что он сгорает, когда у любимой Лидии «буйный хмель запятнал плечи прекрасные» (I, 13, 10, пер. А. П. Семенова-Тян-Шанского). И, естественно, компания молодых людей, устраивая пирушку с «фалерна огненной влагой», не может обойтись без красотки Лиды:

… пусть она спешит к нам с лирой, косы наспех
В узел связав на манер лаконский
(II, 11, 22–24, пер. Г. Ф. Церетели).

Стоит отметить, что в римской поэзии задолго до Горация вино и любовь идут в паре, как стихии, друг друга питающие и поддерживающие. Например, Леэна, персонаж комедии Плавта «Куркулион», совершая символическое возлияние вином, говорит Венере:

«Влюбленные, млея, на пире пьянея, вино тебе льют, не жалея»
(125, пер. Ф. Петровского и С. Шервинского).

А в комедии «Бакхиды» говорится:

«Что заманчивей женщины, вина и ночи человеку юному!»
(88–89, пер. А. Артюшкова).

Сравним также выражение из «Вакханок» Еврипида (773): «οἴνου δέ μηκέτ᾽ ὄντος, ουκ ἔστι Κύπρις» (где совсем вина нет, нет и Киприды (любви)).

Метафорикой и символикой практически всех мотивов, связанных с вином, пронизано произведение Горация «К амфоре» (III, 21). Обращаясь к своей ровеснице — амфоре, хранительнице вина, поэт фактически произносит хвалебную речь в честь «массикского сока» — старого вина, которого жаждет друг поэта Корвин. И сколь ни мудр Корвин, который «напился мудрых речей Сократа», и сколь ни суров, но не отвергнет он вина из амфоры, ибо и «доблесть древнего Катона часто, по слухам, вином калилась» (III, 21, 9–12, пер. Н. С. Гинцбурга). Содержимое амфоры может нести разное: упреки (querelas), шутки (iocos), ссору (rixam), безумства любви (insanos amōres), легкий сон (facĭlem somnum). А кроме того:

Ты легкой пыткой тем, кто угрюм всегда,
Язык развяжешь; трезвых людей печаль
И замыслы, что зреют втайне,
Вскрыть ты умеешь с шутливым Вакхом!
Вернуть надежду мнительным можешь ты,
Внушить задор и сил бедняку придать:
Испив тебя, он не страшится
Царских тиар и солдат оружья
(13–20).

И завершает Гораций это удивительное стихотворение почти гимническим пожеланием:

Пусть Вакх с Венерой благостной будут здесь,
И в хоре дружном Грации. Пусть тебя
При ярких лампах пьют до утра,
Как побегут перед Фебом звезды
(21–24).

Мы рассмотрели только некоторые, самые важные, на наш взгляд, аспекты очень многогранной и емкой темы «Человек и вино» в одах Горация и убедились в том, насколько ярко выраженную эмоционально-субъективную и вместе с тем осознанно-рациональную интерпретацию эта тема получила в исследованных произведениях. Нам представляется возможным на основании материалов как этой небольшой статьи, так и тех, которые остались за ее рамками, дополнить утверждение известного исследователя Г. Ф. Кнабе: «Не только вода, — как ему представляется в замечательной в целом монографии «Древний Рим: история и повседневность» (М., 1986), — но и вино было для римлян необходимым элементом особого ценностного состояния», которое они обозначали непереводимым словом otium — досуг, отданный творчеству, беседе и размышлениям. В целом же история и психология взаимоотношений вина и человека в античности — актуальная и интересная тема, ждущая дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Античная* цивилизация / АН СССР, Ин-т археологии ; отв. ред. В. Д. Блаватский. – М. : Наука, 1973. – 270 с.

2. *Баумгартен, Ф.* Эллинистически-римская культура / Ф. Баумгартен, Ф. Поланд, Р. Вагнер. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1914. – [2], XVIII. – 777 с.

3. *Борухович, В. Г.* Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время / В. Г. Борухович. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 375 с.

4. *Гаспаров, М. Л.* Поэт и поэзия в римской культуре / М. Л. Гаспаров // Культура Древнего Рима : в 2 т. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории ; Е. М. Штаерман [и др.]. – М. : Наука, 1985. – Т. 1. – С. 330–335.

5. *Гораций*. Собрание сочинений : пер. с лат. яз. / Гораций. – СПб. : Биограф. ин-т «Студиа биографика», 1993. – 447 с.

6. *Дуров, В. С.* История римской литературы / В. С. Дуров. – СПб. : Санкт-Петерб. ун-т, 2000. – 323 с.

7. *Мах, Г. С.* Лексика виноградарства і виноробства у латинській мові / Г. С. Мах // Іноземна філологія. – 1989. – Т. 26, Вип. 95.

8. *Мах, Г. С.* Лексика і фразеологія виноградарства і виноробства у латинській мові / Г. С. Мах // Іноземна філологія. – 1990. – Т. 27, Вип. 99.

9. *Морева-Вулих, Н. В.* Римский классицизм: творчество Вергилия, лирика Горация / Н. В. Морева-Вулих. – СПб. : Академический проект, 2000. – 266 с.

10. *Плутарх*. Застольные беседы : пер. / Плутарх ; отв. ред. Я. М. Боровский. – Л. : Наука, 1990. – 592 с. (Литературные памятники).

11. *Полонская, К. П.* Хрестоматия по ранней римской литературе: для филол. спец. вузов / К. П. Полонская, Л. П. Поняеа. – М. : Высшая школа, 1984. – 225 с.

12. *Штаерман, Е. М.* От религии общины к мировой религии / Е. М. Штаерман // Культура древнего Рима : в 2 т. / АН СССР, Ин-т всеощ. истории ; Е. М. Штаерман [и др.]. – М. : Наука, 1985. – Т. 1. – С. 135.

13. *Эллинские* поэты. VIII–III вв. до н. э.: Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / отв. ред. М. Л. Гаспаров. – М. : Ладомир, 1999. – 515 с. (Античная классика).

14. *Bruhl, A.* Liber pater: Origine et expansion du culte dionysiaque a Rome et dans le monde romain / A. Bruhl. – Paris : E. de Boccard, 1953. – 355 p.

15. *Horatius*. Opera / Horatius. – 3 recogn. Fr. Klinger. – Lipsiae : Tubner, 1959. – XXII. – 378 p.

16. *Ovid*. Fast. III, 713–808.

17. *Ovid*. Fast. IV, 863–900.

18. *Słownik* grecko-polski : w 4 t. / pod red. Z. Abramowiczówny. – Warszawa : Panst. Wydaw. Naukove, 1962. – T. 3 : Λ-п. –778 s.

19. *Słownik* łacinsko-polski : w 5 t. / pod red. M. Plezia. – Warszawa, 1979. – T. 5 : S-Z. – 673 s.

20. *Verg*. Aen. VII, 179–189.

21. *Verg*. Georg. II, 527–540.

22. *Verg*. Georg. II, 103–106.

Впервые опубликовано: Studia philologica : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т ; под ред. Т. И. Шевченко. – Минск : БГМУ, 2002. – Вып. 5. – С 88–96.

ИДИЛЛИИ ФЕОКРИТА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИЙ СЕРЬЕЗНО-СМЕХОВЫХ И ЭТОЛОГИЧЕСКИХ ЖАНРОВ

Как уже отмечалось в научной литературе, интерес к Феокриту в последнее время значительно возрос [12, с. 168]. И дело не только в высоких художественных достоинствах поэтического наследия этого «последнего классика» (Круазе) древнегреческой литературы. Гораздо важнее то, что в небольших и, на первый взгляд, неприхотливых стихотворениях Феокрита вдумчивый читатель и критик неизбежно открывает богатое виденье действительности [8, с. 209] и внутреннего мира личности [23, с. 5]. Именно поэтому всесторонний анализ «творческой лаборатории» автора идиллий представляется весьма важным и научно обоснованным. Подобные исследования тем более актуальны, что Феокрит — самый яркий представитель литературы той эпохи в истории европейской культуры, когда в творческом сознании человека наступает глубокий переворот в постижении окружающего его мира. У него впервые появляются возможности для сознательно-художественного изображения действительности, типичные для поэтики художественной литературы [20, с. 193]. В связи с этим в литературе именно эллинизма следует более пристально искать истоки нашей современной поэтики сюжетов и жанров, ростки многих художественных направлений нового времени. А. Ф. Лосев отмечает: «Объективный историк культуры не может не чувствовать глубокую зависимость западноевропейской культуры именно от эллинизма, а не от эллинства» [9, с. 119]. Этот тезис находит убедительное подтверждение в известных работах М. М. Бахтина [5; 6], посвященных истории романного слова.

Мы рассмотрим идиллии Феокрита в свете двух интересных литературоведческих концепций последнего времени, которые в значительной мере затрагивают и особенности поэтики, жанрового содержания поэтического наследия знаменитого александрийца. Для исследования мы привлекаем только идиллии в собственном смысле слова (картинки жизни). Это мимические и буколические идиллии I, II, III, IV, V, VI, VII, X, XI, XIV, XV. Именно они, как давно уже отметили исследователи [27, с. 4; 13, с. 47–48], представляют наибольшую ценность в сборнике Феокрита. Мы считаем методологически неприемлемым принцип анализа подлинных идиллий Феокрита наряду с неподлинными, ибо, как показала М. Е. Грабарь-Пассек [8, с. 202–229], поэтика всех подражателей Феокрита отличается от поэтики основателя идиллического жанра. Поэтому идиллии VIII, IX, XX, XXI, XXVIII, традиционно считающиеся неподлинными, в нашей работе не рассматриваются.

Первая концепция предполагает включение мимов и буколик Феокрита в ряд серьезно-смеховых жанров. Их типология проведена М. М. Бахтиным в известной монографии «Проблемы поэтики Достоевского» [5], причем впервые не только в отечественной, но и в зарубежной филологии.

Практически во всех произведениях Феокрита (за исключением ид. XI) персонажи выступают не в прошлом мифа или предания, а в современной действительности, которая достаточно широко варьируется: от исторически или географически конкретного места действия (в ид. XV — город Александрия времен Птоломея Филадельфа, в V — окрестности города Фурии в Южной Италии) до общего пастушеского ландшафта, не поддающегося точной пространственной или хронологической локализации (ид. III и VI); от более или менее значительных социальных проблем и явлений (оценка современных правителей в ид. XIV и XV, наемничество — в XIV, общественные праздники и этология — во II, XIV и XV) до интимно-индивидуальных и незначительных бытовых мотивов (ид. III, V, VI). Во многих произведениях встречаются различные комбинации мотивов. Например, в ид. IV к обыденно-бытовому присоединяется и определенный социальный момент, а в ид. X варьируются интимный, бытовой и социальный мотивы. В целом же из разрозненных и разноплановых «картинок» у Феокрита складывается довольно богатый объективный образ современной поэту сельской и городской действительности. В этом плане идиллии Феокрита — весьма примечательный и, пожалуй, уникальный феномен в древнегреческой литературе, наглядно показывающий, насколько продвинулся в эпоху эллинизма процесс художественного освоения действительности по сравнению с литературой классической Греции, основанной на мифологии.

Герои мифологического предания выступают у Феокрита только в нескольких идиллиях и, как правило, в контексте пастушеских песен. Для нас представляет интерес прежде всего тот случай, где, согласно характеристике М. М. Бахтина, главные действующие лица произведения — герои мифа —

нарочито осовременены. Такой персонаж выступает в ид. XI. Здесь киклоп Полифем, несмотря на присущую ему внешность, является типичным деревенским пастухом, предел желаний которого — иметь подругу, помощницу в своих хлопотных делах и заботах. В таком же сниженном плане дается фигура Полифема и в песнях пастухов в ид. VI. В ид. I Гермес, Приап, Афродита после нескольких фраз самого прозаичного содержания присоединяются к толпе пастухов, бессильных помочь гибнущему Дафнису.

Все герои идиллий действуют в зоне непосредственного и даже грубо фамильярного контакта с живыми современниками (некоторое исключение составляет только ид. XI). Заметнее всего этот признак серьезно-смеховых жанров выступает в ид. IV, V, X, XIV, XV — наиболее диалогичных, имеющих ярко выраженный мимический характер.

Максимально приближая своих героев к живой современности, Феокрит опирается на общественно-исторический опыт своего поколения, живущего в первый век эллинистической эпохи. Естественно, что этот опыт, как отмечает М. М. Бахтин, еще недостаточно зрелый, но уже дает возможность поэту отразить целый ряд существенных моментов и особенностей современной ему действительности. Здесь и обострение противоречий между городом и селом (нагляднее всего это прослеживается в ид. VII), космополитизм сознания рядового гражданина эллинистического государства, отсутствие его связи с общественной жизнью (ид. XI), полное угасание религиозного чувства в традиционно принятой культовой форме (ид. XV). Однако главное, что подсказывает опыт писателю эллинизма — это осознание факта изоляции личности от общества и, как следствие, ее самоуглубление, обостренность и утонченность чувств. Этим, в частности, можно объяснить преобладание любовной тематики в литературе эллинизма, особенно у Феокрита. Как отмечает А. Ф. Лосев, «небывалая экспансия иноземных завоеваний и небывалый рост рабовладения с исторической необходимостью приводят к культу изолированной человеческой личности, углубленной в свои собственные переживания и только с большим трудом выходившей из своих глубин на встречу с объективной реальностью мира и жизни» [10, с. 31]. Такой феномен предопределил романтические тенденции в литературе, объективно способствовал росту воображения и фантазии у личности. В частности, о романтических тенденциях в поэзии Феокрита см. [17; 18]. Поэтом «внутренних эмоций и воображения» считает Феокрита Дж. Ловелл [23, с. 12–13].

В творческом сознании писателя возрастает роль свободного вымысла — качество, отмеченное в концепции М. М. Бахтина. В идиллиях Феокрита вымысел не доходит до фантастики, свойственной, например, жанру «Менипповой сатиры»; он остается в основном в пределах аристотелевских критериев «вероятности» и «правдоподобия» [3, с. 77–89]. Создавая свои произведения, поэт ориентируется прежде всего на реальную действительность. Основные источники его творческого воображения — социальный

опыт и литературная традиция. Можно утверждать, что более активными и значительными компонентами поэтики Феокрита являются все же социальный опыт и творческое воображение. И поэтому трудно согласиться с Т. Розенмейером, утверждающим, что литературные источники и литературная традиция — главное в поэтике Феокрита, и что в сельских идиллиях поэт только соединил все предыдущие литературные элементы — эпические, лирические и драматические, не внеся, по существу, ничего нового в изображение человека и действительности [25, с. 40–41]. Ошибка критика состоит в том, что он рассматривает сельские идиллии Феокрита сквозь призму буколического жанра. Слагаемый из определенной суммы «буколических» мотивов, этот жанр оказался нежизнеспособным именно из-за того, что поэтика его строилась на определенных внешних, формальных моментах поэзии не столько Феокрита, сколько Вергилия, и поэтому не могла иметь никакого внутреннего родства с наполненными реальным содержанием сельскими идиллиями эллинистического поэта. Изображение человека и действительности как в сельских, так и в городских идиллиях Феокрита основывается на общих принципах, характерных для жанра серьезно-смехового, которые ведут, как отмечает М. М. Бахтин, к целому перевороту в истории литературного образа.

До эпохи эллинизма античная литература знала только два жанра — высокий и низкий, хвалебный и обличительный, серьезный и смеховой. Типологию этих жанров мы находим у О. М. Фрейденберг [16, с. 233–234]. Произведения, относящиеся к ним, писались двумя различными языками, имели два неодинаковых репертуара сюжетов, две группы действующих лиц, стилей и всей системы средств изображения. Если в высоких жанрах построение литературного произведения предполагалось в зоне образа, удаленного эпической или трагической дистанцией, обусловленной традицией мифа или предания и отменяющей всякий возможный контакт с настоящим в его незавершенности, то современная действительность, которая подразумевала исключительно «низкое» настоящее, была предметом изображения только в низких, комедийно-обличительных жанрах [6, с. 463].

Идиллии Феокрита, как видим, имеют в поле зрения живую, чаще всего «низкую» современную действительность. Тем не менее отнести их к комедийно-обличительному жанру неправомерно, так как ни в одной из анализируемых идиллий нет критики персонажей или действительности. Обилие же комических элементов, обусловленных мимическим «организующим» идиллии, уравновешивается, как правило, «высокой» патетикой — «серьезным» выражением любовных чувств (ид. III, XI) или трезво-практическим образом мыслей и настроем второго персонажа (ид. IV, X, XI). Исходя из бахтинской типологической характеристики, мы не можем отнести идиллии и к высоким жанрам.

В последнее время в литературе обычно упоминается о смешении высокого и низкого в идиллиях Феокрита [14, с. 311; 29, с. 73–74]. Действи-

тельно, практически в каждой из них мы находим подтверждение этого факта. В ид. I «высокая», полная трагизма песня о Дафнисе вплетена в «низкий» фон пастушьего быта, да и в самой песне присутствуют элементы комического (шутки Приапа, осмеяние Дафнисом Афродиты). «Высокие» чувства Козопаса (ид. III), Киклопа (ид. XI), Букая (ид. X) снижаются целым рядом бытовых деталей. В трагикомических тонах обрисованы перипетии любви Эсхина к Киниске (ид. XIV). Многостильность идиллий, соединение в них трагического и комического, серьезного и смехового — факт, не вызывающий возражения у исследователей. Как отмечает Д. Джангранде, еще Феофраст определял мим как вид имитационного искусства, сочетающий самые противоположные элементы [22, с. 86].

Можно убедиться в том, что все три типологические особенности серьезно-смеховых жанров, отмеченные М. М. Бахтиным, свойственны идиллиям Феокрита. Поэтика александрийского автора отражает самые животрепещущие тенденции его эпохи и предоставляет богатые возможности для изображения человека и действительности. Концепции серьезно-смеховых жанров убедительно доказывают, что в литературе эпохи эллинизма центральное место занимают пути перестройки художественной действительности и образа человека. Жанр здесь исследуется «не в формалистическом смысле, а как зона и поле ценностного восприятия и изображения мира» [6, с. 471].

Рассмотрим теперь идиллии Феокрита в свете концепции жанров, предложенной Г. Н. Поспеловым [11, с. 230–280] и развитой в работе Л. В. Чернец [19, с. 19–28].

В мировой литературе Г. Н. Поспелов выделяет национально исторические, этологические (нравоописательные) и романтические жанры. Главный интерес для нас представляет типологический ряд этологических жанров, поскольку именно к нему ученый относит идиллии Феокрита [11, с. 250].

Более подробно поэтику этологических жанров, в сравнении с романтическими, излагает Л. В. Чернец, выделяя три основные их особенности. Если в фокусе проблематики романтических жанров находится личность, ее отношения с обществом, се развитие и судьба, то в этологических жанрах внимание сосредоточено на общественной среде; ее относительно устойчивом состоянии и на господствующих в ней нормах поведения.

Система персонажей в романтических жанрах отражает сложные, часто конфликтные отношения героя и среды, что обусловливает тенденцию к выделению в системе персонажей одного или нескольких героев и изображение их характеров в развитии. В этологических жанрах система персонажей моделирует общественную среду; персонажи здесь интересны как ее представители. Отсюда стремление изображать целую галерею персонажей, статичных по характеру, обладающих устойчивыми нравственными качествами.

Если сюжет в романтических жанрах мотивирует развитие характеров героев, то в этологических сюжет помогает ярче раскрыть определенное

состояние среды. Сюжетное время здесь отражает не столько процесс, сколько отдельный момент (или моменты) общественной жизни [19, с. 22].

Как известно, жанровая проблематика идиллий Феокрита посвящена особенностям быта средних и низших слоев эллинистического города и деревни, причем раскрываются и нормы поведения, действующие в городской, но в основном в пастушеской среде. Эта среда, как мы уже показали, утверждается автором — мы не находим в идиллиях пафоса идейного отрицания, свойственного комедии и сатире. Однако трудно согласиться с Л. В. Чернец в том, что общественная среда в идиллиях Феокрита идеализирована [19, с. 23–24]. Идиллии II, XIV, XV, реалистически воссоздающие картины жизни эллинистического города, видимо, совсем не учитываются исследователем. Что касается сельских идиллий, то и здесь речь не может идти об идеализации [18].

В идиллиях Феокрита отражается усложняющийся мир отдельной личности в эпоху эллинизма, но изображение человека дается в относительно устойчивом состоянии, исключающем развитие — перед нами всегда временная «картинка» жизни, ограничивающая действие несколькими минутами, в пределах диалога или монолога действующих лиц. Такая особенность сельских и городских идиллий Феокрита обусловлена прежде всего мимическим элементом, определяющим жанровую проблематику и систему персонажей, анализируемых в произведении. Этология, как отмечает Х. Рейх, — самый отличительный признак мимического искусства [24, с. 390].

В литературе уже отмечалось, что Феокрит изобразил почти все возможные в его время характеры, связанные с бытом мелкого и среднего человека [2, с. 229]. «Картинки жизни» поэта представляют целую галерею персонажей пастухов, наемных рабочих, гетер, горожанок среднего достатка, наемных солдат и др. Все они, конечно, даются статично, в какой-то определенный момент жизни. Однако характеры персонажей идиллий не однозначны, они достаточно реальны и дифференцированны, поэт изображает, как справедливо отмечала М. Е. Грабарь-Пассек «типические ситуации при сохранении живой индивидуальности действующих лиц» [8, с. 209]. Поэтому спорной выглядит точка зрения Л. В. Чернец, согласно которой «можно говорить не о портрете личности, но о групповом портрете применительно к идиллии с ее условными «пастушескими» эмоциями и традиционными именами» [19, с. 24]. Подобное мнение могло сложиться вследствие некритического подхода к той подражательной поэзии, которая, хотя и приняла условные названия «буколика» и «идиллия», на самом деле лишь привела к опустошению и омертвению жанров, основанных эллинистическим поэтом. Такая позиция в отношении поэзии Феокрита свойственна, к сожалению, еще многим исследователям. А между тем в своей работе М. Е. Грабарь-Пассек [8, с. 202–229] убедительно показала причины деградации жанрового содержания и изображения персонажей в идиллиях всех тех, кто думал, что подражает Феокриту.

Анализ идиллий Феокрита в свете концепции этологических жанров во многом объясняет приглушенность социальных мотивов в произведениях поэта. Здесь нет столкновения внутреннего мира человека с социальной действительностью — это прерогатива будущих романтических жанров. У поэта главное противоречие сосредоточено в сфере человеческих характеров и чувств, дающее ход драматическим ситуациям и сюжету идиллий. Эта особенность характерна для всей античной литературы, практически лишенной социологической подосновы, — углубления в проблематику и способности к социальному анализу [4, с. 50–52]. А это говорит о ее этологической окраске в целом. Однако в идиллиях Феокрита мы наблюдаем также и многие зачаточные элементы и романтического жанрового содержания, которые в условиях рабовладельческого общества не могли получить дальнейшего развития: античность не поняла и не оценила этих новаторских поисков. Как отмечает А. А. Белецкий, «для развития положительных сторон поэзии Феокрита, ее реалистических устремлений в греческой литературе эллинистического периода не было перспектив» [1, с. 338–339]. После определенного усложнения жизни и прогресса в начале эллинистической эпохи общая тенденция рабовладельческого общества вела к его упадку, к «глухой обороне» [4, с. 78]. Поэтому неудивительно, что тот положительный заряд, который был заложен в поэтике Феокрита, с точки зрения концепций как серьезно-смехового, так и этологического жанров, мельчает и деградирует у последователей поэта от античности до нового времени.

В пределах идиллий между рассмотренными концепциями существует связующее звено, которым являются уже неоднократно упоминавшиеся мимические элементы. Взяв начало в народных смеховых жанрах, они на исходе классической и в начале эллинистической эпох «поднимают» смеховые (одновременно «опускают» серьезные) жанры до уровня серьезно-смеховых. С другой стороны, участвуя в создании галереи портретов представителей социальной среды своего времени, мимические элементы создают зачатки этологической литературы. Мимическое и его роль в литературе античности требуют досконального и полного исследования. Анализ идиллий Феокрита с позиций разных концепций базируется на том факте, что наши теоретико-литературные и историко-литературные категории вовсе не обладают такой отчетливостью и такой тонкостью, которая целиком могла бы соответствовать тому или иному литературному явлению [15, с. 270], а поэтому «оправданы и даже совершенно необходимы разные подходы на путях приближения научной мысли к художественной действительности» [7, с. 330].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антична* література : хрестоматія для філол. фак. ун-тів і пед. ін-тів / упоряд. А. О. Білецький. – 2-е вид., доп. – Київ : Рад. шк., 1968. – 611 с.

2. *Античная* литература : учеб. / А. Ф. Лосев, Г. А. Сонкина, А. А. Тахо-Годи [и др.] / под ред. А. А. Тахо-Годи. – 3-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1980. – 494 с.

3. *Аристотель* и античная литература / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. М. Горького ; отв. ред. М. Л. Гаспаров. − М. : Наука, 1978. – 230 с.

4. *Ауэрбах, Э.* Мимесис: Изображение действительности в западной литературе : пер. с нем. / Э. Ауэрбах. – М. : Прогресс, 1976. – 562 с.

5. *Бахтин, М. М.* Проблемы поэтики Достоевского М. М. Бахтин. – 3-е изд. – М. : Худож. лит., 1972. – 470 с.

6. *Бахтин, М. М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит, 1975. – 502 с.

7. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества : сб. избр. тр. / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с. (Из истории сов. эстетики и теории искусства).

8. *Грабарь-Пассек, М. Е.* Буколическая поэзия эллинистической эпохи / М. Е. Грабарь-Пассек // Феокрит. Идиллии и эпиграммы / Феокрит. Мосх. Бион. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 326 с.

9. *Лосев, А. Ф.* История античной эстетики. Ранняя классика / А. Ф. Лосев. – М. : Высшая школа, 1963. – 583 с.

10. *Лосев, А. Ф.* История античной эстетики. Ранний эллинизм / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1979. – 815 с.

11. *Поспелов, Г. Н.* Теория литературы : учеб. для филол. спец. ун-тов / Г. Н. Поспелов. – М. : Высшая школа, 1978. – 351 с.

12. *Рубцова, Н. А.* Новая литература о Феокрите / Н. А. Рубцова // Вестник древней истории. – 1978. – № 1 (143). – С. 168–176.

13. *Семенов, А. Р.* Введение к чтению Феокрита / А. Р. Семенов. – Киев : Тип. К. Н. Милевского, 1896. – 73 с.

1. *Старостина, Н. А.* Буколика Феокрита как действенность жанровой формы / Н. А. Старостина // Вопросы классической филологии. – 1971. – № 3–4. – С. 311.

14. *Тахо-Годи, А. А.* Природа и случай как стилистические принципы новоаттической комедии / А. А. Тахо-Годи // Вопросы классической филологии. – 1971. – № 3–4. – С. 270.

15. *Фрейденберг, О. М.* Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы / О. М. Фрейденберг. – Л. : Гослитиздат, 1936. – 454 с.

16. *Цисык, А. З.* Романтическая мечта и реальная действительность в сельских идиллиях Феокрита (ид. VII, I) / А. З. Цисык // Іноземна філологія. – 1979. – Вип. 55.

17. *Цисык, А. З.* Романтическая мечта и реальная действительность в сельских идиллиях Феокрита (ид. IV, X, XI) / А. З. Цисык // Іноземна філологія. – 1980. – Вип. 60.

18. *Чернец, Л. В.* О поэтике нравоописательных жанров / Л. В. Чернец // Филологические науки. – 1976. – № 3. – С. 24–28.

19. *Чистякова, Я. А.* Миф и действительность в античной литературе (к постановке проблемы) / Я. А. Чистякова // Проблемы античной истории и классической филологии : тез. докл. Всесоюз. науч. конф. – Харьков, 1980. – 193 с.

20. *Horstmannn, A.* Ironie und Humor bei Theokrit / A. Horstmannn. – Essen : Meisenheim am Glan-Hain, 1976. – 177 s.

21. *Giangrande, L.* The Use of spoudaiogeloion in Greek and Roman Literature. – Paris : Haag, 1972. – 139 p.

22. *Lawell, G.* Theocritus' Coan Pastorals : a poetry book / G. Lawell. – Washington : Center for Hellenic Studies, 1967. – 166 p.

23. *Reich, H.* Mimus / H. Reich. – Berlin : Weidmannsche Büchhandlung, 1903. – Bd. I. – 498 s.

24. *Rosenmayer, T. G.* The Green Cabinet: Theocritus and European Pastoral Lyric / T. G. Rosenmayer. – Berceley ; Los Angeles : Univ. of California Press., 1967. – 376 p.

25. *Sinko, T.* Literatura grecka : w 3 t. / T. Sinko. – Kraków : Polska Akad. Umiejetnosści, 1947. – T. 2, cz. 1. – VI. – 536 s.

26. *Theocrits* Idyllen / Mit deutscher Erkl. von Ad. Th. H. Fritzsche. – Leipzig, 1869. – VIII. – 306 s.

27. *Van Sickle, J. B.* Poetica teocritea / J. B. Van Sickle // Quaderni urbinati di cultura classica. – 1970. – № 9. – P. 67–83.

28. *Philologische* Untersuchungen / hrsg.: A. Kiessling, U. Wilamowitz-Moellendorf. – Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1906. – Heft 18 : Die Textgeschichte der griechischen Bukoliker. – 277 s.

Впервые опубликовано: Іноземна філологія : респ. межвед. науч. сб. / Львов. гос. ун-т им. И. Франко. – Львов : Высшая школа, 1982. – Вып. 65, № 18 : Вопросы классической филологии. – С. 97–105.

ИСТОКИ И ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ У ГОРАЦИЯ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Одной из первоочередных проблем в исследовании античной литературы на современном этапе является проблема самосознания творящей личности и осознание своего творчества в процессе его осмысления. Именно в таком ракурсе нам предстоит вкратце рассмотреть творчество одного из самых выдающихся поэтов августовского Рима — Квинта Горация Флакка.

Художественно-эстетические взгляды Горация формировались как в русле отечественной римской традиции, так и в еще большей степени под влиянием греческих поэтов и греческой культуры в целом [1]. Гораций был воспитан, прежде всего, в системе современных ему духовно-мировоззренческих ценностей, которые неминуемо отражались на философии жизни и творчества римского поэта, чье образование началось в Риме и завершалось в Афинах, этой школе античной мудрости. В эпоху Горация просвещенное большинство римского общества уже восприняло и окончательно освоило греческую культуру, в результате чего сложился тот своеобразный синтез греческих и римских ценностей, который получил в современной науке название эллинистически-римского типа античной культуры [2].

Самое значительное влияние на эстетику художественного творчества Горация оказали стоицизм и эпикуреизм. Эти философские течения эллинизма уже давно находили своих сторонников в Риме, но их популярность особенно возросла по мере углубления кризиса полисно-республиканского мировоззрения [3]. В поэзии Горация отразилось постоянное стремление к душевной уравновешенности, безмятежности и личной добродетели. Далеко не случайно в идейном репертуаре поэта основным мировоззренческим принципом оказывается принцип независимости личности, звучащий лейтмотивом в самых разных произведениях [4]. Этот особый «индивидуализм», ставший основной чертой всей эллинистическо-римской культуры [5], в эпоху становления принципата Августа в условиях острой социальной борьбы предоставлял каждому отдельному человеку тешить себя иллюзией

внутренней свободы и одновременно сохранять необходимый принцепсу образ верноподданного гражданина, а если нужно, находить аргументы для своего отказа от общественных дел. Наряду с творчеством других поэтов этой эпохи, поэзия Горация явилась ярчайшей иллюстрацией подобных мировоззренческих коллизий. Гораций сумел модифицировать философию античного индивидуализма как единую тенденцию развития общественной психологии данного периода истории Рима, столь знаменательного для будущей истории европейской культуры [6].

В римской литературной традиции Гораций нашел своих предшественников в лице Квинта Энния и Гая Луцилия, поэтов III–II вв. до н. э. В произведениях Энния впервые в римской поэзии появляются автобиографические мотивы, обращения к самому себе и самоирония. Поэтому именно с Эннием принято связывать первое проявление личностного начала в римской литературе [7]. Однако гораздо определеннее и полнее процесс авторского самовыражения представлен у Луциллия. В своих сатурах, к сожалению, известных теперь лишь крайне фрагментарно, Луциллий гордится своей независимостью:

Не хочу я нравится черни, как иные пишущие:
Тех мужей хочу пленять я…
…из самого предсердья
Изливаю стих.

Рассуждает он как о поэзии, так и о своем отношении к ней, наставляя разбираться в стихах и стихотворстве (poema, poesis), говорит о погрешностях в стихе, слове или образе (verus, verbum, entymema) [8]. Именно на эту сторону поэзии Луциллия впоследствии обратил внимание Гораций, назвав себя его продолжателем:

Все свои тайны, как верным друзьям, поверял он листочкам.
Горесть ли, радость ли — к ним, к ним одним всегда прибегал он!
Всю свою долгую жизнь, как на верных обетных дощечках,
Старец в своих начертал сочиненьях. Его то примеру
Следую я.
(S., II, I, 30–34; пер. М. Дмитриева).

В период падения республики, когда отдельная человеческая личность начинает выдвигаться особенно интенсивно, в общественно-исторической действительности закономерно растет осознание этого процесса среди различных представителей образованного римского общества. Цицерон пишет поэмы «О моем консульстве» и «О моем времени». Субъективные переживания автора, его творческая личность становятся объектом поэтического изображения Катулла. Таким образом, ко времени Горация в римской литературе уже были сделаны первые важные шаги в направлении становления авторского самосознания и способов его художественного выражения.

Как же развивался этот процесс у самого Горация? При первом знакомстве с поэзией Горация сразу же привлекает внимание ярко выражен-

ный личностный, диалогический ее характер. Подавляющее большинство его произведений — это своего рода обращения поэта к реальным или фиктивным лицам, причем высказывания самого Горация всегда носят убеждающий, активный характер. Литературная программа Горация близка требованиям Каллимаха, т. е. отказу от больших поэтических произведений со сквозным сюжетом, тщательной отделки формы и предпочтения поэтическим новациям на основе использования всего предшествующего художественного опыта [10]. «Оды», «Эподы», «Сатиры» и «Послания» Горация — сравнительно небольшие произведения, составленные рукой мастера, в совершенстве владеющего изощренной техникой стихосложения. В центре всей этой поэзии — сам поэт, беседующий, вспоминающий, размышляющий об окружающем мире и его мнимых и истинных ценностях. Ни у одного античного поэта личный мир не проникает в мир его произведений столь глубоко, как у Горация. По степени отражения собственной личности в своем словесном творчестве Горация можно поставить рядом только с Цицероном в его письмах к родным и близким друзьям [11]. У Горация же мы находим полную поэтическую автохарактеристику. Так, шестая сатира первой книги обращена к Меценату, покровителю поэта, дружбой с которым Гораций особенно дорожит и гордится. Однако в середине произведения поэт прерывает прославление Мецената обращением к себе (ст. 45 сл.). И далее излагается история юноши, сына вольноотпущенника, когда-то презираемого всеми из-за низкого происхождения, а впоследствии оказавшегося трибуном римского легиона, а теперь удостоенного дружбой самого Мецената. Будучи знатным вельможей, Меценат сближается с людьми не по знатности их рождения (non patre claro), а по личным достоинствам и чистосердечию их (vita et pectŏre puro). Гораций наделен этими качествами, полученными от отца (causa fuit pater his). Таким образом, половина сатиры посвящена описанию собственной жизни и прославлению не Мецената, а отца поэта, столь предусмотрительно воспитавшего сына, что тот сам завоевал себе право жить теперь сладостнее (svavius) любого аристократа и даже «спокойнее, чем ты, достославный сенатор», т. е. Меценат (ст. 130–131, 110). Во втором послании к Флору, т. е. в двадцатом послании второй книги, Гораций вспоминает, как пришлось ему прервать свое обучение и покинуть благодатное место пребывания — Афины. В его жизнь ворвалась гражданская война, в которую он был вовлечен по неопытности (civilisque rudem belli). Лишь битва при Филиппах принесла ему освобождение, и он получил возможность вернуться на родину, но, увы, «с подрезанными крыльями» (ст. 41 сл.). В двадцатом послании первой книги поэт обращается к своей книге, как бы этим заключительным стихотворением предваряя ее предстоящую публикацию, т. е. апеллирует к будущим читателям. Книжка должна сообщить, говорит поэт, о том, что низкое происхождение ее автора противоположно его великим заслугам, что крылья его распростерты далеко и все

сильные мира сего теперь произносят его (primis urbis placui). В заключение поэт прилагает свой словесный автопортрет:

Малого роста, седой преждевременно, падкий до солнца,
Гневаться скорый, однако легко умиряться способный.
Если ж о возрасте кто-нибудь спросит тебя, то пусть знает:
Прожито мной декабрей уже полностью сорок четыре
В год, когда Лоллий себе в товарищи Лепида выбрал.
(т. е. в 22 г. до н. э.; пер. Н. Гинцбурга).

Различные сведения о личной жизни, мироощущении и мироотношении содержатся повсюду в стихах Горация, но особенно изобилуют ими «Сатиры» и «Послания» [12]. Столь сильный личностный элемент мог проявить себя в поэзии Горация лишь при условии высокоразвитого творческого сознания обладающего яркой демонстративностью организующего образа автора [13]. Столь же высокий уровень авторского самосознания демонстрирует Гораций и в оценке собственного творчества.

Разрозненные фрагменты сатур Луциллия и произведения других поэтов до Горация не дают материалов для обстоятельного суждения об их отношении к собственной поэтической деятельности. Недостаточны свидетельства и о сложной литературной полемике эллинистических поэтов, о самооценке их творческой деятельности, хотя количество статей и монографий на эту тему огромно. Гораций — единственный античный поэт, который, как нам известно, создает, в полном смысле слова, биографию своей поэтической деятельности.

В «Одах» он декларирует отказ от прославления ратных подвигов и приверженность к тематике веселых застолий. Следуя за Анакреонтом и эллинистической анакреонтикой, он предпочитает петь лишь о пирах и любовных поединках (I, 6). Столь же традиционен перечень покровительствующих ему богов, но с римскими именами Венеры, Амура и Меркурия (I, 30). Однако зачастую темы и мотивы, традиционные для греческой лирики, дополняются типично горацианскими, новыми для римской поэзии. Поэт говорит, что житейским треволнениям, погоне за богатствами, поискам долголетия и счастья в чужих странах он предпочитает настоящий душевный покой (otium). Возможно, Гораций подразумевает здесь эпикурейский призыв к безмятежности (ἀταραξία). Но безмятежность Эпикура и его последователей была главным средством достижения их конечной цели — ухода в конкретный вид философии [14]. Горация же правдивая судьба (Parca non mendax) одарила нежным дыханием эллинской Музы (spirĭtum Graiae tenuem Camenae) и пренебрежением к злобной черни (II, 16). Последние слова, без сомнения, перекликаются с Луцилием, который говорит о своем нежелании угождать стихами непросвещенному люду (см. выше «Не хочу я нравиться черни»). Однако malignum vulgus Горация — не popŭlus Луцилия, т. е. не просто римские простолюдины, а критики и литературные противники поэта, которым Гораций уделяет достаточно внима-

ния в «Сатирах», «Посланиях» и отчасти в «Эподах», посрамляя и разоблачая их. Размышления о своем призвании, о своей деятельности и о своем поэтическом бессмертии Гораций подытожил в заключительной оде третьей книги, в знаменитом «Памятнике». Здесь он обосновал свое собственное право вечности и окончательно претворил прошлое в завоеванное им будущее. А в четвертой книге «Од» поэт с гордостью говорит о настоящем, обращаясь к Мельпомене:

… молодежь меня
Причисляет к своим лучшим избранникам,
И с годами звучит слабей
Ропот зависти и — недружелюбия.
……
Удивительно ли тогда,
Что показывают пальцами прохожие
На меня? Если я любим,
И обязан тебе честию выпавшей
(IV, 3, 13–16, 21–24; пер. Б. Пастернака).

Мифологические реминисценции и весь возвышенный стиль четырех «Од» были продиктованы требованиями жанра. Иначе оформлены те же мысли в «Сатирах» и «Посланиях». В этих книгах поэт следует правилам жанров, истоки которых он ищет в греческой традиции. Свои исторические разыскания, ссылки на греческих и латинских предшественников или критику их Гораций сочетает с нападками на своих реальных противников. Апелляция к грекам не мешает ему всячески подчеркивать свою поэтическую самобытность и независимость:

Первый свободной ногой я ступал по пустынному краю,
Я по чужим ведь стопам не ходил
(Ep., I, 19, 21–22; пер. Н. Гинцбурга).

В десятой сатире первой книги обе метафоры — lĭběra vestigia (свободные стопы) и meus pes (моя нога) раскрываются достаточно определенно, но опять со ссылками на греков в подражании и противоборстве. Как Каллимах и его последователи, Гораций требует тщательной отделки стихов. Этот тезис для него постоянен. Типичным для всей греческой поэзии оказывается и мотив сна, неизменно переосмысляемый, начиная с Гесиода и Архилоха, всеми позднейшими поэтами. Но Горацию во сне являются не Музы или Аполлон, а сам Квирин, исконный римский бог, чтимый как основатель и хранитель всего римского государства:

Я ведь и сам, хоть не грек, сочинял по-гречески прежде;
Но однажды средь ночи, когда сновиденья правдивы,
Вдруг мне явился Квирин и с угрозой сказал мне: «Безумец!
В Греции много поэтов; толпу их умножить собою —
То же, что в рощу дров наносить, — ничуть не умнее!»
(ст. 31–35; пер. М. Дмитриева).

Мотив личного первенства, новаторства, столь перманентный для всей поэзии Горация, обычно объясняют тем, что Гораций, по его словам, «первым приобщил песню Эолии к италийским стихам», т. е. перенес греческую поэзию, ее строй в Рим (princeps Aeolium carmen ad Italos deduxisse modos). Действительно, Гораций — хранитель всей двуязычной поэтической традиции, сознательно усвоивший ее. Таким представляет он себя и будущих поэтов Рима в своей прославленной «Поэтике» («Послание к Пизонам»).

Высокий уровень поэтического самосознания и самопроявления был у Горация исторически подготовлен теми социокультурными предпосылками, которые четко проявились в III в. до н. э. в эллинистической Греции. Но в ее культуре не могли реализоваться все те потенциальные возможности, которые открылись римскому художнику, сопричастному собственной духовной культуре Рима, где личностное начало было всегда ей присуще. Поэзия Горация показывает, что эллинистическое наследие на основе римской культуры реализовалось на новом, более высоком уровне [15].

Гораций сумел внести в римскую поэзию новый, столь существенный для него этический мотив. Не знатное происхождение, не богатство, не военные заслуги позволили ему добиться всеобщего признания и даже вознестись над людьми, а собственно моральные качества, заложенные отцом и раскрытые воспитанием, образованием и жизненным опытом. Добродетель помогла ему предпочесть подлинные ценности мнимым и выйти на единственно уготованный для него путь. Так, ссылаясь на свой жизненный опыт, говоря всюду от себя и о себе, Гораций сумел подвести итог давнему спору поэзии с философией, начатый еще Платоном, подхваченный Аристотелем и с новой силой разгоревшийся в эллинистическую эпоху. Ученый мудрый поэт (poeta doctus), идеал эллинистических поэтов и их читателей, уступил в Риме свое первенство добропорядочному человеку (vir bonus). Цицерон выбрал этому человеку государственное поприще, Гораций же раскрыл перед ним на своем примере область художественного творчества, вечную и безграничную.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Thaliwita, E.* De Horatio Graecorum imitatore / E. Thaliwita. – Leipzig, 1874.
2. *Smith, W.* Horace’s Dept to Greek Literature / W. Smith // Classical Review. – 1955. – Vol. 49. – P. 109–116.
3. *Лосев, А. Ф.* История античной эстетики. Ранний эллинизм / А. Ф. Лосев. – М., 1979. – С. 5.
4. *Эллинистически*-римская эстетика I–II в. н. э. – М., 1979. – С. 5.
5. *Тронский, И. М.* История античной литературы / И. М. Тронский. – М., 1983. – С. 307–308.
6. *Гаспаров, М. Л.* Поэзия Горация / М. Л. Гаспаров // Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. – М., 1970. – С. 27.
7. *Забулис, Г. К.* Поэтическая модификация философии индивидуализма накануне и в эпоху Августа : автореф. докт. дис. / Г. К. Забулис. – М., 1983. – С. 1–30.
8. *Дуров, В. С.* Жанр сатиры в римской литературе / В. С. Дуров. – Л., 1987.

9. *Полонская, К. П.* Хрестоматия по ранней римской литературе / К. П. Полонская, Л. П. Поняева. – М., 1984. – С. 130–131, 216–217, 138–139, 217.

10. *Переводы* произведений Горация даны по кн.: Квинт Гораций Флакк. – М., 1970.

11. *Cody, J. V.* Horace and Callimachean Aesthetics / J. V. Cody // Latomus. – 1977. – Vol. 147. – P. 3–130.

12. *Wimmel, W.* Kallimachus in Rom. Die Nachfolge seines apologetischen Dichtens in der Augustenzeit / W. Wimmel // Hermes / Einzelschrift. Hft. 16. – Wiesbaden, 1960.

13. *Puelma-Piwonka, M.* Lucilius und Kallimachus / M. Puelma-Piwonka. – Frankfurt am Main, 1949.

14. *Благовещенский, Н. М.* Гораций и его время / Н. М. Благовещенский. – Варшава, 1878. – С. 21.

15. *Гаспаров, М. Л.* Поэт и поэзия в римской культуре / М. Л. Гаспаров // Культура Древнего Рима / отв. ред. М. Л. Гаспаров. – М., 1985. – Т. 1. – С. 319.

16. *Чистякова, Н. А.* Художественная культура античного мира / Н. А. Чистякова // Художественная культура в докапиталистических формациях / отв. ред. М. С. Каган. – Л., 1984. – С. 165–173.

Впервые опубликовано: Philologia classica. – 1992. – Т. 4 : Horatiana – С. 62–70.

МЕДИЦИНСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ ОВИДИЯ

Система знаний о душевных и телесных недугах человека в античном обществе была на достаточно высоком уровне и даже входила в систему образования [2, с. 13−47]. Отсюда столь широкое как непосредственное, так и метафорическое использование описаний медицинского характера в ораторской и философской литературе, особенно в сочинениях Платона [7, с. 52−57]. Но не меньше таких описаний и в античной любовной поэзии, поскольку сильное любовное увлечение рассматривалось как своего рода помутнение здравого смысла (**μανία** у греков и **amentia** или **dementia** у римлян). Именно так влюбился Киклоп Полифем в морскую нимфу Галатею у Феокрита (**ορθαῖς μανίαις** «прямым безумием» XI, 11), а выражение **amantes amentes** (влюбленные — безумцы) часто встречается в поэзии римских драматургов Плавта и Теренция [1, с. 47−48]. Но тот же Феокрит указывает и на одно из действенных средств борьбы с любовным помешательством — на песенно-поэтическое творчество. Обращаясь к своему близкому другу — врачу Никию в начальных строках идиллии XI (1; 7), он говорит:

Против любви никакого нет, Никий, на свете лекарства;
Нет ни в присыпках, ни в мазях, поверь мне, ни малого прока.
В силах одни Пиэриды помочь; но это леченье,
Людям хотя и приятно, найти его — труд не из легких.
Только от этого средства полегчало, будто, Киклопу.
[4, с. 56]

И действительно, после исполнения своей эмоциональной «серенады», адресованной Галатее, Полифем образумился и пришел к выводу, что мож-

но найти и другую Галатею, «даже получше» (XI, 76). А в заключительных строчках идиллии (XI, 80–81) Феокрит резюмирует:

Так успокоил любовь Полифем, слагая напевы.

Стоило это дешевле, чем если б лечился за плату.

[4, с. 58]

Пиэриды в представлениях античного человека — это Музы, обитавшие в Пиэрии, гористой местности на севере Греции. Предводителем Муз (Мусагетом) был солнцеликий бог искусств Феб-Аполлон, певец и кифаред. Но этот бог — не только покровитель искусств, но и общий для античных греков и римлян бог-целитель, и он же — отец общего для них бога врачевания и медицины Асклепия-Эскулапа [1, с. 53−58.]. Отсюда, очевидно, в представлениях греков и римлян способность поэтического слова и песенно-поэтического творчества оказывать облегчающее и даже исцеляющее воздействие на душу человека, пораженную любовными или иными аффектами.

Великий римский поэт Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. – 18 г. н. э.), получивший в Риме и в Греции блестящее образование, безусловно, превосходно знал и греческую мифологию, отразив эти знания в знаменитых «Метаморфозах», и поэтическое творчество греческих и римских авторов. Именно он красочно рассказал в пятнадцатой книге «Метаморфоз» историю появления в Риме греческого бога-целителя Асклепия и становления его культа у римлян (XV, 626–744). Но он, безусловно, не был исключительно «книжным» поэтом, он знал из своего жизненного опыта признаки многих недугов и не раз наблюдал их проявления. И тем более до мельчайших подробностей он знал все те душевные волнения и расстройства, которыми сопровождаются глубокая любовная привязанность и любовные переживания, — ведь им он посвятил и свои «Любовные элегии», и «Науку любви», и «Героини», и многие строчки из «Метаморфоз».

Эти знания Овидий воплощает и в своем произведении «Лекарства от любви», призванном научить юношей не поддаваться любовному искушению и найти от него способ избавления, если кто-то уже глубоко охвачен любовным чувством. И не случайно в первой части этого произведения (75–78) он обращается к Фебу-Аполлону — двуединому вдохновителю поэтов и всемогущему врачевателю (здесь и дальше текст данной поэмы Овидия дается в переводе на русский язык М. Л. Гаспарова [5, т. 1, с. 205−224]):

Пусть же меня при начале трудов осенят твои лавры,

Феб, одаривший людей песней и зельем от мук!

Будь мне подмогой певцу, и целителю будь мне подмогой,

Ибо и это, и то вверено власти твоей.

Главную цель своего поэтического произведения Овидий видит, прежде всего, в том, чтобы убедить юношей, потерявших из-за несчастливой любви желание жить, сохранить свою жизнь:

Если кому от любви хорошо — пускай на здоровье

Любит, пускай по волнам мчится на всех парусах.

А вот когда еле жив человек от нестоящей девки,
Тут-то ему и должна наша наука помочь.
Разве это годится, когда, захлеснув себе шею,
Виснет влюбленный в тоске с подпотолочных стропил?
Разве это годится — клинком пронзать себе сердце?
(13–19)

А начинать борьбу с коварным любовным недугом, убежден Овидий, нужно так же, как и с любой болезнью: пресечь ее зарождение в самом начале:

Помните, прежде всего: пока малое в сердце волненье,
Можно стопу удержать перед порогом любви.
Вытоптать в сердце сумей запавшее семя недуга —
И остановится конь тут же, на первом кругу.
(79–82)

Третья строчка этого фрагмента в буквальном переводе звучит как «Подави в зародыше вредные семена внезапной болезни, пока они свежие», ее оригинал «Opprime, dum nova sint subiti mala semina morbi» стал известным афоризмом [1, с. 135].

В своих рекомендациях путей к исцелению от любовного недуга Овидий прибегает к аналогиям способа лечения телесных ран, когда врачевание нужно начинать немедленно, ибо промедление в лечении грозит опасными последствиями:

Видел я, видел не раз, как легко излечимая рана
Не получая лекарств, больше и глубже росла.
(101–102)

В то же время, считает поэт, в случае уже укоренившегося чувства, как и в случае застаревшей раны, требуется особое лечение, в котором уже важную роль играет и количество времени лечения, и правильно выбранный режим приема лекарств:

Если, однако, для спешных вмешательств упущено время
И застарелая страсть пленное сердце теснит, —
Больше леченье доставит забот, но это не значит,
Что безнадежен больной для запоздалых врачей.
Я торопился лечить болезнь, не вошедшую в силу, —
Но для запущенных ран медленный нужен уход.
Время — царь врачеванья. Вино ли подносишь больному —
Вовремя дав — исцелишь, если же нет — повредишь.
Хуже можно разжечь, и злей возбудить нездоровье,
Если леченье начнешь в непредназначенный час.
(107–110; 131–134)

Просвещенный Овидий уже мало верит в силу заклятий и чар как средства спасения от любовного недуга и взывает к разуму и воле самого человека, читающего его наставления:

Предкам оставь колдовство — ведь нашей священною песней
Феб указует тебе чистый к спасению путь.
Ибо не выгонят страсть из сердец никакие заклятья,
Ибо любовной тоски серным куреньем не взять.
(251–252; 259–260)

Для лечения души, пораженной любовным недугом, Овидий рекомендует заняться разными видами активной социальной деятельности — работой в судебных делах или солдатской службой (151–166). Очень эффективными поэт считает и различные виды трудовой терапии. Для этого, по мнению Овидия, лучше всего подходит сельскохозяйственная деятельность, ибо «нет важнее трудов, чем земледельческий труд» (170). При этом придется потрудиться телу и выдержать немалые телесные испытания, но оно того стоит, считает поэт, ибо этим вылечишь пораженную душу:

Скажут: мои предписанья суровы. Согласен, суровы —
Но, чтоб здоровье вернуть, всякую вынесешь боль.
Часто, когда я болел, случалось мне горькие соки
Пить, и на просьбы мои мне не давали еды.
Тела здоровье блюдя, ты снесешь и огонь, и железо,
И отстранишь от питья мучимый жаждою рот, —
А чтоб душа ожила, ужель пострадать не захочешь?
Право же, если сравнить — тела дороже душа.
(225–232)

Но судьба поставила самого Овидия перед гораздо более тяжелыми испытаниями, чем душевные муки из-за любовной измены или несчастливой любви, описанных им в своих произведениях. В пятидесятилетнем возрасте, в расцвете творческих сил, поэтической славы и всеобщего уважения, он по приказу правителя Рима Августа был вынужден оставить любимый Рим, семью и все, что ему было столь дорого, и отправиться в ссылку в далекие Томы на северо-восточных рубежах Римской империи (в районе современной румынской Констанцы). И только занятия поэзией позволили опальному поэту, по его неоднократным признаниям, и перенести тяжелый многодневный морской путь к Томам, и приспособиться к суровым и опасным будням жизни в этом римском городке «на краю ойкумены». Обо всем этом Овидий рассказывает в двух сборниках своих стихов — «Скорбные элегии» (Tristia) и «Письма из Понта» (Epistulae ex Ponto), написанные им в ссылке с 8 г. до н. э. по 18 г. н. э. Стихи из этих сборников в русском переводе мы цитируем по изданию [5]. «Отнято все у меня, что можно было отнять, — говорит поэт в «Скорбных элегиях», — только мой дар неразлучен со мной, и им я утешен» (III, VII, 46–7). В следующих книгах данного сборника поэт развивает эту тему:

Не для похвал я пишу, трудясь по ночам, не для долгой
Славы — полезней теперь имя негромкое мне.
Дух укрепляю трудом, от своих отвлекаюсь страданий,

И треволненья свои в слово пытаюсь облечь.
(V, VII, 37–40)
Что же! За то, что я жив, что терплю все тяготы стойко,
Что не постыла мне жизнь и треволненья ее,
Муза, спасибо тебе! Ибо ты утешенье приносишь,
Отдых даешь от тревог, душу приходишь целить.
(IV, X, 115–118)

Последние две строчки в латинском оригинале — Gratia, Musa, tibi, nam tu solatia praebes, / Tu curae requies, tu medicina venis вошли в хрестоматийный фонд латинской авторской афористики.

В последние годы своей ссылки измученный физически и духовно Овидий в «Письмах из Понта» констатирует, что испытанное и многократно употребленное им самим средство — слова увещевания, успокоения и утешения, которые ему шлют друзья, для него уже не столь эффективно. И сообщая об этом одному из авторов подобных успокоительных слов, он для большей убедительности ссылается на общеизвестный медицинский опыт:

К жизни больного вернуть врачу не всегда удается:
Часто болезни сильней всех изощренных искусств.
Кровь, как ты знаешь сам, что течет из чахоточных легких,
Нас, не сбиваясь с пути, к стиксовым водам ведет.
Пусть хоть сам Эскулап принесет эпидаврские травы,
Но не поможет и он, если до сердца удар.
У врачеванья нет средств с узловатой подагрою сладить,
Или больному помочь в сватке с водянкою злой.
Часто печаль на душе исцелению не поддается,
А поддается, так ждать долго приходится нам.
(I, 3, 17–26)

Таким образом, в своем творчестве Овидию пришлось выступить в двух ипостасях создателя поэтического «психотерапевтического» слова, направленного на утешение и врачевание измученной души, активно используя образы и лексику из медицинского обихода и нередко — в метафорическом смысле.

В первом случае Овидий направляет свое поэтическое мастерство на помощь тем, кто терпит бедствие в «любовной лодке» и готов расстаться с жизнью. И здесь у поэта довольно большой арсенал разного рода психотерапевтических средств, он довольно убедителен в своих наставлениях, прибегая к сравнениям и аргументам из реальной жизни, в том числе и из медицинской практики.

Во втором случае поэту, попавшему в экстремальные условия, пришлось на самом себе испробовать целительную роль поэтического слова в поддержании воли к жизни и сохранении духовно-интеллектуальных основ своей личности. И нужно сказать, что врожденная одержимость поэтическим словом, подаренная Овидию свыше, действительно оказалась для

опального поэта тем лекарственным средством, которое помогло не только выжить изнеженному римлянину в суровых буднях дикой для него и скованной морозами чужбины, но и создать шедевры глубоко личной лирики, которую с пониманием, сочувствием и эстетическим наслаждением читают уже многие сотни поколений читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гончарова, Н. А.* Латиноязычные афоризмы / Н. А. Гончарова, М. Г. Антонюк-Пруто, Н. А. Круглик. – Минск : БГУ, 2019. – 224 с.

2. *Грейвс, Р.* Мифы Древней Греции : пер. с англ. / Р. Грейвс ; под ред. и послесл. А. А. Тахо-Годи. – М. : Прогресс, 1992. – 624 с.

3. *Душенко, К. В.* Большой словарь латинских цитат и выражений / К. Душенко, Г. Багриновский ; под науч. ред. Д. О. Торшилова. – М. : Эксмо, 2013. – 976 с.

4. *Йегер, В.* Пайдейа. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем) / В. Йегер ; пер. с нем. М. Н. Ботвинника. – М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. – С. 13–47.

5. *Овидий*. Собрание сочинений : в 2 т. / Овидий. – СПб. : Биограф. Ин- т «Студиа Биографика», 1994. – Т. 1 – 511 с.

6. *Феокрит*. Идиллии и эпиграммы / Феокрит. Мосх. Бион : пер. М. Е. Грабарь-Пассек. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 326 с.

7. *Цисык, А. З.* Платон о врачах и врачевании / А. З. Цисык // Anatomicum Latinicumque – 2011 : сб. науч. тр. преп. и студ. мед. и фарм. вузов России, Белоруссии и Украины / сост. Л. М. Тихонова, Н. В. Савельева. – Ульяновск : УлГУ, 2011. – С. 52–57.

Впервые опубликовано: The 1st international scientific and practical online conference «Current Trends in the Study and Teaching of Foreign Languages» Conference Proceedings, Poltava, 04.06.2021. – Poltava, Ukraine. – P. 48–52.

МИМ И МИМЕСИС В ИДИЛЛИЯХ ФЕОКРИТА (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОДРАЖАНИЯ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ)

Мим — небольшая пьеска-сценка, имитирующая те или иные стороны обыденной жизни, издавна существовал в Древней Греции как жанр низового смехового творчества [31, с. 14−19]. Наиболее полный материал о миме собран Г. Рейхом [30]. Роли в миме разыгрывались без масок и исполнялись мужчинами и женщинами, что делало мимическое представление особенно живым и привлекательным и давало преимущество перед трагедией и комедией. Утвердившись в античном обществе на почве того «зрелищного подхода к вещам, который был доминантой античной культуры и жизни сверху донизу, мим к концу античности совершенно вытеснил другие виды драматического искусства и продолжал пользоваться огромной популярностью в Византийской империи [1, с. 53; 15, с. 319−325; 30, с. 30]. Традиция античного мима сохранялась в Европе вплоть до средневековья и оказывала несомненное, хотя и не вполне еще ясное влияние на формирование литературы и театра Западной Европы [4, с. 169; 10, с. 22].

При всех чисто игровых, зрелищных свойствах (мимика, жестикуляция, движение) важнейшей особенностью мима была живая, экспрессивная речь, отражавшая различные аспекты личного и социального бытия человека. Речь играла исключительно важную роль в развитии и реализации той высочайшей культуры чувственно наглядной передачи явлений, которая всегда была свойственна античности с ее специфической оро-акустической ориентацией [4, с. 66; 14, с. 6]. В V веке до н. э. речевая сторона мима обрела литературную форму в творчестве сицилийца Софрона и оказала заметное влияние на литературу Древней Греции и Рима. Элементы мима находят в эпосе, лирике и драме [24, с. 69]. В миме усматривают истоки древнегреческой философско-бытовой прозы и римской сатиры [17, с. 319−325; 23, с. 99; 101]. Мимизацией насыщены сцены «Сатирикона» Петрония, где, по словам Э. Ауэрбаха, «важный и образованный господин со всей утонченностью разыгрывает фарс перед себе подобными и подражает языку разбогатевших вольноотпущенников» [4, с. 165].

Процесс проникновения элементов мима в литературу особенно усиливается в эпоху эллинизма, когда с угасанием традиционных оро-акустических жанров трагедии и комедии повсеместное распространение получает письменное книжное слово и утверждается настоящий культ книги [1, с. 198–199]. Развивающаяся в это время книжная поэзия «малых форм» находит в миме благодарный материал для литературной обработки в различных видах поэтического творчества: в гимнах Каллимаха, эпиграмме, в мимиямбах Герода и идиллиях Феокрита [24, с. 68–73; 28, с. 829].

Какие же моменты реальной действительности моделируют речевые средства мима? Грамматик Диомед (IV в. н. э.) приводит древнегреческое определение мима (mimos esti mimesis biu ta te synkechoremena kai asynchoreta periechon [23, с. 491]), из которого следует, что мим — это подражание (наследование, имитация) жизни. Предметом подражания могут быть любые стороны человеческой жизни — как общедозволенное, так и неприличное. Любопытно, что в латинском определении мима, приводимом тут же, Диомед акцентирует внимание на способности мима к подражанию всему неприличному: mimus est sermonis cuius-libet et motus sine reverentia, vel factorum et turpium cum lascivia imitatio. Здесь сказывается тот упадок нравов, который царил в последние века в Римской империи и находил отражение в мимических представлениях. Однако греческое определение мима, очевидно, больше соответствует истине. Г. Рейх высказал гипотезу, что оно отстоит от латинского на 600 лет и принадлежит Феофрасту, ученику Аристотеля, автору «Характеров» [30, с. 265–266]. Гипотеза эта интересна, но трудно доказуема из-за отсутствия документальных данных. Известно, что античность не оставила исследований по теории мима, и это кажется удивительным при столь большой популярности этого жанра. Случайность это или следствие той избирательности, с которой христианство допускало копирование античных сочинений (мим сурово порицался идеологами

христианства) [15], — трудно сейчас судить о причинах этого факта. Тем более примечательно, что упоминание о миме мы встречаем один раз в «Поэтике» Аристотеля (фр. 1147 в 9) и именно в том ее разделе, где разрабатывается положение о мимесисе — подражании реальной жизни как основополагающем принципе поэтического искусства. «Мимесис» Аристотеля, составляющий центральное понятие его «Поэтики» [11, с. 58−66], оказывается почти тождественным определению сущности мима — mimesis biu (подражание жизни). Именно в свойстве подражания, в способности создавать копии жизни автор «Поэтики» увидел сущность жизни, ее специфическую и главную черту [3, с. 68].

Рассмотрим соотношение мима с аристотелевской концепцией мимесиса и роль мимических элементов в художественном воспроизведении действительности на материале 11 аутентичных идиллий Феокрита (I–VII, V, X, XI, XIV, XV), имеющих отчетливо выраженный мимический характер.

Среди исследователей нет единства в вопросе четкого определения каждой из идиллий как мима. Обычно мимами считают только II, XIV, XV идиллии, очевидно, поскольку в них обнаружена наибольшая зависимость от мимов Софрона [25, с. 75–86]. Однако, как справедливо указывает А. Лески, творчество Феокрита имеет во много раз больше мимический характер, чтобы говорить только о трех вышеупомянутых произведениях [28, с. 797]. Н. Старостина замечает, что буколические и мимические идиллии составляют определенное единство как в отношении содержания материала, так и в отношении формы [12, с. 321]. Не подлежит сомнению, что I, III–VII, X, XI идиллии написаны Феокритом тоже под влиянием мимической традиции, идущей от Софрона. Хотя здесь нельзя установить прямой зависимости, это сразу бросается в глаза при сравнении формы и содержания сельских и городских идиллий [34, с. 169]. Идиллия II — монолог молодой влюбленной горожанки. Монологи сходной тематики вложены автором в уста Козопаса и Киклопа — по психологии и быту обычного пастуха (идиллии III и XI). Встреча и непринужденный разговор двух знакомых пастухов (идиллия IV) — прямая параллель к идиллии XIV, в которой описывается встреча двух знакомых горожан. Близка по характеру к идиллии XIV идиллия X, где в центре диалога двух жнецов — любовные переживания молодого Букая. Однако в этом произведении уже появляется новый элемент, несвойственный миму, — фольклорная песня. Этот элемент усиливается в идиллиях I, V, VI и отчасти VII, в мимическую основу которых включено фольклорное буколическое состязание. Соединение мима с песенным пастушеским и земледельческим фольклором было большой творческой удачей поэтического эксперимента Феокрита: фольклорная песня давала миму возвышенность и глубину чувств, а мим песне — диалог (монолог) и бытовое прозаическое слово [19, с. 108]. В результате возник сельский мим — поэзия, отвечавшая романтическим устремлениям своего времени [19, с. 110–111]. Исключение составляет идиллия VII, где мимирование сельской действительности пре-

следует специальные авторские задачи [29, с. 121–188]. Именно мимический элемент сельских мимов при всех романтических и идиллических тенденциях придает им самобытность и здоровое основание в воссоздании сельской действительности, чего лишены все остальные подражатели Феокрита [31, с. 302]. Если воспроизведение этой действительности у Феокрита основано на жизненно верном подражании быту, нравам и языку обитателей села, как неоднократно устанавливалось [8, с. 202–224; 33, с. 11–12], то последователи Феокрита в основном обрабатывают его и развивают определенные черты сельской поэзии Феокрита [21, с. 317]. Истоки буколики Феокрита лежат именно в синтезе мима и сельского фольклора, во включении сельской действительности в сферу мимической этологии. Этот факт почему-то упрямо игнорируют те исследователи, которых удивляет «внезапное» возникновение пастушеской литературной поэзии Феокрита, хотя ни одна из теорий, призванных объяснить это возникновение, не может быть поддержана, как отмечает Т. Розенмейер [31, с. 37].

В частности, заслуживает критики теория, согласно которой литературная буколика происходит не из бытового фольклора, а из культа и культовых песен о пастушеском божестве любви и растительности [16, с. 313–314; 17, с. 412–414], хотя при этом и признается, что низовой театр — мим — вовсе не подвергался влиянию религии и культа [17, с. 433]. Слабость теории культового происхождения сельского мима Феокрита в ее редукционизме, стремлении отождествить развитую культуру IV–III в. до н. э. с «гипотетической первобытной мифологической системой» [7, с. 572]. Как правильно замечает И. И. Толстой, для писателей эллинистической эпохи характерно тяготение не к мифологеме, а к реальному бытию [13, с. 174], не к культовому, а к бытовому фольклору, среди которого именно миму принадлежала главенствующая роль. Все культовое отпало в миме, как и в других карнавально-фольклорных жанрах, еще в долитературную эпоху.

Таким образом, мим в идиллиях Феокрита оказывается центральным организующим звеном, вокруг которого группируются остальные элементы фольклорной и литературной традиции. При этом Феокрит уже далеко отходит как от фольклорного мима-импровизации, стремившейся к подражанию исключительно внешним сторонам характера человека и быта, так и от предшествующего ему литературного мима, где исключалось более глубокое проникновение в психологию персонажей и какое-либо выражение субъективного мира автора. Mimesis biu у Феокрита более высокого порядка, чем у остальных мимографов. Он предполагает, как и Аристотель, не простое копирование действительности, а свободное приближение к ней, ее творческое воспроизведение [32, с. 268]. Субъективно-пересоздающее начало особенно заметно в сельских мимах Феокрита, хотя свойственно и городским. В связи с этим Г. Церетели пишет о «романтическом привкусе» этих произведений и отмечает, что мим у Феокрита выходит за пределы своих рамок н перестает быть мимом в узком значении этого слова [18,

с. 14–15]. Отличие сельских и городских мимических идиллий Феокрита от такого «истинного» мима становится заметно при сравнении их с мимиямбами Герода, которые, по словам Г. Церетели, знаменуют «поворот мима от красоты к точности, к точной копии действительности» [18, с. 11; 14–15]. Мимы Феокрита имеют действительно более утонченный характер и более изящную художественную форму по сравнению с мимиямбами. В них сравнительно мало имитации неприглядных, грубых сторон действительности. Тем не менее мимический принцип изображения отчетливо проявляется в сельских и городских идиллиях, прежде всего в идиллиях II–V, X, XIV, XV, в которых автор посредством тонких наблюдений умело создает в монологах и диалогах персонажей типические человеческие характеры и моделирует окружающий мир. В идиллии I мимический фон приглушен эпическим и элегическим элементами (экфраза кубка и любовные страдания Дафниса). Мимическое по форме буколическое состязание Дафниса и Дамэта (идиллия VI), как и любовный монолог Полифема (идиллия XI), обрамлены авторскими реминисценциями, несвойственными литературному миму до Феокрита, но вполне обычному и допустимому в «книжную» эллинистическую эпоху, когда мим создается исключительно для чтения и приобретает нарративный характер [34, с. 229]. В идиллии VII, где особенно заметно проникновение личного мира автора в художественное бытие произведения, мимический элемент полностью подчинен идиллическому [30, с. 389]. В целом традиция мима дает Феокриту богатые возможности для достижения высокого уровня правдивости в изображении сельской и городской действительности. Психология и быт пастухов, крестьян, горожан малого и среднего достатка в различной дифференциации (возрастной, половой, индивидуально-психологической) тонко подмечены Феокритом в реальной жизни и с мимическим искусством воплощены в персонажах его сельских и городских идиллий. Содержание этих произведений, как отмечает А. Лески, построено автором с таким искусством мимесиса, с которым немногое можно сравнить в античной поэзии [28, с. 815]. Этот мимесис у Феокрита не беспристастен, а отмечен личным отношением автора к персонажам его произведений. Как известно, мим предполагает подражание прежде всего смешному, комическому, хотя исключает морализаторский элемент, высмеивание или сатиру [30, с. 310–311]. Здесь, очевидно, играет роль свойственная карнавально-фольклорным жанрам специфическая амбивалентная роль смеха, отмеченная М. М. Бахтиным [5, с. 134–135]. Этот смех играет не разрушительно-отрицательную, а созидательно-очистительную роль. Он не отрицает серьезности, а восполняет ее, очищая от односторонности, категоричности, элементов страха, наивности и иллюзий. В мимических идиллиях Феокрита происходит синтез народного карнавально-фольклорного и классического литературного типов (или канонов) изобразительного искусства. Смех поэтому редуцирован обычно до иронии и юмора, но это ирония и юмор веселого, теплого и благожелательного уча-

стия, а не холодного и беспристрастного стороннего наблюдения. В литературе уже отмечалась внутренняя близость Феокрита миру его произведений [34, с. 80–81; 6, с. 324; 29, с. 815]. Поэтому трудно согласиться, например, с мнением, что изображение Симефы в идиллии I окрашено отрицательной иронией автора [30, с. 371–373]. Ирония и юмор Феокрита далеки от пародии или осознанной критики недостатков персонажей и действительности. Примечательно, что среди персонажей сельских и городских мимов нет чисто отрицательных типов. В этом плане грубые Комат и Лакон, невольный обольститель Дельфис и даже грубый и кровожадный в мифологической традиции Киклоп Полифем (идиллии I, V, XI) вызывают у читателя только улыбку, лишенную какой-либо серьезной критической направленности.

Отличие мимических идиллий Феокрита от предшествующей ему мимической традиции заметно и в том, что они, наряду с различными аспектами комического, дают изображение жизни в трагикомическом (идиллии III и XIV) и трагическом (идиллии I и II) аспектах. Кроме того, в пределах одной и той же идиллии возможно соединение трагического и комического, низкого и возвышенного (идиллии I, III, IV, XI). Таким образом, мим у Феокрита выходит за пределы чисто комического смехового жанра и занимает новый статус в прежней иерархии жанров. Если попытаться сопоставить идиллии Феокрита с известным определением жанров Аристотеля, то они заняли бы место посередине, между комедией и трагедией, как подражающие жизни людей ни худших и ни лучших, обыкновенных, которым свойствен широкий спектр психологических реакций и устремлений — от возвышенного до низкого [26, с. 12]. Мотивация поступков героев идиллий не связана с их социальным положением, их побуждения обусловлены личным характером каждого, миром субъективных чувств и склонностей. В сельских и городских мимах типизируются явления не социального, а этологически-бытового плана, что всегда было характерно для мимической традиции [30, с. 390]. Обстановка, ситуации и психологическая характеристика в произведениях Феокрита иногда перекликаются (ср. любовные монологи Симэфы, Козопаса, Киклопа, Букая в идиллиях II, III, X и XI), но всегда имеют свою особую интерпретацию. Коридон и Букай, Батт и Милон, Козопас и Киклоп хотя и похожи во многом, тем не менее имеют отчетливую личностно-психологическую дифференциацию, не говоря уже об особой индивидуальной окраске пастухов Лакона и Комата или персонажей городских мимов. Поэтому вызывает удивление тот факт, что, несмотря на длительную традицию, признающую за Феокритом жизненную верность в изображении сельской и городской действительности, отдельные исследователи продолжают считать, что пастухи Феокрита «мало индивидуализированы, все говорят по-городскому и Феокрит рисует их … даже критически» [2, с. 357]. Доминирующий у Феокрита мимический принцип воспроизведения действительности обеспечивает художественному миру его произведений высокий уровень жизненной правдивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев, С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцева. – М. : Наука, 1977. – 320 с.

2. *Античная* литература : учеб. / А. Ф. Лосев, Г. А. Сонкина, А. А. Тахо-Годи [и др.] / под ред. А. А. Тахо-Годи. – 3-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1980. – 494 с.

3. *Аристотель* и античная литература / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. М. Горького. – М. : Наука, 1978. – 230 с.

4. *Ауэрбах, Э.* Мимесис: Изображение действительности в западной литературе : пер. с нем. / Э. Ауэрбах. − М. : Прогресс, 1976. – 562 с.

5. *Бахтин, М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит, 1965. – 527 с.

6. *Боннар, А.* Греческая цивилизация : в 3 т. / А. Боннар. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – Т. 3 : От Еврипида до Александрии. – 399 с.

7. *Брагинская, Н. В.* От составителя (послесловие) / Н. В. Брагинская // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – М. : Наука, 1978. – 605 с.

8. *Грабарь-Пассек, И. Е.* Буколическая поэзия эллинистической эпохи / И. Е. Грабарь-Пассек // Феокрит. Идиллии и эпиграммы / Феокрит. Мосх. Бион. ; пер. М. Е. Грабарь-Пассек. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 326 с.

9. *Добрович, А.* «Я» — театр одного актера / А. Добрович // Журнал пробудження. – URL: https://wakingup.org/?s=%D0%94%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 06.02.2024).

10. *История* западноевропейского театра : учеб. пособие для театровед. ф-та высш. театр. учеб. заведений : в 4 т. / под общ. ред. С. С. Мокульского. – М. : Искусство, 1957. – Т. 1. – С. 20.

11. *Никитина, Н. Н.* «Мимесис» как основное понятие теории искусства Аристотеля / Н. Н. Никитина // Вестник МГУ. Серия 7, Философия. – 1980. – № 3. – С. 58–66.

12. *Старостина, Н. А.* «Буколика» Феокрита как действенность жанровой формы / Н. А. Старостина // Вопросы классической филологии. – 1971, № 3–4. – С. 321.

13. *Толстой, И. И.* Статьи о фольклоре / И. И. Толстой. – Л., М. : Наука (Ленинград. отд-ние), 1966. – 249 с.

14. *Утченко, С. А.* О некоторых особенностях античной культуры / С. А. Утченко // Вестник древней истори. – 1977. – № 1. – С. 6.

15. *Фрейберг, Л. А.* Апология мимов Хорикия / Л. А. Фрейберг // Античность и Византия : сб. ст. / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. М. Горького. – М. : Наука, 1975. – 415 с.

16. *Фрейденберг, О. М.* Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы / О. М. Фрейденберг. – Л. : Гослитиздат, 1936. – 454 с.

17. *Фрейденберг, О. М.* Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – М. : Наука, 1978. – 605 с.

18. *Церетели, Г. Ф.* Герод и реализм в александрийской литературе : вступит. публ. лекция (12.10.1905 г.). – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1906. – 32 с.

19. *Богданов, Б.* Литературата на еллинизма / Б. Богданов. – София, 1979.

20. *Duchemin, J.* La houlette et la lyre: Recherche snr les origines pastorales de la poesie / J. Duchemin // Revue des Etudes Anciennes. – 1961. – T. 63, № 3–4. – P. 454–457.

21. *Fantazzi, Ch. E.* The Virgilian Version of Pastoral / Ch. E. Fantazzi // Harvard Studies in Classical Philology. – Cambridge : Harvard Univ. Press, 1967. – Vol. 71. – 352 p.

22. *Giangrande, L.* The Use of spoudaiogeloion in Greek and Roman Literature / L. Giangrande. – Paris : Haag, 1972. – 139 p.

23. *Grammatici* Latini / ed. H. Keil. – Lipsiae, 1855. – Vol. 1. – 686 p.

24. *Horowski, I.* De Callimachf hymnorum colore mimico / I. Horowski // EOS. – 1964. – Vol. L1V, fasc. 1. – S. 68–73.

25. *Lawinska, J.* Echa Sophrona i Epicharina w tworczoscf Teokryta / J. Lawinska. – EOS. – 1964. – Vol. L1V, fasc. 1. – S. 74–86.

26. *Lawinska-Tyszkowska, J.* Elemenly dramatyczne idyll Teokryta. Studia hellenistika / J. Lawinska-Tyszkowska // Prace WTN, Ser. A. – 1967. – № 117. – S. 5–78.

27. *Legrand, Ph. E.* Etude sur Theocrite / Ph. E. Legrand. – Paris, 1898. – URL: https://www.persee.fr/doc/befar_0257-4101_1898_mon_79_1 (дата обращения: 23.01.2024).

28. *Lesky, A.* Theokrit / A. Lesky // Geschichte der griechischen Literatur. – Bern, Munchen, 1971. – S. 797–829.

29. *Puelma, M.* Die Dichterbegegnung in Theokrits «Thalysien» / M. Puelma // Museum Helveticum. – 1960. – Vol. 17, № 3. – P. 144–164.

30. *Reich, H.* Der Mimus / H. Reich. – Berlin : Weidmann, 1903. – 498 s.

31. *Rosenmeyer, Th.* The Green Cabinet: Theocritus and the European Pastoral Lyrik / Th. Rosenmeyer. – Berkeley : Berkeley Univ. Press., 1969. – 376 p.

32. *Tatarkiewicz, W.* A History of Six Ideas: An Essay in Aesthetics / W. Tatarkiewicz. – Warszawa : Polish Sci. Publ., 1980. – 383 p.

33. *Theokrits* Idyllen / Mit deutschen Erklarungen von H. Fritzsche. – Leipzig : Teubner, 1869. – 306 s.

34. *Philologische* Untrersuchungen / hrsg.: A. Kiessling, U. Wilamowitz-Moellendorf. – Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1906. – H. 18 : Textgeschichte der griechischen Bukoliker. – 277 s.

Впервые опубликовано: Іноземна філологія : респ. межвед. науч. сб. / Львов. гос. ун-т им. И. Франко. – Львов : Высшая школа, 1983. – Вып. 70. – С. 80–85.

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПОНИМАНИЯ ЭТИМОЛОГИИ И ЗНАЧЕНИЯ РУССКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН АНТИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Введение. История русских имен, восходящих к древнегреческим и латинским этимонам, всегда привлекала к себе внимание как ученых-лингвистов, так и представителей самых широких кругов населения. Однако этимология многих таких имен к настоящему времени еще не имеет однозначного определения и поэтому является актуальной темой для дальнейших исследований.

Цель исследования. Исходя из имеющейся научной литературы по истории и значению личных имен в русском языке, в статье ставится цель пересмотреть некоторые устоявшиеся данные словарно-справочной литературы и представить новую научно обоснованную этимологию и значение ряда имен.

Методика. В основе исследования лежит историко-лингвистический анализ «Словаря русских личных имен» А. В. Сперанской (М.: ЭКСМО, 2008). Данные словаря сравнивались с лексикой древнегреческих и латинских словарей, а также с этимологическими словарями, грамматикой ука-

занных языков и другими материалами по истории и культуре античного мира и раннего христианства.

Результаты. В итоге исследования были оспорены некоторые данные словаря А. В. Сперанской и предложены научно обоснованные новые варианты этимологии и значения некоторых личных русских имен (Аврикий, Евстафий/Евстахий, Евстигней, Елена, Зинаида и др.)

Выводы. Исследования по истории и значению имен античного происхождения должны проводиться только на основе достаточных компетенций в сфере лексики и грамматики классических языков, равно как и в области не только античной, но и христианской истории и культуры.

Общеизвестно, что значительная часть русских личных имен имеет древнегреческие и латинские истоки. Казалось, что лингвисты уже давно определили этимологию этих имен и систематизировали надлежащие сведения в научно-справочной литературе и в соответствующих словарях. Однако внимательный анализ такого рода словарей свидетельствует, что определенная часть имен античного происхождения до сих пор не имеет удовлетворительных этимологических объяснений, а если они и приводятся, то нередко грешат неточностями и ошибками. Поэтому в данной статье мы ставим перед собой две основные задачи. Прежде всего, мы стремимся показать некоторые неточности и ошибки этимологического плана, типичные для отечественных словарей личных имен. И, кроме этого, мы попытаемся представить наш этимологический вариант и дать более развернутое этимологическое обоснование некоторых имен на основе лексиконов древнегреческого и латинского языков или иных античных источников. Основанием для данной статьи послужил проведенный нами историко-лингвистический анализ «Словаря русских личных имен» А. В. Сперанской, изданного в 2008 г. [19].

На наш взгляд, неточности этимологического характера в данном словаре можно разделить на несколько основных групп. К первой группе мы отнесли те объяснения, в которых при отсутствии общепринятой этимологии автор словаря прибегает к словесным спекуляциям типа «возможно, от …» и которые, на наш взгляд, не находят достаточного лингвистического обоснования. Например, в объяснении этимологии имени **Евстахий** читаем: «Возможно, из лат. Эустахиус: греч. эустахюс — пышно колосящийся» [19, с. 176]. Слово эустахюс «пышно колосящийся» представлено в древнегреческо-русском словаре И. Дворецкого [5, т. 1, с. 709]. На этой же странице данного словаря обнаруживаем и греческое имя **Eustathios** и его русский эквивалент **Евстафий.** Имя Eustathios, судя по тому же словарю [5, т. 1, с. 709], явно восходит к прилагательному **eustathés** — крепкий, постоянный, спокойный. Поскольку, как было указано выше, имя **Евстафий** является вариантом имени **Евстахий,** оно, на наш взгляд, не нуждается в особой этимологии и также восходит к прилагательному eustathés с учетом произношения древнегреческой буквы «тета» в постантичной фонетике греческого языка

и ее воспроизведения в древнерусских заимствованиях (ср.: Theodoros → Федор, arythmetike → арифметика, agathos → Агафон et cetera). К тому же значения указанного прилагательного (крепкий, постоянный, спокойный) логически больше соотносятся со свойствами человека, чем с характеристиками какого-то растения.

А. В. Сперанская считает возможным имя **Аврикий** выводить от латинского существительного **auricula** — снисходительность [19, с. 99]. Однако форма единственного числа **auricula** имеет значения «ушко», «ушная раковина», и только форма множественного числа **auriculae** имеет значения «благосклонное внимание», «снисходительность» [4, с. 93]. И все же нам представляется, что даже с учетом данной поправки предлагаемая этимология имени **Аврикий** остается труднообъяснимой. С большей долей вероятности это имя можно было бы выводить от латинских слов **aurícomu**s (златокудрый) или **auríga** (гонщик, возница) [4, с. 93], поскольку значения этих слов непосредственно указывают на особенности внешности или занятия человека. Да и с лингвистической точки зрения процесс морфологической и фонетической трансформации этих слов в имя Auricius **Аврикий** представляется более вероятным, чем аналогичные превращения существительного **auriculae.**

В объяснении происхождения имени **Евстигней** в словаре читаем: «возможно, из греч. ***эу*** — хорошо, хороший + ***сингенес*** — родственник» [19, с. 176]. Однако, судя по буквенной и морфологической структуре второй части данного имени, нам представляется более логичным предположить, что ее можно соотнести с древнегреческим словом **stígma** — знак, метка [5, т. 2, с. 1506], или еще вероятнее — с латинским словом **signum** — знак, признак, обозначение [4, с. 708]. Подтверждением нашей версии может считаться то, что в других словарях имя **Евстигней** толкуется как «хороший знак» или «хорошее знамение» [7], а также то, что рядом с именем **Евстигней** в словаре А. В. Сперанской приводятся варианты **Евсигней** и **Евсигний** [19, с. 176].

В морфологических структурах имен **Зинаида** и **Ираида** А. В. Сперанская усматривает наличие древнегреческого конечного элемента **-идос** со значением «потомок», который добавляется к основе формы Zenos (род. падеж от Zeus Зевс) и имени Ira (новогреческий вариант античного имени Hēra Гера, жена Зевса) [19, с. 387, 391]. Известно, что в древнегреческом языке для обозначения патронимов мужского рода употреблялись конечные суффиксы **-iădes, -ĭdes** и **iōn**: Asclepios → Asclepiădes (Асклепиад, потомок Асклепия); Kronos → Kronĭdes или Kroníōn (Кронид или Кронион, потомок Крона); Homeros → Homerĭdes (Гомерид, потомок или наследник Гомера); для образования патронимов женского рода употреблялся конечный суффикс **-is**, который в родительном падеже переходил в форму **-ĭdos**: Tantalos → Tantalís, Tantalĭdos (Танталида, дочь Тантала); Titan → Titănis, Titanĭdos (Титанида, дочь Титана) [17, с. 179]. Однако указанный суффикс **-is** в древ-

негреческом словообразовании добавлялся к основе существительного родительного падежа, а не винительного. Об этом свидетельствуют, в частности, зафиксированные в лексиконах древнегреческого языка имена, образованные от формы **Zēnós** — родительного падежа существительного Zeus: **Zenódotos** (Зенодот), **Zenóphron** (Зенофрон), **Zenóbius** (Зенобий/Зеновий/Зиновий), или образованные от второго варианта родительного падежа слова Зевс **Diós** имена **Diogénes** (Диоген), **Diódoros** (Диодор), **Diomédes** (Диомед) и другие. Имя **Zenais**, **Zenaidos**, в котором часть Zena- указывает на форму винительного падежа **Zena** от (слова Zeus, Zenós), не вписывается в эту модель образования имен, тем более что ни одного подобного имени с начальной частью Zena- нет в лексиконах греческого или латинского языка античного периода. По этой причине, а также по причине семантического несоответствия, следует отбросить и версию значения имени Зинаида как «подобная Зевсу», если предположить образование этого имени путем сложения основы формы **Zēnós** и суффикса **-eides** — имеющий форму, подобный. Поэтому мы попытались определить иные источники этого имени. Одним из таких источников, на наш взгляд, может быть раннехристианская литература, отражавшая зарождение духовного сообщества христиан, в котором уже «нет ни эллина, ни иудея», и в котором представители разных народов, следуя заповедям христианства, общаются друг с другом на равных. В частности, в послании апостола Павла к Титу читаем: ‘Zēnan ton nomioikon kai Apollōn spoudaiōs propempson’… — «Зинаса-законника и Аполла заботливо вышли пораньше » [14, с. 1254]. Новое для древнегреческого лексикона имя **Zēnás** [Зинáс] рассматривается как сокращенный вариант греческого имени Zēnódoros (букв.: «дар Зевса»), которое получил один из еврейских сподвижников апостола Павла) [33] , а имя **Apollṓs** — как сокращение от греческого имени Apollónios, которое получил еще один из христиан еврейского происхождения [26]. Таким образом, мы видим, что в данном фрагменте Нового Завета наряду с традиционным римским именем Titus (Тит) появляются и новые греко-еврейские имена Apollṓs и Zēnás. Поэтому вполне можно допустить, что дочь упомянутого апостолом Павлом его соратника Зинаса или другого одноименного человека могла получить, согласно господствующим на Ближнем Востоке греческим языковым стереотипам, имя Zēnaís, Zēnáidos, и это имя с христианством дойдет и до восточных славян, которые будут почитать великомученицу Зинаиду из Тарса [8].

По этимологии имени **Ираид**а А. В. Сперанская приводит информацию только о данном варианте имени как производном от греческого имени Herais, Heraïdos — «из рода Геры, супруги Зевса» [19, с. 266]. Однако следовало бы привести этимологию и второго варианта данного имени — **Ироида**. Оно восходит к древнегреческому слову herōis, ĭdos — героиня, образованному от herōs, heroos — герой [5, т. 1, с 761]. Учитывая то, что христиане почитают великомученицу III в. н. э. Ираиду из Александрии [8],

можно предположить, что у почитателей этой великомученицы ее имя первоначально связывалось со значением «героиня», отсюда и сохранялось двойственное написание этого имени, которое дошло и до наших дней.

Имя **Дементий** в словаре А. В. Сперанской, как и практически во всех остальных словарях подобного рода, выводится от латинского мужского имени **Domitius**, восходящего к глаголу domĭto — *укрощать*, *усмирять*, которое действительно фиксируется в лексиконе латинского языка античного периода [4, с. 266]. Однако логичнее было бы ожидать наличия имени Dementius в этом лексиконе, ибо представляется непонятным путь фонетической трансформации имени Domitius в Дементий. В то же время в латинском лексиконе представлено слово demens, ntis со значением «безумный», «неразумный» [4, с. 233], которое морфологически и грамматически могло бы быть источником имени Dementius (demens, ntis → Dementius). Сравним латинские источники имен и сами имена: clemens, ntis → Clementius (Клементий); innocens, ntis → Innocentius (Иннокентий); prudens, ntis → Prudentius Пруденций): vicens, ntis → Vicentius (Викентий). То, что в латинских лексиконах не зафиксировано имя Dementius, которое могло образоваться на основе лексемы **demens**, можно объяснить, как нам представляется, тем, что такое название в качестве прозвища или родового имени не получило распространения по неким этическим соображениям. Ведь если римские родовые имена или прозвища нередко и отражали какие-то физические недостатки далекого родоначальника (Scaevola — левша, Naso — носач, Claudius — хромой, Flaccus — вислоухий и т. п.), то только одно из имен, отражавших ментальный недостаток, стало почетным названием вместо пренебрежительного прозвища. Речь идет об имени **Brutus** (тупой, неразумный), которое в Древнем Риме носил первый представитель такого прозвища легендарный Луций Юний Брут. Он, оберегая свою жизнь, действительно долгие годы прикидывался недоумком, однако в подходящее время возглавил восстание, освободил в конце VI в. до н. э. Рим от тирании Тарквиниев и стал первым римским консулом [18, с. 84]. Первый представитель рода Домитиев Гней Домиций Кальвиний Максим вошел в римскую историю в 283 г. до н. э. как победитель над соседними с Римом племенами и как первый цензор-плебей [4, с. 266], но по поводу его прозвища римские историки не оставили никаких комментариев.

Читая словарь А. В. Сперанской, сложно понять, к какому античному языку восходит то или иное имя, так как автор словаря в своих этимологических разъяснениях часто не проводит четкой разницы между греческой и латинской лексикой, а нередко допускает и явные ошибки. Так, имя **Корнилий** она выводит от греческого имени Корнилиос, но тут же читаем (и это верно), что оно от латинского имени Корнелиус [19, с. 214]. Имя **Кустодий**, согласно словарю, — от греческого и латинского «кустодия» стража [19 с. 218], однако греческое kustodia является калькой латинского слова custodia с тем же значением [5, т. 1, с. 976; 4, с. 266]. Греческое имя

Лисандр, зафиксированное в греческих лексиконах [5, т. 1, с. 1040], автор словаря считает латинским, имя **Максим** (латинское maximus — самый большой) — греческим, латинское имя **Публиус** (Publius, букв. «общенародный») — тоже греческим, имя **Викент** (латинское vicens, ntis — побеждающий) выводит от греч. Викентиос et cetera. То, что ряд латинских имен был заимствован греческим языком и наоборот, можно проследить в греческих вариантах текстов Нового Завета. В них встречаются имена Gaios — Гай (лат. Gaius), Klēmens, entos — Клемент или Климент (лат. Clemens, ntis), Paulos — Павел (лат Paulus), Poplios — Публий (лат. Publius), Porkios — Порций (лат. Porcios) и др. [3]. Однако всегда следует выделять языковой первоисточник каждого слова, в том числе и имени, хотя и не всегда такие первоисточники отражены в словарях. Так, огромное количество греческих имен, судя по эпиграммам Марциала [10], бытовало в разговорной латыни I–II вв. н. э., но не все они зафиксированы в словаре латинского языка И. Х. Дворецкого. И здесь мы считаем необходимым указать на большой недостаток не только этого отечественного словаря, но и Оксфордского словаря латинского языка [30] и словаря древнегреческого языка Лиддла–Джонса [29], состоящий в том, что их авторы не включают в эти лексиконы все личные имена античности. Этот же недостаток свойствен и всем известным этимологическим словарям, причем не только античных языков, но и русского. В них присутствуют только отдельные имена, но большинство имен так и не представлены. Так, в известном этимологическом словаре М. Фасмера находим имена Андрей, Кондратий, Марк и некоторые другие, но нет имен Виссарион, Мария, Максим, Таиса и многих других [20; 21; 22; 23].

Рассказывая об этимологии имени **Елена**, которое традиционно связывается с героиней древнегреческих мифов Еленой Прекрасной, дочерью Зевса и Леды, А. В. Сперанская выводит это имя от греческого слова **хеле** «свет» [19, с. 382]. Однако в лексиконах древнегреческого языка мы подобного слова не находим. Слово «свет» в них передается четырьмя лексемами: phaos, phengos, phos, selas, [5, т. 2, с. 1714–1757]. При этом существительное selas — свет, как свидетельствует этимологический словарь П. Шартрена, [27, с. 995], не состоит в этимологической связи с именем Helenē (Елена). Павел Флоренский связывет имя Елена (Helenē) с именем древнегреческой богини луны Селены [4, с. 187]. Роберт Гревс также предполагает, что древнегреческое имя Helenē могло быть связано с культом Селены (Selenē) [2, с. 105; с. 163]. Однако авторы этимологических словарей древнегреческого языка Х. Фриск и П. Шартрен считают, что имя Helenē восходит к догреческим временам и не поддается убедительной этимологической идентификации [28, с. 689–690; 27, с. 335].

Следовало бы более точно представить читателю этимологию и значение имен Таис, Таида и Таисия, которые А. В. Сперанская приводит в своем словаре [19, с. 437]. Имена Таис и Таида являются русскими лексическими

вариантами древнегреческого имени **Thais, Thaĭdos** [5, т. 1, с. 765]. В русских переводах эпиграмм Марциала [10], выполненных Ф. А. Петровским, в роли эквивалента имени **Thais** встречается только вариант Таида, а в диалоге «Разговоры гетер» Лукиана в переводе Б. Казанского — вариант Фаида [11, с. 429–430]. Имена Таис, Таида и Фаида не вошли в Православный календарь и поэтому не получили распространения среди русских женских имен [13]. Этимология имени **Thais, Thaĭdos** не поддается точному определению [25]. Его первоисточником считается имя знаменитой гетеры IV в. до н. э. Таис (Таиды) Афинской (ср. известный роман И. Ефремова «Таис Афинская»). Что же касается имени Таиса (Таисия), то в большинстве источников, в том числе и в словаре А. В. Сперанской, оно выводится от древнегреческого имени **Taésis / Thaésis,** адаптации коптского имени Ta-Ỉs.t, заимствованного из египетского языка со значением «принадлежащая Исиде» [19, с. 437]. Не исключено, что данная адаптация происходила на основе уже существующего имени **Thais** или его варианта **Tais** [32]. Таковы, на наш взгляд, наиболее обоснованные лингвистически истоки имени **Таиса.** Однако нам представляется сомнительной попытка А. В. Сперанской выводить этимологию имени **Таиса** из древнегреческого выражения «ta Isios» как эквивалента коптского имени Ta-Ỉs.t со значением «принадлежащая Исиде». Ведь древнегреческий артикль **ta** является формой множественного числа артикля среднего рода **to** и выражает обобщение, ср.: **ta ellēniká** — общие греческие вопросы [5, т. 1, с. 515]; **ta tou Sólonos** — изречения Солона [5, т. 2, с. 1149]. Поэтому **ta Ísios** должно переводиться как «все то, что принадлежит Исиде или ее культу». Если же идет речь о женщине, принадлежащей Исиде или ее культу, то в этом случае греческий текст должен иметь форму **hē tēs (tas) Isios.** На наш взгляд, лингвистически неоправданны попытки искусственно делить на части указанное коптско-египетское выражение и соорудить из него некий древнегреческий лексический вариант. Поэтому, признавая указанную выше историю образование имени **Taésis / Thaésis** на основе коптско-египетских и древнегреческих языковых факторов, можно предположить вхождение данного имени в устную греческую христианско-церковную традицию и его дальнейшее закрепление в ономастике восточных славян в формах Таиса, Таисия и их простонародном варианте Таисья [16; 31].

Имя **Кондратий** (Кондрат) тоже имеет различные варианты своей этимологии. А. В. Сперанская высказывает предположение, что, возможно, оно происходит от греческого имени Кодратос, образованного из латинского **quadratus** — квадратный, широкоплечий [с. 213]. Подобного мнения придерживается и автор этимологического словаря русского языка Макс Фасмер [1986, т. 2, с. 309]. Соглашаясь с этой версией, мы считаем, что она требует более подробной аргументации, поскольку, на первый взгляд, никакой связи между именем Кондратий и его предполагаемыми латинским и греческим этимонами не просматривается.

Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что кроме чисто математического значения, связанного с существительным quadratus (квадрат) или одноименным прилагательным квадратный, у латинского слова quadratus имеются еще значение «стройный», «соразмерный», «законченный» [4, с. 640]. В частности, римский архитектор Марк Витрувий считал, что тело идеально сложенного человека можно вписать в квадрат [1]. И у Платона, и у Аристотеля форма квадрата ассоциируется с совершенством внешней и внутренней формы человека, и не случайно ученый и эрудит XVI в. Эразм Роттердамский понимал выражение **homo quadratus** как «нравственно совершенный человек» [6, с. 277; с. 911]. Однако для возникновения греческого имени Kodratos (Kondratos) от латинского слова quadratus в античное время могли существовать и более простые и прозаические лингвистические причины. Дело в том, что от слова **quadratus** в латинском языке было образовано слово **quadrans, quadrantis** «квадрант» — мелкая ходовая монета достоинством в одну четвертую асса, которое было заимствовано в греческой раннехристианской литературе в форме **kodrantes** [5, т. 1, с. 959; 3, с. 123]. На основе этого слова в устной традиции и могло возникнуть греческое имя Kodratos или Kondratos. Первоначально это могло быть слово-прозвище, а в дальнейшем стало и обыкновенным личным именем. Не исключено также, что это имя, появившись в греческой устной традиции, могло получить у христиан и определенный положительный этический подтекст, поскольку оно было связано с такими апологетами христианства и мучениками за веру, как апостол I в. Кодрат Афинский и мученик III в. Кондрат Никомидийский [9; 10].

Считаем целесообразным заметить, что автору анализируемого нами словаря иногда не удается избежать наличия неточностей культурно-исторического характера в отношении реалий античного мира, которые сопровождают этимологию ряда имен. Например, вряд ли сто́ит имя **Феогнид** сравнивать со словом **теогония** «родословие богов» [19, с. 325] — названием известной поэмы Гесиода. Вторая часть древнегреческого имени **Theognís — gnis**, несомненно, является сокращением и трансформацией или конечного элемента **-genes** (рожденый), или слова **genos** (род, потомство), и имя **Theognís** (Феогнид) следует интерпретировать как «рожденный богом» или «потомок бога», но прямой лингвистической связи между именем **Theognis, ĭdos** и названием поэмы Гесиода «**Theogonia**» точно не существует. Имя **Гай**, без сомнения, восходит к греческой кальке **Gaios** известного латинского имени **Gaius/Gajus** (ср. Gajus Julius Caesar), и автору словаря совершенно нет необходимости заниматься поисками иной, в том числе и древнегреческой этимологии данного имени [19, с. 150]. Здесь же полагаем уместным напомнить о несоответствии историческим реалиям предания о том, что Гай Юлий Цезарь родился с помощью операции под названием «кесарево сечение», которая была сделана уже после смерти его матери [19, с. 71]. Все аргументы против недостоверности этого предания

представлены в работе одного из авторов данной статьи «Гай Юлий Цезарь и «кесарево сечение» [24, с. 200–203]. И, очевидно, следует соблюдать различия между древнегреческим и новогреческим языками в приведении этимонов. Так, имя Ирина восходит к древнегреческому существительному **eirēne** (мир), а не к новогреческому **Irini**, имя Глафира — к древнегреческому glaphyré (точеная, изящная), а не к новогреческому **Глафири** et cetera.

Таким образом, определение этимологии и семантики имен античного происхождения — это нелегкий труд, требующий, прежде всего, работы с первоисточниками этих имен — древнегреческой и латинской лексикой и античными текстами. В современном интернете немало источников информации, основанных на поверхностном знании и отсутствии основательных знаний грамматики и лексики классических языков, и подобного рода информация всегда требует профессиональной проверки и оценки. Поэтому каждый лингвист в области ономастики обязан руководствоваться личным знанием и умением пользоваться античными лексиконами другими античными источниками, а не полагаться на непроверенную информацию из чужих рук.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Витрувий*: главные принципы архитектуры Регент ДЕКОР. – URL: //www.regent-décor.ru/lib.articles/vitruvio.html (дата обращения: 28.05.2024).

2. *Грейвс, Р.* Мифы древней Греции : пер. с англ. / Р. Грейвс ; под ред. и с послеслов. А. А. Тахо-Годи. – М. : Прогресс, 1992. – 624 с.

3. *Греческо*-русский словарь Нового Завета / пер. крат. греч.-англ. слов. Нового Завета Баркли М. Ньюмана ; рус. пер. и ред. В. Н. Кузнецовой. – М. : Рос. библ. о-во, 1997. – 238 с.

4. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.

5. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 2 т.

6. *Большой* словарь латинских цитат и выражений / авт.-сост. К. Душенко, Г. Багриновский ; под науч. ред. Д. О. Торшилова. – М. : Эксмо ; ИНИОН РАН, 2013. – 972 с. (За словом в карман).

7. *Евстигней* — значение имени, мужское имя. – URL: https://imena-znachenie.ru.imena/evstigney1341.html (дата обращения: 13.04.2024).

8. *Житие* святой мученицы Зинаиды. – URL: https://sumyhram.narod.ru/zinaida (дата обращения: 13.02.2024).

9. *Кодрат* Афинский. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/973439 (дата обращения: 13.02.2024).

10. *Кондратий*. – URL: https://solncev.narod.ru//Imia/1697.htm (дата обращения: 13.02.2024).

11. *Лукиан*. Избранное / Лукиан : пер. с древнегреч. / сост., предисл. И. И. Нахова. – М. : Худож. лит., 1987. – 624 с.

12. *Марциал, М. В.* Эпиграммы / М. В. Марциал : пер. / вступит. сл. В. С. Дуров. – СПб. : Комплект, 1994. – 448 с. (Античная б-ка. Худож. лит.).

13. *Мученица* Ираида // Православный церковный календар. – URL: https://azbyka.ru.days/sv-raisa-iraida-aleksandrjskaja (дата обращения: 13.02.2024).

14. *Новый* Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык. – СПб. : Рус. библ. о-во, 2006. – 1405 с.

15. *Православный* календарь именин. – URL: https://www.pravmir.ru/pravoslavny-kalendar-imenin (дата обращения: 13.02.2024).

16. *Мученица* Таисия // Православный церковный календарь. – URL: https:azbyka.ru.days/sv-taisia (дата обращения: 13.02.2024).

17. *Славятинская, М. Н.* Учебник древнегреческого языка : в 2 ч. / М. Н. Славятинская. – М. : Филология, 1993. – Ч. 2. – 365 с.

18. *Словарь* античности : пер. с нем. / редкол. : В. И. Кузищин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Прогресс, 1989. – 704 с.

19. *Суперанская, А. В.* Словарь русских личных имен / А. В. Суперанская. – М. : Эксмо, 2006. – 544 с. (Б-ка словарей).

20. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 1 : А–Д. – 576 с.

21. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 2 : Е – Муж. – 672 с.

22. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3 : Муза – Свят. – 832 с.

35. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 4 : Т – Ящур. – 664 с.

23. *Флоренский, П.* Имена / П. Флоренский. – Харьков : Фолио; М. : АСТ, 2001. – 439 с.

24. *Цисык, А. З.* Гай Юлий Цезарь и «Кесарево сечение» / А. З. Цисык // Олимпиада по латинскому языку и основам медицинской терминологии — важная составляющая качества образования в XXI веке / Л. М. Тихонова [и др.]. – Ульяновск : Вектор, 2010. – С. 200–203.

25. *Apollos* // International Standard Bible Encyclopedia Online. – URL: https://www.biblestudytools.com/dictionary/apollos (date of access: 13.02.2024).

26. *Chartraine, P.* Dictionaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots / P. Chartraine. – Paris : Édition Klincksieck, 1977. – 1387 p. – URL: https://archive.org/details/Dictionnaire-Etymologique-Grec (date of access: 13.02.2024).

27. *Frisk, H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch : in 3 bd. / H. Frisk. – Heidelberg : Carl Winter Univ. Verl., 1960. – Bd. 1 : A – K. – 938 s.

28. *A Greek*-English Lexicon / comp. by H. G. Liddell, R. Scott. – Oxford : Clarendon Press,1996. – 2042 + 320 p.

29. *Oxford* Latin Dictionary. – Oxford : At the Clarendon Press, 1968. – XXIII + 2126 p.

30. *Thaisa* – Meaning of Thaisa. – URL: https://www.kidpaw.com/names/thaisa (date of access: 13.02.2024).

31. *TM* People: Ref4441988 Trismegistos. – URL: https:www.trismegistos.org/ref/441988 (date of access: 13.02.2024).

32. *Zenas* // Encyclopedia of The Bible. – URL: https://www.biblegateway.com/resourceces/encyclopedia-of-the-bible/Zenas (date of access: 13.02.2024).

Впервые опубликовано: Смоленский медицинский альманах. – 2022. – № 4. – С. 211–217.

О СОВРЕМЕННОМ ВОСПРИЯТИИ РИТМИКИ АНТИЧНОГО СТИХА

Как известно, ударение в восточноевропейских языках является силлаботоническим, а в стихах чередуются ударные и безударные слоги. Основные метрические системы и их названия в каждой из национальных литератур сложились под влиянием древнегреческих понятий и терминов: ямб, хорей, дактиль, анапест, амфибрахий. Школьный курс литературы в достаточной мере знакомит учащихся с данными метрическими схемами: каждый из нас до сих помнит немало ямбов и хореев из стихотворений Пушкина и Лермонтова, как и дактилей, анапестов и амфибрахиев из поэзии Некрасова. Впрочем, немало примеров можно найти и у поэтов XX в. Вот, например, начало прекрасного стихотворения Е. Евтушенко «Колизей», составленного, как и само заглавие, ан**а**пестом.

Поэтическое творчество занимало ведущее место в художественной культуре античного мира. Концепция ведущей роли поэзии в словесном творчестве закрепилась в общественном сознании древнегреческого общества уже на самых ранних этапах его развития [5]. Подробное изучение теории стихосложения сопровождалось детальным изучением словесных образных средств, правил сочетаемости слов и достижения благозвучия фразы, поэтическое дарование ценилось и поощрялось. Эта же концепция главенствования и важности поэтического слова была воспринята в Риме после покорения Греции и усвоения ее духовных ценностей [4]. В частности, Цицерон в своей знаменитой речи «В защиту поэта Архия» говорит: «Прочие занятия зависят от науки, наставлений, теории, поэт же могуч самой природой, поощряем силами дарования, вдохновляем неким божественным веянием» [12].

Не удивительно, что при таком отношении к поэтическому творчеству в Древней Греции и Риме были созданы произведения, которые на все последующие века стали не только нормой и образцом для поэтов, но и предметом эстетического наслаждения для читателей. Ибо настоящая поэзия, которая, по образному выражению Пушкина, является «союзом волшебных звуков, чувств и дум», не знает временных границ. И хотя в исторических катаклизмах многие поэтические шедевры древности были утеряны, те из них, которые уцелели, тщательно изучались в Средние века, сначала в церковных и других школах, а затем в университетах, переписывались и распространялись для всех ценителей и почитателей античного поэтического слова [9, с. 36–37].

Однако каким бы мощным не был культурно-эстетический потенциал античной поэзии, в силу объективных причин из столетия в столетие неуклонно уменьшается количество тех, кому доступно чтение античных поэтических шедевров в оригинале, и соответственно растет количество читателей, которые нуждаются в переводах. Если говорить о тех, кто в наши

дни сможет читать античные стихи в оригинале, то это должны быть лица, которые владеют основами не только классических языков, но и античной метрики, ибо особенности строения и произношения древнегреческой и римской поэтической строки коренным образом отличаются от просодики и метрики современных европейских, и, прежде всего, восточнославянских языков.

Древнегреческая поэзия, как и римская, была основана на метрической системе стихосложения, в которой употребляется упорядоченное чередование долгих и кратких слогов. Эта система развилась в древнегреческом языке, а потом была воспринята латынью, поскольку в этих языках долгота и краткость являлись существенными фонологическими признаками звуков. К тому же древнегреческая поэзия возникала в тот период развития общества и культуры, когда поэзия еще не отделилась от пения, музыки и пляски, о чем свидетельствуют многие термины древнегреческой метрики, которые генетически связаны с движением или измерением пространства (ποῦς — стопа, στίχος — ряд, ἄρσις — подъем, θέσις — расположение, χορεῖος = τροχαῖος — связанный с хоровой пляской etc.). С переходом к книжной культуре эпохи эллинизма и в римское время поэзия отделяется от музыки и пляски, стихи уже не поются, а декламируются. В позднеантичной школе и в Средние века при произношении античных стихов использовался декламационный способ (enuntiando), который используется вплоть до нашего времени и при котором слог под ударением употребляется для передачи слога, на который падало ритмическое ударение, а безударные слоги — для безударной части стопы [8, с. 189–191]. Античная поэзия не знала рифмы, а ритмика стиха создавалась и поддерживалась той или иной метрической системой. С помощью способа enuntiando можно условно приблизиться к произношению античной поэзии в оригинале. Однако возможно ли передать все разнообразие античной метрической системы на русском, белорусском или украинском языках?

Колизей! Я к тебе не пришел, как в музей. Я не праздный какой-нибудь ротозей.

Наша встреча — как встреча двух старых друзей, и двух старых врагов, Колизей.

Ты напрасно на гибель мою уповал: я вернулся, тобою забыт,

На то место, где тысячи раз убивал, и где тысячи раз был убит.

Отмеченные античные стихотворные размеры уже давно стали частью национальной системы стихосложения в каждом из восточнославянских языков. Вот отрывок из поэмы украинца Т. Шевченко «Причинна», составленный амфибрахием:

Така її доля, о Боже мій милий. За що ж ти караєш її молоду?

За те, що так щиро вона полюбила козацькії очі? Прости сироту.

Или отрывок из поэзии белоруса Максима Лужанина, в котором четко слышится дактиль:

Суджана, стаўлена пад перакладзіны,
Сечана, палена, а не аддадзена,
Не парастрачвана і не раскрадзена,
Рупна ў падмуркі на золкі пакладзена
Роднае слова.

Все приведенные выше поэтические отрывки принадлежат к хрестоматийной части каждой из восточнославянских литератур, поэтому, на наш взгляд, и не требуют особых ссылок. Что же касается русской литературы, то никто не станет оспаривать тот факт, что вся многочисленная и разноликая русская литературная поэзия XIX – начала XX вв. развивалась под сильнейшим и весьма плодотворным воздействием поэзии античной, которая подробно изучалась в стенах российских университетов. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с подражаниями русских поэтов указанного периода античным, они частично собраны и опубликованы в антологии «Венок русским каменам», в котором представлены стихотворения от Александра Васнецова (1802) до Максимилиана Волошина (1927) [2]. У последнего, между прочим, в цикле «Киммерия» можно встретить подражание почти всем известным античным строфам.

Легко были восприняты и усвоены в русской и других восточнославянских культурах XVIII и XIX вв. и такие «ветераны» античной поэзии, как дактилический гекзаметр и элегический дистих. Любой современный школьник или студент в Москве, Минске или в Киеве в состоянии прочитать в переводах на родной или русский язык (правда, желательно при наличии историко-культурного и текстологического комментария) поэмы Гомера, древнегреческую и латинскую эпиграмму, поэзию Вергилия, Овидия, Проперция, Тибулла, Ювенала, «Сатиры» и «Послания» Горация. По этой же причине белорусский читатель без особых затруднений откроет для себя новолатинский гекзаметр Яна Вислицкого (поэма «Пруская вайна» в переводе Жанны Некрашевич-Короткой) или элегический дистих Николая Гусовского (поэма «Песня пра зубра» в переводе Владимира Шатона), а украинский читатель не без удовольствия прочитает в переводе Михаила Билыка гекзаметрическую поэму Себастьяна Кленовича «Роксоланія» или того же Николая Гусовского в переводе Андрея Содоморы.

Сложнее обстоит дело с современным восприятием остальных античных метрических схем. Прежде всего согласимся с высказыванием Михаила Гаспарова, что хоровая лирика, в частности поэзия Пиндара и Вакхилида, в обозримом будущем будет по существу оставаться достоянием классических филологов и не может быть освоена широкой читательской аудиторией. В качестве иллюстрациии своих слов ученый цитирует Вольтера, который, пародируя выспренный стиль од Пиндара, с изрядной долей иронии пишет: «Восстань из гроба, божественный Пиндар, ты, прославивший в былые дни лошадей достойнейших мещан из Коринфа или из Мегары, ты, обладавший несравненым даром без конца говорить, ничего не сказав, ты,

умевший отмерять стихи, не понятные никому, но подлежащие неукоснительному восторгу» [3]. М. Гаспаров, взявший на себя нелегкий труд дать полный перевод од Пиндара с помощью силлабо-тонической имитации греческого метрического стиха (метод, который, как принято сегодня считать, в наибольшей степени может довести до читателя поэтическое своеобразие подлинника), пришел к выводу, что в итоге перевод получается слишком громоздким и малопонятным [3, с. 368]. Однако даже употребление свободного стиха — стиха без фиксированного метра и рифмы, к которому в итоге прибегает переводчик, не делает легким восприятие этой своеобразной поэзии. Вот как, например, звучит начало одной из «Немейских песен», посвященной Хромию Этнейскому на победу в конном беге [10, с. 116].

Вздох державный Алфея,
Ветвь прославленных Сиракуз
Ортигия,
Колыбель Артемиды, остров Делоса,
Тобою хочет начать
Сладостная песнь моя
Хвалу коням, чьи ноги — как буря,
И славу Зевсу Эгинскому,
Это Немея,
Это Хромиевая четверня
Зовет меня впрячь мой голос
В песнь о подвиге его побед.

Из подобного рода громоздких периодов, в которых и в оригинале, и в его силлабо-тоническом переводе трудно уловить стихотворный ритм, а порой и главную нить повествования, состоит лирика Пиндара и других представителей хоровой лирики. Поэтому неудивительно, что уже в античное время, в период александрийской науки, стихи Пиндара из предмета живого восприятия окончательно стали предметом филологического исследования.

Значительно легче в современных переводах воспринимаются хоровые части драматической поэзии Эсхила, Софокла и Еврипида. Это тем более важно, что данную поэзию нельзя никак проигнорировать, в отличие от произведений, относящихся к хоровой лирике, она изучается во всех курсах античной литературы. В. Н. Ярхо, рассуждая о трудностях перевода классиков древнегреческой трагедии на русский язык, отмечает: «Хотя святая цель всякого перевода — сделать переводимого автора близким современному читателю, не менее важно сохранить приближенность к оригиналу, не теряя его выразительности» [13, с. 520–521]. Эта проблема, судя по тексту переводов трагедий, решается успешно, тем более что, к счастью для современного читателя, большинство текста трагедий знаменитых афинских трагиков, согласно закону жанра, составлено ямбическим стихом и поэтому воспринимаются без особых затруднений.

И, наконец, поговорим о метрических схемах, которые, хотя и непривычны для практики новоевропейского, в том числе и восточнославянского стихосложения, но поддаются условному воспроизведению средствами силлабо-тонического строения стиха. В рамках данной работы остановимся только на двух таких схемах — алкеевой строфе и сапфической строфе, которые часто встречаются в и в античной, и в новолатинской поэзии. В частности, из 103 Горациевых од 37 составлены алкеевой строфой и 25 — сапфической.

Наш современник, львовский филолог-классик А. А. Содомора, переводчик и тонкий интерпретатор античной поэзии, считает, что средствами отечественной силлабо-тонической системы стихосложения вполне можно приблизиться к приемлемому воспроизведению ритмики, содержания и образности большинства античных стихотворных систем. Естественно, переводчику следует приложить немало усилий, чтобы поэтическая фраза «дышала» размером первоисточника, то есть, чтобы размер был не только бескровным метрическим подобием, но и пульсом лирического произведения. А для достижения этой цели переводчику следует всячески превозмогать буквализм и искать живую, естественно звучащую фразу, которая сама создает ритм. Ведь читатель не должен участвовать в версификационных проблемах переводчика, он просто читает, не задумываясь над метрическим строением стиха. [11, с. 33–47]. Сам автор данной концепции стремится следовать ей в своей переводческой практике, как можно убедиться на следующих двух примерах, где первое стихотворение передает алкееву строфу, а второе — сапфическую [7, с. 39, 54]:

Гай-гай, спливають, Постуме, Постуме,
Літа,мов хвилі! Вік догоджай богам —
Чоло старечі вкриють зморшки,
Смерть кам’яна не вповільнить кроку.
(II, 14, 1–4)

Ждуть пісень од нас, і якщо не рік лиш
Те, що ми в гайку на дозвіллі склали, —
Довго буде жить, — на ладу латинськім
Грай, моя ліро!
(I, 32, 1–4)

А сейчас сравним два перевода заключительной строфы 11-го стихотворения Катуллового сборника [6, с. 11, 137]. Первый выполнен С. Шервинским, а второй — А. Пиотровским:

Перевод С. Шервинского	**Перевод А. Пиотровского**
Но моей любви уж пускай не ищет,	Только о моей пусть любви забудет!
Ей самой убитой, — у кромки поля	По ее вине иссушилось сердце,
Гибнет так цветок, проходящим мимо	Как степной цветок, проходящим плугом
Срезанный плугом.	Тронутый насмерть.

И в первом, и во втором переводах воссоздан ритм сапфической строфы оригинала, в нужном месте выдержана цезура. Однако в первом переводе усложненный синтаксис, в частности, не сразу воспринимается синтаксическая связь выражения «ей самой убитой» со словами «моей любви», размещенными в предыдущей строчке. Во втором переводе стихотворение звучит более естественно и плавно, лучше передан и драматизм чувств.

Очень важно, чтобы в переводах античной поэзии лексика была недвусмысленной и понятной читателю (за исключением, естественно, античных реалий, которые требуют отдельного и нередко подробного комментария). В связи с этим следует отметить, что какая-то часть переводов античной поэзии на русский язык уже устарела и нужны новые и более совершенные версии переводов в отношении и ритмики (особенно важно соблюдать в нужном месте цезуру), и лексики стиха. Вот перед нами, например, следующий перевод одного из фрагментов Алкея, составленный в оригинале алкеевой строфой [14, с. 361]:

Не поддавайся духом в несчастиях!
Какая прибыль нам от душевных мук?
Нет, Бикхид, лучшее лекарство —
Кликнуть вина и напиться пьяным.
(Перевод М. Гаспарова)

И хотя в данном переводе соблюдается ритмика алкеевой строфы, у современного читателя при чтении глагола «кликнуть» неизбежно возникнет ассоциация с омонимичным глаголом из области компьютерной лексики, что неизбежно внесет путаницу в понимание смысла стиха.

В связи с этим еще раз возвратимся к размышлениям А. Содоморы, посвященным теории и практике перевода античной поэзии. На примере нескольких од Горация он показывает возможные пути усовершенствования прежних своих переводов 20-летней давности [11, с. 11–178]. Эти размышления чрезвычайно полезны всем тем, кто решился посвятить себя нелегкому, но столь необходимому труду сделать близким и понятным современному читателю богатство и красоту поэтического слова, рожденного под покровительством античных муз. В частности, переводами античной поэзии в Беларуси могут заниматься практически все те филологи-классики (а наличие классического образования — это conditio sine qua non в переводе с классических языков), которые уже успели попробовать себя в этом деле и напечатать кто большее, а кто меньшее количество переводов. Ведь в силу различных причин Беларусь намного отстает от России и Украины по количеству переводов античных авторов, как показывает недавно изданная в Гродно хрестоматия переводов древнегреческих поэтов на белорусском языке [1]. Однако вселяет надежду тот факт, что за пятнадцать лет в нашей стране уже крепко встала на ноги отечественная классическая филология и ее флагман — кафедра классической филологии Белорусского государственного университета, а в этих условиях рано или поздно найдутся энту-

зиасты, которые захотят и смогут донести до широкой общественности бесценное поэтическое наследие античности. А закончить свою статью хотелось бы бессмертной алкеевой строфой в подражание знаменитому эллину:

Из тьмы столетий, словно звезда в ночи,
Мерцая светом прошлых давно времен
Нам шлет античность дар бесценный —
Слово свое в обрамленьи ритмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антычная* літаратура ў беларускіх перакладах. Старажытная Грэцыя : хрэстаматыя / уклад., аўт. прадм., біягр. даведак, слоўніка імёнаў і назваў Д. М. Лебядзевіч. – Гродна : ГрДУ, 2002. – 217 с.

2. *Венок* русским каменам: Антол. стихотворения рус. поэтов. – СПб. : Наука, 1993. – 304 с.

3. *Гаспаров, М. Л.* Поэзия Пиндара / М. Л. Гаспаров // Пиндар Оды. Фрагменты / В. Пиндар, Вакхилид : пер. с греч. М. Л. Гаспарова. – М. : Наука, 1980. – С. 361–362.

4. *Гаспаров, М. Л.* Поэт и поэзия в римской культуре / М. Л. Гаспаров // Культура Древнего Рима : в 2 т. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории ; Е. М. Штаерман [и др.]. – М. : Наука, 1985. – Т. 1. – С. 318–335.

5. *Гаспаров, М. Л.* Литература европейской античности. Введение / М. Л. Гаспаров // История всемирной литературы : в 9 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. ; редкол. : Г. П. Бердников (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1983. – Т. 1. – 308 с.

6. *Катулл*. Книга стихотворений / Катулл. – М. : Наука, 1986. – 301 с.

7. *Горацій*. Твори / Горацій ; пер., передмова та прим. А. О. Содомори. – Київ : Дніпро, 1982. – 254 с.

8. *Кузнецов, А. Е.* Латинская метрика / А. Е. Кузнецов. – Тула: ГРИФ и К, 2006. – 554 с.

9. *Курціус, Е. Р.* Європейська література і латинське середньовіччя / Е. Р. Курціус ; пер. з нім. А. Онишко. – Львів : Літопис, 2007. – 752 с.

10. *Пиндар*. Оды. Фрагменты / Пиндар, Вакхилид ; пер. с греч. М. Л. Гаспарова. – М. : Наука, 1980. – 503 с. (Литературные памятники).

11. *Содомора, А. О*. Студії одного вірша / А. О. Содомора. – Львів : Літопис, 2006. – 363 с.

12. *Цицерон, М. Т.* В защиту поэта Архия / М. Т. Цицерон // Речи : в 2 т. – М. : Наука, 1993. – Т. 2 : Годы 62–43 до н. э. – С. 33–42.

13. *Софокл*. Драмы / Софокл ; пер. Ф. Ф. Зелинского ; изд. подгот. : М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо. – М. : Наука, 1990. – 605 с. (Литературные памятники).

14. *Эллинские* поэты VIII–III века до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / подгот. М. Л. Гаспаров [и др.]. – М. : Ладомир, 1999. – 515 с. (Античная классика).

Впервые опубликовано: Актуальные проблемы филологии: античная культура и славянский мир : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т ; отв. ред. Г. И. Шевченко. – Минск : РИВШ, 2011. – С. 235–241.

ПЛАМЕННОЕ СЛОВО В ЗАЩИТУ ВЕРЫ ОТЦОВ В ПОЭМЕ Н. ГУСОВСКОГО «О ЖИЗНИ И ДЕЯНИЯХ БОЖЕСТВЕННОГО ГИАЦИНТА» (DE VITA ET GESTIS DIVI HYACINTHI)

Поэтическое наследие Николая Гусовского (время жизни прибл. 1447–1533) принадлежит к самым ярким страницам латиноязычной поэзии, появившейся на землях Великого Княжества Литовского в конце XV – начале XVI вв. Стихотворениям Н. Гусовского присуще выдающееся поэтическое мастерство, основанное на лучших образцах античной поэзии, высокий гуманистический и гражданский пафос, пронизанный личным чувством. Именно этими качествами отличается, в частности, второе по величине произведение Н. Гусовскогого — поэма «О жизни и деяниях божественного Гиацинта» (De vita et gestis divi Hyacinthi).

Текст поэмы, изданный впервые в Кракове в 1525 г., состоит из 869 гекзаметрических стихов и двух стихотворений, составленных элегическим дистихом. Начальный элегический тетрастих посвящен старинному польскому роду Одроважей. К тому же роду принадлежал воевода и канцлер Польского королевства Христофор из Шидловца, у которого автор поэмы искал покровительства, а также странствующий монах Гиацинт, живший в XIII в., которого Н. Гусовский сделал героем своего произведения.

Поэма «De vita et gestis divi Hyacinthi» до сих пор основательно не анализировалась в отечественной филологии. Отдельные поверхностные замечания по поводу содержания поэмы можно встретить в работах Я. И. Порецкого [3; 4] и В. Дорошкевича [1], а единственный вариант перевода поэмы на русский язык, выполненный Я. И. Порецким четверть века назад [3], в настоящее время, на наш взгляд, не может считаться удовлетворительным. Поэтому цитаты из указанной поэмы в данной статье мы представляем в нашем переводе. Текст оригинала цитируется по изданию И. Пельчара [5].

Отсутствие должного внимания отечественных исследователей к этому столь значительному по объему и идейно-художественным достоинствам произведению можно объяснить только тем, что идейная направленность поэмы шла вразрез с атеистическим характером официальной советской идеологии, так как она посвящена религиозной проблематике и, более того, отражает глубокие религиозные чувства самого автора произведения.

Христианское мировоззрение Н. Гусовского ясно и определенно проявляется во всех его произведениях, однако с наибольшим пафосом и с самым глубоким искренним чувством поэт говорит о Христовой вере в поэме «De vita et gestis divi Hyacinthi». Вся поэма — это, собственно, яркий манифест веры Н. Гусовского в традиционные христианские ценности и призыв к их сохранению перед угрозой лютеранской церковно-идеологической реформации. Н. Гусовский пишет свое произведение, движимый, прежде всего, гражданским чувством — укрепить веру своих отцов у своих современни-

ков, ибо для него крушение этой веры — страшное зло, несущее соотечественникам неисчислимые бедствия. И одним из самых эффективных средств укрепления веры, считает Н. Гусовский, должно стать обращение к авторитету основателей апостольской Христовой церкви и, в частности, к христианскому подвигу монаха и миссионера Гиацинта, который, подобно первым апостолам, обучал народы Христовой вере и творил чудеса во имя этой веры. Обращаясь к Гиацинту в начальных строках своей поэмы, Н. Гусовский пишет:

Propter eos memorare sinas quae gesserit olim,
Quos procul a recto ducit temerarius error
Tramite; perpendant, tua quid vestigia nobis
Tot signis impressa notent, certumque sequendi
Exemplar tanto favorum in turbine profer. (12–26).

Ты ради тех позволь мне вспомнить твой подвиг старинный,
Кто оказался в плену заблуждений и с верной дороги
Сбился. Пусть же узна́ют деянья твои, — повсеместно
Их ведь заметны следы, — и этим воспоминаньем
Дай образец всем жизни достойной в столь смутное время.

Temerarius error (временное заблуждение), о котором говорит Н. Гусовский, — это, по его мнению, необдуманный переход некоторых его современников в ряды сторонников Лютера, призвавшего кардинальным образом реформировать систему традиционных христианских ценностей. В частности, одним из требований Лютера был отказ от культа святых, и именно в противовес этому требованию Н. Гусовский обращается к культу святого Гиацинта, канонизированного католической церковью в 1523 г. Для него, ортодоксального верующего, жизнь и деяния святого Гиацинта сродни деяниям апостолов и даже самого Иисуса Христа, творившего чудеса во имя укрепления своего учения. Поэт приводит многочисленные примеры благочестивых и чудесных деяний святого Гиацинта (100–425), основываясь на письменных свидетельствах предков, которым он безоговорочно доверяет. А это доверие основывается у поэта на том, что «благочестивая простота отцов, не знающая обмана, оставила нам многие свидетельства жизни знаменитого мужа (т. е. Гиацинта)»:

Non grave sit veteres fidosque revolvere libros:
Nam pia simplicitas et fraudis nescia partum
Multa virinobisvitae monimenta reliquit. (36–38)

Pia simplicitas et fraudis nescia отцов, принявших христианство от миссионера Гиацинта, является, по мнению Н. Гусовского, той путеводной звездой, которая в темной ночи бурного исторического времени (tanta fatotum in turbine, 16) должна показывать истинный путь всем заблудшим и колеблющимся. А христианский подвиг самого Гиацинта должен укрепить истинную веру в сердцах всех сомневающихся и стать противоядием от той чумы лютеранства, которая охватила соседние с Польшей народы:

Forsan eos, quorum deliria proxima fervent
Exitio populi, quorum gravis aestuat ardor
Ut cupiant adeo pessumdare cuncta movebit
Vel saltem excutiet populi de mente Poloni?
Ne sincerus adhuc vicina peste laboret,
Sed potius teneat firmoque in pectore servet
Quae nostril sub te patres didicere magistro. (21–27)

Н. Гусовский подвергает критике все те положения лютеранской программы ревизии традиционного христианства, которые идут вразрез с обычаями его предков. И, прежде всего, это отношение к Богоматери Деве Марии: Н. Гусовского повергает в ужас само намерение Лютера упразднить культ Матери Христа:

Miror inhorrescens, quidnam situ velle videtur
Haec nova religio vibrans auctore Lutheri …
… Nec sua permittens divae solemnia matri,
Quqe sancti statuere viri cantuque frequenti
Tempore dum multo coluit longaeva vetustas
Et celebrat laudes totus eo muniter orbis. (87–93)
С ужасом в сердце дивлюсь и пытаюсь понять я, к чему же
Под предводительством Лютера это ученье стремится …
… Матери Божьей во славу молебни петь запрещает.
Их ведь святые мужи когда-то ввели, повелев нам
В честь Богородицы петь, — их древность нам сохранила, —
И потому-то молебнями славят Деву повсюду.

Как известно, культ Девы Марии и Пресвятой Богородицы всегда был равно почитаем как католической, так и православной церковью. Поэтому и для Н. Гусовского, даже если он и был выходцем из православной семьи, поскольку в землях Великого Княжества Литовского в XV в. большинство населения принадлежало к православной конфессии и с 1415 г. имело своего митрополита, Дева Мария — одна из самых почитаемых ценностей христианской веры. И не удивительно, что именно ей автор поэмы отводит миссию благословить монаха Гиацинта на миссионерскую стезю, в которой ему, как и первым апостолам, будет дарована великая благодать — творить чудеса (130–140). Даже народы, не знавшие Христовой веры, по утверждению автора поэмы, издревле почитали Матерь Божью и направляли ей свои молитвы и обеты:

Quin etiam gentes, quamvis neque dogmjata Christi
Optima noverunt matri sua vota precesque
Instituunt et opem verbis ac mente requirunt. (459–461)

С не меньшим рвением Н. Гусовский выступает в защиту и всего того другого, что было завещано потомкам первыми глашатаями веры Христовой — апостолами и миссионерами сродни святому Гиацинту. Прежде всего — это храмы, т. е места, где человеческие молитвы в едином душевном

порыве возносятся к Всевышнему, Святой Троице, Деве Марии, святым. Важный пункт спора между лютеранством и традиционным христианством — это вопрос о внутренней обстановке храмов, их убранстве. Н. Гусовский категорически не согласен с тем, что храмы должны быть лишены красочного убранства, в том числе и с помощью золота и других драгоценных и изысканных материалов (756–770). Ведь внешнее и внутреннее великолепие храмов с малых лет внушает людям идею великолепия мира, созданного Богом (762–763). Теоретики современного православия, в частности, отмечают, что в храме не только слово служит средством просветления и очищения души, но и любой «образ»: икона, мелодия, ритуальный жест, архитектура. Церковное действие — это своеобразный «синтез искусств», который в своей полноте обращается ко всем сторонам духовного мира человеческой личности [2, с. 10–11].

Текст поэмы показывает, что Н. Гусовский интуитивно понимает, какую роль в религиозном мировосприятии занимают все детали традиционного храмового богослужения, и разрушение этого «синтеза искусств», вводимое лютеранами, вызывает у него искренний протест и, соответственно, стремление разъяснить его целесообразность:

Propterea patimur picturas, organa, cantus
Et diversarum ferimur modulamina vocum
Carminibusque sfcris auresmulcemus inertes
Ut puer hinc etiamprimos insuesceret annos
Et cum lacte suae fideiprimordia sugat
Quae partier tenero sumant cum corpore vires
Auratas vestes atque aurea vasa sacramus,
Ut teneant animos, donec praecepta salutis
Concipiant verbumque Dei firmetur in illis
Atque suos semen faciat cum corpore fruvtus. (559–568)
Вот для того и нужны в наших храмах картины, орга́ны,
Разноголосые хоры, на разный лад песнопенья,
Звуки псалмов и молитв священных слух нам ласкают,
Чтобы дитя с малых лет все это здесь ощущало
И с молоком материнским вбирало веры основы —
Чтобы они, как и тело, с возрастом все укреплялись.
Золототканые ризы, сосуды из золота в храмах
Наших также используем, — пусть они взгляд привлекают
Прежде, чем сердце воспримет слово истинной веры
В пору, когда семена прорастут и плоды принесут нам.

Критикует Н. Гусовский и требование Лютера упразднить монашество и монастыри, называя его «вредоносным делом» (res est damnosa, 597), так как монастыри, по его мнению, всегда были центром борьбы с грехом и соблазном:

Claustra relaxentur, tanto secura sub aevo
A sanctis fundata viris, habitata per ipsos
Moribus acta bonis, exemplis horrida duris. (605–607)
Что же нам — монастыри распустить, благочестья опору
В век наш ужасный? Святые мужи, основав их, велели
Здесь добродетель хранитьи служить преградой порокам.

Отказ от традиционной Христовой веры, ее институтов и обычаев грозит народу и стране большими потрясениями и бедствиями. Ведь падение традиционной религии снимает многие ограничения, рушит законы и открывает путь всему плохому, скрывающемуся в глубинах души человека:

Namque timor subit atque malum mens concipit omen
Ventrumque brevi vereor, dum lapsa ruinam
Religio trahat ingentem, cjntrarif vero
Dum capient robur magno et firmentur in orbe. (537–540)
Страхом томлюсь, и плохие предчувствия душу тревожат:
Ждут нас ужасные беды, когда обрушатся сразу
Своды религии старой, а стены крепкие новой
Не воздвигнут пока на просторах круга земного.

Поэт считает, что под маской правдивых и праведных стремлений сторонники новой веры задумывают посеять вражду и ненависть, дать в руки безумным оружие, развязать страшные междоусобные войны (487–520). Всесторонне рассматривая устремления сторонников новой веры и возможные последствия их раскольнической и разрушительной деятельности, Н. Гусовский утверждает, что и ему лично, как христианину, и его соотечественникам не нравится все то, что желает ввести Лютер:

Cunctaque displiceant, quae vult inferred Lutherus. (533).

Резкую и нелицеприятную оценку сторонников Лютера Н. Гусовский дает в следующих стихах:

Anne Lutheranis ideo parere decebit
In quibus, ut taceam, quae turpidedita famae,
Sunt probrosa satis, nil praeter verba videmus
Impia pestiferum tantum rectantia virus.

Стоит ли нам к лютеранам примкнуть и к новой их вере?
В ней ведь — а я умолчу здесь об их деяньях позорных —
Нет ничего, кроме слов нечестивых, в которых один лишь
Яд смертельный, несущий всем нам заразу и гибель.

И тем не менее, яд лютеранства поражает многих, ибо это учение, по мнению Н. Гусовского, умеет искусно завлекать к себе с помощью демагогии, квазиправдивой риторики и хитрого обмана, на самом же деле уводя поддавшихся этому обману далеко от благочестия и следов Христа:

Nil verae pietatis habent longeque recedunt
Atque aversa procul Chrisri vestigia linquunt. (708–710)

Более того, учение Лютера и действия его сторонников поэт сравнивает с деятельностью самого Антихриста, т. е. дьявола:

Sic Antichristus veniet, sic dulcia secum
Afferet illecebris sis olim pectora blandis
Molliet incidias tendens multosque doloris
Artibus et pravis lusos ad Tartara ducet.
Так вот Антихрист появится некогда сладкоголосый,
Ласковой, хитрой приманкой сердца простодушны откроет
И, расставив уловки свои коварные всюду,
В Ад поведет за собою целые толпы заблудших.

Противостоять таким дьявольским поползновениям можно только одним: крепить в сердце истинную веру Христову, завещанную предками, и имея перед глазами вечный пример христианского подвига святого Гиацинта. Сам же поэт чистосердечно говорит, что он верен обычаям отцов и всему тому, чему его научили в детстве:

Propterea me sic semper vetus orbita ducat,
Quam puero cari designavere parentes,
Quod statuunt homines praelati. (667–669)

Итак, хранить верность обычаям отцов придерживаться истинной веры Христовой, освящающей поклонение Деве Марии, святым апостолам и чудотворцам, святой апостольской церкви перед опасностью лютеранской реформации, несущей огромные бедствия духовной и социальной жизни сограждан, — таков основной идейный смысл поэмы Н. Гусовского «De vita et gestis Divi Hyacinthi». Но поэма Н. Гусовского не только замыкается на животрепещущих вопросах его дней и его современников. Как и многие другие великие произведения, она содержит многие элементы предвидения будущего. И следует отметить, что в далеком XV в. Н. Гусовский пророчески предвидел те великие потрясения, которые ожидали наших соотечественников в XX в., отказавшихся от веры Христовой в угоду навязанного извне и чуждого народу атеистического вероучения. Поэма Н. Гусовского «De vita et gestis Divi Hyacinthi» и сегодня учит нас дорожить заветами наших предков и, прежде всего, великим достоянием Христовой веры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дорошкевич, В. И.* Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы: Первая половина XVI в. / В. И. Дорошкевич. – Минск : Наука и техника, 1979. – 206 с.

2. *Мень, А.* Таинство, слово и образ. Богослужение Восточной церкви / А. Мень. – Л. : Ферро-Логас, 1991. – 207 с.

3. *Парэцкі, Я. І.* Паэма Міколы Гусоўскага «Жыцце Іакінфа» / Я. І. Парэцкі // Беларуская літаратура і беларускае літаратуразнаўства : межвуз. зб. – Мінск, 1974. – Вып. 2. – С. 156–183.

4. *Порецкий, Я. И.* Николай Гусовский / Я. И. Порецкий. – Минск : Наука, 1984. – 92 с.

5. *Hussoviani* Nicolai Carmina / ed., praefacione instr. I. Pelczar // Corpus antiquissimorum Poetarum Poloniae Latinorum. – 1984. – Vol. IV. – 118 s.

Впервые опубликовано: Класична спадщина і сучасне художнє мислення : зб. наук. праць до 60-річчя М. І. Борецького. – Дрогобич, Черкаси, 2001. – С. 68−71.

ПЛАТОН О ВРАЧАХ И ВРАЧЕВАНИИ

Сочинения знаменитого древнегреческого философа Платона (437–347 гг. до н. э.) — это не только своеобразная энциклопедия идей и понятий, отражающих закономерности жизни человека в условиях афинского полиса V–IV вв. до н. э. Напряженный поиск сущности социально-политических, нравственных, эстетических и личностных ценностей в каждом произведении основывается на анализе фактов из конкретных сфер афинской действительности, в том числе повседневной деятельности представителей наиболее известных профессий, среди которых часто упоминается профессия врача. Для подтверждения или опровержения своих и чужих мнений собеседники часто ссылаются на те или иные стороны деятельности врача, в результате чего можно составить довольно объективную картину общественного статуса афинского врача, его профессиональной подготовки и деятельности. При анализе текста произведений Платона мы пользуемся общепринятой системой ссылок на фрагменты его сочинений, напр. (Men. 90 c–d), в других случаях — общепринятой системой ссылок на авторов научных публикаций. Русский текст сочинений Платона цитируется по изданию [5].

Прежде всего, следует отметить, что ко времени Платона в Афинах, как и во всех областях Древней Греции, уже давно сложилось устойчивое положительное мнение о профессии врача и роли врачебной деятельности в обществе. В частности, в диалоге «Пир» (Sympos., 212–215) к участникам пира в доме афинского трагика Агафона, среди которых находятся Сократ и врач Эрисимах, врывается полупьяный Алкивиад и берет на себя роль устроителя пира, заставляя его участников пить вино. Эрисимах, удивляясь непривычному для афинских симпосиев ходу событий, спрашивает у Алкивиада, неужели присутствующие не будут за чашей ни беседовать, ни петь, а станут просто пить, как пьют для утоления жажды. В ответ Алкивиад, зная, что Эрисимах — известный врач и сын не менее известного врача Акумена, весьма уважительно обращается к нему: «А, Эрисимах, достойнейший сын достойнейшего и благороднейшего отца!» И дальше говорит, что следует делать так, как скажет Эрисимах, приводя в подтверждение знаменитые слова Идоменея из XI книги «Илиады» о сыне Асклепия Махаоне, врачующем ахейцев: «Сто́ит многих людей один врачеватель искусный» (Ил. XI, 514. Перев. В. Вересаева).

Как видим, от гомеровских времен до времени жизни Платона оценка врача в роли общества не изменилась. В диалоге «Горгий» (Gorg., 452 a) Сократ утверждает, что искусство врача направлено на величайшее для лю-

дей благо — здоровье. Эта же мысль звучит у Сократа в «Государстве» (Resp., 332 d): «А что касается болезней и здорового состояния, кто более всего способен творить добро своим друзьям? Врач». А поскольку сохранение и восстановление здоровья всегда было актуальной проблемой не только для каждого отдельного человека, но и для государства в целом, то медицинское искусство во времена Платона закономерно приобретало общегосударственное значение. Не зря Главкон в диалоге «Государство» (Resp., 408 d) задает Сократу риторический вопрос: «Разве не требуются в нашем государстве хорошие врачи?»

Каких же врачей, по мнению Платона, следует считать хорошими? Хорошего врача, прежде всего, создает изучение того, как лечить больных (Protag., 345 a). В диалоге «Государство» (Resp., 408 d–e) мы находим дальнейшие разъяснения по этому поводу, вложенные Платоном в уста Сократа: «Искуснейшими врачами стали бы те, кто, начиная с малолетства, кроме изучения своей науки, имел бы дело по возможности с большим числом совсем безнадежных больных, да и сам перенес бы всякие болезни и от природы был бы не слишком здоровым. Такими могли бы быть, всего вероятнее, и те, через чьи руки прошло как можно больше людей здоровых и как можно больше больных».

Сама же подготовка врачей, судя по тексту сочинений Платона, происходила двумя путями.

Наиболее древним и распространенным и во времена Платона методом подготовки врачей был путь передачи медицинских знаний от отца своему молодому сыну или другому родственнику. Первым в этой цепочке передачи врачебных знаний в греческой традиции считался сам бог врачевания Асклепий (Resp., 406–407), потомками которого считались все Асклепиады — знаменитая династия врачей, к которой принадлежал, согласно семейной генеалогии, и сам Гиппократ Косский [1, с. 109].

Второй способ подготовки врачей заключался в том, что признанный специалист принимал в учение молодых людей и за плату передавал им свои знания. Именно о таком способе подготовки врачей говорит Платон в диалоге «Протагор» (Protag., 311 b–c), упоминая о том, что знаменитый Гиппократ Косский в Афинах за плату обучал желающих овладеть врачебным искусством. То, что подготовка хорошего врача требовала значительного времени, явствует уже из высказанного выше Сократом суждения о том, что искуснейший врач должен начинать свое обучение чуть ли не с малолетства. Это мнение подтверждает и Гиппократ Косский в своем широко известном первом афоризме, в котором сказано, что искусство (врачевания) постигается долго (другой возможный вариант с учетом семантики слова μακρός — искусство врачевания обширно, т. е. требует владения многими знаниями и умениями), в то время как жизнь человека коротка: ὁ βίος βραχύς, ἡ δὲ τήχνη μακρά. В связи с этим считаем, что перевод В. И. Рудневым второй части данного афоризма как «путь искусства долог» [2, с. 303]

не вполне адекватно отражает основную мысль автора афоризма. Полный вариант перевода афоризма должен, по нашему мнению, выглядеть так: «Жизнь коротка, а освоение искусства врачевания требует долгого времени».

В содержании произведений Платона встречается немало деталей, касающихся профессиональной подготовки и работы врача. Вот только некоторые из них.

Искусство врачевания должно включать умение врача размышлять и говорить и с больными, и о больных, и о болезнях (Gorg., 450 e).

Каждый врач исследует начало и природу болезни, беседует с больным и его друзьями, так что он сам получает кое-какие сведения от тех, кого лечит. Вместе с тем, насколько это в его силах, он наставляет больного и предписывает ему лечение не прежде, чем убедит его в пользе лечения. Такой врач делает своего больного все более и более послушным и уже тогда пытается достичь своей цели, то есть вернуть ему здоровье (Leg., 720 d–e).

Если врач дает совет больному, ведущему вредный для здоровья образ жизни, то прежде всего он должен посоветовать ему, чтобы он переменил свой образ жизни, и только если он пожелает ему подчиниться, врач будет и дальше давать ему свои наставления (Epist., VII, 330 d).

Если врачу, желающему и умеющему лечить, будет поручен весь организм в целом, а он станет заботиться только о значительном, незначительными же частностями пренебрежет, организм вряд ли окажется в хорошем состоянии (Leg., 902 d).

Важную роль в оздоровлении больных Платон отводит гимнастике. В «Государстве» мы встречаем важные сведения о том, что Геродик, учитель Гиппократа, первым ввел гимнастику в лечебных целях (Resp., 406 a–b). Это было естественным для общества, в котором господствовал культ здорового и красивого тела и где гимнастика входила в систему воспитания молодежи. В частности, образование юношей от 15 до 18 лет проходило в Афинах в стенах государственных гимнасиев [1, с. 66]. Известно, что сам Платон увлекался борьбой, и его имя — на самом деле прозвище, которое дал ему его тренер за широкие плечи (от πλατύς — широкий), настоящее же его имя было Аристокл [3, с. 151]. Гимнастика в тексте его произведений часто встречается рядом с врачеванием, и эти два искусства, считает он, выше всех остальных (Gorg. 517 e). Ведь благодаря гимнастике организм человека очищается подобно врачеванию, а гимнастическое и врачебные искусства составляют истинный уход за телом, потому что они одни знают, какие из кушаний и напитков на пользу телу и какие во вред (Gorg. 517 e – 518 a). Врач или учитель гимнастики, собираясь уехать и долгое время пробыть вдали от своих подопечных, сочтет нужным оставить им памятную записку с предписаниями, адресованными этим больным или ученикам гимнастики, чтобы они ничего не забыли (Politic., 295 c).

В произведениях Платона немало места уделяется моральному облику врача и его ответственности перед обществом за свою профессиональную

деятельность. Лучшие умы античного полиса хорошо осознавали социальные риски представителей профессии, связанной напрямую с жизнью и смертью каждого человека. Ведь неправильно употребленное знание может оказаться источником причиненного вреда и даже гибели больного. Поэтому Платон в своем проекте законов идеального полиса очень существенно дифференцирует меру наказания для обычного человека, применившего отраву и для применившего ее врача: если в первом случае суд должен приговорить виновного к штрафу, то врач должен быть наказан смертью (Leg., 933 d). Настоящий врач, по убеждению Платона, печется прежде всего о больных, а не о деньгах (Resp., 341 c). Ибо врач — не стяжатель денег, а управитель телами (Resp., 324 d). Поэтому не случайно то, что Платон в диалоге «Государство» (Resp., 408 e) приводит несколько неожиданный для почитателей бога Асклепия вариант предания о причине его смерти. Оказывается, бог врачевания погиб от молнии Зевса не просто потому, что начал оживлять умерших и этим прогневал бога подземного царства Аида, а потому, что взял у одного умиравшего богача взятку золотом за избавление того от смерти. Это предание приводит также Пиндар в 3-й Пифийской оде «Асклепий»:

Но корысть обуза и умению.
Золото, сверкнув из рук несметной мздой,
Совратило его
Вырвать из смерти охваченного смертью;
И палящая молния от Кронидовых мышц
Пав меж этим и тем,
Затворила вздох в его груди,
Обоих обомкнула их участью
(54–61. Пер. М. Гаспарова) [4, с. 27].

Однако ни Главкон, ни Сократ, участники диалога «Государство», не склонны верить данному преданию: оба считают, что, если Асклепий был сыном бога (Аполлона), он не должен быть корыстолюбив, а если он корыстолюбив, он не был сыном бога (Resp. 408 c). Предание, возможно, должно напомнить морально неустойчивым врачам о наказании за мздоимство, хотя за такое преступление, как и за ущерб, нанесенный здоровью больного, в Афинах времени Платона существовала специальная форма наказания, именовавшаяся адоксией (ἀδοξία — бесчестие), создававшая вокруг провинившихся врачей атмосферу отчуждения и презрения [1, с. 160–161]. Такие врачи, несомненно, встречались, но редко, а в памяти современников Платона и их потомков оставались прежде всего имена врачей, подобных Акумену, Эрисимаху, Геродику и Гиппократу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блаватская, Т. В.* Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени / Т. В. Блаватская. – М. : Наука, 1983. – 325 с.

2. *Гиппократ*. О природе человека / Гиппократ ; под ред., со вступ. ст. и примеч. В. П. Карпова ; пер. с греч. В. И. Руднева. – 2-е изд., стер. – М. : КомКнига, 2007. – 344 с.

3. *Диоген*. О жизни, учении и изречениях знаменитых философов / Диоген ; под ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева ; пер. с греч. М. Л. Гаспарова. – М. : Мысль, 1979. – 618 с.

4. *Пиндар*. Оды. Фрагменты / Пиндар, Вакхилид ; пер. с греч. М. Л. Гаспарова. – М. : Наука, 1980. – 503 с. (Литературные памятники).

5. *Платон*. Сочинения : в 3 т. : пер. с древнегреч. / Платон ; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – М. : Мысль, 1968–1972. – 3 т.

Впервые опубликовано: Anatomicum Latinicumque – 2011 : сб. науч. тр. преподавателей и студентов мед. и фармац. вузов России, Белоруссии и Украины. / сост. : Л. М. Тихонова, Н. В. Савельева. – Ульяновск : УлГУ, 2011. – С. 52–57.

ПОНЯТИЙНО-СЛОВЕСНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СМЕХОВЫХ ВИДОВ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА И ЕГО ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ

Читатель, ознакомленный со словесным творчеством древних греков, наверняка обратит внимание на то, что это творчество несет в себе преимущественно жизнеутверждающий и радостный характер. И не зря в древнегреческом театре после постановки трех трагедий ставилась так называемая сатировская драма, которая должна была развеселить зрителей, испытывавших значительное душевное напряжение во время просмотра трагедий. Известно, что у древних греков почитался бог смеха Гелос (Gélōs — персонификация самого понятия «смех»), а у римлян был бог смеха Ризус (лат. Risus — смех) [8, с. 673]. По свидетельству римского писателя II в. н. э. Апулея, в честь Гелоса и Ризуса в городе Гипата греческой Фессалии проводилось ежегодное празднество с различными экзотическими маскарадами и розыгрышами. Так, во второй книге романа Апулея «Золотой осёл» его главный персонаж — юноша Луций — ночью у двери своего дома убил, как ему показалось, трех неких громил, ломившихся в его дом. Но на следующий день на заседании суда по обвинению его в убийстве он был оправдан, так как оказалось, что Луций стал частью трагикомического розыгрыша. Это выяснилось из речи судьи, обращенной к нему: «Итак, выбрось из головы это огорчение и гони печаль от своей души. Ведь игры эти, которые мы торжественно и публично справляем ежегодно в честь всемилостивейшего бога Смеха, всегда украшаются какой-нибудь новой выдумкой» [1, с. 134–141]. По мнению историка культуры М. И. Шахновича, именно к культу древнеримского бога смеха Ризуса, соединившегося с культом Гелоса, восходит День смеха первого апреля. Устраиваемый в честь Ризуса апрельский праздник после падения Римской империи получил распространение во всей Европе [11, с. 110].

Учитывая мировоззренческие особенности древних греков, неудивительно то, что именно в их словесном творчестве мы находим многие термины, отражающие понятия и виды смешного в искусстве, которые вошли

в общеевропейский лексикон искусства и культуры и употребляются и в наше время. И поэтому в настоящей работе мы поставили задачу систематизировать все такие термины и дать им историко-культурный и лингвистический комментарий.

Начнем с того, что смех — это часто весьма серьезное дело. Уже в таком утверждении, которое в наши дни стало афоризмом, кроется смеховая риторико-стилистическая фигура, которую древние греки назвали oxýmoron, букв. «остроумно-глупое», т. е. намеренно заостренная нелепость» — образное сочетание противоречащих друг другу понятий [6, т. 2, с. 1180]. Например, glýkpikros — сладкий, но смешанный с горечью, т. е. полуприятный-полутягостный, или название жанра spoudogéloios — серьезно-смеховой, бытовое выражение «печальный смех», названия произведения «Живой труп» и т. п. Смех в наши дни рассматривают с позиции различных наук о человеке, но в нашей работе мы исходим из понимания смеха как всем знакомой психофизиологической реакции человека с участием мимических мышц лица, которая может быть вызвана или некими внутренними психологическими факторами (радость, удовольствие, приятное воспоминание и др.), или внешними факторами (встреча с разными формами смешного). Также доказано, что такая реакция свойственна человеку на протяжении всего его исторического существования как существа разумного и социального. Уже Аристотель в трактате «О частях животных», (фр. 673 a 8) отметил, что человек — единственное живое существо, способное смеяться, и что смех появляется у ребенка не сразу, в отличие от плача, с которым тот рождается, а только не раньше, чем через сорок дней после рождения. И поэтому, как считал Аристотель, только с этого момента ребенок как бы впервые становится человеком. В этом отношении между античным человеком и нашими современниками нет большой разницы, и поэтому мы адекватно воспринимаем все античные смеховые понятия и продолжаем пользоваться ими и в наши дни.

Теперь продолжим разговор определением словесного выражения понятия «смех» в древнегреческом языке, которым является существительное gélos, gélotos. В античное время оно стало частью названия philógelos — филогéл, букв. «любитель посмеяться», которое получил сборник из 265 шутливых историй, написанных, как считается, между III и V вв. н. э., авторство которого приписывают грамматикам Гиероклу и Филаргию [12]. Этот сборник построен по принципу выделения типовых характеров, представленных в античной комедии и в сатирической эпиграмме. Чаще всего здесь представлены типы «студента-недоучки», «умника», шутника, брюзги, глупца, лентяя, труса, голодающего и обжоры. Представлены также карикатурные образы жителей отдельных городов, которых считали имеющими недостаточно высокий интеллектуальный уровень, например, абдеритов, жителей города Абдеры. «Филóгелос» считается древнейшим сборником анекдотов античности. Само же слово «анекдот» пришло к нам через

французский из древнегреческого языка, где слово to anékdoton буквально обозначало «не опубликованное», «не изданное». Но первоначально словом «анекдот» в значении «неопубликованное» в византийском лексиконе Суды X в. было названо не предназначенное для печати произведение историка VI в. н. э. Прокопия Кесарийского «Тайная история». В 1623 г. это произведение на латинском и греческом языках было опубликовано во Франции. На латыни публикация называлась (historia arcána), а греческий вариант сохранил название to anékdoton. Последнее название попало в «Энциклопедию» Дидро в значении литературного жанра и было заимствовано европейской литературой и филологией. Вот два примера из сборника «Филóгелос» [12, с. 57; с. 65]. 1. Одноглазый врач спросил больного: «Как здоровье?» Тот ответил: «Как видишь». Врач сказал: «Если так, как я вижу, то ты уже наполовину умер». 2. Спали двое лентяев; вор вошел и стащил с них одеяла. Один из них заметил это и сказал другому: «Задержи того, кто украл одеяло!» Другой ответил: «Погоди, вот когда он придет за тюфяком, тогда мы и схватим его»!

А через полторы тысячи лет после написания сборника «Филóгелос» с помощью слова gélos был образован медицинский термин «гелотология» — наука о смехе и его влиянии на здоровье человека, основанная американским психиатром Уильямом Фрайем в 60-е годы XX в. в Стэнфордском университете США. В настоящее время эта наука широко используется в психологии, психиатрии и неврологии. Определено, что естественный смех успокаивает нервы, расслабляет мышцы, улучшает самочувствие. Исследования показали, что при смехе от мышц лица идут особые импульсы, которые благоприятно влияют на нервную систему и работу мозга, снимая напряжение. Даже когда вам невесело, но вы выдавливаете из себя фальшивую улыбку, вам на душе становится намного легче. Доказано также, что сердитые люди страдают заболеваниями сердца чаще, чем веселые, а вот весельчаки менее подвержены риску возникновения инфаркта. Врачи доказали, что это связано с тем, что смех укрепляет эндотелий — клетки, выстилающие кровеносные сосуды и полости сердца изнутри.

В античности к изучению влияния смеха на здоровье человека обращался не только Гиппократ, постоянно говоривший в своих медицинских трактатах о важности веселого и бодрого настроения врача и больного для борьбы с болезнями. Весьма интересным феноменом следует считать деятельность знаменитого философа Демокрита, получившего в античности название «смеющийся» из-за того, что тот постоянно смеялся над суетностью людских забот. Сохранились письма Гиппократа, в одном из которых излагается история о том, как жители города Абдеры, где жил Демокрит, пригласили Гиппократа излечить Демокрита от болезненного смеха, которым, по их мнению, страдал их соотечественник. Приехав к Демокриту, посмотрев на его поведение и побеседовав с ним, Гиппократ понял, что смех Демокрита носит философский миросозерцательный характер и является

всего-навсего насмешкой над пустыми человеческими страхами и заботами. Поэтому Гиппократ не увидел в поведении Демокрита ничего патологического, согласился с его философией жизни и даже стал его хорошим другом [3, с. 382–396]. Следует отметить, что этот же Демокрит был автором основательного трактата о сущности человеческого смеха, который, к сожалению, не сохранился.

Если возвратиться к древнегреческим литературным памятникам, то первыми художественными произведениями, в которых мы встречаем различные виды смеха и некоторые термины, связанные со смеховым искусством, это поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Именно здесь мы впервые находим различные проявления смеха и у людей, и у олимпийских богов, которые, наравне со смертными, являются персонажами обеих поэм и играют существенную роль в их сюжете. Эти проявления смеха осуществляются через упомянутое выше существительное gélos, gélotos и производный от него глагол geláo «смеяться». При этом указанное существительное и глагол могут выражать довольно широкий спектр смеховых ощущений и проявлений персонажей — от легкой или смущенной улыбки до снисходительной, язвительной или злобной ухмылки, от доброжелательного смеха до смеха насмешливого, язвительного, саркастического и даже безумного, от искреннего доброжелательного смеха до улыбки сквозь слезы. В интернациональную, в том числе и русскую фразеологию вошло гомеровское выражение «гомерический хохот», ásbestos gélos, т. е. негасимый, неукротимый смех. Вот, в частности, цитата из XXIII главы повести Льва Николаевича Толстого «Отрочество»: «Глаза наши встречаются, и мы заливаемся таким гомерическим хохотом, что у нас на глазах слезы, и мы не в состоянии удержать порывов смеха, который душит нас». Источник выражения «гомерический хохот» — рассказ певца Демодока в восьмой книге «Одиссеи» о том, как муж Афродиты Гефест поймал в невидимые сети свою жену на прелюбодеянии с богом войны Аресом и позвал посмотреть на это зрелище олимпийских богов-мужчин, которые при его виде разразились гомерическим хохотом.

Но, кроме богов, нередко дружно хохочут и смертные персонажи гомеровских поэм. Так, в XXIII книге «Илиады» на состязаниях в беге, посвященных погребению Патрокла, лучший ахейский бегун Аякс наступил на влажный коровий помет, поскользнулся и упал, после чего его ноздри и рот наполнились отходами коровьего питания. Отплевываясь, Аякс жалуется на козни Афины, которая устроила ему такую пакость, чтобы помочь его сопернику Одиссею. При виде всего этого, как говорит Гомер, «весело все засмеялись ахейцы» (Ил., XXIII, 784).

А сейчас о втором виде смеха, название которого risus sardonicus впервые встречается в поэме «Одиссея» (Од., XX, 285–286) в эпизоде, когда Ктесипп, один из женихов Пенелопы, швыряет в Одиссея зажаренной коровьей ногой вроде бы как в форме подачки с барского стола. На это, укло-

нившись от летящего на него «подарка», оскорбленный Одиссей сардонически ухмыляется (в древнегреческом оригинале «Одиссей улыбнулся в душе весьма сарданским (смехом)». Прилагательное Sardánios (сарданский) здесь может значить «язвительный», «презрительный», но, согласно словарю древнегреческого языка, также может быть истолковано как Sardónios, т. е. сардинский или сардонический [6, т. 2, с. 1463]. Вероятная этимология выражения «сардонический смех» приводится у греческого историка и географа II в. н. э. Павсания при описании природы острова Сардиния: согласно Павсанию, на этом острове произрастает растение, схожее с сельдереем, «вкушая которое, людей охватывают конвульсии и они смеются против воли, и затем умирают, смеясь». Таким образом, скрытый зловещий смех Одиссея как бы предвещает гибельную расплату за нанесенное ему оскорбление. Филолог и философ А. Ф. Лосев в своей монографии «Античная мифология в ее историческом развитии» приводит все случаи употребления сардонического смеха в античной литературе, в том числе и сведения Павсания [7, с. 136–139]. Он же приводит и эпизод из диалога Платона «Государство», где участник диалога Фрасимах, явно обозленный стилем поведения Сократа не отвечать самому прямо, а придираться к чужим доводам и их опровергать, «усмехнулся весьма сардонически и сказал Сократу: «Ты не пожелаешь отвечать, а прикинешься простачком и станешь делать все, что угодно, только бы увернуться от ответа». Выражение «сардонический смех», или «сардоническая улыбка», и в настоящее время применяется как синоним жестокого, злорадного смеха, предвосхищающего неприятность для врага того, кто смеется.

Особое значение выражение «сардонический смех» (risus sardonicus; син.: сардоническая гримаса, сардоническая улыбка) имеет в современной медицине. Это название стойкой гримасы, которая наблюдается при столбняке и обусловлена судорожным сокращением мимических мышц.

В поэмах Гомера можно найти и примеры т. н. саркастического смеха, или, вернее, саркастической улыбки, сопровождающей речь персонажа. Термин «саркастический» образован от греческого прилагательного sarkastikós, букв. «вызванный сарказмом». Слово же «сарказм» — от греческого существительного sarkasmós, производного от глагола sarkázo, букв. разрываю мясо [6, т. 2, с. 1463]. Саркастическая улыбка, или насмешка, — язвительная насмешка, при которой, как первоначально представлялось, говорящий, словно в каком-то злорадном исступлении, терзает в гневе свои губы. В качестве примера несколько смягченного варианта саркастического смеха можно привести эпизод из 16-й песни «Илиады», в котором Патрокл, сразив насмерть возницу Гектора Кебриона, наиграно и язвительно восхищается ловкостью, с которой тот, будто по своему желанию, мертвым нырнул в песок, словно рыба в море:

Боги, как ловок сей муж! Как легко он кувыркнулся наземь!
Если б он то же проделал среди многорыбного моря,

Устриц ища, то наверно доставил бы лакомство многим,
Прыгая так же легко с корабля даже в бурные воды,
Как вот теперь с колесницы нырнул он в песок среди поля.
Знать, и в народе троянском искусные есть водолазы!
(XVI, 745–750)

Саркастический смех во многом похож на язвительную иронию, которая, наряду с другими видами иронии, по мнению исследователей Гомера А. Ф. Лосева и Н. Л. Сахарного, широко представлена в поэмах «Илиада» и «Одиссея» [5, с. 207, 311, 317; 7, с. 295–306]. Но самого термина «ирония» в поэмах Гомера мы еще не встречаем. Здесь имеет место случай, когда при анализе античного произведения мы привычно пользуемся термином, который получил современное терминологическое и смысловое определение намного позже явления, описанного в античном художественном тексте. Иронией в наши дни считается словесная фигура речи, в которой высказывается утверждение таким образом, что по существу уменьшается и нивелируется его основной смысл. А само слово «ирония» восходит к греческому существительному eironeía — притворство [6, т. 1, с. 468]. Понятие иронии принято выводить из сократических диалогов Платона, в которых Сократ, используя притворство, обычно задает собеседнику вопрос, в котором таится подвох и разоблачение точки зрения собеседника. На основе диалогов Платона ирония описывается в «Риторике» и «Никомаховой этике» Аристотеля, причем в рассуждениях Аристотеля ирония уже последовательно ассоциируется с притворством говорящего.

Современное определение иронии как способа сказать одно, имея в виду нечто противоположное (contrarium ei quod dicitur intelligendum est), традиционно приписывают древнеримскому теоретику ораторского искусства I в. н. э. Марку Фабию Квинтилиану. В своих рассуждениях об иронии он опирался на труды Платона и Аристотеля. Квинтилиан уже различал иронию как риторическую фигуру (локальную иронию) и иронию как свойство речи или способа мировоззрения отдельной личности. Предложенная Квинтилианом дефиниция и дифференциация иронии не только как риторического инструмента, но и как умонастроения говорящего прошла проверку временем и сегодня именно она считается классической [11].

А сейчас попытаемся найти примеры иронии в тексте гомеровских поэм. Так, в XVIII книге «Одиссеи» Одиссей, обращаясь к женихам, заставляющим его, по виду дряхлого старика, вступить в драку с явно более молодым и более сильным Иром, притворно взывает к их разумному и справедливому решению отменить эту драку:

Как возможно, друзья, чтоб вступил с молодым в состязанье
Слабый старик, изнуренный нуждою!
(Од., XVIII, 53–54)

А вот явно злая и насмешливая ирония Одиссея над побитым им Иром. Победитель приволок обездвиженного Ира к воротам усадьбы и усадил его

там в роли пугала с палкой в руке со словами: «Здесь сиди и собак и свиней отгоняй» (Од., XVIII, 106).

Естественно, что примеры самых разнообразных видов иронии можно найти и в более поздних памятниках древнегреческой литературы. Например, у поэта III в. до н. э. Феокрита в 4-й буколике пастух Батт, явно «подкалывая» знакомого пастуха Коридона, говорит, что ему жалко коров Эгона, которых пасет Коридон [10, с. 25]:

Бедные, жалко мне их, ведь пастух-то их больно неважен.

Но добродушный Коридон даже не замечает иронии Батта и отвечает:

Правда, уж так-то печальны, что мимо травы уже смотрят.

Или вот в десятой идиллии в ответ на признание жнеца Милона, что он влюбился в флейтистку Бомбику, его напарник с язвительной иронией отвечает [10, с. 53]:

Бог наказал дурака! Вот нашел-то, так долго искавши!

Будет об тело тебе саранча эта ночью тереться.

Говоря об иронии в поэмах Гомера, нельзя не сказать о еще одной категории смехового искусства, проявления которой часто встречаются в этих поэмах, — о юморе. Сегодня под юмором в словесном творчестве понимают, во-первых, особую фигуру речи, передающую различные оттенки смешного. Но второе определение юмора касается мировоззрения человека и конкретно — его интеллектуальной способности подмечать в явлениях их смешные стороны и соответствующим образом реагировать на них. При этом в случае с термином «юмор» мы имеем ситуацию, сходную с термином «ирония», когда теоретическое осознание сути языкового явления на столетия отстало от его фактического присутствия в словесном искусстве. Мало того, становление понятия «юмор» как литературного и философско-эстетического термина пришло в современную науку намного позже, чем термин «ирония» [2, с. 165–181]. Отметим основные вехи этого процесса.

Прежде всего, следует отметить, что слово «юмор» имеет латинские языковые истоки. Латинское существительное umor, или humor, означало «влага», «влажность», или «жидкость». Но превращение гумора-жидкости в слово «юмор» началось с того, что в средние века под влиянием учения античного медика Галена слово humor в значении «жидкость» стали употреблять для передачи тогдашних представлений о «жидкостях тела», будто бы обусловливающих характер и поведение человека. Эти жидкости, или гу́моры, начали связывать с различными видами темперамента человека — холерическим, сангвиническим, меланхолическим и флегматическим, формирующимися в организме человека под влиянием преобладания одной из указанных жидкостей. В связи с этим и слово humor стало истолковываться как «поведение», «нрав», «характер». Новый этап в смысловом движении слова humor наступает в XVIII в. В 1709 г. английский философ и моралист Энтони Шефтсбери публикует книгу «Опыт свободного выражения остроумия и юмора», в которой юмор (humour) настойчиво связывается с особого

рода «веселым настроением, вызывающим «шутку», «усмешку». Попытку закрепления такой новой интерпретации понятия humour сделал Иоганн Рихтер, известный под псевдонимом Жан Поль. Свои взгляды он изложил в «Подготовительной школе эстетики», опубликованной в 1804 г. Рихтеру удалось наметить новые черты представления о юморе, которые позднее, в XIX–XX столетиях, стали прочно с ним ассоциироваться: это неразрывная связь с «усмешкой», и с доброжелательной иронией» говорящего. Постепенно получили широкое распространение и производные существительного «юмор»: сравним в русском языке слова *юморист, юмористика, юмористический, юморной, юморина, юморить*.

Таким был непростой путь от доктрины гуморальной основы темперамента и настроения человека до термина «юмор» как особого рода веселого настроения, вызывающего «усмешку» в реальной жизни и в отражающей это особое настроение в литературе. Теперь попытаемся найти примеры юмора в гомеровских поэмах. Прежде всего, следует сказать о том общем чувстве юмора, с которым Гомер изображает бессмертных олимпийцев как существ, которым присущи все мелкие страстишки смертных: зависть, надменность, лукавство, обманность и прочее. Так, в 14 книге «Илиады» поэт посвящает несколько сот стихов тому, как Гера готовится обмануть своего супруга Зевса, чтобы скрыть от него свою помощь ахейцам. Для этого она всячески прихорашивается и просит у Афродиты ее пояс, навеваюющий непреодолимые любовные желания, а затем собирается

Зевсу на Иду явиться, убранством себя изукрасив,
Может быть, он возжелает почить и любви насладиться
Видя прелесть ее, а она и глубокий, и сладкий
Может быть, сон прольет на зеницы его и на разум.
(Ил., XIV, 162–165)

Образцом гомеровского юмора считается уже упомянутая нами сцена из восьмой книги «Одиссеи», в которой певец Демодок красочно рисует картину измены Афродиты с Аресом и страдания ее мужа Гефеста. Таким же юмором окрашены сцены из девятой книги «Одиссеи», где ослепленный Одиссеем киклоп Полифем тщетно взывает о помощи своих соплеменников, поскольку говоря, что его обижает «Никто», он выставляет себя в их глазах в глупом свете, после чего Одиссей радостно замечает:

Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось
Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалося.
(Од., IX, 413–414)

Сплошь юмористична и пространная история драки Одиссея с нищим Иром в 13-й книге «Одиссеи» (Од., XVIII, 4–109). Настоящее его имя — Арней, но поскольку этот Арней состоит на побегушках у женихов, то они прозвали его Иром, иронически намекая на имя Ириды, вестницы Зевса. Ира, труса и слабака, женихи насильно тащат в им же затеянную драку, и при виде всей этой трагикомической сцены «все женихи помирали со смеху».

И таких сцен юмора с самыми различными оттенками — от безобидно-доброжелательного до язвительного в поэмах Гомера, и особенно в «Одиссее», — великое множество.

Говоря о разновидностях смешного содержания в древнегреческом словесном искусстве, впору сказать о жанре литературы, полностью посвященном веселить зрителей, — о комедии. Сегодня напомним, что сам термин «комедия» восходит к греческим словам kōmos (веселое шествие) и odé (песня). С появлением жанра комедии в V в. до н. э. в греческий лексикон входят такие слова-термины, как komodía (комедия), komodikós (комедийный), komikós (комический, комедийный), ó komikós (комический актер — комик), которые вошли в общеевропейский лексикон.

Не забудем отметить, что видом комического сценического искусства в Древней Греции классического периода была сатировская драма, персонажами которой были сатиры (гр. sátyroi) — полулюди-полукозлы из свиты бога Диониса, а также некоторые известные герои мифов, например Геракл, изображаемые в комическом виде. Эту драму ставили в качестве утешительного представления после трагической трилогии. Сохранилась полностью только одна сатировская драма — «Киклоп» Еврипида, основным комическим персонажем которой выступает известный нам из 9-й книги «Одиссеи» киклоп Полифем.

И, наконец, разновидностью комедии считается пародия. Данное название (греч. parodía — *комическая переделка, пародия*) было известно еще в античной Греции [6, т. 2, с. 1267]. Первым ярким примером пародии того времени была анонимная комическая переделка «Илиады» Гомера под названием «Батрахомиомахия» (Война мышей и лягушек), составленная гекзаметром, в которой мыши и лягушки выступают в облике героев троянской войны и говорят языком героического эпоса. Много пародийных сцен, изображающих олимпийских богов, можно найти у Лукиана, писателя-сатирика II в. н. э. В наше время слово «пародия» имеет широкое бытовое хождение, и его можно встретить в любых и самых неожиданных сферах жизни, например, «Это не медицина, а пародия на медицину!». А еще в советское время возникла профессия «поэт-пародист». В частности, в 70–80-е годы на советской эстраде был очень популярен пародист Александр Иванов. Предлагаю ознакомиться с двумя его пародиями [14]. Думается, что текст этих пародий в конце данной статьи поможет ее читателям надолго сохранить веселое настроение.

1) «ЛЕСНАЯ БУЗА́» По мотивам книги стихов Юнны МОРИЦ «Лоза».

«Был козлик тощий и худой, / И жил он у старухи нищей, / Он ждал соития с едой, / Как ангел — с вифлеемской пищей. Козла трагичен гороскоп, / Раскручена спираль сиротства. / Жил волк, бездушный мизантроп, / Злодей, лишённый благородства. / По челюстям сочилась брань / Картёжника и фанфарона. / Он ждал! Была его гортань / Суха, как пятка фараона. / Он съел козла! Проклятье злу / И тем, кто, плоти возжелая, / Отточит зубы,

как пилу, / Забыв о том, что плоть — живая! / Старуха плачет по козлу, / Красивая и пожилая. / А волк, забыв о Льве Толстом, / Сопит и курит «Филип Моррис», / Под можжевеловым кустом, / Лежит, читая Юнну Мориц, / И вертит сумрачным хвостом».

2) «ВЫСОКИЙ ЗВОН». По мотивам поэтических строк Валентина Сидорова «Косматый **облак(!?)** надо мной кочует, / И ввысь уходят светлые стволы».

«В худой котомк поклав ржаное хлебо, / Я ухожу туда, где птичья звон, / И вижу над собою синий небо, / Косматый облак и высокий крон. / Я дома здесь. Я здесь пришёл не в гости. / Снимаю кепк, одетый набекрень. / Весёлый птичк, помахивая хвостик, / Высвистывает мой стихотворень. / Зелёный травк ложится под ногами, / И сам к бумаге тянется рука. И я шепчу дрожащими губами: «Велик могучий русский языка!» Но, выползя на миг из тины зыбкой, / Болотная зеленовая тварь / Вручает мне с заботливой улыбкой / Большой Орфографический словарь».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апулей*. Метаморфозы / Апулей // Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. – М. : Изд.-во АН СССР, 1960. – 434 с.

2. *Буданов, Р. А.* Человек и его настроения (юмор, ирония) / Р. А. Буданов // История слов в истории общества. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Добросвет, 2004. – С. 165–181.

3. *Гиппократ*. Письма и речи / Гиппократ // Афоризмы. – М. : Эксмо, 2008. – 400 с.

4. *Гомер*. Илиада / Гомер ; пер. с древнегреч. Н. Гнедича ; примеч. М. Томашевской. – М. : Худож. лит., 1986. – 384 с.

5. *Гомер*. Одиссея / Гомер ; пер. с древнегреч. В. Жуковского ; примеч. М. Томашевской. – М. : Худож. лит., 1986. – 270 с.

6. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 2 т.

7. *Лосев, А. Ф.* Гомер / А. Ф. Лосев. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-тво М-ва просвещения РСФСР, 1960. – 350 с.

8. *Мифологический* словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Сов. энцикл., 1991. – 736 с.

9. *Сахарный, Н. Л.* Гомеровский эпос / Н. Л. Сахарный. – М. : Худож. лит., 1976. – 397 с.

10. *Феокрит*. Идиллии и эпиграммы / Феокрит. Мосх. Бион ; пер. М. Е. Грабарь-Пассек. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 326 с.

11. *Шахнович, М. И.* Приметы верные и суеверные. Атеистические очерки народного знания и бытового суеверия / М. И. Шахнович. – Л. : Лениздат, 1984. – 190 с.

12. *Philogelos* oder der Lach-Fan von Hierokles und Philargios / Hrsg. von G. Löwe. – Dresden : Koeler und Amelang, 1981. – 98 s.

13. *Цисык, А. З.* Понятийно-словесное выражение смеховых видов древнегреческого художественного творчества и его европейская рецепция / А. З. Цисык. – URL: https//uchebnikfree.com.antichnaja-ironija-66732 (дата обращения: 27.06.2024).

14. *Иванов, А.* Пародии / А. Иванов – URL: https://dzen.ru.aleksandr-ivanov-parodist-slushat (дата обращения: 27.06.2024).

Впервые опубликовано: Методика преподавания латинского языка и дисциплин античного цикла : материалы межунивер. круглого стола, Минск, 24 янв. 1924 г. / БГУ, филол. фак. ; редкол. : А. В. Кириченко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 1924. – С. 80−90.

РИМСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ Е. ЕВТУШЕНКО

История человеческой цивилизации знает только один город, который получил название «вечный» и который, пройдя взлеты и падения, встречает в статусе столицы свой 2768 год. Именно столько лет прошло с того момента, когда 21 апреля 753 г. до н. э. был основан Рим, Roma aeterna, Вечный город, ставший центром огромного мощного государства, символом политического могущества, юридического совершенства, архитектурного великолепия, а кроме того, подаривший Европе интернациональный язык литературы, науки и образования. Исключительность судьбы Рима, степень его влияния на историю и культуру европейских стран объясняет то, что этот город во все времена считался политическим, культурным, а затем и религиозным центром Европы. «Omnia itinera Romam ducunt» («Все дороги ведут в Рим»), — говорили древние римляне, и им вторили жители всех других земель и государств. Не удивительно, что для образованных людей Европы Рим всегда был образцом политической жизни, интеллектуального и художественного творчества. Знаменитые политики, философы, писатели, художники считали своим долгом побывать в Риме, в прямом и переносном смысле прикоснуться к следам его былого величия, взглянуть на величественные останки знаменитой цивилизации. О Вечном городе написано в стихах и в прозе великое множество прекрасных слов. Среди громкого хора голосов его почитателей особенно взволнованно и искренне звучат слова Н. В. Гоголя в его повести «Рим», созданной в 1839–1842 гг., когда он жил в Вечном городе и писал, наряду с «Римом», свою знаменитую поэму «Мертвые души». Традиция посещения Рима сохранилась у русских мастеров слова и в советское время, несмотря на все сложности, которые приходилось им преодолевать. Одним из тех, кто совершил путешествие в Рим, был Евгений Евтушенко — известный русский поэт-шестидесятник, который и в наши дни выступает в прессе и по телевидению со своими новыми произведениями. В Риме Е. Евтушенко побывал в начале 60-х гг. XX в. и отразил свои впечатления и раздумья в цикле стихотворений, написанных в 1965 г. и вошедших во второй том трехтомного собрания его сочинений, изданного в 1983–1984 гг. [1, с. 36–64]. Римские мотивы представлены в пяти стихотворениях Е. Евтушенко. В четырех из них, как показывают их названия («Римские цены», «Ритмы Рима», «Жара в Риме», «Facchino» («Носильщик»)), отражается повседневная жизнь Рима. При этом поэт смотрит на римскую современность критически и с едкой иронией; он словно забывает, что перед ним все тот же город с тысячелетней историей. Для него важно показать представшую перед ним мелочную и ничтожную суету и пороки Рима, утратившего свое монументальное величие и достоинство. Поэт крайне разочарован тем, что видит, о чем свидетельствуют его горькие слова:

Мой друг, скажи, к чему писать стихи
Среди распада страшного? Не знаю.
Как этот мир сурово не стыди —
Не устыдятся. Предан стыд, как знамя.
Вокруг бесстыдство царствует в ночи,
А чувства и мельчают, и увечатся, —
Лишь пьяниц жилковатые носы
Краснеют от стыда за человечество.
«*Ритмы Рима»*

Однако, как считает поэт, Рим не вконец пропащий город, он может при желании стряхнуть с себя пороки и вновь обрести утраченную добродетель:

Но есть совсем другие круги, есть,
И в этот миг — нетронуто, старинно
– Любовь, надежда, доброта и честь
Идут, для нас незримые, по Риму.
Они для нас, как мы для них — в тени.
Они идут. Как призраков, их гонят.
И может, правы именно они
И вечны, словно Вечный этот город.
«*Ритмы Рима*»

Пытаясь понять причины и смысл того образа жизни в Риме, — в городе, в котором девальвируются житейские ценности и который устал от шарлатанов (от лжегероев, лжетитанов), поэт пишет:

Я замирал, и сквозь рекламы,
Как будто сквозь игривый грим,
Облезлой львиной гривой драмы
Ко мне проламывался Рим.
И мне внезапно драма Рима
Открылась в том, что для него
До крика сдавленного мнима
На свете стоимость всего
Постиг он опытом арены
И всем, что выпало затем
Как перечеркивались цены
Людей отдельных и систем.
«*Римские цены*»

Этот «опыт арены» Е. Евтушенко подробно исследует в стихотворении «Колизей». Чтобы были более понятны отдельные высказывания автора стихотворения и его общий исторический контекст, напомним вкратце историю Колизея — самого монументального сооружения Древнего Рима, остатки которого сохранились до наших дней.

В 75 г. н. э. император Веспасиан начал строительство грандиозного амфитеатра — зрелищного сооружения, в котором места для зрителей

окружали арену со всех сторон. По разным данным, в этом амфитеатре, строительство которого закончилось в 80 г., могло находиться от 50 до 87 тысяч зрителей [2, с. 383]. В античное время данный амфитеатр еще не получил привычного для нас названия (оно отсутствует в словаре латинского языка И. Дворецкого) и был известен как amphitheatrum Flavium («амфитеатр Флавия»). И только в средние века это сооружение получило в итальянском языке название **il Coliseo**, откуда происходит его русское соответствие **Колизей** [2, с. 383]. В отношении этимона данного итальянского слова существуют две версии. Первая, учитывая наличие второго варианта названия — Coloseo, связывает итал. Coliseo со словом Colosso (гигант, колосс) и соответственно с лат. colossēus (гигантский) от греч. κολοσσός (колосс, гигант) (ср. Колосс Родосский, колосс на глиняных ногах, колоссальный). При этом указанное латинское прилагательное связывают с названием огромной статуи императора Нерона, которая раньше стояла на месте Колизея. Вторая версия выводит название Coliseo от лат. collis (холм) + Isaeum (изейский), что вместе дает название «Изейский холм», т. е. холм, на котором находился Изеум — святилище египетской богини Изиды [5, с. 52].

Построенный Колизей был предназначен для проведения гладиаторских игр и травли зверей, поскольку именно эти зрелища особенно любили римляне, для которых лозунг «Panem et circenses» («Хлеба и зрелищ») стал главным требованием и смыслом существования в эпоху Империи. Колизей стал одним из главных символов императорского Рима. Известны слова одного монаха из страны англосаксов, который в VII в. сказал: «Пока стоит Колизей, будет стоять Рим; когда падет Колизей, падет Рим; когда падет Рим, падет весь Мир» [3, с. 48]. Слово же «гладиатор» происходит от лат. gladius (меч) и первоначально имело значение «воин, вооруженный мечом». Постепенно так начали называть всех тех, кто вынужден был, обретя статус гладиатора (обычно ими становились военнопленные), сражаться с другими гладиаторами или дикими животными для развлечения римских зрителей. Гладиатор, получивший серьезное ранение, мог апеллировать к зрителям о пощаде, подняв вверх указательный палец левой руки. Исполнение этой просьбы выражалось в том, что зрители поднимали правую руку, складывая ее в кулак и прижимая большой палец (pollice presso). Отказ в помиловании выражался тем, что зрители, сжав правую руку в кулак, поворачивали большой палец вниз (pollice verso). Подробнее о гладиаторских играх можно прочитать в переведенной на русский язык книге немецкого исследователя Гельмута Хёфлинга «Римляне, рабы, гладиаторы» [6]. Образ умирающего гладиатора запечатлен в начальных строках знаменитого стихотворения М. Ю. Лермонтова:

Ликует буйный Рим … торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена.
А он — пронзенный в грудь, — безмолвно он лежит
Во прахе и крови скользят его колена…
«Умирающий гладиатор».

Гладиаторские игры в течение многих веков были частью бытовой повседневности Рима и не вызывали протеста даже у таких просвещенных его граждан, как Цицерон. Только у Сенеки в его «Моральных письмах к Луцилию» (в 7-м письме) звучит осуждение кровавых развлечений с участием гладиаторов. Гладиаторские игры были запрещены по приказу императора Гонория только в 404 г., поскольку в Риме набирали силу христианские воззрения и требования прекратить массовые убийства людей на арене Колизея. Этому поспособствовал и тот факт, что незадолго до эдикта Гонория во время гладиаторских поединков на арену выбежал христианкий монах Телемах, который попытался разнять сражающихся бойцов, но был растерзан разъяренными зрителями [6, с. 118]. За три века на арене Колизея погибли сотни тысяч гладиаторов. Автор стихотворения «Колизей» в своем произведении выступает от имени всех тех, кто погиб на арене:

Колизей! Я к тебе не пришел как в музей.
Я не праздный какой-либо ротозей.
Наша встреча — как встреча двух старых друзей,
И двух старых врагов, Колизей.
Ты напрасно на гибель мою уповал.
Я вернулся, тобою забыт
Как на место, где тысячу раз убивал
И где тысячу раз был убит.

Колизей для поэта — не только конкретное место, где гладиаторы тысячами убивали друг друга, но и сам Рим, а точнее — та праздная толпа, которая жаждет хлеба и зрелищ. Поэтому он бросает в лицо такому Колизею гневный упрек:

Ты хотел утомленно, спесиво,
Чтобы я ни за что, ни про что
Погибал на арене красиво,
Но красиво не гибнет никто.
И когда, уже копьев не чувствуя,
Падал я, издыхая, как зверь,
Палец, вниз опущенный, чудился
Даже в пальце, поднятом вверх.

Рисуя неприглядную картину ночного Колизея в современном Риме, где среди руин и мерзости запустения вперемешку с «крысами непугаными» рыщут педерасты, проститутки и наркоманы, поэт постулирует проверенное жизнью убеждение: «Постигнет всегда бескровие / Все, что зиждется на крови». Однако беда и трагедия всего человечества в том, что во всех людях, наряду со светлой стороной, всегда присутствует темная: «в каждом зрителе жив Нерон». Поэт с горечью пишет:

Но скажу, Колизей, без иронии:
Я от страха порой холодею,
Только внешне безнероние

В мире этом — сплошном Колизее.
Расщепляют, конечно, атомы,
Забираются в звездный простор,
Но на зрителей и гладиаторов
Разделяется мир до сих пор.

И сколь бы далеко ни шагнула цивилизация, всегда будет деление на зрителей и гладиаторов. Эту проблему пытается анализировать и упомянутый выше Г. Хёфлинг. Он пишет: «А мы сами разве не наблюдаем кровавые зрелища в кино и по телевизору? Разве мы точно так же не бываем во власти собственных агрессивных инстинктов? Удовольствие, которое мы испытываем, следя за этими цивилизованными эрзац-играми на арене жизни, питается из тех же, что и у наших предков, источников в глубинных тайниках человеческой души». Г. Хёфлинг цитирует современника З. Фрейда психолога В. Штекеля: «Подобно связанному зверю жестокость прячется в душе человека, готовая к прыжку». И к этому Г. Хёфлинг добавляет: «Жажда крови и азарт притягивают ежегодно к бою быков не только испанцев, но и толпы туристов, дома не способных даже курице свернуть шею. Почему общественность с такой жадностью пожирает всякое новое сообщение о садистских убийствах? Ответ прост: то, чего не можешь пережить лично, хочется повторить хотя бы в душе» [6, с. 113]. Автор «Колизея» гневно порицает тех, кто дает свободу своему «нероньему» началу и не прячет своих «Нероновых жестов», пытаясь использовать кровь и страдания других людей для своего развлечения или других корыстных целей. Но будущего у Колизея нет. Ибо новый Спартак сквозь тысячелетия страданий в роли гладиатора сможет свершить праведный суд над Колизеем внутри человека:

Я бреду, голодая по братству,
Спотыкаясь, бреду сквозь века
И во снах моих гладиаторских
Вижу нового Спартака.
Вот стою на арене эстрады
Перед залом, кипящим как ад.
Я измотан, истрепан, изранен,
Но не падаю: не пощадят.
Будь ты проклят, палач Колизей!
И — спасибо тебе за науку!
Поднимаю сквозь крики и визг
Над тобою мстящую руку
И безжалостно — палец вниз.

Естественно, поэт верен прежде всего воззрениям своего времени и считает, что бунтарь и революционер способен решить проблему притеснения и эксплуатации угнетенных рабов. Но с современной точки зрения следует признать, что далеко не революции решают такие проблемы. Прежде всего, они решаются духовным перерождением человека. Ведь и в Древнем

Риме гладиаторские игры были упразднены только тогда, когда в индивидуальной и общественной психологии произошли кардинальные изменения под влиянием христианской идеологии. Ведь только учение Христа явилось спасением человечеству от духовного порабощения, от пороков и скверны, от фальши и зла. Именно оно является и сегодня духовной и нравственной опорой человека в борьбе с его низменными страстями и пороками [4, с. 569].

«Колизей», несомненно, занимает центральное место в римском цикле стихотворений Е. Евтушенко. Автор не только вводит читателя в мир одной из самых трагичных сторон римской действительности, но и заставляет его, словно зрителя древнегреческой трагедии, пройти своего рода катарсис, побуждая его к глубокому эмоциональному сопереживанию и духовному очищению. А это так необходимо человеку нашего времени, живущему в мире сильнейших душевных и моральных испытаний и потрясений. Таким образом, художественное пространство «Колизея», где доминирует тема трагической гибели человека, становится местом, где смерть помогает людям стать нравственно чище и лучше. Hic locus est, ubi mors gaudet sucurrere vitae.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Евтушенко, Е. А.* Собрание сочинений : в 3 т. / Е. А. Евтушенко. – М. : Худож. лит., 1983–1984. – Т. 2 : Стихотворения и поэмы. 1965–1972. – 495 с.

2. *Любкер, Ф.* Реальный словарь классических древностей : в 3 т. / Ф. Любкер. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – Т. 3. – 576 с.

3. *Моатти, К.* Античный Рим / К. Моатти ; пер. с франц. И. Ионовой. – М. : АСТ : Астрель, 2003. – 208 с.

4. *Тявловский, М. Д.* Евангелие от Иисуса Христа: двухтысячелетию Рождества Христова посвящается / М. Д. Тявловский, Л. Б. Тявловская ; под ред. В. М. Завальнюка. – Минск : Рыма-Каталіцкая парафія Св. Сымона і Св. Алены, 2006. – 634 с.

5. *Федорова, Е. В.* Знаменитые города Италии: Рим, Флоренция, Венеция. Памятники истории и культуры / Е. В. Федорова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 478 с.

6. *Хёфлинг, Г.* Римляне, рабы, гладиаторы: Спартак у ворот Рима : пер. с нем. / Г. Хёфлинг. – М. : Мысль, 1992. – 270 с.

Впервые опубликовано: Філалагічныя штудыі = Studia philologica : зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. ун-т ; пад рэд. Г. І. Шаўчэнка, К. А. Тананушкі ; рэдкал. : А. В. Гарнік [і інш.]. – Мінск : РІВШ, 2015. – Вып. VIII. – С. 85–96.

АНТИЧНОСТЬ, ХРИСТИАНСТВО И ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ УТОПИЗМ ВО ВЗГЛЯДАХ ФРАНСУА РАБЛЕ НА ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКУ

Роман Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» — одно из самых примечательных произведений раннего ренессанса, в содержании которого заключено огромное богатство идей и смыслов, основанных как на античном духовном наследии, так и на пробуждающихся новых ренессансных представлениях о человеке и мире. Автор этого сочинения — человек эн-

циклопедических знаний и просветитель своих современников, не только передающий им знания, созданные античностью, но и предлагающий новые идеи и понятия, которые возникали в европейском обществе на заре эпохи Ренессанса. В частности, Франсуа Рабле уделяет достойное место вопросам образования и просвещения, в выражении и решении которых он демонстрирует оригинальную смесь античности, христианства и гуманистического утопизма, о чем мы и поговорим более подробно в данной статье. При работе над ней мы использовали перевод романа Рабле на русский язык, выполненный Н. М. Любимовым [1].

Как известно, сам Франсуа Рабле получил очень хорошее и разностороннее образование. В юности он провел ряд лет в одном из монастырей ордена францисканцев, где изучал древнегреческий и латинский языки, затем учился в университетах Пуатье и Монпелье, где осваивал естественные науки, философию и право. Он знал также иврит, арабский, провансальский и еще некоторые известные европейские языки, несколько лет преподавал медицину в Монпелье и 22 мая 1537 г. получил там диплом доктора медицины. Известно, что в эпоху Рабле знание языков считалось основой всего образования, и главной областью деятельности всех гуманистов Ренессанса была филология. И это закономерно, ибо необходимо было прежде всего восстановить античные тексты. Гуманисты-филологи, кропотливо собирая и искусно реставрируя подчас по отдельным, чудом сохранившимся фрагментам, фразам, словам памятники античной литературы, медицины, философии, истории и других наук, начинали работать над возрождением и в то же время созданием новой европейской культуры [2].

Показательна в этом плане девятая глава первой книги о Пантагрюэле, где Панург (греч. букв. «берущийся за все», «на все руки мастер»), бродячий студент и искатель любого из шестидесяти трех известных ему способов добывания средств к жизни (такой себе раннеренессансный Остап Бендер) обращается к Пантагрюэлю на тринадцати языках, включая упомянутые выше. Но еще более показательно письмо короля Гаргантюа сыну Пантагрюэлю в восьмой главе первой книги о Пантагрюэле. Гаргантюа пишет, что он старался и старается растить сына так, чтобы еще при жизни убедиться, что тот достиг наивысшего совершенства не только в добродетели, благонравии и мудрости, но и во всех областях вольного и благородного знания. Для этого, считает Гаргантюа, наступили благоприятные времена, ибо «всюду мы видим ученых людей, образованнейших наставников, обширнейшие книгохранилища. Даже я на старости лет принужден заниматься греческим языком, — в отличие от Катона, я и прежде отнюдь не презирал его, но в юные годы не располагал временем для его изучения». И дальше Гаргантюа продолжает: «И вот теперь … я с наслаждением читаю «Моралии» Плутарха, прекрасные «Диалоги» Платона, Павсаниевы «Описания Эллады» и Афинеевы «Древности». Вот почему, сын мой, я заклинаю тебя употребить свою молодость на усовершенствование в науках и добродете-

лях. Моя цель и желание, чтобы ты превосходно знал языки: во-первых, греческий, во-вторых, латинский, затем еврейский, ради Священного Писания, и, наконец, халдейский и арабский, и чтобы в греческих своих сочинениях ты подражал слогу Платона, а в латинских — слогу Цицерона». Дальше Гаргантюа призывает сына развивать в себе знания свободных наук, к которым он относит геометрию, арифметику и музыку, а также проявить должную любознательность к явлениям природы и знать достаточно о рыбах, птицах, деревьях, металлах и драгоценных камнях. Еще Пантагрюэлю необходимо затвердить на память тексты гражданского права и уметь их излагать с толкованием. Наконец, учит Гаргантюа сына, «внимательно прочти книги греческих, арабских и латинских медиков и с помощью постоянно производимых вскрытий приобрети совершенное познание мира, именуемого микрокосмом, то есть человека. Несколько часов в день отводи для чтения Священного писания: сперва прочти на греческом языке Новый завет, а потом, на еврейском, Ветхий. Словом, тебя ожидает бездна мудрости». По мнению исследователей романа Рабле, письмо Гаргантюа сыну Пантагрюэлю — это восторженный гимн новому знанию и новому просвещению наступающей эпохи Возрождения, это оптимистическая программа гуманистической науки, пропитанная непоколебимой верой в ее эффективность и радостью приобщения к ней. Она полностью соответствует смыслу восклицания современника Рабле — гуманиста и писателя Ульриха фон Гуттена, которое стало девизом эпохи Возрождения: «Умы проснулись, жизнь стала наслаждением!»

Очень показательно то, что Рабле, как истинный гуманист, в своей педагогической программе стремится увязать приобретение больших знаний с высокой нравственностью. Словами отца Пантагрюэля сыну Гаргантюа он поучает не только этого экзотического персонажа, но и каждого своего читателя следующими словами: «Однако, как сказал премудрый Соломон, мудрость в порочную душу не входит, знание, если не иметь совести, способно лишь погубить душу». И, как человек, значительную часть своей жизни посвятивший проповедованию христианства и работе священнослужителя, Рабле устами Гаргантюа увязывает заботу о нравственности с соблюдением заповедей Божьих. «Ты должен почитать, любить и бояться Бога, устремлять к нему все свои помыслы и надежды, и, памятуя о том, что вера без добрых дел мертва, беги от соблазнов мира сего. Не дай проникнуть в сердце свое суете, ибо земная жизнь наша преходяща, а слово Божие пребывает вовек. Помогай ближним своим и возлюби их, как самого себя. Почитай наставников своих. Избегай общества людей, на которых ты не желал бы походить, и не зарывай в землю талантов, коими одарил тебя Господь». Читая эти слова Рабле, нам представляется, что в этом духовном наставлении Гаргантюа христианские нотки органично соединяются с лучшими философско-этическими наставлениями античных писателей и мыслителей — Гесиода, Платона, Сенеки, Эпикура, Эпиктета, Марка Аврелия и других,

труды которых, судя по их упоминаниям в тексте романа «Гаргантюа и Пантагрюэль», были хорошо знакомы его автору.

Однако важно упомянуть не только об объеме приобретаемых знаний в представлениях Рабле, но и о том, какую систему образования он предпочитал, и этот вопрос находит освещение в описании автором начального образования Гаргантюа. Первоначально король Грангузье поручил воспитание своего сына людям старой науки, для которых буквоедство было главным содержанием всякого образования. Таковым был первый учитель Гаргантюа магистр Тубал Олоферн. Он заставлял ученика зубрить все так, чтобы тот мог говорить все без запинки наизусть, не интересуясь смыслом. Как с язвительной иронией пишет Рабле, за 18 лет мальчик Гаргантюа прочел и выучил с Тубалом Олоферном наизусть всего один трактат «De modis significandis» (О способах обозначения») с комментариями Пустомелиуса, Оболтуса, Прудпруди и Грошемуцéна. Упомянутого «корифея» образования сменил еще один магистр с таким же говорящим именем — Дурако Простофиль, обучавший ученика по таким же мертвым схоластическим схемам. Весьма наглядным плодом и примером такого схоластического обучения в романе представлен магистр Ианотус де Брагмардо. Его речь, состояшая из всяких нелепиц, обильно разбавленных латинскими фразами, вызвала у новых воспитатателей Гаргантюа Понократа и Эвдемона неудержимый хохот до слез, отчего захохотал и прослезился от хохота и сам магистр Ианотус. Как саркастически заметил по этому поводу автор романа, хохотавшие изобразили собой гераклитствующего Демокрита и демокритствующего Гераклита. Напомним, что, в эпоху Средних веков и Возрождения в стенах европейских университетов и дворцов часто встречались картины и фрески двух людей в античной одежде, один из которых смеётся, а другой — плачет, например, картина Питера Рубенса «Демокрит и Гераклит». Да и в стихотворном эпиграфе ко второй книге романа Рабле читаем авторский эпиграф: «Мне кажется, я слышу Демокрита, чей смех бичует глупости людские». Смех в романе Рабле служит автору средством показывать и критиковать все устаревшее, полуправдивое, но претендующее на значимость и уважение. Такой смех можно признать своеобразным и весьма эффективным средством воспитания читателя в духе настоящих интеллектуальных и моральных ценностей и к стимулированию его к поиску истин, всем полезных, как говорит автор в том же упомянутом выше эпиграфе и во многих других местах книги.

А молодые учителя Пантагрюэля Панократ (греч. букв. «сильный делом») и Эвдемон (греч. букв. «преуспевающий»), как и учитель юного Гаргантюа Эпистемон (букв. греч. «знающий, опытный»), в романе Рабле выступают как представители зарождающегося нового, гуманистического направления в европейской педагогике. В XXII–XXIV главах 1-й книги романа, которые посвящены обучению Гаргантюа, Рабле раскрывает свои представления о содержании и методах этого нового образования.

Весь день Гаргантюа распределён между занятиями, которые чередуются с играми и физическими упражнениями. Ведущее место в программе обучения отводится древним и новым языкам, открывающим путь к постижению произведений античных авторов, научному анализу библейских текстов. Поэтому Гаргантюа изучает греческий, латинский, арабский и еврейский языки, «незнание которых непростительно для всякого, желающего слыть образованным человеком», как отмечает сам Гаргантюа в упомянутом письме сыну Пантагрюэлю. Воспитатели пекутся о том, чтобы сделать из юноши физически сильного, разносторонне воспитанного и образованного человека. Поэтому умственные занятия у воспитуемого чередуются с играми, физическими упражнениями на воздухе и гимнастикой. Не только науки, изучаемые Гаргантюа, связаны с жизнью, но и сам процесс обучения детей идет от практики, от жизненных наблюдений, от общения ребенка с реальным миром. Ночью, когда Гаргантюа видит звездное небо, ему рассказывают о вселенной, днем, когда он садится за обеденный стол, ему объясняют происхождение тех продуктов питания, которые он ест. И мир в его связях и единстве, в практике человеческого труда раскрывается ему.

Таким образом, программа обучения, представленная Рабле, универсальна и энциклопедична. Человек должен овладеть основами всех наук, мечтал Рабле. О том же мечтали все гуманисты, как во Франции, так и в других странах.

То, что Рабле выступает за разностороннее образование и воспитание людей с высоким уровнем интеллектуального развития, говорит и его изображение в 53–57 главах первой книги романа утопической Телемской обители как одной из возможных моделей организации жизни людей будущего. Эту обитель Гаргантюа даровал монаху Жану Зубодробителю, который доблестно сражался, отстаивая монастырский урожай винограда, предназначенный для будущего вина, а затем помог войскам Гаргантюа одержать победу над королем Пикрохолом. За это брат Жан просит Гаргантюа позволения построить ему новое аббатство, причем такое, которое он хочет сам. Гаргантюа выделяет под строительство такого аббатства, а вернее, обители, землю и очень большие деньги. По словам автора романа, на содержание обители Гаргантюа определил в год два миллиона триста шестьдесят девять тысяч пятьсот четырнадцать нобилей с изображением розы, каковую сумму монастырская казна должна была получать в виде гарантированной земельной ренты. Эти семизначные точные цифры и специфические денежные знаки Рабле показывают, что в реальной Европе времен Рабле не было такого государства или его правителя, которые способны были бы отдавать эти огромные суммы на организацию и поддержание подобного рода человеческого общежития, и что его материальное обеспечение может восприниматься исключительно в виде утопии или проекта далекого будущего. Именно поэтому фундатором Телемской обители у Рабле выступает просвещеный король фантастического государства с символическим названием

«Утопия» (греч. «не имеющая места») Гаргантюа, получивший прекрасное и всестороннее образование, достойное эпохи Ренессанса. Название Телемской обители происходит от греческого слова thélema, что значит «воля», «желание». Таким образом, Телемская обитель и ее обитатели представляют собой утопический идеал такого образа жизни, который удовлетворяет всем разумным желаниям человека и способствует его всестороннему развитию. Роскошное здание аббатства, помимо книгохранилищ и галерей с фресками, имело ристалище, ипподром, театр, бассейн, бани, парк со зверями, сад с плодовыми деревьями и манежи для игры в мяч. Под стать обители и те, кто в ней живёт: все это люди, как мужчины, так и женщины, весьма образованы и сведущие во всем, умеющие читать, писать, играть на музыкальных инструментах, говорить на пяти или шести языках и на каждом из них сочинять стихи и прозу. Вот такова картина Телемского совсем не церковного аббатства, а эпикурейского по духу общежития, в котором царствует культ красоты, физического совершенства, знания и всестороннего развития личности. И этот утопический островок человеческого общежития, по нашему убеждению, не мог родиться в воображении Рабле без переосмысления платоновского учения о гармоничном развитии тела и души человека, получившего название «калокагатия» от сочетания слов kalos kai agathos — «красивый в отношении физической формы и хороший в нравственном смысле», без переосмысления «Острова солнца» греческого писателя II в. н. э. Ямбула и без критического переосмысления книги английского гуманиста Томаса Мора «Утопия», старшего современника Франсуа Рабле.

Как нам представляется, изображая Телемскую обитель, Рабле рисует как бы свой проект земного града Нового Иерусалима, контуры которого были очерчены в Откровении Иоанна Богослова, и этот проект не для посмертного обитания душ праведников, как у апостола Иоана, а для реальной жизни на земле всех благородных и добродетельных людей. Телемская обитель как бы конкурирует с ортодоксальной версией неземного рая, который обещается добродетельным христианам после Страшного суда. Таким образом, своей гуманистической утопией проекта организации прижизненного счастливого сообщества высокообразованных и добродетельных людей без деления их по гендерному, сословному, имущественному, конфессиональному или любому иному цензу Рабле создавал реальную конкуренцию ортодоксальным христианским догмам, за что и был подвергнут жесткой критике представителями как католических, так и протестантских конфессий того времени. Но если организация жизни человеческого сообщества по образцу Телемской обители — это вершина всех самых смелых и сокровенных надежд Рабле, то для ее осуществления требуется образованность и просвещение большинства общества — и королей, и их подчиненных, как это показывает Рабле на образах, прежде всего, всех «пантагрюэлистов». И в этом плане не случайны и победа народного умельца и вечного студента Панурга над схоластическим псевдоученым Тавмастом, и победа методов

обучения гуманиста Понократа над отжившими свое время методами старых сорбоннских профессоров, и прославление всех случаев меценатства, ума и благонравия просвещенных правителей типа Гранвузье, Гаргантюа и Пантагрюэля. Думается, что Рабле, превосходно знавший сочинения Плутарха, наверняка не раз повторял себе слова знаменитого грека, высказанные им в трактате «Об образовании детей» (некоторые ученые считают, что этот трактат написан кем-то из учеников Плутарха): «именно хорошее образование и правильное обучение ведут к нравственному совершенству и к счастью. Ведь из всех вещей в этом мире только образование бессмертно и божественно по сравнению с остальным, а все другие преимущества человеческие и ничтожны, и не заслуживающие нашего серьёзного внимания. Ведь превыше всего в природе человека — это его ум и разум. Ибо разум неподвластен болезням и старости. А ум с возрастом и временем только молодеет, совершенствуется и добавляет разуму мудрости» [3]. Соотнося эти мудрые слова античных мыслителей с философией жизни автора романа «Гаргантюа и Пантагрюэль», можно бы только добавить, что мудрость, по мнению Рабле, должна, во-первых, быть такой же веселой и жизнеутверждающей, как у Демокрита и у всех пантагрюэлистов, а во-вторых, основываться на опыте и знании наших умных предков и учителей — античных греков и римлян, как об этом постоянно говорит Рабле в этой удивительной и многозначимой книге. Если попытаться выделить то, что Рабле понимает под традицией в образовании, то это, несомненно, фундаментальные знания античной духовной культуры. Но их усвоение должно проходить не в схоластической и догматической форме, а в виде доходчивых наглядных объяснений и творческих дискуссий. Образовательные компоненты образования должны непременно сочетаться с морально-этическими, и в этом плане Рабле, как проповедник христианства, всецело полагается на идеологию этого вероучения. Его идеал — не только всесторонне образованная и добродетельная личность, но и создание такого общественного уклада жизни, который удовлетворяет всем разумным желаниям человека и способствует его всестороннему развитию по образцу его гуманистического утопического идеала — Телемской обители. В этом, на наш взгляд, заключаются инновационные устремления концепции воспитания великого гуманиста Рабле, верящего в большой познавательный и творческий потенциал его современников и их просвещенных потомков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афоризмы* античных мудрецов / авт-сост. : А. Ю. Кожевников, Т. Б. Линдберг. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 303 с.

2. *Мудрость* тысячелетий : энциклопедия / авт.-сост. В. Балязин. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 847 с.

3. *Куманецкий, К.* История культуры Древней Греции и Рима : пер. с пол. / К. Куманецкий. – М. : Высшая школа, 1990. – 350 с.

4. *Мень, А.* Таинство, слово и образ. Богослужение Восточной церкви / А. Мень. – Л. : Ферро-Логас, 1991. – 207 с.

5. *Платон*. Диалоги : пер. с древнегреч. / Платон ; сост., ред. и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев ; авт. примеч. А. А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1986. – 607 с. (Философ. наследие. Т. 98).

6. *Святитель* Лука Крымский (Войно-Ясенецкий). Евангельское злато: Беседы на Евангелие / сост. В. Каткова. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenetskij/evangelskoe-zlato (дата обращения: 27.06.2024).

7. *Христианство* и мир : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Христианство – 2000», Самара, 16–18 мая 2000 г. / ред. Н. Огудина. – Самара, 2001. – 832 с.

Публикуется впервые.

ХРИСТИАНСТВО КАК НРАВСТВЕННО-ДУХОВНАЯ ОПОРА СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Современная цивилизация, на первый взгляд, успешно осваивает тайны жизни и мироздания и добивается на этом пути все новых и новых сенсационных успехов. Ученые близки к определению первоначальной частицы материального мира, пытаются создать гибрид человека и электронных устройств, создают все более совершенные виды компьютерной техники. Они меняют свойства растений с помощью генной инженерии и клонируют живые организмы, активно вмешиваются в процессы зачатия и рождения человека, пытаются изменить физическую природу человека и продлить время его жизни. Человек начинает считать себя властелином Вселенной и дерзновенно претендует на роль творца жизни. Однако это только одна сторона медали с отражением бытия современной цивилизации.

А другая ее сторона — словно темная часть луны, которая обычно скрыта от наблюдения и которую очень не хотелось бы видеть и самому человечеству, и тем более сделать ее открытой для взгляда каких-либо инопланетных наблюдателей. Ибо они увидели бы, что миллионы землян бедствуют, голодают и гибнут от голода и болезней, что войны и революции уносят множество жизней, а еще больше людей калечат физически и духовно. Мало того, безответственные эксперименты в области биологии и других естественных наук, нередко попирающие этику и мораль, угрожают человечеству невиданными и необузданными болезнями, геофизическими катастрофами и даже катастрофами всемирного масштаба. В частности, по данным газеты The Daily Mail, один из самых знаменитых ученых современности Стивен Хокинг заявил, что обнаруженная исследователями в 2012 г. так называемая «частица Бога» — бозон Хиггса — может привести к нарушению пространственно-временных связей, что, в свою очередь, будет означать уничтожение нашей Вселенной [8].

Причиной всех подобного рода трагедий и катастроф является то, что homo sapiens в своей самонадеянности и гордыне пытается забыть об истинном Творце всего сущего и его нравственно-духовных заветах. А ведь еще древние мудрецы были единодушны в том, что человек — слабое существо,

живущее в ненадежном и эфемерном мире, ибо чувства его ограничены, дух слаб, течение времени кратко, истина лежит глубоко, и только мнения и привычки господствуют повсюду. Богатство, власть и даже большие знания не спасают человека от социального и личностного краха, если в нем нет крепкого морального стержня и духовной опоры. [1, с. 11–49]. Сущность и смысл человеческого индивидуального бытия, приходили к выводу все великие умы древности, заключается именно в сфере духовного, отличного от бездуховной жизни остальных земных существ. Наиболее основательно первичную роль духовного начала в феномене человека показал самый выдающийся мыслитель античной цивилизации Платон (427–327 до н. э.). Его учение о космическом демиурге — творце всего сущего, об идеях и бессмертии души подготовило почву для восприятия христианства народами греческого и римского Средиземноморья [3, с. 131–133; 5, с. 447–450].

Чем богаче духовный мир человека, чем сильнее в нем совокупность высоких и жизнеутверждающих духовных ценностей, тем сильнее человек ощущает в себе особую значимость и ценность своей жизни, которая заключается в максимальном приближении к Божественному началу и соединению с ним [5, с. 8]. В каждом человеке заключено неосознанное устремление к этому Божественному началу и способность веры в Него. И поэтому не случайно Божественной волей человечеству, после долгих тысячелетий пребывания в мире греха и душевной неопределенности, была дарована величайшая благодать Творца — возможность встречи с Богочеловеком, который своим учением, своей мученической смертью и Воскресением спас человечество от безальтернативного пути в ад и указал путь к духовному совершенствованию. Уже две тысячи лет люди живут с высшей формой идеи духовного соединения человека с истинным Творцом мира — с христианским вероучением. Человечество вступает в XXI в. своей Новой эры, ведущей отсчет от рождения Иисуса Христа, который пришел к людям научить их жить по законам любви, милосердия и добродетели — «Заповедь новую даю вам — да любите друг друга» (Ин. 13:34). И именно в теоретических основах христианства — среди поучений святого апостола Павла — мы встречаем столь богатое и глубокое по смыслу определение понятия любви (1 Кор. 13:1–8).

Восприятие учения Христа дало людям мощный и стойкий морально-духовный стержень своего существования и надежду на награду за следование принципам христианского вероучения — вечную жизнь после смерти, свободную от грехов, забот и страданий. И это учение в смысле очищения и облагорожения человеческих отношений принесло и продолжает приносить неоценимую помощь бесчисленным поколениям людей во всех уголках нашего земного шара, оно же являлось и является духовно-этической основой преемственности поколений. Новые поколения рождаются и воспринимают от родителей и старших правила человеческого существования, суть которых изложена в Заповедях Божьих и в учении Нового Завета. Ве-

рующий человек во всем ощущает присутствие Творца всего сущего, и даже закоренелые атеисты в глубине души смутно ощущают это присутствие, как выразился знаменитый философ-вольнодумец Вольтер: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать» [2, с. 427].

Однако человек, исповедующий христианство, не просто получает Свет истины и Божескую Благодать — эти духовные ценности каждый христианин должен отстаивать в ежедневной и ежесекундной борьбе с силами зла, которые ищут опору в слабостях, страстях и пороках человеческих. И вернейшее оружие человека в этой борьбе — его вера в Бога и жизнь по христианским законам, ибо любое отступление от Бога порождает омертвение души, победу зла над добрым началом человека и его нравственное, а нередко и физическое самоуничтожение. Примеров этому можно найти множество в жизни отдельного человека, и в жизни целых народов.

Как свидетельствует история, противники христианства с самого начала его появления ведут с ним явную и скрытую борьбу, ибо видят в нем нерушимый столп истины и духовную опору человека в мире соблазнов, духовной деградации и морального вырождения. Еще жива в памяти людей старшего и среднего поколений нашей страны и народов бывшего Советского Союза одна из самых значительных в истории по масштабам и последствиям идеологическая и социальная война против христианского мировоззрения и образа жизни, которая была проведена слугами Антихриста в мире восточного христианства. Здесь, пользуясь смутой и падением нравов в пору военных лихолетий 1914–1917 гг., была осуществлена антихристианская революция в России, целью которой было противопоставить старое и новое поколения, увлечь последнее мифическим учением о строительстве светлого будущего, в котором не должно быть места вере в Бога и традиционным христианским ценностям. Во имя этой фальшивой и несбыточной мечты были уничтожены лучшие представители всех слоев общества, и в первую очередь духовенства, интеллигенции и крестьянства, была разрушена складывающаяся веками преемственность поколений, основанная на христианской православной морали. Духовному и творческому потенциалу всех народов бывшей Российской империи был нанесен непоправимый урон. А ведь Ф. М. Достоевский в своем романе «Бесы» пророчески предупреждал, что создаваемое революционерами «общество всеобщего равенства», отвергнувшее христианскую веру, будет страшным тоталитарным режимом, где обесценятся основные нравственные категории и будут сняты нравственные запреты на любое преступление, «ибо если Бога нет, то человеку все позволено».

Как последствия этой социально-исторической нравственно-духовной трагедии и сегодня наблюдается повсеместное падение морали, потеря интереса к целеустремленному честному труду и жажда сиюминутного обогащения, отсутствие настоящих высоких духовных идеалов и замена их

стремлением к безудержным наслаждениям, к духовному дурману с помощью алкоголя и наркотиков…

Однако и западный мир, образ жизни которого веками складывался на основе традиционных христианских ценностей, и который не знал столь значительных, как в России, социально-политических потрясений, в последнее время испытывает сильнейшее давление сил, стремящихся разрушить традиционные моральные и духовные устои. И здесь первым объектом критики и духовного отрицания становится традиционная католическая и протестантская церкви, их идейные и моральные ценности. Массовый отход от религии у молодежи стран Западной Европы и Соединенных Штатов Америки сопровождается культом духовного нигилизма и поиском новых форм личностной взаимосвязи, в частности, гомосексуализма и лесбиянства. Одна за другой страны Западной Европы легализируют гомосексуальные браки и мало того — предоставляют таким, с позволения сказать, «семейным парам» право на законное усыновление детей. Любой здравомыслящий человек понимает, что в атмосфере такой «семьи» не может быть воспитан человек с нормальной психикой и что такое «усыновление» — это ни что иное, как узаконенное пополнение количества людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией. А ведь защитники и приверженцы разрушения традиционной, освященной вековыми человеческими и божественными нормами семьи в своем ослеплении не понимают или делают вид, что не понимают, в какую моральную и социальную бездну они толкают все большую часть общества. Ибо впереди — воистину врата ада: массовая депопуляция, забвение высоких чувств, сопровождающих путь мужчины и женщины друг к другу, потеря великой тайны и радости зарождения новой жизни, радости воспитания человека, несущего в себе частичку своих родителей. Но мало того: ведется кампания по упразднению таких священных для каждого человека понятий, как отец и мать, которые предлагают заменить названиями «первый родитель» и «второй родитель», что, опять-таки, выгодно, прежде всего, людям, создающим однополые семьи. Изобретаются все новые нелепые законы, нивелирующие право родителей на разумную и оправданную строгость и наказание за проступки (ведь не зря у многих народов существует пословица, тысячи раз проверенная на практике: «одного накажешь — сотню исправишь»). И такая политкорректность, сведенная до абсурда, как ржавчина, разрушает и семьи, и общество в целом. К сожалению, уже в течение многих веков и католическая церковь не может похвастаться образом моральной непогрешимости, далеки от этого и многие христианские секты, отделившиеся от католичества. Может ли сторонник и последователь традиционных христианских ценностей согласиться, например, с дискотекой в молитвенном доме, или с тем, что пастор сочетает браком гомосексуальную пару?

Не удивительно, что, видя все пороки европейской цивилизации, представители радикальных исламистских учений предрекают ей гибель и уси-

ленно навязывают ценности и преимущества исламского мировоззрения и образа жизни, где с малых лет культивируется преданность мусульманству и традиционным семейным устоям. Все больше случаев перехода европейцев в мусульманство, все выше в Европе процент мусульманского населения. И не столь утопичны предсказания тех, кто видит в Париже уже не собор Парижской Богоматери, а мечеть…

Перед столь значительными историческими вызовами наше восточное православие, как ни одно из других христианских вероисповеданий, сохраняет достаточный идеологический и моральный потенциал, способный удержать здоровые силы общества и в целом широкие слои населения доступными каждому духовными ценностями, которые преломляются в ежедневной жизни освященными тысячелетиями действиями и поступками, не противоречащими христианскому вероучению. Сейчас никому не возбраняется воспитывать детей в христианском духе, посещать храмы и придерживаться Заповедей Божьих. Приобщение детей к этим заповедям — первейшая обязанность родителей, понимающих все соблазны и опасности современного мира и желающих видеть своих детей нравственно и духовно чистыми и крепкими. А в такой семье и каждый ребенок будет вырастать с постоянным заветом в душе и сердце: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь Бог твой дает тебе» [Исх. 20:12]. Крепкие христианские устои — залог устоев общественных, залог мирного созидательного труда, общественного согласия в обществе и бесконфликтной смены поколений.

Одной из самых сильных сторон христианского вероучения является его этическая компонента, которая цементирует все его содержание. Она направлена на исправление и улучшение нравственности в каждом человеке, нравственной доминанты во всех помыслах и поступках, на усиление роли в его внутреннем мире духовного начала. В своем послании к Галатам апостол Павел говорит, что плодом доминирования христианской духовности в человеке является любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал., 5:19–23). Это те нравственно-духовные качества, которые, наряду с десятью заповедями Божьими, должны составлять нравственно-этический кодекс христианина и которым он должен руководствоваться во всех своих мыслях, чувствах и поступках. Примеры такого следования духовно-этическому кодексу христианина в наше историческое время нам показали не только святые старцы (Серафим Саровский и другие), но и люди, сочетающие высокую христианскую духовность со своей социально-практической деятельностью. Среди таковых, в частности, возвышается личность Луки Крымского (Войно-Ясенецкого) — человека, сочетающего в себе две ипостаси — архипастыря и святителя, с одной стороны, и известного врача-хирурга 40–50-х гг. прошлого века — с другой [4]. Но это, естественно, люди, наделенные особой силой духа и высокими духовными качествами. Большинству же людей обычных труд-

но подняться до таких высот духовного самосовершенствования и самопожертвования. Однако и в обычной повседневности у каждого христианина есть возможность так устроить свою жизнь, чтобы ежедневно соблюдать главные постулаты христианства — справедливость, милосердие и веру [4, 9]. Именно эти «опорные точки» верующего человека помогут ему и самому выстоять в мире, где правят бал порок, соблазн, обман, несправедливость и другие человеческие страсти и нравственно-духовные изъяны, и помочь добрым советом и добрым делом своему ближнему.

Согласно христианскому преданию (Евсевий, «Жизнь Константина», I, 28), накануне решающей битвы со своим противником Максенцием, противником христиан у Мильвиего моста близ Рима (312 год н. э.), претендент на титул римского императора Константин увидел на небе светящийся крест (распятие) с надписью «In hoc signo vinces» (Сим знаменем победишь»). Константин велел изобразить крест на своем знамени и на щитах своих солдат и, несмотря на численный перевес противника, одержал победу, а вскоре сделал христианство официальной религией Римской империи. Христос после своего Вознесения и через апостолов, и через многочисленных подвижников, святых великомучеников, святителей не раз являл людям знамения, укрепляющие дух в Его вере. В частности, все православные христиане ежегодно с благоговением ждут в Страстную субботу сошествия Святого огня в Иерусалиме в Храме Господнем, христиане-католики поклоняются нетленному изображению Христа на Туринской плащанице. И это далеко не единственные примеры того, как Господь Бог своими знамениями укрепляет души верующих и убеждает души сомневающихся в правде и силе Христовой веры. Ведь только с ней человек может устоять в «этом мире бушующем», сохранить свою человеческую сущность, свой нравственный облик, высокую духовность и связь с божественным началом. Ибо, как сказал Христос, «Небо и земля прейдут, но слова мои не прейдут» (Лк. 21: 33).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афоризмы* античных мудрецов / авт-сост. : А. Ю. Кожевников, Т. Б. Линдберг. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 303 с.

2. *Мудрость* тысячелетий : энциклопедия / авт.-сост. В. Балязин. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 847 с.

3. *Куманецкий, К.* История культуры Древней Греции и Рима : пер. с пол. / К. Куманецкий. – М. : Высшая школа, 1990. – 350 с.

4. *Мень, А.* Таинство, слово и образ. Богослужение Восточной церкви / А. Мень. – Л. : Ферро-Логас, 1991. – 207 с.

5. *Платон*. Диалоги / пер. с древнегреч./ Платон ; сост., ред. и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев ; авт. примеч. А. А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1986. – 607 с. (Философ. наследие. Т. 98).

6. *Святитель* Лука Крымский (Войно-Ясенецкий). Евангельское злато: Беседы на Евангелие / сост. В. Каткова. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenetskij/evangelskoe-zlato (дата обращения: 27.06.2024).

7. *Христианство* и мир : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Христианство – 2000», Самара, 16–18 мая 2000 г. – Самара, 2001. – 832 с.

8. *Стивен* Хоккинг: опыты с бозоном Хиггса могут… // Наука. ТАСС. – URL: https://nauka.tass.ru/nauka/1428766 (дата публикации: 9 сентября 2014).

Впервые опубликовано: Культура: открытый формат – 2014 (библиотековедение, библиографоведение и книговедение, искусствоведение, культурология, музееведение, социокультурная деятельность) : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; сост.: Т. Н. Бабич, Ю. А. Переверзев ; ред.: А. И. Жук, М. А. Можейко. – Минск : БГУКИ, 2014. – С. 56–62.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел III. Вопросы дидактики и методики преподавания дисциплин «Латинский язык» и «Фармацевтическая латынь». Вековые традиции и современные иновации в преподавании основ медицинской латыни 3

Из опыта работы над созданием учебного пособия по фармацевтической латыни для англоговорящих учащихся 6

Из опыта работы по интеграции преподавания профессиональной терминологии на кафедрах нормальной анатомии и латинского языка Белорусского государственного медицинского университета 9

Кафедра латинского языка БГМУ как научно-методический центр нормативной латинской медицинской и фармацевтической терминологии Республики Беларусь 16

Координация лексико-терминологического содержания курса латинского языка с медико-биологическими и клиническими дисциплинами 21

О месте и содержании темы «Предлоги» в структуре учебного материала курса латинского языка медицинского вуза 25

О содержании и структуре курса древнегреческого языка для студентов медицинского вуза (к постановке проблемы) 32

Медицинская и биологическая латынь в наши дни: традиционный профессионально-научный статус и современные вызовы 39

Место, объем и содержание клинического раздела терминологии в курсе латинского языка для фармацевтов 47

Некоторые заметки по поводу организации научно-исследовательской работы студентов на кафедре латинского языка медицинских университетов 51

Некоторые требования к современному уровню профессиональной компетентности преподавателя латинского языка медицинского вуза 55

Некоторые формы повышения эмоционального реагирования учащихся как дополнительный фактор усвоения латинской афористики на занятиях по латинскому языку в медицинском вузе 60

Лингвистические и культурно-исторические аспекты восприятия и усвоения античного наследия в курсе латинского языка медицинского вуза 64

К вопросу о надлежащем лингвистическом обеспечении современного толково-этимологического словаря латинской клинической терминологии 74

О наиболее эффективной логико-дидактической структуре первых занятий курса латинского языка на фармацевтическом факультете 81

О некоторых недооцененных и призабытых грамматических формах латыни, употребляющихся в профессиональном медицинском дискурсе 84

Поиск путей реализации концепции обеспечения учащихся национальной учебной литературой по медицинской латыни в БГМУ 87

Пути оптимизации преподавания профессиональной латыни в медицинском вузе 91

Словарная форма именных частей речи как основа понимания грамматической структуры и значения латинских медицинских и медико-биологических терминов 94

Раздел IV. Античное литературное наследие и его постантичная рецепция (культура, филология, этика, религия). Ад и рай в словесном и понятийном представлениях античного и постантичного человека 100

Профессионализм и дилетанство в информации об античном мире (по поводу книги А. Г. Ильяхова «Этимологический словарь. Античные корни в русском языке») 112

Античная и ренессансная семантика смеха и вина в романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» 126

Особенности перевода на русский язык некоторых реалий в античной фразеологии 134

Античные медико-биологические воззрения в трактате Плутарха «Застольные беседы» 141

Гай Юлий Цезарь и «кесарево сечение» 147

Гнев как деталь поэтической образности и как объект этического анализа в античной литературе 151

Гораций о здоровом образе жизни 159

Семантика и метафорика вина в «Одах» Горация 163

Идиллии Феокрита в свете концепций серьезно-смеховых и этологических жанров 171

Истоки и пути становления поэтического самосознания
и самоопределения у Горация (к постановке проблемы) 179

Медицинские мотивы в поэзии Овидия 185

Мим и мимесис в идиллиях Феокрита (некоторые аспекты
подражания и воспроизведения действительности) 190

Некоторые дискуссионные вопросы современного понимания
этимологии и значения русских личных имен античного
происхождения 197

О современном восприятии ритмики античного стиха 207

Пламенное слово в защиту веры отцов в поэме Н. Гусовского
«О жизни и деяниях божественного гиацинта»
(de vita et gestis divi hyacinthi) 214

Платон о врачах и врачевании 220

Понятийно-словесное выражение смеховых видов древнегреческого
художественного творчества и его европейская рецепция 224

Римские мотивы в поэзии Е. Евтушенко 234

Античность, христианство и гуманистический утопизм
во взглядах Франсуа Рабле на образование и науку 239

Христианство как нравственно-духовная опора
современного человека 246

Научное издание

Цисык Андрей Зиновьевич

ЛАТИНСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ, АНТИЧНОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник избранных научных трудов, опубликованных
доцентом кафедры латинского языка БГМУ А. З. Цисыком
за 50 лет научной и педагогической деятельности

В двух частях

Часть 2

Ответственная за выпуск Н. А. Круглик
В авторской редакции
Компьютерная вёрстка Н. М. Федорцовой

Подписано в печать 14.11.25. Формат 60×84/16. Бумага писчая «Снегурочка».
Ризография. Гарнитура «Times».
Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 17,3. Тираж 30 экз. Заказ 832.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования
«Белорусский государственный медицинский университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/187 от 24.11.2023.
Ул. Ленинградская, 6, 220006, Минск.